ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ им. К. ДИКАМБАЕВА

На правах рукописи

Акматов Алмазбек Шаршембиевич

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора философии (PhD) по направлению
«Международные отношения»

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Джоробекова Айнур Эшимбековна
Зарубежный научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Данков Артем Георгиевич

БИШКЕК-2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА
1.1 Концептуальные подходы к определению экономической дипломатии в международных отношениях.....11
1.2 Внешнеэкономические стратегии государств Центральной Азии в постсоветский период: процессы формирования и изменений.....25

ГЛАВА II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ
2.1 Основные модели сотрудничества в контексте внешнеэкономической деятельности: ретроспектива и состояние.....49
2.2 Роль инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных интересов государств региона.....75
2.3 Состояние транспортно-логистической дипломатии и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии……..……108

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
3.1 Основные противоречия и барьеры в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона.....129
3.2 Внешнеэкономическое сотрудничество стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторам…….....145
3.3 Повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики……...219

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....239

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....254

ВВЕДЕНИЕ

В условиях стремительных изменений в системе международных отношений, формирования полицентричного мира, геоэкономической нестабильности, реконструкции экономических связей, экономическая дипломатия становится фундаментальным инструментом обеспечения независимости и экономической безопасности государств Центральной Азии. Регион становится более значимым, как ключевой транспортно-логистический узел Евразии.

Актуальность темы исследования. Глубокое изучение и анализ особенностей экономической дипломатии и процессов интеграции стран региона (Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан и Республика Туркменистан) – исследовательское направление, которое может способствовать выработке рекомендаций по устранению существующих барьеров и некоторых противоречий. Интерес к теме также обусловлен тем, что совместное продвижение экономических интересов, которое заметно между странами, требует анализа в связи с переходом к «цифровой экономической дипломатии» (электронные платформы, цифровые транспортные коридоры).

Потребность в поиске эффективных моделей сближения государств региона, путей выстраивания тесных партнерских связей с глобальными акторами и международными организациями открывает возможности к переходу стран региона от ресурсной модели развития к инновационно-инвестиционной. Учитывая энергетическую специфичность региона, актуальность темы диктуется необходимостью привлечения “зеленых” инвестиций. Тема приобретает особую остроту в связи с необходимостью изучения Транскаспийского международного коридора, как способа выхода Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана из географической изоляции посредством экономической дипломатии.

Поиск возможностей продвижения внутрирегиональной межгосударственной интеграции обусловлен необходимостью создания экономической устойчивости и балансированию между влиятельными акторами, международными организациями в системе международных отношений. В условиях развивающихся рынков, исследование особенностей экономической дипломатии пяти государств Центральной Азии является своевременным и очень важным для выработки практических рекомендаций для повышения конкурентоспособности в современных условиях мировой экономики.

Связь темы диссертации с приоритетными научно-исследовательскими работами, проводимыми научными учреждениями.

Тема диссертационного исследования является инициативной и находится в непосредственной связи с приоритетными направлениями научно-исследовательской деятельности, ориентированными на изучение процессов интеграции государств Центральной Азии в современную систему

политико-экономических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей. Диссертация соотносится с планами научных учреждений по анализу трансформации внешнеполитических стратегий и поиску новых механизмов обеспечения экономической безопасности в условиях глобальных изменений в системе международных отношений. В рамках академических программ по международным отношениям, регионоведения, страноведения, истории и экономики стран Центральной Азии диссертационное исследование дополняет теоретическую базу, касающуюся институциализации внутрирегионального, межрегионального сотрудничества и развития трансграничных транспортно-логистических коридоров. Основные положения диссертации развивают научные заделы профильных кафедр и исследовательских центров, занимающихся вопросами международных отношений, регионализма и геоэкономики. Текст диссертации вносит вклад в реализацию комплексных научных программ, направленных на изучение и анализ специфики взаимодействия стран Центральной Азии с ведущими мировыми акторами. Рассматриваемые в диссертации вопросы соответствуют приоритетам академических институтов в области анализа внешнеторгового потенциала, привлечение прямых иностранных инвестиций. Практические рекомендации и выводы, сформулированные в диссертации, могут быть использованы в научно-исследовательской и экспертно-аналитической работе, направленной на совершенствование деятельности дипломатических ведомств, МИДа в сфере продвижения национальных экономических интересов.

Исследование интегрировано в общую повестку научных работ, посвященных изучению влияния инициатив на экономическую стабильность и развитие. Работа является логическим продолжением усилий академического сообщества по созданию целостной концепции участия стран центральноазиатского региона в международных отношениях и разработке стратегий адаптации к вызовам современной глобальной экономики.

Объектом исследования в диссертации выступают особенности экономической дипломатии стран Центральной Азии, имеющие потенциал на развитие, реализацию и защиту национальных интересов в условиях трансформирующегося международного экономического рынка.

Предметом исследования диссертации являются концептуальные подходы, внешнеэкономические стратегии, инструменты экономической дипломатии, особенности и модели стратегических приоритетов экономической дипломатии стран Центральной Азии, позволяющие конкурировать в современных условиях системы международных экономических отношений.

Цель исследования. Основная цель диссертации – это выявить и выполнить анализ особенностей экономической дипломатии стран Центральной Азии.

Задачи исследования. Учитывая установленную цель в диссертации задачи исследования следующие:

- изучить концептуальные подходы к определению экономической дипломатии в международных отношениях;
- выполнить анализ процессов формирования и изменений внешнеэкономических стратегий государств Центральной Азии в постсоветский период;
- разработать и обосновать комплексную методологию сравнительно-сопоставительного анализа инструментов экономической дипломатии в условиях развивающихся рынков;
- изучить и выполнить анализ основных направлений и моделей сотрудничества государств Центральной Азии в контексте внешнеэкономической деятельности;
- определить роль инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных интересов государств региона;
- анализировать состояние транспортно-логистической дипломатии и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии;
- выявить основные противоречия и барьеры в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона;
- изучить и выполнить анализ внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторами и международными организациями;
- изучить эффективность и перспективы моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики.

Гипотеза исследования строится на предположении, что экономическая дипломатия стран Центральной Азии в современных условиях трансформируется из вспомогательного инструмента внешней политики в ключевой фактор, который обеспечивает национальный суверенитет и устойчивое развитие. Предполагается, что эффективность такой деятельности зависит от способности государств региона сочетать многовекторное сотрудничество с ведущими мировыми акторами и создание транспортно-энергетического хаба. Успешность реализации данной трансформации во многом зависит от перехода с традиционных методов продвижения сырьевого экспорта к инновационным формам привлечения инвестиций.

Теоретико-методологической основой исследования выступает комплексный подход, опирающийся на фундаментальные принципы системного анализа международных отношений объясняющего природу взаимодействия государств в глобальном экономическом пространстве. Автор опирается на междисциплинарный инструментарий, включающий логический, причинно-следственный, индуктивный, дедуктивный методы анализа внешних экономических стратегий. Особое место в методологии занимают современные теории региональной интеграции и геоэкономики, позволяющие изучить специфику многовекторной политики стран

Центральной Азии в контексте их трансформации в ключевой транспортно-логистический узел и развивающийся регион посредством привлечения прямых иностранных инвестиций. Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, экспертов в области международных отношений, геополитики и мировой экономики. Важное значение для формирования авторской концепции имели работы исследователей, специализирующихся на изучении специфики центральноазиатского регионализма и процессов экономической интеграции.

Нормативно-правовой базой исследования послужили Конституционный Закон «О государственной независимости РК» [196], Закон Кыргызской Республики «О Ратификации Протокола о присоединении Кыргызской Республики к Маракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации [113], Закон Кыргызской Республики от 11 августа 2021 года № 98 «О государственно-частном партнерстве» [114], Закон Республик Кыргызстан «Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан» [115], Закон Республики Кыргызстан от 28 июня 1991 года N 536-XII «Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан» [116], Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» (1993 год) [117], Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» (2004 год) [118], Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» (2007 год) [119], Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» (2015 год) [120], Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» (2022 год) [121], Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» (2025 год) [122], Закон РТ «Об инвестициях» (2007 год) [123], Закон РТ «Об инвестициях» (2016 год) [124], Закон РТ «Об инвестициях» (2018 год) [125], Закон РТ «Об инвестициях» (2025 год) [126], Закон Туркменистана об иностранных инвестициях (Новая редакция) [127], Закон Туркменистана «Об углеводородных ресурсах» [128], Закон Туркменистана «Об инвестиционной деятельности» [129], Закон Республики Узбекистан «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» [130], Закон Республики Узбекистан «Об иностранных инвестициях в Республике Узбекистан» [131], Указ Президента Кыргызской Республики от 21 января 2013 года №11. Национальный совет по устойчивому развитию Кыргызской Республики. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы [459], Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности» [460], Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по либерализации валютной политики» [461], Стратегия «Казахстан-2050» [369], Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций [370], Стратегия «Узбекистан – 2030» [371], Концепция развития отраслей топливно-энергетического комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015 годов [197], Концепция внешней политики

Кыргызской Республики от 10 января 2007 года № 2 [198], Концепция внешней политики Кыргызской Республики от 11 марта 2019 года УП №37 [199], Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы [200], программные документы [63]. Кроме того, в основу диссертации легли отчеты: Отчет Всемирной торговой организации о мировой торговле 2023 года [284], Отчет о проделанной работе. Справочный документ для 1-й сессии Заседания высокопоставленных официальных лиц ЦАРЭС [285], Отчет о проделанной работе Справочный документ для 3-й сессии Заседания высокопоставленных официальных лиц ЦАРЭС [286], Отчет о реализации Основных ориентиров макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024-2025 годы [287] и другие документы.

Эмпирическую базу исследования составили материалы, раскрывающие динамику сотрудничества государств Центральной Азии с партнерами: инвестиции, гранты, торгово-экономические показатели.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном переосмыслении роли и особенностей экономической дипломатии стран Центральной Азии (Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана) в условиях новых геополитических реалий. К наиболее значимым результатам, определяющим новизну исследования, относится выделение центральноазиатского региона, как специфического, сочетающего принципы многовекторности с необходимостью преодоления географической замкнутости, через создание транспортных коридоров. Произведена оценка влияния инициативы «Один пояс, один путь», «Транскаспийский маршрут», коридор «Китай-Кыргызстан-Узбекистан». Предложены сценарии развития отношений центральноазиатских государств в формате С5+1 с ведущими мировыми акторами США, Китай, ЕС, Россия, учитывающие риски вторичных санкций и волатильность энергетических рынков.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов исследования при разработке и корректировке дорожных карт экономической дипломатии, при проектировании инфраструктурных проектов в рамках ШОС, ЕАЭС, ОТГ. В образовательном процессе материалы диссертации могут быть использованы при составлении учебно-методических пособий, учебных программ по направлениям «Международные отношения», «Мировая экономика», «Регионоведение», «Страноведение».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальные подходы к определению экономической дипломатии в международных отношениях подразумевают главным образом деятельность государства по реализации национальных экономических интересов на мировой, региональной, межрегиональной арене и позиционирование страны, как надежного партнера, где ключевыми подходами выступают: использование внешнеэкономических инструментов для достижения

внешнеполитических целей в защиту национальных интересов через многосторонние институты.

2. Внешнеэкономические стратегии государств Центральной Азии в постсоветский период формировались в результате разрыва хозяйственных связей, производственных цепочек, до реанимации традиционных связей и поиска новых рынков и взаимоотношений. Ключевыми этапами формирования стратегий государств центральноазиатского региона выступают стагнация экономических связей их реанимация и современный тренд на многовекторность и развитие транспортных коридоров.

3. Методология сравнительно-сопоставительного анализа инструментов экономической дипломатии в условиях развивающихся рынков позволяет оценить и выявить сходства, различия моделей внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии, что дает возможность для выявления лучших практик выстраивания взаимосвязей в условиях изменений в системе международных отношений.

4. Основные модели сотрудничества в контексте экономической дипломатии стран Центральной Азии сосредоточены не только на двусторонних связях, но и на многовекторности, на активном участии в многосторонних форматах, позволяющих развивать взаимоотношения и транспортно-логистический потенциал. Основные механизмы экономической дипломатии – три ключевых вектора, которые определяют внешнеэкономическую дипломатию региона. Первый вектор – центральноазиатская интеграционная модель, где речь идет только о внутрирегиональной интеграции. Второй вектор – инфраструктурно-транспортная модель: коридор ТРАСЕКА («Европа - Кавказ - Азия») и мультимодальный транспортный маршрут («Север - Юг»). Третий вектор – внешние многовекторные модели: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), китайская модель «Один пояс, один путь», западная модель «С5+1»

5. Инвестиционная и энергетическая дипломатия в обеспечении национальных интересов государств региона – ключевые инструменты внутрирегионального партнерства, продвижения национальных интересов, предоставляющих экономическую безопасность, суверинитет, модернизацию.

6. Транспортно-логистическая дипломатия и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии – инструменты развития транспортного потенциала и региональной интеграции, как транспортно-логистический коридор связывающий Азию и Европу.

7. Основными противоречиями и барьерами в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона выступают: различия в уровне экономического развития, что влечет за собой внутрирегиональную экспортную ограниченность, кроме того, неразвитость торгово-логистической инфраструктуры, зависимость от внешних игроков, энергетические разногласия, зависимость от внешних инвестиций, скрытые и явные внутрирегиональные политические разногласия.

8. Внешнеэкономическое сотрудничество стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторами и международными организациями сложный процесс балансирования для модернизации экономики, привлечения инвестиций и технологий, развития транспортных коридоров, восполнения требований экономики страны, что позволяет девирсифицировать экспорт, реэкспорт и импорт, способствует преодолению географической изолированности, где каждый влиятельный партнер играет роль в обеспечении суверенитета и национальной устойчивости.
9. Повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики необходимо для национальной экономической безопасности. Для этого необходим переход от традиционных методов к проактивной модели, которая подразумевает усиление взаимодействия между государственными институтами стран региона, активный поиск и внедрение новых рынков сбыта, использование современных цифровых платформ, взаимодействие через электронные платформы для продвижения экспорта, реэкспорта и импорта, переход с пассивного на опережающее реагирование с целью создания благоприятных условий для бизнеса, улучшение репутации страны посредством формирования образа надежного партнера.

Личный вклад соискателя. Все положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, получены соискателем самостоятельно. Вклад соискателя состоит, в частности, в …….

Апробация результатов исследования. Выполнению данного научного исследования посвящено более трех лет. Результаты исследования были апробированы в выступлениях и обсуждениях в рамках более десяти международных конференций, круглых столах и экспертных площадок. Результаты легли в основу представленной диссертации PhD и отражены в научных статьях.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в семи научных публикациях автора. Две статьи опубликованы в журналах, индексируемых в международной базе данных Web of Science (Вестник ТГУ, Россия). Пять статей опубликованы в рецензируемых научных журналах «Вестник БГУ» (Кыргызстан) и «Экономика и бизнес: теория и практика» (Россия), включенных в перечень НАК Кыргызской Республики и индексируемых в базе РИНЦ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь разделов, заключения и списка использованных источников. Общий объем диссертации составляет 306 страниц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

1.1 Концептуальные подходы к определению экономической дипломатии в международных отношениях

В системе международных отношений в настоящее время происходят изменения, которые указывают на то, что складывавшиеся традиционные рычаги влияния начинают уступать место инструментам экономического контекста. Экономическая дипломатия приобретает новую архитектуру. Учитывая складывающиеся обстоятельства, возникает необходимость изучения экономической дипломатии, принявшей трансформированную форму, и связывающую защиту государственного суверенитета с обеспечением конкурентоспособности страны на международных рынках.

Международные коррективы, которые повлияли на текущее состояние экономической дипломатии демонстрируют наличие исследовательских подходов, которые по-разному могут трактовать цели дипломатических усилий в экономическом направлении. В научной литературе экономическая дипломатия рассматривается как искусство ведения переговоров по торгово-финансовым вопросам. Кроме того, она трактуется как стратегия продвижения государством экономических интересов за рубежом.

Для стран центральноазиатского региона, которые в силу своего географического расположения находятся в зоне пересекающихся интересов глобальных игроков, определение экономическая дипломатия приобретает особую актуальность. Это, прежде всего, связано также и с тем, что такая дипломатия становится основой строительства моделей экономического развития страны и региональной безопасности.

В этом параграфе упор ставится на анализ существующих подходов, которые могут определить роль и место экономической дипломатии. В то же время предпринимается попытка выявить ее специфические характеристики. Актуальность также обусловлена тем, что в параграфе анализируется развитие научных взглядов на трансформацию системы взаимодействия государств, частного бизнеса и международных организаций.

В теории международных отношений экономическая дипломатия тесно связана с понятием внешнеэкономическое сотрудничество. Классические школы реализма, неореализма, либерализма, неолиберализма каждая из них дает свое определение, понимание и характер этого термина.

Профессор Чикагского университета Ганс Моргентау, основатель теории политического реализма в международных отношениях писал: «Если целью экономической или любой другой политики является усиление мощи государства, которое проводит эту политику, то она должна оцениваться по ее влиянию на силу нации. Экономическая политика, которая не может быть оправдана с экономической точки зрения, тем не менее, должна

осуществляться в свете производимой общей государственной политики. Всегда необходимо просчитывать соотношение возможных выигрышей и рисков от проводимой политики в их влиянии на силу нации» [531].

Подход Ганса Моргентау указывает на то, что национальная мощь (военная, политическая и экономическая сила), международный авторитет государства, напрямую влияют на эффективность внешней политики страны. При таком наличии бэкграунда государство имеет инструменты, при которых может достичь внешнеполитических и внешнеэкономических целей.

Тем не менее, учитывая современные международные процессы в Центральной Азии, идеи Г. Моргентау позволяют рассматривать внешнеэкономическое сотрудничество государств исследуемого региона как инструмент достижения стратегических целей и укрепления национальных позиций. Внешние инвестиции и экономические проекты в условиях международной конкуренции могут стать механизмом расширения политического влияния, обеспечения безопасности и формирования устойчивых партнерских связей.

В отличие от основателя реализма Ганс Моргентау, Роберт Кохэйн один из представителей неолиберализма в теории международных отношений считал «приоритетом внешней политики создание стабильных международных институтов и норм, обеспечивающих сотрудничество в условиях комплексной взаимозависимости. Снижение роли военной силы, акцент на экономическом взаимодействии, транснациональном сотрудничестве и адаптации к роли негосударственных акторов. Формирование доверия между государствами, признание того, что в современном мире безопасность и экономика взаимосвязаны, поэтому внешняя политика должна фокусироваться на управлении уязвимостями, а не только военной силе. Использование дипломатии и культуры ценностей для достижения целей» [538].

Неореалистическая концепция Р. Кохейна позволяет рассматривать внешнюю политику государства как мультипарадигмальный подход, который основывается на взаимодействии государственных и негосударственных акторов. В рамках такого подхода экономическая дипломатия – это национальная/государственная сила, где торгово-экономические преференции или инвестиционные потоки выступают в роли «мягкой» или «жесткой силы» в зависимости от контекста.

Переходя от классиков разрабатывавших теории международных отношений, следует отметить, что общие теоретические и прикладные аспекты экономической дипломатии исследовались в трудах зарубежных ученых, в их числе можно отметить работы Е.М. Астахова [18], А.В. Ветрова [49], Л.Д. Градобитовой [74], В.М. Грибанича [75], Д.А. Дегтерева [85], Т.В. Зоновой [137], И.Д. Иванова [138], О.Г. Карповича [174], В.М. Кутового [213], А.Е. Лихачева [226], Э.Е. Обминского [271], В.П. Оболенского [272], И.А. Орнатского [277], Ю.В. Пискулова [298], Р.О. Райнхардта [328], А.А. Сидорова [352], В.А. Шлямина [489], В.П. Шуйского [490], В.Д. Щетинина

[491], Г. Каррона де ла Каррьера [175]. Перечисленные авторы исследовали развитие инструментария экономической дипломатии, выделяя различные использования политических инструментов с целью занять усиленную позицию в мире. Кроме того, вышеперечисленные авторы изучали экономические инструменты, которые позволили достичь определенных политических целей.

Более детальному исследованию со стороны зарубежных авторов подвергались также отдельные аспекты экономической дипломатии в трудах В.Б. Белова [35], М.Н. Глуховой и А.Н. Шохина [71], А.А. Данельяна [81], Ю.В. Евстафтевой [101], И.В. Мироновой [247].

Вышеперечисленные авторы, детально исследуя экономическую дипломатию в своих работах уделили много внимания аспектам по созданию необходимых условий для привлечения иностранных инвестиций для развития производственных мощностей с дальнейшим экспортом зарубеж. По большому счету в работах этих авторах в основе была инвестиционная дипломатия.

Дегтерев Д.А. в своей работе, занимаясь исследованием экономической дипломатии зарубежных государств в Западной Африке, обращает внимание на то, что «Щетинин Д. определяет экономическую дипломатию как сплав экономики и политики, доведенный до уровня принятия и реализации управленческих решений, с помощью и при посредстве которых осуществляется сотрудничество и соперничество в современном мире, определяются формы и методы развития и совершенствования рыночной экономики, становящейся важным фактором общественного развития и решения ключевых проблем экономического и социального прогресса. Также внимание обращается на определение экономической дипломатии в трактовке академика РАН И.Д. Иванова. По его мнению, к экономической дипломатии относятся организационно-правовые инструменты и действия во внешнеэкономической сфере, при этом особо выделяется необходимость взаимодействия как государственных, так и негосударственных структур. Еще более расширительное толкование понятия экономической дипломатии дано А.Е. Лихачевым, включающее совместную деятельность государств, общественных и деловых кругов по реализации национальных экономических интересов в системе мирового хозяйства, использующую инструментарий традиционной и современной дипломатии, комплекс отечественных внешнеэкономических институтов, региональных и многосторонних структур и ставящую своей целью повышение международной конкурентоспособности страны», отмечал Д.А. Дегтерев [84, С. 9].

В трудах западных исследователей, как отмечает Дегтерев Д.А., определение экономической дипломатии носит более общий характер. Например, «Ги К. Карьер, полагает, что экономическая дипломатия есть достижение экономических целей средствами дипломатии, вне зависимости от того, прибегает она или нет к экономическим рычагам ради их

достижения. В то же время ряд зарубежных авторов относят к экономической дипломатии лить экономические санкции, используемые государствами для достижения политических целей» [84, С. 9].

Особое внимание хотелось бы уделить российским ученым Трофимову А.В., Татарникову Е.В., Баранчуговой И.Г., Ботенёву А.В., которые в совместной статье «Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности» отметили, что «государственное регулирование внешнеэкономической деятельности (ВЭД) - это комплекс экономических, правовых и административно-управленческих мер со стороны государства в лице его органов, преследующих цель формирования рамочных благоприятных условий хозяйствования для субъектов ВЭД, обеспечивающих их экономическую поддержку и правовую защищенность на внутреннем и внешнем рынках, направленных на качественное совершенствование экспортного потенциала, устойчивое поддержание положительного сальдо внешнеторгового баланса и хозяйственной безопасности в национальном масштабе» [422, С.77].

Данная цитата в контексте нашей диссертации служит отличным связующим звеном между теорией государственного управления и практическими аспектами международных отношений. Авторы статьи указывают на то, что административно-управленческие, экономические, правовые инструменты, связаны между собой и едины, что в контексте центральноазиатских межгосударственных связей приобретает особое значение. Более того, мы считаем, что в странах центральноазиатского региона такая специфика приобретает особое значение. На наш взгляд речь в цитате о формировании благоприятных условий, на практике означает создание двусторонних и многосторонних форматов соглашений, что в некоторой степени подчеркивает функциональность экономической дипломатии, которая в условиях текущей глобальной нестабильности становится гарантом изучаемых государств.

Государства Центральной Азии сталкиваются с проблемами географического тупика, изоляции и необходимостью диверсификации транспортно-логистических маршрутов. В связи с чем, это позволяет рассматривать деятельность торговых представительств и дипломатических миссий как работу по качественному совершенствованию экспортного потенциала. Этот подход дает потенциальную возможность использования всего государственного аппарата чтобы сформировать систему внешнеэкономических связей, способной противостоять внешним вызовам, что является началом для развития любого современного государства в условиях взаимозависимости мировых рынков.

Считаем, что экономическая дипломатия это продолжение действий внутригосударственных механизмов на международной арене и эффективность ее определяется не только профессиональным ведением переговоров, но и наличием ресурсной базы государства, а также отрегулированным национальным правовым полем. В этом смысле, очень

важно для привлечения иностранных инвестиций в экономику центральноазиатских государств, взаимосвязь надежности и предсказуемости поведения государства.

Российский ученый Матусевич А.П. в своем исследовании «Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности в России в период европеизации страны» отмечал, что «под внешнеэкономической деятельностью также подразумеваются совокупность коммерческих, оперативных, экономических, организационных, хозяйственных и производственных функций, осуществляемых экспортноориентированными предприятиями с учетом методов и форм работы на иностранном рынке, а также в соответствии с избранной внешнеэкономической стратегией» [235, С. 63].

Для нашего исследования эта цитата важна тем, что экономическая дипломатия может быть эффективной в случае конкретных направленных усилий дипломатов по открытию новых рынков, если предприятия, работающие на экспорт, не обладают организационным опытом для работы на таких рынках. В таком варианте стечения обстоятельств внешнеэкономическая стратегия предприятия выступает первичным звеном, которое экономическая дипломатия страны должна поддерживать на межгосударственном уровне.

Особого внимания заслуживает упоминание оперативных и хозяйственных функций, осуществляемых с учетом специфики. В этом случае, успех на иностранных рынках возможен в случае наличия адаптивного характера предприятия и его способности подстраиваться под конкретные правовые и культурные стандарты других стран. В контексте государств Центральной Азии это означает, что предприятия должны не только производить качественный товар, но и должны уметь интегрироваться в систему международного маркетинга и логистики. Такие предприятия, разрабатывая стратегию, делают осознанный выбор вектора развития и продвижения своей продукции и это не случайные транзакции. Хотя при отсутствии профессионального менеджмента и маркетинга могут быть и случайные транзакции.

Учитывая вышесказанное, считаем необходимым добавить, что данный подход позволяет рассматривать экономическую дипломатию как сервисную службу, которая работает над тем, чтобы производственные и коммерческие задачи предприятий получили от дипломатов условия для реализации в рамках «выбранной стратегии». Такое разделение ролей дает эффект, где корпоративные интересы экспортоориентированных предприятий становятся фундаментом для формирования национальных приоритетов на международной арене. В итоге внешнеэкономическая деятельность становится проработанным механизмом, в котором стратегия предприятия и дипломатическая поддержка государства работают совместно на достижение единого результата.

Вышеприведенные примеры указывают на концептуальные основы понятия экономическая дипломатия. Рассматривая роль и значение экономической дипломатии в нашей диссертации, следует все-таки определиться с тем, как работает экономическая дипломатия. В этом плане «совокупность экономических мероприятий, а также форм, средств и методов, используемых для осуществления внешней политики страны» полезны, как отмечала Т.М. Исаченко в своей работе «Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса» [147].

Российский теоретик Шевченко Б.И. дает свое определение экономической дипломатии. Он отмечает, что «современная экономическая дипломатия – это непрерывная, многоплановая совместная деятельность государства и бизнеса по реализации национальной внешнеэкономической политики с наибольшими для страны выгодами и минимальными издержками. Главной целью экономической дипломатии является обеспечение национальных интересов и преимуществ в области внешнеэкономических связей, укрепление конкурентоспособности и экономической безопасности страны в условиях глобализации и растущей открытости отечественного хозяйства» [487, С. 30].

Приведенное определение, в котором отмечается, что экономическая дипломатия – это совместная деятельность внешней экономической политики государства и бизнеса, на наш взгляд, очень емкое и подразумевает необходимость учета институциональных акторов. Практика показывает, что привлечение инвестиций и новых технологий выстраивается, в том числе, и бизнесом, который влияет на благосостояние страны, с привлечением новых технологий. Под бизнесом, скорее всего, понимается не только крупный и средний кластеры, но, в том числе, и корпорационный, в лице влиятельных международных негосударственных компаний, корпораций и т.д.

Вышеотмеченное располагает к определению: «Экономическая дипломатия – это использование международных политических инструментов (дипломатии) для достижения экономических целей, и в таком виде она существовала всегда, так как древние цивилизации занимались коммерцией и торговлей» [565]. Автор этих строк имеет ввиду то, что главным здесь выступают экономические цели, которые достигаются дипломатическими инструментами.

В научный оборот нашего исследования следует также включить определение: «Экономическая дипломатия являет собой совместную деятельность государства, общественных и деловых кругов по содействию отдельно взятым национальным компаниям во внешнеэкономической сфере (микроэкономическая дипломатия), а также продвижению общенациональных экономических интересов на международной арене, посредством участия в международных экономических переговорах (макроэкономическая дипломатия) с опорой на инструменты и институциональные структуры современной дипломатии и внешнеэкономического комплекса», которое дает Д.А. Дегтерев [85, С. 9].

Следует отметить работы и других российских теоретиков, В. Д. Щетинин дает свое определение, раскрытие целей и задач экономической дипломатии, что указывает на то, с чего начинает работать экономическая дипломатия. В свою очередь Щетинин В.Д. считает, что экономическая дипломатия как «сплав экономики и политики», являющийся основой для принятия управленческих решений, как на государственном уровне, так и на уровне компаний [491, С. 35]. По нашему мнению, автор имеет в виду, что экономическая дипломатия – это совместная работа экономики и политики. Это указывает на то, что эти два направления не только дополняют друг друга, осуществляя поставленные цели, но и в принципе не отделимы друг от друга. Дипломатия имеет более широкий смысл и кроме политики, экономики, имеют место и другие парадигмы. По всей видимости, автор подразумевает, что не все сконцентрировано вокруг политики и экономики, есть и другие направления, например, культурно-гуманитарные, этнические, религиозные и прочие, то есть речь идет о мультпарадигмальности экономической дипломатии или универсальности.

Вышепредставленные цитаты, аналитические комментарии касались экономической дипломатии в контексте межгосударственных связей. Но изменяющаяся конъектура в мире и рост влияния крупных корпораций, финансовых, торговых и других влиятельных организаций внесла коррективы в понятие экономическая дипломатия.

Например, в неолиберализме экономическая дипломатия – это процесс взаимодействия не только официальных ведомств, но и транснациональных корпораций, неправительственных организаций и международных финансовых структур. Для стран Центральной Азии этот аспект очень важен, так как их экономическая дипломатия выстроена не только в контексте «государство - государство», но также и в связи с крупнейшими концернами, корпорациями в машиностроении, автомобилестроении и т.д. Расширение охват новых регионов, внедрение своих технологий происходит за счет мировых концернов, которые получают возможность в силу своих мощностей вести переговоры с государствами напрямую. Государства с целью удовлетворить потребности экономики, получить новые технологии и инвестиции, как показала практика в центральноазиатских странах, выстраивают отношения и таким образом. Таким образом, модель «государство - государство» не единственная, есть и другая «государство – мощная корпорация/концерн».

Есть и другие исследователи, которые подтверждают такую модель. В статье Лебедевой М.М. на тему «Акторы современной мировой политики: тренды развития» «рассматриваются тенденции в развитии транснациональных акторов в XXI в. Показывается, что их активность интенсифицировалась, стала вовлекать большое количество людей и охватывать все сферы. При этом негосударственные акторы стали образовывать различного рода партнерства, как с государствами, так и между собой. Также расширилась ресурсная база транснациональных акторов, ими

активно стал использоваться информационно-аналитический ресурс. Показано, что при анализе современных проблем мировой политики обязательно должны учитываться отношения к ним различных транснациональных акторов» [223, С. 38].

Также российский автор, ссылаясь на статью «Негосударственные акторы» («Non-State Actors in World Politics») под редакцией Джосселин В. (Josselin D.) и Уоласса В. (Wallace W.) отметила, что «некоторое время спустя мысль Р. Кохэна и Дж. Ная об активности негосударственных акторов все же заставила многих исследователей заняться непосредственным анализом их поведения на международной арене» [224, С. 38].

В первой цитате М.М. Лебедева указывает на то, что на международной арене теперь не всегда официальные правительства занимают пространство международных связей. Крупные корпорации, международные фонды, финансовые и банковские организации изменили структуру мировой политики. Это значит, что современная дипломатия в современных условиях – это не только диалог лидеров стран, министерств иностранных дел, а пересечение интересов и других мировых организаций, которые способны влиять на принятие глобальных решений.

Особого внимания в этой цитате заслуживает тезис о ресурсной базе транснациональных компаний. Раньше общепринято было считать, что сильная армия, большие территории государства, экономическая развитость – это есть сила, посредством которой государство, имея важную роль и место, проектировалось в системе международных отношений. Однако ситуация изменилась, гегемонии такого понятия в абсолютном виде нет. Влиятельные негосударственные структуры обладают собственными ресурсами и потенциалом, которые обладают аналитикой, данными, технологиями, что позволяет им формировать и влиять на повестку дня в выстраивании бизнес-отношений.

Для нашего диссертационного исследования учет таких акторов в экономической дипломатии государств Центральной Азии необходим, когда речь идет о крупных инвесторах, концернах, корпорациях, банках или международных институтах развития и пр. При этом следует отметить, что влиятельные негосударственные игроки предоставляют не только инвестиции, но также и свои требования, так называемые правила игры. Это говорит о том, что суть наличия риска у получающего, остается. Имеется в виду, что зависимость сохраняется.

Вторая цитата с упором на американских аналитиков убеждает в том, что признание таких негосударственных акторов было, но оно не учитывалось или ему не уделялось должное внимание. Долгое время ученые, аналитики и эксперты были сосредоточены только на государствах и их правительствах, профильных министерствах, государственных организациях. Однако современная реальность заставила научное и экспертное сообщество обратить внимание и признать, что мировые мощные корпорации изменили реалии международных связей.

В целом, обе цитаты ведут к тому, что в нашем случае, стратегии стран центральноазиатского региона не могут быть ориентированы только на мнение лидеров государств, с которыми выстраиваются отношения. При решении внешнеполитических задач необходимо также учитывать мнение всех участников процесса. Такой подход приведет к трендам развития, потому что интересы влиятельных организаций весят не меньше, чем государственные стратегии. Использование связей с негосударственными организациями мирового масштаба делает стороны полноценными игроками. Но в этом случае необходимо обратить внимание на то, что для достижения успеха есть требование готовить не только дипломатов нового поколения, способных работать в таких условиях, но и конкурентоспособных, имеющих навыки и компетенции менеджеров, маркетологов, юристов, экономистов, инженеров и других профильных профессионалов, работающих на местах освоения инвестиций, внедрения технологий и т.д.

Об организациях, которые могут влиять на качество внешнеполитических связей государства, интересна статья «Место и роль нетрадиционных акторов в мировой политике» под авторством О.Н. Холдорова, где автор анализирует роль наиболее влиятельных нетрадиционных акторов в современной мировой политике и отмечает, что «у некоторых исследователей политической теории сложился нормативный подход к определению понятия «актор», который критикуют за то, что его сторонники во многом идеализируют политическую действительность. При определении акторов прежде всего необходимо акцентировать внимание на их действиях и результатах этих действий. Актор может не быть автономным, например, так как автономность – понятие относительное, может не представлять какую-то группу, объединенную вокруг общей цели, может не признаваться другим актором и т.д., однако он должен влиять на политику, причем абсолютно не важно с чьей помощью. Таким образом, самая важная особенность любого актора – это способность влиять на политический процесс или формировать его, а другие критерии могут носить рекомендательный характер» [476, С. 39].

Место и роль нетрадиционных акторов в мировой политике определенно значительно. Здесь экономическая дипломатия трактуется в контексте деятельности по созданию и поддержанию международных «правил игры», например, норм Всемирной торговой организации (ВТО). Для государств Центральной Азии частью работающих также и по стандартам ЕАЭС и, находящихся в процессе адаптации к мировым стандартам, данный концептуальный подход позволяет выявить проблемные участки между национальными интересами и требованиями глобальных акторов. Подводя к общему знаменателю, следует отметить, что определение термина неизбежно включает в себя механизмы коллективного выживания в условиях взаимозависимости.

В отчете Всемирной торговой организации сообщается: «ВТО отмечает, что создание многосторонней торговой системы более семи десятилетий

назад было основано на понимании того, что взаимозависимость и сотрудничество способствуют миру и всеобщему процветанию. Однако в последнее время новые проблемы, такие как геополитическая напряженность, рост неравенства и изменение климата, привели к опасениям, что глобализация подвергает страны чрезмерным рискам. Подобные опасения усилили давление, заставляющее разорвать торговые отношения и перейти к односторонней политике через процесс фрагментации. В Докладе о мировой торговле рассматриваются преимущества интеграции в мировую торговлю, а также риски фрагментации» [284].

Такое изложение и опасение ВТО за ситуацию в мире указывает на то, что обстоятельства ведут к фрагментации всемирного рынка и это может привести к обособлению региональных рынков, может отразиться на общей картине торгово-экономических связей всего мира в виде несогласованности, блокад, возможно и конфликтов. ВТО, долгие годы выстраивавшая отлаженную систему торгово-экономических связей, высказывает опасения и декларирует свое отношение к всемирной слаженности в мировой торговле. Для государств Центральной Азии такое положение дел с учетом поиска выхода к морской торговле – это очень актуальный контекст. В связи с происходящими конфликтами на Среднем Востоке, Восточной Европе, конкуренции влиятельных акторов в системе международных отношений за региональное влияние разрабатываются проекты альтернативных сухопутных торговых грузопассажирских транспортно-логистических путей. Для стран Центральной Азии, через которые проходят эти магистрали, в случае успешного завершения и пуска проектов, фрагментация региональных рынков может создать препятствия. Снижение уровня использования стандартов ВТО в межгосударственных торгово-экономических сделках приведет к разобщенности и включению политических рычагов, что может усилить и без того турбулентную ситуацию в мире.

В Отчете о реализации Основных ориентиров макроэкономической политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2024 - 2025 годы отмечается, что «Скоординированное взаимодействие государств-членов ЕАЭС на площадке ВТО по вопросам, отнесенным к компетенции ЕАЭС, укрепляет позиции Союза как значимого интеграционного объединения – участника многосторонней торговой системы. По итогам встреч делегации ЕЭК с руководством Секретариата ВТО на полях XIII Министерской конференции ВТО, представители Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) были проинформированы о действующем порядке подачи заявки на получение статуса наблюдателя в рабочих органах ВТО, который свидетельствует об отсутствии препятствий для проведения данной работы. Информация, полученная по итогам участия в мероприятиях Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), установленные контакты, а также зафиксированные договоренности между ЕЭК и ЭСКАТО позволяют усилить региональное взаимодействие, расширить трансграничное сотрудничество и сформировать современные

подходы в целях достижения государствами-членами ЦУР (Цели устойчивого развития ООН). Выстраивание системного диалога с международными структурами в сфере конкуренции позволяет позиционировать ЕЭК на ключевых площадках глобального и регионального конкурентного сообщества, обмениваться передовым опытом в сфере конкуренции» [287].

В современных кризисных условиях глобальные международные организации выступают платформой для ведения переговоров и выстраивания диалога между государствами, где экономическое направление может стать двигателем выхода из кризиса. Скоординированность в действиях членов ЕАЭС, которая усиливает слаженность в содружестве, работает пока слабо. Организация переживает нелегкие дни. Существует множество проблем, которые влияют на качество сотрудничества. Грузы на границах периодически простаивают. Учитывая войну между Россией и Украиной и особенности внешней политики стран центральноазиатского региона, все выглядит не так радужно, как это презентовалось при подписании соглашения о создании такого союза. Не стоит забывать и о пассивности Армении в последнее время после армянско-азербайджанского конфликта. Казахстан, ориентированный на иностранные инвестиции, все больше посматривает на развитые страны, которые могут предложить также и высокие технологии. Не секрет, что ЕАЭС создавался для ограничения распространения китайских товаров, которые своей конкурентоспособностью влияют на развитие промышленного комплекса России, Казахстана. Текущее состояние работы и ее ретроспектива указывает на то, что в этом сотрудничестве главное лидерское место занимал и продолжает быть главой – это Москва, которая прорабатывала свои интересы. Однако политическая ситуация в мире меняется и слаженность в ЕАЭС в силу действия санкций против России и включение второстепенных санкций в адрес, в том числе, государств Центральной Азии, снизили скоординированность членов в рамках содружества.

Выше в одной из цитат говорилось о фрагментации и возникновении региональных торговых организаций, которые повлияют на ареал ВТО. ЕАЭС можно считать одним из таких политико-экономическим фрагментов. В последнее время слабость и отсутствие достижения поставленных целей в рамках ЕАЭС сильно повлияли на работоспособность этого содружества.

В тоже время в случае продуктивного стечения обстоятельств, ЕАЭС имеет хорошие в условиях накопившегося опыта перспективы, способные усилить и укрепить содружество. Организация может выступить надежной опорой для экономического развития внутри, когда глобальная система находится в кризисе.

Таким образом, в рамках анализа концептуальных основ экономической дипломатии, следует обратить внимание на то, что она рассматривается как сложная система партнерства не только на государственном уровне, но и на частном в том числе. Такой подход к делу приводит к размыванию границ между внешней и внутренней политикой, когда решения в области

таможенных тарифов или иностранных инвестиций, становятся объектом как межгосударственных споров, так и лоббированием со стороны транснациональных групп.

Следует также отметить, что пока главная роль в выстраивании внешнеэкономической политики остается за государством. Государство контролирует внутриэкономическую и политическую ситуации, и желание корпораций, крупных международных компаний, банков навязать свою политику будет доведено до логического конца только в том случае, если государство решится пойти на это.

Учитывая стремительно развивающиеся технологии, следует обратить внимание на цифровую экономическую дипломатию. Под этим подразумевается формирование общих стандартов по ведению электронной торговли, защита интеллектуальной собственности в цифровой среде. Особое место здесь занимает цифровая безопасность транзакций. Перед центральноазиатскими государствами с развивающейся экономикой вопрос о цифровизации очень актуальный. Кроме того, «цифровые ресурсы должны рассматриваться как дополнительная форма осуществления публичной дипломатии. Внешнеполитические ведомства и международные организации, используя цифровую дипломатию, смогут удовлетворить свои глобальные потребности. Одна из задач дипломатии – это разъяснение» [354, С. 59].

Цифровая дипломатия в скором будущем может занять важное место в дипломатии в целом. Трансляция политико-экономической позиции, переговорный процесс, координация, взаимодействие и многие другие аспекты могут быть затронуты цифровой дипломатией. В настоящее время через информационные ленты, официальные и блогерские страницы в социальных сетях с каждым днем привлекают все больше внимания. Информационные конфликты, реклама достижений в технологиях и продвижении, продвижение товаров и услуг, менеджмент, маркетинг, корпорации, международные организации и многое другое используется дипломатией не в полной мере. На наш взгляд информационные технологии экономической дипломатии займут важное место и будут играть значительную роль в продвижении национальных интересов в экономической дипломатии.

Экономическая дипломатия в современных условиях представляет собой пересечение защиты национальных интересов и тонкое реагирование на кризисные ситуации. Учитывая приведенные выше теоретические аспекты, считаем нужным отметить, что экономическая дипломатия перестала быть процессом «государство-государство». Она трансформировала мультипарадигмальную систему. Такая многопрофильная модель взаимодействия между государствами дает возможность развивающимся странам Центральной Азии воспользоваться такой моделью, используя региональный транзитный потенциал и природные богатства.

В современной системе международных отношений все больше и больше оказывает влияние экономический контекст, который стал больше

привлекать внимание, по сравнению с военной силой. Речь идет о проблемах, с которыми в настоящее время государства сталкиваются. Стоят такие вопросы, как обеспечение населения питанием с целью предотвращения внутриполитической дестабилизации. Актуальным также стало и то, что возникла необходимость отмены устоявшихся правил, которые местами не работают. Такие нововведения влекут за собой потребность изменения логистики, транспортных маршрутов.

Историческая практика показала, что экономические и торговые интересы всегда определяли внешнюю политику государства. В связи с чем следует отметить, что политические и экономические инструменты, которые использовались для достижения удовлетворения национальных интересов, они неразрывны. Государство использует политико-дипломатические средства для достижения экономических целей.

С опорой на перечисленные выше работы ведущих ученых, полагаем возможным определить «экономическую дипломатию как неотъемлемую часть внешнеполитических связей государства с государством и технологическим, инвестиционным актором, с использованием национальных преимуществ, обеспечивающих перспективными условиями, влияющими на торгово-экономические отношения сторон, а также инструмент, посредством которого создается благоприятная обстановка для достижения поставленных целей».

Переходя к описанию сформулированного автором определения экономической дипломатии, включенного в разработку диссертации необходимо отметить, что принципы исследования опираются на достаточно широкую изученную и проанализированную научную базу. Использование достоверных источников и документов, дают возможность сформулировать и утверждать о наличии принципа объективности. Используя системный подход в контексте индуктивного, дедуктивного, логического, причинно-следственного методов анализа и синтеза, с учетом присутствия авторского суждения, предпринимается попытка исследовать внешнеэкономические связи в контексте экономической дипломатии, связанных единой целью и задачами. Это позволило автору, используя события, явления и действия участников (государства Центральной Азии) экономической дипломатии в сотрудничестве с партнерами представить работу в едином взаимосвязанном комплексе. Исследование было сосредоточено на выявлении, изучении и анализе сложных политико-экономических взаимодействий государств центральноазиатского региона с внешним миром.

Совокупность использованных методов исследования позволило автору обосновать положения, выносимые на защиту, рассмотреть возможные пути достижения цели и решить задачи, установленные в диссертации. Исследование особенностей экономической дипломатии стран Центральной Азии включает в себя оценку современного состояния, основных проблем и перспектив заявленной темы. Внимание сосредоточено на межгосударственном взаимодействии и на сотрудничестве с

негосударственными акторами. Обширный предмет исследования обусловил использование междисциплинарного подхода (политико-экономический).

Методологическими основами исследования особенностей экономической дипломатии в странах Центральной Азии являются понятия, категории, научные подходы, принципы, методы исследования, оценка экономической дипломатии в контексте внешней политики государств ЦА в современных условиях международной ситуации. Такое авторское видение методологических основ позволяет исследовать национальные интересы, состояние проблемы и перспективы экономической дипломатии стран центральноазиатского региона.

1.2 Внешнеэкономические стратегии государств Центральной Азии в постсоветский период: процессы формирования и изменений

Интерес к заявленной теме параграфа обусловлен тем, что в нем исследуются внешнеэкономические стратегии государств центральноазиатского региона их пути формирования и изменения в контексте трансформации от периферийного до стратегически важного узла глобальной политики и экономики. В условия происходящих политико-экономических изменений регион Центральной Азии становится территорией пересечения интересов мировых держав, что требует глубокого научного осмысления того, как получившие независимость молодые республики адаптируются к правилам мировой торговли и геополитической конкуренции.

Особый научный интерес тема представляет в контексте поиска баланса между сохранением традиционных торгово-экономических связей после распада СССР и поиска новых направлений сотрудничества. Центральноазиатские государства были разнообразными. Все государства Центральной Азии обладали уникальными особенностями. Кыргызстан и Таджикистан, находящиеся у истоков рек Сырдарьи и Амударьи, имеют высокий гидроэнергетический потенциал. Казахстан, Туркменистан владеют нефтегазовыми ресурсами промышленных масштабов. Узбекистан, имеющий определенные запасы нефти и газа, имел достижения в области выращивания сельскохозяйственных культур. Во всех республиках были разные показатели промышленного комплекса. Автомобильная и железнодорожная инфраструктура оставалась на уровне советского хозяйственного пользования. По сути, была налаженная определенного уровня экономическая система.

Современная ситуация в регионе интересна также тем, что государства Центральной Азии стремятся выйти на новый качественный уровень, с переходом от простой добычи сырья к попыткам индустриально-инновационного развития, что открывает новые горизонты для нашего исследования. Выявление стратегий развития экономических моделей государств Центральной Азии в условиях изменяющегося мира делают исследование не только теоретически значимым, но и практически востребованным. Это обусловлено тем, что экономическая дипломатия стран региона это не просто совокупность торговых сделок, а сложный процесс, в результате которого моделировался суверенитет в экономической сфере. Изучение процессов формирования внешнеэкономических стратегий позволяет выявить закономерности многовекторной политики государств изучаемого региона, как стремления найти пути развития страны.

Рассматривая процесс формирования внешнеэкономических стратегий государств центральноазиатского региона, важно отметить, что стартом всему послужил глубокий кризис начала 90-х XX века. После распада СССР республики столкнулись с необходимостью с нуля выстраивать национальные экономические системы. В этот период перед странами стояла

задача найти новые рынки сбыта продукции, которая в годы союза распределялась. Республики нуждались в инвестициях. Именно тогда закладывались основы того, что сегодня мы называем «многовекторной политикой». Страны региона искали контакты одновременно и на Западе, и на Востоке, стараясь поддерживать традиционные связи между собой в регионе и с Россией.

В это время стало очевидным то, что пути развития государств региона начинают отличаться друг друга. Страны, которые обладали нефтегазовыми и минеральными ресурсами Казахстан и Туркменистан делали ставку на привлечение инвестиций в добывающий сектор. Другие республики, не имея таких ресурсов были вынуждены экономическое развитие направлять на экспорт сельхозпродукции, легкую промышленность или использование своего транзитного положения.

Считаем необходимым отметить, что важнейшим фактором, который был и остается – это географическая замкнутость. Отсутствие выхода к морю, диктовало и диктует свои условия и в настоящее время. Как известно любая внешнеэкономическая стратегия основывается на логистике и транспортных коридорах.

Начиная анализ с Кыргызстана, важно отметить, что «распад СССР обернулся для Кыргызстана сложнейшими экономическими проблемами: Кыргызстан не мог самостоятельно импортировать и экспортировать товары и вступать в экономические отношения с зарубежными странами, потому что 98% экспорта товаров шло на рынки Союза, разрыв хозяйственных связей на тот момент оказался особо болезненным.

В течение 1992 г. инфляция приняла четырехзначные значения, с сокращением поставок из других государств СНГ остановилось более половины предприятий; острейшей проблемой стала безработица», отмечено в работе «Этнические и региональные конфликты в Евразии» [502, С. 137].

Следует отметить, что молодая республика с самого начала выбрала путь рыночных преобразований среди всех соседей по региону. Еще до приобретения независимости в Кыргызстане был принят Закон Республики Кыргызстан от 28 июня 1991 года N 536-XII «Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан» [116]. С обретением независимости в 1991 году страна оказалась в ситуации, когда, отсутствие крупных запасов нефти и газа выводило на необходимость максимально быстрого развития экономики без ресурсов. Позже, в Кыргызстане принимается Закон от 7 мая 1993 года №1221-XII «Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан» [115], который в те годы считался одним из самых либеральных на постсоветском пространстве. Президент А. Акаев сделал ставку на привлечение капитала, который поможет модернизировать промышленность страны.

Кыргызстанский юрист Сыргакова З.А. в своей статье «Исторические аспекты развития инвестиций в Кыргызстане» отмечала, что «Закон КР «Об иностранных инвестициях Кыргызской Республики» продолжал сохранять своё действие достаточно долгий период времени. Более того, до сих пор

неизменной остаётся и концепция правового регулирования иностранных инвестиций в Кыргызстане. В частности, основной формой инвестирования капитала в экономику Кыргызской Республики на сегодняшний день продолжает оставаться учреждение предприятий с иностранными инвестициями, наделённых статусом юридического лица по национальному законодательству Кыргызской Республики» [380, С. 93].

Переломным для Кыргызстана был 1998 год, когда страна первой из Содружества независимых государств (СНГ) вступила во Всемирную торговую организацию, подписав Протокола о присоединении Кыргызской Республики к Маракешскому соглашении об учреждении Всемирной торговой организации [113]. С одной стороны, государство получило доступ к мировым рынкам, с другой стороны местное кыргызстанское промышленный комплекс столкнулся с мощнейшей конкуренцией китайских товаров. В этот период Кыргызстан сформировал уникальную для региона модель по реэкспорту. Низкие таможенные пошлины, общие границы с Китаем, рынки «Дордой» и «Кара-Суу» стали крупнейшими торговыми хабами, через которые товары шли в страны СНГ.

Ситуация начала меняться во второй половине 2000-х, когда торговое посредничество перестало давать рост экономике. Тогда Кыргызстан переключился на энергетический и горнодобывающий секторы. Важным документом здесь стала Национальная стратегия устойчивого развития КР на период 2013-2017 гг., [459]. где было прописано, что страна стремится к диверсификации внешнеэкономических связей и уйти от зависимости от реэкспорта.

Дополнительно следует отметить, что внешнеэкономическая стратегия Кыргызстана всегда была в зависимости от состояния двусторонних отношений с ключевыми пантерами, что закреплено в Концепции внешней политики КР (в редакциях 2007 [198] и 2019 [199] годов). В редакции 2007 года ключевыми аспектами была многовекторность, подразумевавшая развитие сбалансированных отношений со всеми партнерами, без предпочтения отдельным блокам. Приоритетами выступали укрепление национальной безопасности, защита интересов государства и формирование благоприятного внешнего фона. Основными направлениями выступали укрепление региональной безопасности и расширение экономического сотрудничества. В настоящее время редакция 2007 года утратила силу. Действует обновленная концепция 2019 года, отмеченная выше, но она сохраняет преемственность основных принципов.

Одной из ключевых особенностей Концепции является использование механизмов льготного кредитования и грантовой помощи. Значительная часть инфраструктурных проектов в том числе реабилитация автодорог «Север-Юг» и модернизация энергетических проектов, реализовывалась в рамках двусторонних отношений между Кыргызстаном и Китаем. Кыргызстанская сторона привлекала займы экспортно-импортного банка Китая. Это сформировало долговую нагрузку, которая на сегодняшний день привела к

тому, что необходимо пересмотреть подходы к управлению внешним долгом и искать новые формы государственно-частного партнерства в Законе КР «О государственно-частном партнерстве» в новой редакции [114].

Важным инструментом экономической дипломатии властей Кыргызстана стало участие в проектах региональной безопасности. Эти проекты на наш взгляд имеют прямое экономическое измерение в том числе. На официальном сайте ДДКБ отмечено, что с 15 мая 1992 года Кыргызстан, заключил Договор о коллективной безопасности. До 2002 года Договор по своей сути представлял собой региональное соглашение, которое сыграло важную роль в поддержании тесного сотрудничества и взаимопонимания в военно-политической области. 14 мая 2002 года в Москве Советом коллективной безопасности было принято Решение о придании Договору о коллективной безопасности статуса международной региональной организации. 7 октября 2002 в Кишиневе на саммите СНГ президентами Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана был утвержден Устав ОДКБ. В декабре 2003 году Устав ОДКБ был зарегистрирован в Секретариате ООН. А в 2004 году Организация получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН» [276]. Военно-политическое сотрудничество в рамках ОДКБ на наш взгляд не имеет прямого отношения к экономическим связям, однако входит в рамки внешнеполитических связей. Членство Кыргызстана в этой организации прямо указывает на стратегическое партнерство и колорит, указывающий на приоритеты страны, что также может быть характеризовано как стратегия и модель, которой страна придерживается в системе международных отношений.

Следующее направление, которое определяет внешнеполитический курс страны – это сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которое позволило Кыргызстану продвигать интересы малого и среднего бизнеса через Деловой Совет ШОС. При этом следует отметить, что в нормативной документации КР прослеживается стремление защитить национальный рынок. В пример можно привести Закон КР «О государственном регулировании внешней торговой деятельности» [114], который предусматривает механизмы введения временных ограничений на экспорт товаров социальной значимости, что неоднократно применялось в последние годы, чтобы обеспечить продовольственную безопасность.

Новым этапом трансформации стал 2015 год, когда Кыргызстан вступил в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). «Договор о присоединении Кыргызской Республики к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) вступил в силу 12 августа 2015 г. Кыргызстан стал пятым (после присоединения к ЕАЭС 2 января 2015 г. Армении) полноправным членом новой экономической интеграционной структуры регионального уровня», отмечено в статье Б.К. Пазилова [288]. Вхождение в этот союз потребовало внесения изменений в нормативную базу и таможенное

законодательство. Основной целью было сохранение доступа к российскому рынку труда и товаров. Кроме того, страна стремилась перейти от реэкспорта к реальному производству. Стратегия страны, которая отражена в Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2026 года [255], делает упор на то, чтобы произвести цифровизацию экономики, развивать зеленую энергетику и использовать транзитный потенциал в рамках проекта железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан.

На наш взгляд особое значение для страны имеет экономическое и миграционные направления. Для Кыргызстана вопросы трудовой миграции, энергетической безопасности, водных ресурсов и региональной торговли напрямую связаны с внешнеполитическими решениями. Кроме того, для страны важную роль играют негосударственные акторы в лице международных организаций, неправительственных структур, образовательных и гуманитарных фондов. Участие этих акторов делает внешнюю политику Кыргызстана многовекторной. Бишкек формирует внешнеполитический образ государства ориентированного на выстраивание диалога в региональном контексте и международном направления, демонстрируя открытость.

В своей внешней политике Кыргызстан придерживается многовекторного подхода. Для страны с ограниченными материальными ресурсами участие в международных и региональных площадках как ООН, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и ОБСЕ является инструментом дипломатии и ключевым механизмом обеспечения национальной безопасности, для продвижения собственных интересов и укрепления внешнеполитических позиций.

Таким образом в постсоветский период Кыргызстан использовал модели реэкспорта, затем, энергетический и горнодобывающий, после – цифровизация экономики и использование транзитного потенциала. Все три модели в настоящее время используются во внешнеэкономической стратегии. Реэкспортом Кыргызстан также продолжает пользоваться. Осуществляются поставки китайских и отечественных товаров в Россию, и в страны центральноазиатского региона. Привлекаются инвестиции для развития энергетического сектора. Речь идет о гидроэнергетическом комплексе. В Кыргызстане посредством привлеченных инвестиций модернизирована ТЭЦ города Бишкек, построена ЛЭП «Датка-Кемин», произведен ремонт турбин Токтогульской ГЭС, построена гидроэлектростанция Камбар-Ата-2, введена в эксплуатацию гидроэлектростанция на Кировском водохранилище в Таласской области, идет строительство гидроэлектростанции Камбар-Ата-1. В горнодобывающем секторе основным крупнодобывающим выступает золотодобывающее предприятие «Кумтор», которое было национализировано Кыргызской Республикой. Второе по объемам добычи золота в стране является компания «Джеруй». Что касается цифровизации, то в Кыргызстане работает государственный портал электронных услуг «Тундук». По всей стране функционируют электронные Центры обслуживания населения. Что касается участия в строительстве железной дороги Китай-Кыргызстан-

Узбекистан, то на наш взгляд – это очень перспективный проект, который попадает в рамки нашего исследования и будет отмечен более детально в последующих параграфах диссертации.

Кыргызстан стремится выстраивать отношения не только со странами Запада, Россией, Китаем, но также с Ираном, Турцией, Японией, а также с государствами Центральной Азии. Можно отметить, что Кыргызстан стремится усиливать свое участие в международных организациях, таких как ШОС, ЕАЭС и ООН. Через эти организации страна продвигает свои интересы, укрепляет свой имидж и получает дополнительные бонусы для развития. Республика в условиях высокой конкуренции в системе международных отношений старается выстраивать такие отношения с внешним миром, которые помогают укрепить государственность, экономику и региональную стабильность.

Кыргызская Республика также стремится в своей внешнеполитической стратегии привлекать инвестиции, расширять торговлю, развивать транспортно-логистические связи и продвигать национальные экономические интересы. Внешняя политика страны ориентирована не только на политические задачи, но в том числе и на решение социально-экономических вопросов государства.

Внешнеполитическая стратегия Республики Казахстан (РК) после распада СССР формировалась в момент, когда страна оказалась в новом положении в статусе независимого государства. 16 декабря 1991 года был принят Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан» [196]. В нем Казахстан провозглашался независимым, демократическим и правовым государством. Основное признание независимости произошло после вступления страны в 1992 в Организацию объединенных наций (ООН). Перед молодой страной стояла задача сохранить суверенитет и выстроить систему внешних связей. В таких условиях внешняя политика стала одним из ключевых направлений государственного строительства.

Одним из первых программных документов стала «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» (1992 год) [230], инициированная экс-президентом Казахстана Н. Назарбаевым. Эта стратегия определила переход к рыночной экономике с формированием рыночных отношений. В стратегии становления и развития Казахстана были обозначены: защита суверенитета, укрепление территориальной целостности, создание благоприятных условий внешних для реформ, развитие отношений с Россией, Китаем, США и странами Европы. По сути, этот документ заложил принципы многовекторной политики Казахстана.

Важную роль сыграли международные договоры и соглашения, которые определили роль и место страны в системе международных отношений. После того как страна стала независимой она присоединилась к СНГ, а позже стала членом Организации о коллективной безопасности

(ОДКБ). Заключенные соглашения определили горизонты сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Особенно в первые годы независимости.

Особого внимания заслуживает факт отказа Казахстана от ядерного оружия после подписания Лиссабонского протокола к Договору СНВ-1, а также присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия [323]. Этот шаг повлиял на укрепление международной легитимности Казахстана и обеспечил поддержку со стороны западных государств.

Эта поддержка была обусловлена тем, что «объявив о решении отказаться от ядерного оружия, доставшегося в наследство от СССР, Первый Президент Казахстана поставил условие перед членами ядерного клуба, прежде всего, США, Китаем и Россией о гарантиях национальной безопасности, нерушимости границ и обеспечения территориальной целостности. Позиция Н. Назарбаева принесла свои плоды – 5 декабря 1994 года на Саммите ОБСЕ в Будапеште главы государств США, России и Великобритании подписали Меморандум о гарантиях безопасности странам, подписавшим Договор о нераспространении ядерного оружия. Позднее такие же гарантии предоставили Китай и Франция», – отмечал КАЗИНФОРМ.

Казахстан сделал ставку на многовекторность. Страна стремилась поддерживать стабильные и взаимовыгодные отношения с соседними республиками региона и с крупными центрами системы международных отношений. Казахстан, располагаясь между двумя великими государствами Россией и Китаем, также был заинтересован в сотрудничестве со странами Запада и государствами Азии, в том числе и с международными организациями.

Первый этап становления Казахстана как независимой республики был прежде всего связан с тем, что страна создавала законодательный фундамент по переходу на рыночные отношения, с целью преодолеть системный кризис. В этот период ключевым стало то, что государство ставило приоритетом привлечение иностранных инвестиций для модернизации базовых отраслей, чтобы стабилизировать производство в условиях отсутствия внутренних финансовых ресурсов.

В 1997 году была принята долгосрочная государственная стратегия «Казахстан - 2030», где внешнеэкономическая деятельность была представлена как инструмент обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности. Экс-президент Казахстана Н. Назарбаев в своих трудах подчеркивал, что казахская модель модернизации изначально базировалась на том, что экономика ставилась выше политики. «Он представил собственную формулу развития «сначала – экономика, потом – политика»» [166], – отмечал КАЗИНФОРМ. Другими словами, изначально страна сделала ставку на экономическое развитие, и уже на этой основе – развитие демократических институтов, а после речь должна была идти о политике.

Такой подход позволил избежать хаотичной либерализации. В центре внимания находился поход по диверсификации экспорта и поэтапного отказа

от сырьевой направленности через реализацию Стратегии индустриально-инновационного развития на 2003-2015 годы [269]. Основными внешнеполитическими приоритетами были: национальная безопасность, региональная стабильность, привлечение иностранных инвестиций, развитие энергетической дипломатии и укрепление международного имиджа страны.

Избранный Казахстаном внешнеполитический путь многовекторности предполагал баланс между интересами глобальных акторов и углублением региональной интеграции. Особое место во внешнеполитических ориентирах заняла Россия. В тоже время Казахстан принимал активное участие в создании таких организаций как ЕвразЭС – в перспективе Евразийский экономический союз, а также ШОС. Сотрудничество с партнерами рассматривалось на наш взгляд не просто как способ расширения рынка сбыта, но и как механизм коллективного противостояния влиянию глобализации.

В 2000-е годы концепция казахстанской многовекторности закрепилась как основа внешней политики. Главная идея заключалась в том, что Казахстан должен поддерживать равновесие между влиятельными акторами системы международных отношений и не зависеть от того или иного центра силы. В эти годы Казахстан активно выстраивал стратегическое партнерство с Россией. В тоже время страна активно взаимодействовала в экономическом направлении с Китаем. Инвестиционные связи прорабатывались со странами Запада. При этом страна принимала активное участие в СНГ, ШОС, ОДКБ.

В 2012 году была принята новая стратегия – «Казахстан-2050», которая усилила внешнеполитическую направленность страны особенно в части экономической дипломатии, международной конкурентоспособности, интеграции в мировую экономику и усиления роли как регионального лидера. Согласно этой стратегии, страна ставила цель вхождения в число 30 наиболее развитых государств мира.

Как сообщала пресс-служба Акорды, Глава Государства подписал Указ «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014 - 2020 годы» [465]. В специализированном документе основными приоритетами были: защита национальной безопасности, укрепление суверенитета, развитие регионального сотрудничества, продвижение позитивного международного имиджа и развитие многовекторной политики.

Новая «Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы была утверждена Указом Президента РК Касым-Жомарта Токаева от 6 марта 2020 года № 280» [200], где ключевыми направлениями были защита независимости, сохранение многовекторности, развитие центральноазиатского региона, международная безопасность, развитие транспортных коридоров, привлечение инвестиций и усиление экономической дипломатии. Особый акцент выставлен на Центральной Азии и транспортно-логистической роли страны между Азией и Европой.

Современный этап внешнеполитической политики Казахстана характеризуется стремлением к вхождению в число конкурентоспособных

государств мира посредством технологической модернизации. Согласно анализу, представленном в книге «Стратегия становления постиндустриального общества», страна перешла от политики «догоняющего развития» к формированию инновационной экономики, что на наш взгляд подразумевает активное участие в разработке глобальных энергетических и экологических форматов сотрудничества. Чрезвычайный и полномочный посол Республики Казахстан Нуртай Абыкаев отмечал, что «в книге дан анализ процессов устарения всесторонней модернизации Казахстана и повышения конкурентоспособности нации: от стабильности - через модернизацию - к процветанию». «Диверсификация экономики и обеспечение устойчивого роста показана в контексте индустриально-инновационной стратегии Казахстана до 2015 года. Раскрыты многовекторность казахстанской внешней политики, стратегическое партнерство России и Казахстана, углубление интеграции государств в СНГ в фокусе Евразии, разработка глобальной энерго-экологической стратегии» [370], - отмечал посол.

Таким образом стратегии внешнеполитического курса в Казахстана можно разделить на 4 этапа;

Первый этап – 1990-е годы – это становление независимости. В этот период страна формирует самостоятельную внешнюю политику, устанавливает дипломатические отношения с другими государствами. Вместе с тем, страна прорабатывает аспекты защиты суверенитета, международное признание, Казахстан вступает в международные организации и развивает отношения с мировыми державами, участвует в глобальной дипломатии. На этом этапе страна отказывается от ядерного оружия и подписывает договор о его нераспространении, получает гарантии безопасности от мировых держав. Для этого этапа знаменательно то, что страна получает первые иностранные инвестиции, выстраивая энергетическую безопасность.

Второй этап – 2000-е годы – это закрепление многовекторности во внешней политике. Казахстан выстраивает региональную безопасность, заключая соглашения о сотрудничестве с мировыми державами Россией, Китаем (ШОС). На этом этапе происходит усиление роли в Центральной Азии. Страна сконцентрирована на продвижении международного имиджа.

Третий этап – 2010-е годы – экономизация внешней политики и активизация дипломатии в качестве Председателя ОБСЕ в 2010 году. Посредством стратегии «Казахстан - 2050» страна планирует войти топ-50 развитых стран, выстраивая национальную дипломатию для глобальной интеграции. Концепция внешней политики РК на 2014-2020 гг. предусматривает многовекторность во внешней политике, региональное сотрудничество, развитие экономики и национальной безопасности.

Четвертый этап - 2020 -е годы – усиление регионального лидерства и транспортно-логистической стратегии. В этот период страна вступает в ЕАЭС, что дает региональную интеграцию и торговое сотрудничество в

рамках содружества. Концепция внешней политики РК на 2020-2030 гг. – это новая внешнеполитическая стратегия, в которой, придерживаясь политики многовекторности, страна программирует сотрудничество с государствами ЦА, развивая транспортно-логистическую систему. Государство также стремится безопасности и привлечению большего количества иностранных инвестиций. На этом этапе Казахстан сконцентрирован на балансирование между коллективным Западом, Россией и Китаем, развивая транспортные коридоры.

При всем вышеперечисленном именно многовекторность остается главной внешнеполитической стратегией Казахстана с первых лет независимости. Из представленной хронологии видно, что внешнеполитическая стратегия Казахстана эволюционировала от этапа международного признания и институционального становления в 1990-е годы к устойчивой модели многовекторной дипломатии в 2000-е и 2010-е годы. На современном этапе ключевое внимание уделяется укреплению регионального лидерства, развитию транспортно-логистического потенциала и сохранению стратегического баланса между ведущими мировыми центрами силы.

Внешнеэкономические стратегии Узбекистана в постсоветский период – это один из наиболее интересных примеров экономического развития в Центральной Азии.

С того момента, как республика получила статус независимости в 1991 году («Декларации о суверенитете от 20 июня 1990 года и Закона Республики Узбекистан «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» от 31 августа 1991 году» [228, С. 254]) Узбекистан прошел путь от закрытого, жестко регулируемого до открытого и активного участника региональных и глобальных процессов. Пройденный страной путь интересен не только экономическими показателями, но нормативно-правовой базой, которая стала фундаментом экономического развития.

Внешнеэкономические стратегии Узбекистана в нашем исследовании разделены на два периода. Первый – период правления И. Каримова. Второй, соответственно – период правления. Ш. Мирзиеева. В первые годы независимости страна в отличие от своих некоторых соседей сделало ставку на постепенный переход к рыночным отношениям. «Государство - главный реформатор», – отмечал первый президент Узбекистана И. Каримов. Это на наш взгляд означало, что власть стремилась сохранить полный контроль над внешнеторговыми операциями и валютным рынком.

Одним из ключевых законов в первые годы независимости стал Закон «Об иностранных инвестициях». «Настоящий Закон определяет правовые и организационные основы и порядок осуществления иностранных инвестиций на территории Республики Узбекистан. Закон обеспечивает гарантии иностранному капиталу, направлен на привлечение и эффективное использование иностранных финансовых, материальных, интеллектуальных и других ресурсов, современной зарубежной технологии и управленческого опыта с целью содействия развитию народного хозяйства Республики

Узбекистан, интеграции экономики республики в мировую экономическую систему» [131], – было отмечено в преамбуле Закона. Хотя этот Закон и декларировал открытость, на самом деле, в стране, например, были ограничения на конвертацию валюты, что привело к формированию импортозамещающей модели. Славившийся в годы Советского Союза своим хлопком и золотом Узбекистан экспортировал их и, получая валюту, закупал оборудование для того, чтобы создать свои перерабатывающие мощности.

Один из узбекистанских аналитиков отмечал в своей статье под общим название «Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана –

трансформация экономической дипломатии», «на начальном этапе осуществления реформ пришлось практически с нуля формировать современный внешнеэкономический комплекс республики, создать, по существу, новый механизм регулирования внешнеэкономической деятельности. В первые три года независимости реформы в области внешнеэкономической деятельности в Узбекистане заметно продвинулись, прежде всего, в организационно-правовых аспектах. Узбекистан стал больше внимания уделять развитию экспортного потенциала во внешней торговле», – отмечал И.Р. Мавланов.

Первый заместитель председателя Сената Олий Мажлиса Садык Сафаев тогда так прокомментировал ограничения с конвертацией валюты: «Внутренний триггер сворачивания и изменения экономической системы Узбекистана имел место в 1996 году, когда ограничили доступ к конвертации валюты. Речь идёт о постановлении Кабинета министров №405 «О повышении эффективности использования централизованных валютных ресурсов для импорта потребительских товаров» от 19 ноября 1996 года. Документом были отменены все патенты Центробанка, дающие право конвертации юридическим и физическим лицам, и введены лицензии на конвертацию только для крупных супермаркетов, СП или для поставщиков «жизненно важных ресурсов» [342], об этом в интервью проекту Alter Ego заявлял в свое время первый заместитель председателя Сената Олий Мажлиса С. Сафаев.

В годы правления И. Каримова в стране были также заложены основы автомобильной промышленности и модернизация нефтегазового сектора. В начале 2000-х годов внешнеэкономическая стратегия Узбекистана больше выглядела как экспортноориентированная, с условиями сохранения уровня защиты внутреннего рынка. Одним из шагов, имевших отношение к внешнеэкономической стратегии, было принятие Кабинетом министров Постановления «О мерах по обеспечению функционирования внебиржевого валютного рынка» [309], которое формально ввело конвертацию валюты по текущим операциям, но при этом сохранило административные рычаги управления. В связи с чем, мы считаем, экономика оставалась чувствительной к колебаниям мировых цен на основные экспортные товары, что заставляло власти усиливать меры по поддержке отечественных производителей через систему льгот и преференций.

Узбекистанская стратегия в этот период строилась также на диверсификации направлений. Официальный Ташкент балансировал между Россией, Китаем и западными странами. Китай сыграл важную роль, особенно в сфере энергетики и строительства газопровода «Туркменистан-Китай», проходившего через территорию Узбекистана.

«Для реализации проекта и разработки «Концепции развития экономической дипломатии Республики Узбекистан», создается межведомственная рабочая группа из представителей МИД, министерства экономики, агентства «Узинфоинвест», национальной компании «Узбектуризм» с привлечением ученых экономистов, юристов и политологов Университета мировой экономики и дипломатии. Результаты исследований», представленные в МИД и правительство Узбекистана, содержали рекомендации по активизации инструментов экономической дипломатии в стране. отмечал в своей статье И.Р. Мавланов [228, С. 255].

Кардинальный разворот во внешнеэкономической стратегии страны произошел с приходом к власти Ш. Мирзиеева в 2016 году. Страна перешла от политики изоляционизма к политике «открытых дверей». Указ Президента РУз от 2 сентября 2017 года «О первоочередных мерах по либерализации валютной политики» [461] был направлен на валютную либерализацию. В результате чего юридические лица получили право приобретать иностранную валюту в коммерческих банках чтобы оплачивать по текущим международным операциям. Физические лица получили возможность покупать иностранную валюту без ограничений. Однако, осуществление платежей на территории республики в валюте запрещено [458]. Этот Указ создал привлекательность для иностранных инвестиций и устранение ограничений на валютные операции.

Позже для преодоления текущего состояния во внешнеэкономической сфере был издан «Указ Президента Республики Узбекистан «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах» 1 от 7 февраля 2017 г., в котором уделено важное внимание дальнейшему развитию международного торгово-экономического сотрудничества, в том числе путем расширения связей с ведущими международными и зарубежными финансовыми институтами, либерализация экспортной деятельности, диверсификация структуры и географии экспорта, расширение и мобилизация экспортного потенциала отраслей экономики и территорий. В Стратегии развития и указаниях Президента Узбекистана были поставлены и более амбициозные задачи по привлечению иностранных инвестиций», – отмечал в своей научной статье И.Р. Мавланов [228, С. 256].

С приходом к власти Ш. Мирзиеева было инициировано проведение Консультативных встреч глав государств Центральной Азии (таких Консультативных встреч было 5, о них более подробно дается характеристика в последующих параграфах). В результате чего подписаны соглашения о создании зон свободной торговли и приграничных торговых центров

(например, МЦПС «Центральная Азия» на границе с Казахстаном). Страна возобновила процесс вступления в ВТО и получила статус наблюдателя в ЕАЭС.

«В послании к Олий Мажлису в декабре 2017 года Ш. Мирзиёев обратил внимание МИД и торгово-экономических советников посольств на необходимость использования всех имеющихся возможностей «для повышения инвестиционной привлекательности нашей страны», развития международной торговли и экономики» [228, С. 256].

5 апреля 2018 г. Президент Узбекистана подписывает Указ «О мерах по коренному совершенствованию системы министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», где подчеркнуто, что реформирование системы МИД Узбекистана должно осуществляться «с акцентом на продвижение «экономической дипломатии» [460]. Согласно этого Указа дипломаты страны должны быть сосредоточены на продвижение экономических интересов Узбекистана. Это указывает на то, что экономической дипломатии придан важный государственный статус, для продвижения своих интересов на мировой арене.

В 2019 году был принят новый Закон «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» [130]. В нем были закреплены гарантии для инвесторов от того, что государство не будет претендовать на национализацию или реквизицию (за исключением чрезвычайных ситуаций) и также закреплено право на свободные переводы средств. Все инвесторы, согласно Закону, получили право свободно распоряжаться своими доходами.

В современной стратегии «Узбекистан - 2030», страна ставит цели по увеличению экспорта до 45 млрд. долларов и увеличить привлечение иностранных инвестиций. Кроме того, в ней отмечается стремление государства к устойчивому росту, создания новой системы образования, здравоохранения и социальной защиты. В том числе акцентируется внимание на создании благоприятных экологических условий [371].

Узбекистан, придерживаясь многовекторной политики осуществляет сотрудничество со всеми государствами Центральной Азии [424], Россией [25], Китаем [504], США [365], Евросоюзом [470], Японией [462], Южной Кореей [484] и другими странами. «В 2021 г. Узбекистан присоединился к системе преференций GSP+, позволяющей беспошлинно экспортировать в Европейский Союз 6 200 категорий товаров. Несколько сотен агропродовольственных предприятий подали документы в узбекское Агентство по продвижению экспорта на получение международной сертификации надлежащей сельскохозяйственной практики (GAP)» [363], – сообщается на официальном веб-сайте Европейского Союза.

Знаменательным событием было то, что главы Узбекистана и США встречались в мае 2017 года в Эр-Рияде и в сентябре в Нью-Йорке. Последняя встреча лидеров стран состоялась в 2025 году [44]. Лидер Узбекистана

выдвинул ряд предложений и инициатив, направленных на решение наиболее актуальных вопросов международной и региональной повестки, обеспечение мира и устойчивого развития [50].

Развитие внешнеэкономических стратегий Узбекистана за годы независимости показало трансформацию с жесткой государственной опеки к открытой прагматичной экономике, стремящейся к лидерству в центральноазиатском регионе. Если в 90-е годы XX века целью страны было выживание и сохранение стабильности, страна основывалась на «пути реформ», где в приоритете была защита внутреннего рынка и сохранение валютного контроля. Создание в Узбекистане завершенных производственных циклов, с одной стороны, позволило стране сохранить и развивать промышленный потенциал, а с другой, такой подход ограничивал приток внешних инвестиций из-за высоких административных барьеров.

Сдвиг произошедший в последние годы продемонстрировал то, что Ташкент готов к пересмотру прежней политики. Либерализация валютного рынка и реформирование нормативно-правовой базы стали сигналом о смене приоритетов, где в экономической дипломатии ключевым стало не просто экспортирование сырья, а активное встраивание в международные транспортные коридоры. В настоящее время избрав такую стратегию Узбекистан, идет в русле инновационного развития. При этом следует отметить, что нынешний вектор экономического развития характеризуется как многовекторный. Узбекистану удается балансирование между крупными акторами системы международных отношений. Страна, сохраняя статус наблюдателя в ЕАЭС одновременно работает над процессом вступления в ВТО. Это говорит о том, что стремление направлено на получение преференций в ЕАЭС, при том, что не закрываются возможности для технологического сотрудничества с государствами Запада и Юго-Восточной Азии.

Таким образом можно отметить, что внешнеэкономическая стратегия Узбекистана трансформировалась из закрытой экономики в экономику с динамичными механизмами развития. Двигаясь в таком направлении, страна может достичь больших успехов, если ей удастся конвертировать демографический и транзитный потенциал в реальную конкурентоспособность готовой продукции на мировом рынке, закрепив за собой имидж ключевого связующего звена в центре континента.

Внешнеэкономические стратегии Республики Таджикистан в постсоветский период требует глубокого понимания экономического развития горной республики. Гражданская война в первые годы независимости и ее разрушительный эффект наделяют страну отличием от многих своих региональных соседей в контексте системного кризиса плановой экономики. Процесс формирования внешнеэкономического курса республики прошел сложный путь трансформации от вынужденного поиска путей сохранения государственности и гуманитарной поддержки до попыток реализации масштабных энергетических проектов.

Переходя к анализу процессов формирования внешнеэкономической стратегии Таджикистана, необходимо отметить, что ее фундамент закладывался в условиях кризиса. В первой половине 1990-х годов в ходе гражданской войны страна утратила значительную часть своего промышленного потенциала. В кризисный период принятый Закон Республики Таджикистан «О внешнеэкономической деятельности» [117] 1993 года стал основополагающим нормативным актом, определившим правовые основы, принципы и порядок осуществления внешнеэкономических связей после провозглашения независимости, заложил принципы государственного регулирования экспорта и импорта. Согласно принятого закона внешнеэкономическую деятельность могут осуществлять юридические и физические лица. В последующие годы вносились изменения в 2004 [118], 2007 [119], 2015 [120], 2022 (2022-2023 годах в законодательство вносились изменения, регулирующие процедуры, ограничения и принципы торговли товарами и услугами) [121], 2025 [122] годах.

Редакция Закона «О внешнеэкономической деятельности» Республики Таджикистан «определяет правовые, организационные и экономические основы внешнеторговой деятельности, основные принципы внешнеторговой деятельности, права и обязанности субъектов внешнеторговой деятельности и направлен на создание благоприятных условий для внешнеторговой деятельности, и ее эффективной интеграции в мировую экономику» [121].

После подписания в Москве Общего соглашения о восстановлении мира и национального согласия в 1997 году между правительством и Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) в стране был закреплен мир [314]. Власти страны приступили к разработке программ, которые были направлены на привлечение иностранных инвестиций. Тогда ключевую роль сыграл Закон РТ «Об иностранных инвестициях» (в редакциях 2007 [123], 2016 [124], 2018 [125], 2025 [126] годов). Законы начиная с редакции 2007 года предоставили инвесторам гарантии от национализации. Кроме того, в соответствии с принятым Законом инвесторы могли беспрепятственно вывозить прибыль. После этого в Таджикистане инвестиции привлеченные с страну обменивались на ресурсы и инфраструктуру, что позволило начать модернизацию ключевых объектов страны, таких как Таджикский алюминиевый завод (ТАЛКО) [392].

На официальной веб-странице Министерства иностранных дел Республики Таджикистана сообщается: что «Изменение внешнеэкономических приоритетов в 2000-е годы был тесно связан с необходимостью выхода из географического тупика. Таджикистан развернулся в сторону формирования транспортных коридоров. Это было отражено в Программе целевого развития транспорта Республики Таджикистан до 2025 года в соответствии с Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 01.04.2011 года, №165 [421]. «Для достижения данной цели были осуществлены и реализуются ряд мер, такие как строительство дорог, мостов, тоннелей, реконструкция транспортных

объектов. В частности, автодорожный тоннель под перевалами «Шаршар», «Чормагзак» и «Шахристон» были сданы в эксплуатацию; также было завершено строительство и модернизация автодороги «Душанбе-Бустон-Чанак», «Душанбе-Нурабад-Джиргиталь-Саритош», «Душанбе-Дангара». Продолжается строительство автомобильного тоннеля «Истиклол». Автомобильный мост «Дусти» на реке Пяндж был построен и сдан в эксплуатацию, маршрут автомобильных дорог «Куляб-Калъаи Хумб-Хоруг-Кулмак», «Кургантюбе-Дусти» и другие автомобильные дороги в различных регионах страны находятся на стадии строительства с участием таких стран как Япония, Турция и Иран. Осуществление таких проектов предоставляет возможность для улучшения путешествий (передвижения) граждан, отгрузок и транспортировки товаров и обеспечения передвижения продуктов на рынках и преодоления зависимости от дорог, соединяющих отдельные регионы страны через соседние страны и увеличения обмена товаров с соседними странами» – сообщал МИД Республики Таджикистан [241].

«Активное сотрудничество с китайским Эксимбанком и Азиатским банком развития позволило республике построить тоннель «Истиклол» и автомагистраль «Душанбе-Худжанд-Чанак», – отмечено на официальной веб-странице Национального Банка Таджикистана [257]. Это отразилось на экспортной привлекательности, которая повысилась и изменило логистическую карту страны и региона Центральной Азии.

Таджикистан горная республика и расположена у истоков реки Амударья. Гидроэнергетический потенциал страны очень высокий. В связи с чем во внешнеэкономической дипломатии гидроэнергетическое направление занимает особое место. Для того, чтобы получить энергетическую независимость стране потребовался поиск масштабных финансовых ресурсов для завершения строительства Рогунской ГЭС. В связи с чем официальный Душанбе начал проводить активную многовекторную дипломатию с целью привлечения партнеров. Внешнеполитическая стратегия в гидроэнергетическом секторе трансформировалась из технических планов в геополитический инструмент, который был обозначен в «Национальной стратегии развития на период до 2030 года». Проект CASA-1000 [511] перспективный для Таджикистана в контексте экспорта электроэнергии в Афганистан и Пакистан.

Вступление Таджикистана в ВТО в 2013 году стало формальным признанием того, что республика стремится к либеральной торговле. Однако адаптация таджикской экономики к стандартам, условия ВТО проходит медленно из-за зависимости от импорта и малого объема экспортных товаров. Параллельно с ВТО Душанбе ведет переговоры о вступлении в ЕАЭС.

На официальной странице МИДа РТ сообщается, что «вхождение Таджикистана в столь престижную международную организацию само по себе является положительным фактом. Оно может дать толчок кардинальному реформированию всех отраслей экономики. Основным условием нахождения своего места в данной организации является

конкурентоспособность товаров, а также оказываемых услуг. Другим немаловажным условием является защита отечественного производителя, и усиление его экспортного потенциала. Этот аспект можно отнести как положительный пример вступления. Правительство Республики Таджикистан уделяет серьезное внимание вопросу адаптации экономики страны к новым условиям конкуренции на мировой арене и в разработке Программы по адаптации экономики страны к условиям ВТО. В данной программе с целью защиты национальных интересов страны работы будут направлены на проведении реформ и усовершенствование законодательства, конкретные меры по развитию чувствительных секторов промышленности страны, такие как текстильная промышленность, горнодобывающая промышленность, сельскохозяйственные товары, производство необходимых товаров и другие сектора, которые являются конкурентными на мировом рынке», – сообщало МИД РТ.

Трудовые мигранты играют важную роль в развитии экономики Таджикистана. Международная организация по миграции (IOM) опубликовала результаты пятого раунда опроса возвращённых трудовых мигрантов в Таджикистане, в которых указывается на то, что «трудовая миграция в Россию остаётся не просто социальной практикой, а фундаментальной опорой экономической жизни Таджикистана. Денежные переводы мигрантов из-за рубежа оказывают колоссальное влияние на национальную экономику: по данным Всемирного банка, их доля в ВВП Таджикистана в 2024 году достигла примерно 45 %, один из самых высоких показателей в мире, и объём поступлений составил почти $5,8 млрд. При этом официальная риторика и статистические отчёты властей нередко умалчивают о реальной роли трудовых мигрантов в экономике, предпочитая не подчёркивать степень зависимости от денежных переводов как структурного фактора развития, несмотря на их критическую значимость для домохозяйств и бюджета страны» [493].

Свободные экономические зоны (СЭЗ) играют важную роль в экономическом развитии Таджикистана. Такие зоны создаются для стимулирования привлечения инвестиций. Благодаря льготным условиям, таким как налоговые преференции и упрощенные регистрационные процедуры в стране открывается иностранный бизнес, стимулируется развитие различных отраслей, внедряются новые технологии, расширяются производственные мощности, создаются новые рабочие места и т.д. СЭЗы «Сугд», «Пяндж», «Дангара», «Куляб» играют стратегическую роль в стимулировании инвестиций и поддержке экономического прогресса страны [136].

Подводя к общему знаменателю раздел параграфа о внешнеэкономической стратегии Таджикистана, следует отметить, что изменения шли по пути усиления государственного прагматизма. Страна прошла путь от гражданской войны до реализации масштабных геоэкономических проектов. В настоящее время, главным вектором развития

страны стало то, что она после завершения строительства Рогунской ГЭС обеспечила себе независимость. Участие в проекте CASA-1000 превращает Душанбе в экспортера экологически чистой, или как принято говорить «зеленой» электроэнергии в Южную Азию. При этом в стране сохраняется модель, при которой переводы трудовых мигрантов в Таджикистан остаются важными факторами для экономики ее финансовой стабильности. Центральноазиатская республика пытается найти баланс между крупными международными акторами системы международных отношений. Стратегическое партнерство с Китаем позволило модернизировать транспортную инфраструктуру, вступление в ВТО указывает на готовность страны работать по международным стандартам. Несмотря на то, что у Таджикистана высокая долговая нагрузка, страна сосредоточена на создании свободных экономических зон и постепенном переходе к индустриально-аграрной модели, которая должна снизить зависимость страны от внешних потрясений. Таким образом, внешнеэкономическая политика Таджикистана в настоящее время стремится к конвертации природных ресурсов и географического положения в платформу для индустриального развития.

Внешнеэкономическая стратегия Туркменистана в постсоветский период представляет собой одну из самых закрытых и при этом специфических моделей развития в центральноазиатском регионе и на всем евразийском пространстве. Актуальность раздела параграфа обусловлена не только тем, что страна обладает запасами газа промышленных масштабов, но и тем, как страна пытается использовать нейтралитет как инструмент экономического влияния. Исследование специфики внешнеэкономической стратегии Туркменистана интересно также тем, что страна, использующая политику изоляционизма во внутренней политике, развивается за счет внешней экономической дипломатии, экспортируя нефть и газ.

В научной публикации Мираняна А. «Внешнеэкономическая политика Туркмении: итоги десятилетия», автор отмечает, что «Туркмения (Республика Туркменистан) – одна из наиболее закрытых и непредсказуемых стран на постсоветском пространстве, отличительными особенностями которой являются: абсолютизация президентской формы правления; отсутствие гражданских и предпринимательских свобод в вопросах перемещения граждан и ведения хозяйственной деятельности; централизация государственного контроля базовых отраслей (нефте- и газодобывающих) и внешнеэкономической деятельности» [238, С. 44].

Исследование того, как Туркменистан перешел с зависимости от российских газотранспортных путей к диверсифицированному экспорту, где Китай стал основным партнером по финансам и технологиям вызывает особый интерес. При этом страна стремится к тому, чтобы наладить поставки газа в Турцию и Европейский Союз.

Началом формирования внешнеэкономического курса Туркменистана послужила прежде всего полученная независимость. С середины 90-х XX

века страна провозгласила политику нейтралитета и закрепления государственного контроля над всеми стратегическими ресурсами.

Неотъемлемой частью архитектуры внешнеэкономической стратегии Туркменистана является его статус «нейтралитета», закрепленный ГАА ООН от 12 декабря 1995 года [311]. Этот статус в экономическом плане стал инструментом дистанцирования Туркменистана от любых интеграционных объединений, предполагающих наднациональное регулирование. Центральноазиатская республика остается единственной страной региона, которая не входит в ВТО и ЕАЭС. Такая позиция позволяет государству сохранять абсолютную монополию на принятие решений в энергетической сфере, что подтверждается Законом «Об углеводородных ресурсах» [128]. Этот закон ограничивает доступ внешних акторов к месторождениям страны, оставляя право только за государственной организацией «Туркменгаз».

Главным нормативным актом в ранний период независимости стал Закон Туркменистана от 19 мая 1992 года № 698-XII «Об инвестиционной деятельности» [128] (в 2015 году в Закон были внесены изменения и дополнения) [127] и последующее Постановление Президента Туркменистана от 22 декабря 1997 года № 3462 Об утверждении Положения о Государственном концерне «Туркменнефть» [310]. Эти правовые акты создали каркас, при котором иностранный капитал допускался в страну исключительно на условиях соглашений о разделе продукции и только в те секторы, которые требовали высокотехнологичного бурения на каспийском шельфе.

Процесс изменений внешнеэкономической стратегии можно разделить на два этапа. Первый этап – это период правления С. Ниязова, когда внешняя политика торгово-экономические отношения с партнерами выстраивались на бартерной основе, а сам экспорт газа был ограничен пропускными мощностями газопровода «Средняя Азия - Центр». С приходом к власти Г. Бердымухамедова произошли изменения в стратегии, был взят курс на диверсификацию. Точкой отсчета таких изменений стал запуск газопровода «Туркменистан - Китай» в 2009 году.

Новостная лента официальной веб-страницы ООН опубликовала статью, в которой сообщалось, что «комплекс головных сооружений Трансазиатской газовой магистрали, по которой будут осуществляться поставки крупных объемов туркменского природного газа в Китай через территорию Узбекистана и Казахстана, возведен в Самандепе. В кратчайшие сроки было проложено семь тысяч километров трубопроводной магистрали, по которой в течение тридцати лет ежегодно будут осуществляться поставки 40 миллиардов кубометров туркменского природного газа. В реализации этого очень сложного проекта участвовали десятки крупнейших компаний из разных стран. Газовая магистраль построена с соблюдением всех экологических стандартов» [419], сообщила веб-страница ООН. Этот проект не только открыл новый рынок, он изменил геополитический баланс в

регионе, который позволил Туркменистану диктовать свои условия в дебатах по цене на газ.

В современной внешнеэкономической стратегии Туркменистана особое внимание уделяется развитию транспортных коридоров. Страна имеет выход к Каспийскому морю, но не имеет выхода к открытому морю. Страна предпринимает попытки встроиться в транзит Север-Юг и Восток-Запад. После того как государства, имеющие в своих границах побережье Каспийского моря, внешнеэкономическая стратегия Туркменистана получила новый импульс. Международный морской порт Туркменбаши стал одним из крупнейших хабов на Каспийском море. Этот порт, по сути, проект, который дает возможность стране встроиться в коридор «Север-Юг». В этом плане важным документом выступала «Программа развития транспортной дипломатии на 2022-2025 годы» [468], в которой акцентирование шло на переход с простого транзита энергоресурсов на создание мультимодальной логистики. Строительство автобана «Аххабад - Туркменабад» начатое в 2019 году [45], который связывает восток страны с портами Каспия подтверждает стремление Туркменистана. На законодательном уровне это подкреплено Программой развития внешнеэкономической деятельности на 2020-2025 годы [467], где впервые также ставится задача вывозить не только сырье, но и развивать газохимическую отрасль. Таким образом Туркменистан стремится получить имидж не только экспортера газа, но и стать экспортером товаров с высокой добавленной стоимостью, сохраняя суверенитет и внутриполитический уклад.

В стране наметился переход на реализацию проектов по глубокой переработке газа, чтобы занять нишу на рынках полимеров и минеральных удобрений. «Национальная программа социально-экономического развития на 2022-2052 годы» [466], ставит задачу перехода Туркменистана в промышленно развитую страну.

News Central Asia – новостной, информационный и аналитический сервис с административным офисом в Пакистане и редакцией в Туркменистане на свой веб-странице отмечает, что «Внешнеэкономическая деятельность Туркменистана носит планерный и многосторонний характер. Важное внимание уделяется взаимодействию с международными экономическими организациями, такими как Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Европейская экономическая комиссия (ЕЭК), Экономическая и социальная комиссия для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), Организация экономического сотрудничества и развития (ОР), Всемирная торговая организация (ВТО). Туркменистан активно поддерживает и поддерживает связи с международными организациями и региональными финансовыми институтами, такими как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк конференций и развития, Азиатский банк развития, Исламский банк развития и т. д.» [433].

Таким образом, обобщая внешнеэкономическую стратегию Туркменистана, можно сделать вывод, что годы независимости страна выстроила модель «энергетического суверенитета», которая основывается на государственном контроле и политике нейтралитета. Отличительной чертой Туркменистана стало то, что страна стремится избежать участия в наднациональных союзах и интеграционных объединениях, что позволило сохранить за собой исключительное право самостоятельно распоряжаться углеводородными ресурсами. Чтобы уйти от зависимости от северных газотранспортных путей Туркменистан диверсифицировал маршруты экспорта газа, что в итоге привело к установлению стратегического и финансового партнёрства с Китаем.

Современный внешнеэкономический подход страны характеризуется стремлением перейти от сырьевой модели к созданию высокотехнологичной газохимической индустрии и мощной транзитной инфраструктуры. Туркменистан инвестирует в строительство инфраструктурных объектов, транспортных коридоров, чтобы превратить территорию страны в логистический узел между Каспийским регионом и рынками Южной Азии. Такая закрытая модель внешнеэкономической деятельности Туркменистана пока стабильная, но на наш взгляд, она будет зависеть от способности сбалансировать национальный изоляционизм с необходимостью более глубокого выстраивания в мирохозяйственные связи.

Проведенный анализ процессов формирования и трансформации внешнеэкономических стратегий государств Центральной Азии в постсоветский период позволяет прийти к ряду концептуальных выводов. Несмотря на то, что у государств региона общность исторического наследия и географическая близость, каждая республика выстраивала свою модель сотрудничества с мировым рынком, с учетом своих природных ресурсов, демографического, экономического потенциала и внешнеполитических приоритетов.

Таким образом в постсоветский период Кыргызстан во внешнеэкономической стратегии использовал модели реэкспорта, затем, энергетический и горнодобывающий, после – цифровизация экономики и использование транзитного потенциала. Эти модели имели акцент в годы независимости, следуя друг за другом. Однако говорить о том, что первые две предыдущие модели изжили себя не приходится. Все модели в настоящее время используются во внешнеэкономической стратегии с акцентом на цифровизацию экономики и использование транзитного потенциала. Реэкспортом Кыргызстан как занимался, так и продолжает. Китайские товары в Россию и в страны центральноазиатского региона реэкспортируются. Внешнеэкономическая стратегия развивалась от либерализации и раннего вступления в ВТО к поиску ниши в рамках евразийской интеграции.

Главной особенностью кыргызстанской модели остается адаптивность к внешним вызовам, опора на малый и средний бизнес. Страна продолжает привлекать инвестиции для развития энергетического сектора и на

инфраструктурные проекты. Кыргызская Республика также стремится в своей внешнеполитической стратегии расширять торговлю, развивать транспортно-логистические связи и продвигать национальные экономические интересы. Республика зависит от внешнего финансирования и у нее стремление стать транзитным узлом. Развитие гидроэнергетики – это долгосрочный проект роста.

Кыргызстан во внешнеэкономической стратегии стремится придерживаться многовекторности. В отношении Кыргызстана можно отметить, что он реализовывал политику открытости. Страна также предпринимает усилия по укреплению позиций в организациях, таких как ООН, ШОС, ВТО, ЕАЭС, ОДКБ и получает дополнительные бонусы для развития от участия в них. Республика в условиях высокой конкуренции в системе международных отношений старается выстраивать такие отношения с внешним миром, которые помогают укрепить государственность, экономику и региональную стабильность. Внешняя политика страны ориентирована не только на политические задачи, но в том числе и на решение социально-экономических вопросов государства.

Стратегии внешнеполитического курса в Казахстана можно разделить на 4 основных этапа. В 1990-е годы в период становления независимости республика устанавливала дипломатические связи с внешним миром, стремясь прорабатывать аспекты защиты суверенитета, международное признание, Казахстан участвует в глобальной дипломатии. Для этого этапа знаменательно то, что страна получает первые иностранные инвестиции, выстраивая энергетическую безопасность. Второй этап – 2000-е годы – это закрепление многовекторности во внешней политике. Страна сконцентрирована на продвижении международного имиджа. Кроме этого, привлечение инвестиций в нефтегазовую отрасль и перерабатывающую отрасль увеличивается.

Третий этап – 2010-е годы – экономизация внешней политики и активизация дипломатии, страна планирует войти в топ-50 развитых стран, выстраивая национальную дипломатию для глобальной интеграции. Отметить необходимо то, что страна предусматривает многовекторность во внешней политике, региональное сотрудничество, развитие экономики и национальной безопасности. В результате такой внешнеэкономической политики в нефтегазовую отрасль инвестиции растут. Страна также стремится перейти от сырьевого экспорта к экспортированию переработанной продукции с добавленной стоимостью.

Четвертый этап - 2020 -е годы – усиление регионального лидерства и транспортно-логистической стратегии. В этот период страна осуществляет региональную интеграцию и торговое сотрудничество в рамках содружества ЕАЭС. Страна программирует сотрудничество с государствами ЦА, развивая транспортно-логистическую систему. Государство также стремится к безопасности и привлечению большего количества иностранных инвестиций. На этом этапе Казахстан сконцентрирован на балансирование между

коллективным Западом, Россией и Китаем, развивая транспортные коридоры. Присутствие в экономике иностранных партнеров в этот период вывел страну в самого крупного получателя инвестиций.

При всем вышеперечисленном именно многовекторность остается главной внешнеполитической стратегией Казахстана с первых лет независимости. Внешнеполитическая стратегия Казахстана эволюционировала от этапа международного признания и институционального становления в 1990-е годы к устойчивой модели многовекторной дипломатии в 2000-е и 2010-е годы. На современном этапе ключевое внимание уделяется укреплению регионального лидерства, развитию транспортно-логистического потенциала и сохранению стратегического баланса между ведущими мировыми центрами силы.

Развитие внешнеэкономических стратегий Узбекистана за годы независимости показало, что в 90-е годы XX века целью страны было выживание и сохранение стабильности, страна основывалась на «пути реформ», где в приоритете была защита внутреннего рынка и сохранение валютного контроля. Создание в последующие годы в Узбекистане завершенных производственных циклов позволило стране сохранить и развивать промышленный потенциал. Такой подход ограничивал приток внешних инвестиций из-за высоких административных барьеров в первые годы независимости.

Позже Ташкент пересмотрел прежнюю политику. Либерализация валютного рынка и реформирование нормативно-правовой базы стали сигналом о смене приоритетов, где в экономической дипломатии ключевым стало не просто экспортирование сырья, а активное встраивание в международные транспортные коридоры. Узбекистан, идет в русле инновационного развития. При этом следует отметить, что нынешний вектор экономического развития характеризуется как многовекторный. Узбекистану удается балансирование между крупными акторами системы международных отношений. Страна, сохраняя статус наблюдателя в ЕАЭС одновременно работает над процессом вступления в ВТО. Это говорит о том, что стремление направлено на получение преференций в ЕАЭС, при том, что не закрываются возможности для технологического сотрудничества с государствами Запада и Юго-Восточной Азии.

Таким образом можно отметить, что внешнеэкономическая стратегия Узбекистана трансформировалась из закрытой экономики в экономику с динамичными механизмами развития. Двигаясь в таком направлении, страна может достичь больших успехов, если ей удастся конвертировать демографический и транзитный потенциал в реальную конкурентоспособность готовой продукции на мировом рынке, закрепив за собой имидж ключевого связующего звена в центре континента.

Внешнеэкономическая стратегия Таджикистана шла по пути усиления государственного прагматизма. Главным вектором развития страны стало то, что она после завершения строительства Рогунской ГЭС обеспечила себе

независимость. Участие в проекте CASA-1000 превращает Душанбе в экспортера экологически чистой, или как принято говорить «зеленой» электроэнергии в Южную Азию. При этом в стране сохраняется модель, при которой переводы трудовых мигрантов в Таджикистан остаются важными факторами для экономики ее финансовой стабильности. Центральноазиатская республика пытается найти баланс между крупными международными акторами системы международных отношений. Стратегическое партнерство с Китаем позволило модернизировать транспортную инфраструктуру, вступление в ВТО указывает на готовность страны работать по международным стандартам. Несмотря на то, что у Таджикистана высокая долговая нагрузка, страна сосредоточена на создании свободных экономических зон и постепенном переходе к индустриально-аграрной модели, которая должна снизить зависимость страны от внешних потрясений. Таким образом, внешнеэкономическая политика Таджикистана в настоящее время стремится к конвертации природных ресурсов и географического положения в платформу для индустриального развития.

Внешнеэкономическая стратегия Туркменистана в годы независимости страна выстроила модель «энергетического суверенитета», которая основывается на государственном контроле и политике нейтралитета. Страна стремится избежать участия в наднациональных союзах и интеграционных объединениях, что позволило сохранить за собой исключительное право самостоятельно распоряжаться углеводородными ресурсами. Туркменистан диверсифицировал маршруты экспорта газа, что привело к установлению стратегического и финансового партнёрства с Китаем.

Современный внешнеэкономический подход страны характеризуется стремлением перейти от сырьевой модели к созданию высокотехнологичной газохимической индустрии и мощной транзитной инфраструктуры. Туркменистан инвестирует в строительство инфраструктурных объектов, транспортных коридоров, чтобы превратить территорию страны в логистический узел между Каспийским регионом и рынками Южной Азии. Закрытая модель внешнеэкономической деятельности Туркменистана пока стабильная, но на наш взгляд, она будет зависеть от способности сбалансировать национальный изоляционизм с необходимостью более глубокого выстраивания в мирохозяйственные связи.

ГЛАВА II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

2.1 Основные модели сотрудничества в контексте внешнеэкономической деятельности: ретроспектива и состояние

После распада Советского Союза и приобретения независимости перед республиками Центральной Азии стоял вопрос каким образом выстраивать внешнеэкономические связи, при том, что самостоятельного опыта не было. При этом нельзя упускать из внимания, что все республики отличались друг от друга по уровню индустриализации, ресурсным потенциалом, обеспеченностью ресурсами, развитостью инфраструктуры, демографической ситуацией, внутриполитической ситуацией и другими факторами. Это были важные показатели, которые позже в разной степени будут привлекать внимание инвесторов. Центральноазиатские республики в связи с происходящими изменениями и новыми требованиями вынуждены были приспосабливаться к новым реалиям в системе международных отношений, что вызывает необходимость аналитического осмысления происходивших процессов.

В силу складывавшихся геополитических и геоэкономических обстоятельств, регион Центральной Азии не имеющий выход к мировому океану становится важнейшим мостом сухопутной торговли Евразии. В условиях нарастающих изменений в регионе актуальность темы возрастает в связи с реализацией государствами политики прагматической многовекторности. Такой подход требует балансирования между обязательствами перед соседними странами, глобальными игроками и национальными интересами. Особое место в исследовании привлекает специфика Туркменистана и его уникальная модель «постоянного нейтралитета».

В этом параграфе ведется поиск ответа на главный исследовательский вопрос – как государства Центральной Азии выстраивали модели сотрудничества в контексте внешнеэкономической деятельности, где основное аналитическое внимание сосредоточено на ретроспективе и состоянии путей самостоятельного развития. Исторический контекст и текущее состояние развития новой системы хозяйственных внутрирегиональных и внерегиональных связей сопровождается данными создания политико-экономических взаимоотношений государств заявленного региона.

Существуют различные понятия взаимоотношений государств. В нашей диссертационной работе за основу взято определение известного эксперта исследователя Смагуловой Д.К. и она считает, «под взаимоотношением государств подразумевается процесс сближения и взаимодействия национальных хозяйств, формирования региональных экономических группировок. На основе согласования, унификации и

гармонизации бюджетной, налоговой, валютной политики создается единое экономическое пространство» [356, С. 115]. Такая универсальная трактовка действительно характеризует понятие «взаимоотношение государств». Оно характеризует связи, которые мы планируем изучать и анализировать в этом параграфе, где внимание будет уделено выстраиванию двусторонних и многосторонних отношений с влиятельными акторами системы международных отношений.

В поиске ответа на главный исследовательский вопрос использовались исторический, причинно-следственный и индуктивный методы анализа.

Взаимоотношения между государствами центральноазиатского региона и их международные связи вне постсоветского пространства, как известно начинаются после распада СССР. На фоне распавшейся страны создается Содружество независимых государств, куда вошли большая часть бывших советских республик. Как и многие средства массовой информации (СМИ) того времени медиагруппа «Большая Азия» сообщало, что «21 декабря 1991 года в Алма-Ате главы одиннадцати государств подписали Протокол к данному Соглашению. В нем зафиксировано, что Азербайджанская Республика, Республика Армения, Белорусская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдавия, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах образуют Содружество Независимых Государств».

Также медиа группа «Большая Азия на своем сайте дает историческую справку о том, что «Грузия стала членом СНГ в 1993 году и вышла из его состава 18 августа 2009 года. 22 января 1993 года был принят Устав Содружества. Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан являются государствами – членами СНГ: согласно Уставу, этим статусом обладают страны, присоединившиеся к Уставу СНГ в течение одного года после его принятия. Украина и Туркменистан, не ратифицировавшие Устав СНГ, де-юре считаются государствами – участниками СНГ. С августа 2005 года Туркменистан имеет статус ассоциированного члена Содружества» [358]. Таким образом, образованный политико-экономический союз на постсоветском пространстве открывает новую страницу выстраивания взаимоотношений уже на уровне независимых суверенных государств.

Распад Советского Союза изучался и анализируется по настоящее время. Тема актуальная поскольку она является началом разрыва единых хозяйственных связей и поиском национальной идентичности. Многие эксперты, аналитики, ученые обращали свое внимание на указанные выше обстоятельства, обращая внимание на различные аспекты.

Воробьёв П. в своей статье «Блокирующие факторы и перспективы интеграции стран Центральной Азии» упоминает о том, что «Первые консультативные встречи лидеров стран Центральной Азии (ЦА) по вопросам интеграции состоялись 13 декабря 1991 года в Ашхабаде», он отмечает, что

«по сути, эта встреча стала ответной реакцией на встречу глав государств России, Украины и Белоруссии в Беловежской пуще без приглашения на нее руководителей республик Центральной Азии и решение без их согласия о роспуске Советского Союза и создании СНГ» [337]. Вряд ли можно не согласиться с таким мнением по поводу реакции лидеров государств Центральной Азии. Логично считать, что руководители центральноазиатских стран в разворачивающихся исторических событиях пропустив распад страны, собрались обсудить не только результат прошедшего без них политического события, но в том числе и обозначить дальнейшее развитие нового формата под названием СНГ, как полноправные участники международных отношений.

Воробьев П. также указал в свое статье и на факт бывший в 1992 г. в Алматы на первом саммите независимых государств постсоветской Средней Азии, где «президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил изменить наименование «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия» (ЦА), охватывающего все постсоветские государства обозначенного региона [60]. Тогда же было предложено об интеграции центральноазиатских республик. Однако эта концепция не получила поддержки в кругах лидеров государств региона». Действительно государства Центральной Азии так и не смогли создать политический или экономический союз, который мог бы указывать на интеграцию региона.

Другой аналитик и эксперт Пядухов Г.А. при изучении и анализе Межгосударственного Совета центральноазиатских республик выполняя анализ тенденции развития, отметил что «Встречи глав государств В Ташкенте 4 января 1993 года лидеры уже независимых государств ЦА обсудили политическое и экономическое положение в государствах региона, а также отметили необходимость укрепления и расширение взаимовыгодных торгово-экономических и гуманитарных связей между странами ЦАР. В июле 1993 года Казахстан и Узбекистан заключили соглашение о мерах по углублению экономической интеграции на 1994-2000 годы, а в январе следующего года подписали Договор о создании единого экономического пространства. Через три месяца к нему присоединился Кыргызстан» [326]. Участившиеся встречи глав государств изучаемого региона указывают на то, что страны предпринимали неоднократные попытки к интеграции, с целью выстраивания новых отношений и восстановления прежних хозяйственных связей, чтобы сохранить имеющуюся базу, оставшуюся после распада слаженной хозяйственной системы СССР и дать ей импульсы развития.

Однако следует отметить, что не всегда все пять центральноазиатские республики встречались на постоянной основе. Были встречи на высшем уровне и не в полном составе. В научной литературе рассматриваются события указывающие на такие встречи и указывается на то, что «Следующим шагом по региональной интеграции стала встреча лидеров стран ЦА 30 апреля 1994 г. в г. Чолпон-Ата в Кыргызстане, на которой был подписан трехсторонний договор с участием Кыргызстана, Казахстана и

Узбекистана о создании единой экономической зоны. Данное объединение получило название «Центрально-Азиатское экономическое сообщество» (ЦАЭС), однако фактически оно стало выполнять свою заявленную роль без участия двух других республик ЦАР – Таджикистана и Туркменистана», при этом отмечается, что Туркменистан занимал довольно выжидательную позицию в отношении участия в разнообразных объединениях того времени, а Таджикистан в тот исторический период переживал нелегкие времена – на территории страны шла гражданская война, в связи с чем республика не рассматривалась в качестве участника данного интеграционного объединения. Но после окончания гражданской войны в Таджикистане в 1997 г. на встрече лидеров пяти республик ЦА 5-6 января 1998 г. в г. Ашхабаде на повестку было вынесено утверждение о присоединении Таджикистана к ЦАЭС» [60]. Этот исторический промежуток времени указывает на то, что страны стремились улучшить взаимоотношения. При этом внутриполитическая ситуация в Туркменистане и Таджикистане указывают на то, что Ашгабат не спешил интегрироваться по своей воли, занимая нейтральную позицию, а война в Таджикистане, как показала историческая практика временно не позволяла выстраивать интеграционные связи с соседними государствами постсоветского центральноазиатского региона.

Продолжая искать пути сближения, лидеры стран предпринимают шаги по реформированию и преобразованию Центрально-Азиатского экономического союза (ЦАЭС) в Организацию Центрально-Азиатского экономического союза (ОЦАС). Договор подписали лидеры Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Туркменистан не участвовал в этой встрече на высшем уровне. На наш взгляд такая реформа была обусловлена тем, что предшествовавшие встречи не давали должного результата в связи с тем, что в основном они были политической направленности. В этом же случае была предпринята конкретная попытка выстроить торгово-экономические отношения, культурно-гуманитарные связи и другие. Мы также считаем, что сближению центральноазиатских республик мешали внешние факторы в лице влиятельных акторов – Россия и коллективный Запад. Частые встречи без участия Москвы вызывали обеспокоенность у Кремля. Регион демонстрировал желание и стремление к самоидентификации и выстраивании не только внутрирегиональных связей и вне региона в том числе. Исторические этапы развития центральноазиатских межгосударственных связей основывались и на исторических связях и факторах.

Как сообщают источники на саммите Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС), на расширенном заседании глав государств-участников «был подписан протокол о присоединении к ней Российской Федерации. В связи с изменением региональной картины мира данным шагом по вступлению России в ОЦАС была подтверждена главенствующая роль России как основного геополитического игрока в

Центрально-Азиатском регионе. Уже через год в ходе саммита глав государств – участников ОЦАС, который прошел 6-7 октября 2005 г. в Константиновском дворце Санкт-Петербурга, президент России Владимир Путин выдвинул инициативу по объединению ОЦАС с ЕврАзЭС, аргументируя это устранением дублирования функций на других направлениях деятельности ОЦАС. Участники этого саммита единогласно одобрили предложение В. Путина. На очередной встрече глав государств ЕврАзЭС, состоявшейся 25 января 2006 г. в Санкт-Петербурге, были согласованы все необходимые формальности по ликвидации ОЦАС» [337].

После вступления России в этот центральноазиатский проект как показала история крупный и амбициозный проект перестал быть самостоятельным. Вступление крупного внешнеполитического актора фактически ослабило самостоятельные интеграционные процессы государств Центральной Азии. Об этом свидетельствует большой перерыв встреч глав государств Центральной Азии до 2018 года.

Именно в этом году открывается новая страница во взаимоотношениях центральноазиатских республик, начался «парад» четырех консультативных встреч. Как отмечалось в СМИ, «примечательной особенностью Консультативной встречи стало то, что впервые за долгую паузу, главы центральноазиатских государств собрались вместе без участия третьих сторон и было принято решение, что такие консультативные встречи должны проводиться на постоянной основе, а также было озвучено предложение решать проблемы региона самостоятельно, но не забывая при этом о сотрудничестве с крупными мировыми игроками, такими как Китай и Россия» [42]. По результатам встречи, становится понятным, что страны стремятся продолжать исторические связи с Россией, а также развивать более тесные связи с Поднебесной. Таким образом, в центральноазиатском регионе Китай получает официальный пригласительный, что расширяет и подкрепляет его стремление выстраивать отношения с независимыми республиками, находящимися под политическим и экономическим влиянием Москвы. Это была своего рода демонстрация независимой и самостоятельной политики государств региона.

Год спустя в СМИ сообщалось, что «в Ташкенте 29 ноября 2019 году состоялась Вторая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. Особенность этой встречи была в том, что в ней принял участие президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов, который отсутствовал на предыдущей встрече в Астане. Второй неожиданностью стало отсутствие. Вместо президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева участие в саммите глав государств Центральной Азии принял Первый Президент Республики Казахстан – Нурсултан Назарбаев» [267]. Очередная встреча на высшем уровне указывает на то, что державшийся в стороне Туркменистан начинает постепенно проявлять интерес к интеграционным аспектам региона. Что касается Казахстана, то не отпускающий из рук власть Назарбаев Н. внес непонятность, отсутствие официального главы

государства на этой встрече, на наш взгляд приобрело декларативный характер. В результате подписанные соглашения не имели той силы, которую могло бы дать присутствие официального главы Казахстана. Однако на этом встречи не остановились и спустя два года прошла третья Консультативная встреча лидеров государств Центральной Азии.

Как сообщалось в СМИ «эта встреча прошла в городе Туркменбаши 6 августа 2021 года, в которой приняли участие президенты всех центральноазиатских государств. На встрече лидеры стран обсуждали вопросы создания инфраструктурных проектов, формирования единого энергетического пространства. Одним из основных обсуждаемых вопросов была ситуация в Афганистане, откуда поэтапно осуществлялся вывод войск военной коалиции под эгидой США [359]. Следует отметить, что инициатива проведения встречи в Туркменистане указывала на то, что Ашгабат чаще и активнее стал участвовать в политико-экономической жизни центральноазиатского региона. Это показатель того, что выжидающий Туркменистан восполнил неактивную лакуну пятой центральноазиатской Республики и формат встреч приобрел статус полноценного состава.

Очередная четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии состоялась 20-21 июля 2022 г. в г. Чолпон-Ата Иссык-Кульской области Кыргызстана. Эта встреча проходила в условиях напряженной ситуации в отношениях между Россией и Украиной. Следует отметить, что на этой встрече присутствовали лидеры Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Как было отмечено в СМИ «по итогам встречи президенты первых трех стран подписали договор «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке». Таджикистан и Туркменистан, как сообщалось, согласны с договором, но подпишут его «после завершения внутригосударственных процедур в их странах» [173]. По всей видимости последние две республики не подписали этот договор не в связи с прохождением внутренних процедур. Всем известно, что президентская власть в этих республиках абсолютная. Это скорее всего обусловлено тем, что у республик было свое видение развития этого договора.

Пятая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии состоялась в Душанбе. В ней приняли участие все пять республик. Кроме того, почетным гостем на это официальное мероприятие был приглашен Президент Азербайджана Ильхам Алиев. Как сообщил официальный сайт Министерства иностранных дел Таджикистана «В рамках пятой консультативной встречи глав государств Центральной Азии министры иностранных дел государств Центральной Азии подписали 2 новых документа: Соглашение об укреплении солидарности наземного транспорта в Центральной Азии и Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан по общим направлениям молодёжной политики» [240].

Кроме того, на встрече обсуждались санкции коллективного запада, наложенные на Россию, прямо или косвенно отразившиеся на экономике государств Центральной Азии. Особое внимание было уделено вопросам безопасности. Рассматривались предложения о проработке новых логистических торговых путей. Было рассмотрено предложение по стабилизации ситуации в Афганистане посредством включения страны в торговые взаимоотношения со странами региона, но Таджикистан и Туркменистан не поддержали такую инициативу, объясняя отказ тем, что они видят угрозу от действующего режима движения «Талибан».

Туркменистан принимал участие в внутрирегиональных интеграционных процессах, но, необходимо отметить 1995 год, когда. в стране был принят конституционный закон «О постоянном нейтралитете Туркменистана», в статье 4 которого, в частности, подчеркивается, что «Туркменистан не принимает участие в военных блоках и союзах, в межгосударственных объединениях с жесткими обязательствами или предполагающих коллективную ответственность участников». Генеральная Ассамблея ООН 12 декабря 1995 года единогласно приняла резолюцию о признании постоянного нейтралитета Туркменистана» [232]. Таким образом «парад» консультативных встреч проводился пять раз. Все стречи проходили во всех центральноазиатских республиках поочередно. Все встречи проходили на высшем уровне, однако не всегда на этих переговорах был полный состав лидеров государств. Страны таким образом продемонстрировали мировому сообществу о том, что республики стремятся к интеграции, что может способствовать образованию нового регионального актора в системе международных отношений. Однако, кроме амбиционной заявки дело дальше не продвинулось и страны разобщены такими союзами как ОДКБ, ЕАЭС. Говорить о том, что ОЦАС сегодня выступает как самостоятельная региональная организация пока не приходится.

Ретроспектива и состояние внутрирегиональных интеграционных процессов показали, что страны предпринимали неоднократные попытки координации совместных действий с целью улучшения взаимосвязей в регионе. Республики искали возможность определить наиболее эффективные механизмы внутрирегиональной интеграции. Вместе с тем, страны стремились влиться в архитектуру новых глобальных рынков, что было и остается критически важно для долгосрочной экономической устойчивости каждой из пяти республик. Страны не идут к воссоединению в единое государство, однако все понимают, что в совокупности регион представляет серьезную силу в системе международных отношений.

Вышеперечисленные аспекты указывают на предпринятые попытки государств Центральной Азии выстроить внутрирегиональные взаимоотношения. Скорее всего делались попытки реанимировать исторические связи имевшие место в годы существования Советского Союза. Таким образом, эту попытку можно обозначить как внутрирегиональная модель государств Центральной Азии.

Как показала историческая практика Содружество независимых государств в силу сложившихся политико-экономические изменений в системе международных отношений привели к созданию новых форматов взаимодействия – Евразийский экономический союз, ОДКБ.

Как отмечал казахстанский эксперт и аналитик Султанов Б.К. «Евразийский экономический союз (ЕАЭС) появился в результате нескольких попыток стран постсоветского пространства расширить торгово-экономическое взаимодействие и усилить свои позиции. Сторонниками сохранения и расширения сотрудничества в многостороннем формате выступали Россия, Казахстан и Белоруссия, которые последовательно предпринимали усилия в этой сфере. В октябре 2000 г. Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС), который предполагал создание Единого экономического пространства и преобразование Таможенного союза в международную экономическую организацию. Проект, предполагающий координацию внешней и внутренней политики между странами, не был реализован. Страны оказались не готовы координировать свою политику в экономической сфере, по-прежнему ориентируясь на двусторонние отношения» [378, С. 81]. Сложно не согласиться с мнением эксперта. Действительно Евразийский Союз трудно назвать эффективной платформой, которая упростила и еще больше интегрировала связи участников договора. Сложности есть и с каждым годом союз становится непредсказуемым и малоэффективным, все больше приобретая политический оттенок. В результате чего, торгово-экономические и культурно-гуманитарные связи требуют постоянного подтверждения новыми заявлениями лидеров союза.

Более того, по мнению казахстанского эксперта Алшанова Р.А. «политические и экономические противоречия между странами преодолеть не удалось. К тому же усиливалась тенденция к расширению торгово-экономических отношений с западными государствами и Китаем. Это снизило объём товарооборота с Россией и в целом между странами постсоветского пространства. Например, в 2000-2009 гг. удельный вес России во внешней торговле Казахстана снизился с 30,2 до 17,4% [12, С. 29]. Не секрет, что этот союз создавался по инициативе Кремля, чтобы ограничить влияние китайской экономики. Однако, как показала практика национальные интересы участников союза и востребованность Поднебесной из-за получаемых доходов в экономику, например, Кыргызстана, оказались выше. Нельзя забывать и о том, что в свете армянско-азербайджанского союза официальный Ереван ориентирован на интеграцию со странами Европы.

Анализируя развитие ЕАЭС на современном этапе, эксперт Жильцов С.С. считает, что «развитие интеграционного объединения сталкивается с различными трудностями, которые не позволили сделать рывок в торгово-экономической сфере. Так, первый год работы ЕАЭС (2015 г.) показал отрицательную динамику развития сотрудничества во внешней торговле.

Объём взаимной торговли сократился на 25%. Основное влияние на сокращение торговли оказало падение цен на углеводородные ресурсы, которые обращались в странах ЕАЭС. В 2016 г. отрицательная динамика сохранилась, хотя по сравнению с 2015 г. она была уже меньше – 6,7 %. В 2017-2019 гг. взаимная торговля между членами ЕАЭС стала улучшаться, демонстрируя рост. В 2017 г. объём взаимной торговли увеличился на 27,4% по сравнению с 2016 г. и достиг 54,7 млрд долл. В 2018 и 2019 гг. взаимная торговля продолжала расти и увеличилась на 10,1 и 2,3% соответственно. В стоимостном выражении это составило 60,2 млрд и 61,6 млрд долл. соответственно [111, С. 97]. Такая динамика указывает на то, что союз не приносит желаемых дивидендов. Низкие показатели демонстрируют слабость такого союза. Практическая значимость организации на низком уровне. Другими словами, ЕАЭС держится на этих показателях, а развития как такового нет.

В настоящее время проект ЕАЭС испытывает сложности. На границах России и Казахстана периодически наблюдается скопление грузовых автомобилей. По словам вице-премьера РФ А. Оверчука, «это связано с защитой внутреннего рынка от недобросовестного импорта. Он подчеркнул, что это постоянная мера, а не временная кампания, направленная на пресечение незаконного ввоза и вывоза товаров, что подчеркивает жесткую позицию России в ЕАЭС» [108]. Предпринимаемые меры, казалось бы, должны повлиять на качество ЕАЭС, однако как показала практика, наоборот, они приводят к сдерживанию интеграции государств в рамках союза.

Вышеуказанный пример в российско-казахстанских отношениях в рамках союза – это не единичный пример, а периодический и постоянно имеющий место быть. Кроме того, как отмечалось в СМИ Кыргызстана, «такие же заторы грузовых автомобилей периодически на границе Казахстана и Кыргызстана. Согласно официальной информации, задержки связаны с плановыми контрольными мероприятиями, которые проводит казахстанская сторона. Усиленные проверки носят адресный и временный характер и направлены на наведение порядка на границе, в первую очередь – на пресечение незаконного оборота товаров, представляющего угрозу национальной безопасности» [105]. Такое стечение обстоятельств в отношениях двух соседних республик в принципе недопустимо. Это очередной пример того, что под прикрытием евразийского экономического союза используется политический инструмент под видом снижения пропускной способности на границах. Это влияет не только на то, что интеграция сводится к минимуму, это также говорит о том, что союз работает не в полной мере в контексте упрощения и улучшения межгосударственных связей в торгово-экономическом направлениях.

Как известно ЕАЭС направлен не только на улучшение торгово-экономических связей он также направлен на внутреннее перемещение граждан союза. Для Кыргызстана и Таджикистана этот вопрос очень актуальный и весомый. Формирование евразийского общего рынка – это одно

из важных направлений для республик. Однако направление по формированию рынка рабочей силы как отмечает эксперт Давыденко Е.В. «миграционное законодательство государств-членов ЕАЭС не в полной мере гармонизировано. Более того, в последние годы страны-члены ЕАЭС ужесточают требования к прибывающим мигрантам» [79]. Такое положение дел заметно влияет на качественную работу Евразийского экономического союза. Трудовые мигранты сталкиваются с проблемами при трудоустройстве на работу в России. Вводятся экзамены на знание русского языка как самих мигрантов, так и их детей, которые устраиваются в школы. Денежные переводы из России в Кыргызстан также имеют некоторые ограничения. Все это показывает, насколько сложная ситуациях в действующем союзе. Другими словами, вышеуказанный политико-экономический союз – это модель внешнеэкономических связей, где все страны-участницы предпринимают попытки выстроить новые стратегические связи с целью улучшения благосостояния внутренней экономики, однако выйти в должное качество пока не удается.

Кроме ЕАЭС страны Центральной Азии являются участниками и других международных проектов. В исследовании, которое осуществлялось в сотрудничестве между Международной конфедерацией профсоюзов (МКП) и Фондом им. Ф. Эберта (FES) при финансовой поддержке FES эксперт Харри Талига отмечал, что «кроме ЕАЭС государства Центральной Азии принимают участие в китайском проекте, «Один пояс, один путь» (ОПОП). Инициатива была объявлена Президентом Китайской Народной Республики (КНР) в Астане, столице Казахстана, в сентябре 2013 года. Это широкомасштабная инициатива по расширению экономических связей Китая с Центральной Азией, Россией и Центральной и Восточной Европой. ОПОП отражает меняющийся статус Китая, который за два последних десятилетия вырос в мировую экономическую державу и стал одним из господствующих игроков в международной финансовой системе и теперь хочет использовать свою мягкую силу [472, С. 5]. Попытки центральноазиатской интеграции и проблемы в ЕАЭС сопровождаются стремлением интегрироваться в международное сотрудничество с влиятельным актором в лице Китая. Экономика Поднебесной и кредитный потенциал Пекина привлекают внимание центральноазиатских государств.

В своем исследовании Сереков Б.А. отмечает, что «проект предполагает взаимодействие от 60 до 100 государств, которые выступать с единых позиций, естественно, не могут. За последнее время явственно обозначилось слабое звено – кризисная ситуация в отношениях между Россией и ЕС, тогда как уровень экономических отношений в парах ЕС - Китай и ЕАЭС - КНР постоянно повышается. расширяя сотрудничество со странами Центральной Азии, КНР, наряду с другими своими целями, стремится создать для себя более стабильную международную среду. За проектом «Один пояс – один путь» стоит сложная комбинация экономических, геоэкономических и геополитических интересов КНР [349]. Стремление Китая выстроить и

организовать проект – это совпадение с интересами государств Центральной Азии, нуждающихся в развитии внутренней инфраструктуры с использованием китайских инвестиций.

Это подтверждается исследованием Харри Талига, где отмечено, что «страны региона нуждаются в деньгах для развития и извлечения доходов из своих огромных запасов природных ископаемых. Их экономики, за исключением Казахстана, оказались не в состоянии генерировать достаточные финансовые средства внутри страны для целей развития и крайне остро нуждаются в крупномасштабных инвестициях для построения ориентированной на рынок экономики, а также для того, чтобы присоединиться к международным торговым сетям. По мнению экспертов, проекты инфраструктурного развития являются для стран Центральной Азии не просто инвестициями, но еще и средством подключения к мировой торговле. Правительства ожидают, что инвестиции, прежде всего в инфраструктурные проекты, откроют двери экономикам этого не имеющего морских границ региона и привлекут более диверсифицированные проекты и повышенное внимание стран мира [472, С. 6]. Отсутствие внутренних финансовых ресурсов для развития экономики в странах Центральной Азии – причина, по которой страны заинтересованы в участии Китая в развитии региона. Кроме того, новые технологии КНР также выступают аргументами, привлечение которых может положительно отразится на благосостоянии региона и стран в отдельности.

В основе ОПОП лежит множество причин. В контексте настоящего исследования важно подчеркнуть следующие. Страны Центральной Азии привлекательны для Китая, потому что богаты природными ресурсами, тогда как Китай является крупнейшим в мире потребителем нефти и газа. Китайская экономика нуждается в них и хочет иметь к ним беспрепятственный доступ. В то же время, страны, являющиеся объектом настоящего исследования, являются близкими или даже прямыми соседями КНР – как упоминалось выше, три из них имеют общую границу с Китаем.

«Китай старается расширить рынки за пределами своих границ. Регион характеризуется низким уровнем зарплат, низкой конкуренцией и готовностью правительств предоставлять налоговые льготы и другие субсидии иностранным инвесторам в стратегические отрасли промышленности. Четвертое - КНР выстроила свои первые связи с экономиками Центральной Азии много десятилетий назад, и ОПОП представляет собой более новую, продвинутую фазу этого сотрудничества. Данные, собранные и предоставленные Монитором китайских инвестиций в мире Американского института предпринимательства и Фонда «Наследие», позволяют предположить, что за период 2005-2011 годов китайские компании вложили в четыре страны Центральной Азии почти 50 миллиардов долларов США: 35,58 млрд долларов в Казахстан, 4,73 млрд долларов в Кыргызстан, 2,15 млрд долларов в Таджикистан и 5,79 млрд - в Узбекистан. По данным из другого источника» [536], «Китай инвестировал в Казахстан более 70 млрд

долларов США, что составило около 80% всех его инвестиций в регионе» [524].

По мнению экспертов, «проекты инфраструктурного развития являются для стран Центральной Азии не просто инвестициями, но еще и средством подключения к мировой торговле. Правительства ожидают, что инвестиции, прежде всего в инфраструктурные проекты, откроют двери экономикам этого не имеющего морских границ региона и привлекут более диверсифицированные проекты и повышенное внимание стран мира. Инициатива «Один пояс - один путь» в Центральной Азии. Запуск инициативы ОПОП увеличил инвестиции Китая в инфраструктуру как в целом, так и в данном регионе. Инициатива предполагает реализацию ряда транспортных инфраструктурных проектов в сухопутных коридорах Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и на морских маршрутах Морского Шелкового пути 21-го века (МШП)» [472, СС. 7-8]. Развитие торгово-логистической инфраструктуры при участии китайских инвестиций может вывести центральноазиатский регион в важные позиции на всем евразийском континентальном пространстве. Когда страны выполнят необходимые торгово-экономические настройки, в перспективе мультипликативным эффектом доходы государств значительно увеличатся. Увеличится также значимость и вес этих стран в системе международных отношений.

Обоюдный интерес государств Центральной Азии и Китая, о чем мы говорили выше подтверждается исследованием Харри Талига, который анализирует проект ОПОП, он считает, что «страны региона очень важны для Китая в плане безопасности и военного сотрудничества. Ранее Китай не имел военного присутствия в этом регионе, но ситуация меняется: первая китайская военная база – официально, пограничная застава для таджикских солдат – была построена с использованием китайских средств несколько лет назад на юге страны, недалеко от границ Таджикистана с Афганистаном и Китаем. Правительство Таджикистана и КНР договорилась о строительстве семи погранзастав и учебных центров вдоль таджикско-афганской границы в 2016 году. Китай проводил военные учения с участием вооруженных сил стран Центральной Азии в течение почти 20 лет. Кроме того, Китай сегодня производит и экспортирует военную технику и проводит военную подготовку в странах Центральной Азии, а также предоставляет помощь в военных технологиях» [472, С. 9]. Переход от торгово-экономического к военно-политическому сотрудничеству двух стран – это демонстрация того, что Китай не ограничивается традиционными связями на уровне торговли и способен углубиться и в том числе в военном контексте.

Появление и с каждым годом усиливающееся влияние актора мирового лидерского уровня в лице Поднебесной с проектом Один пояс, Один путь – это третья модель внешнеэкономического развития государств Центральной Азии. Обоюдный интерес в сотрудничестве может дать государствам

Центральной Азии и официальному Пекину успешную, образцовую реализацию национальных интересов сторон.

Выгодное геостратегическое расположение государств Центральной Азии дает хорошую возможность выстраивать новые системы межгосударственного взаимодействия. Успешное решение социально-экономических, политико-экономических задач во многом зависит от формирования благоприятных внешних условий. Под такими условиями прежде всего понимаются – мирная обстановка в центральноазиатском регионе, обоюдный доверительный продуктивный диалог и качественное взаимодействие с соседями. Результатом всего вышеперечисленного стало создание Шанхайской пятерки и позже Шанхайской организации сотрудничества.

Расширение политико-экономического сотрудничества государств Центральной Азии обусловлено так же и созданием очередного, как мы считаем военно-политического союза в виде «Шанхайской пятерки» - Шанхайской организации сотрудничества. Исторические сведения о создании этой организации отмечены в работе Алимова Р. В., который указал на то, что «в апреле 1996 г. в Шанхае состоялся запуск ежегодного формата встреч глав России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, вошедшей в историю, как «Шанхайская пятерка», с целью создания в регионе режима открытости, доверия и взаимной поддержки» [10, С. 16]. Создание этой организации безусловно произвело фурор в системе международного сообщества. Две авторитетные ядерные державы - Россия и Китай, а также государства центральноазиатского региона – это серьезная заявка в адрес коллективного Запада.

В свою очередь Маликов Д.З., Ровина С.Н. в совместном исследовании указывают на то, что «ШОС является наблюдателем при Генеральной ассамблее ООН» [231, С. 229]. Это подтверждает, указанное нами выше мнение об авторитетности организации.

Такой международный формат значительно повлиял на юридическое оформление Китая в центральноазиатском регионе. У Поднебесной появилось обоснование своего присутствия в регионе, как полноправного члена организации. Если странам Центральной Азии и Китаю на наш взгляд это только в пользу, если брать во внимание экономический потенциал Пекина, то для России – это конкурент, способный ослабить влияние Кремля на страны-участницы региона.

ШОС, которая изначально создавалась с целью совместной защиты границ государств-участников, достаточно быстро обрела экономический вектор деятельности. Шанхайская организация сотрудничества, как отмечал Президент РФ В.В.Путин в ходе пресс-конференции 18 декабря 2014 года, создавалась как структура для решения пограничных вопросов, и она «в этой части сработала очень эффективно и выполнила свою задачу». Сегодня же «эта структура вышла за рамки своих первоначальных границ», вышла за рамки тех задач, ради которых создавалась, потому что «она востребована»

[325]. В настоящее время ШОС выступает как действенный инструмент региональной экономической интеграции и кооперации, является средством экономического и политического влияния в Центрально-Азиатском регионе. В условиях постоянных кризисных изменений в мире ШОС, по словам министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, «стала авторитетным объединением, весомым фактором формирования новой полицентричной системы мироустройства» [222]. Высказывания российского лидера и главы МИДа РФ – подтверждение того, что участники международного проекта позиционируют себя как акторов в перспективе готовых влиять на ситуацию не только в регионе Центральной Азии, но и за ее пределами.

В совместной статье Маликов Д.З., Ровина С.Н. считают, что «право ШОС в сфере экономического сотрудничества является уникальным явлением, которое непрерывно совершенствуется и развивается. Тем не менее, необходимо четко обозначить перспективы развития ШОС как международной организации. Данные перспективы можно определить в трех основных направлениях. Во-первых, превращение этой организации в военно-политический альянс, противостоящий усиливающемуся военному присутствию в регионе Запада и прежде всего США. Во-вторых, усиление экономической составляющей в деятельности ШОС с перспективой формирование на пространстве ШОС зоны свободной торговли. В-третьих, постепенное эволюционирование ШОС с целью превращения ее в авторитетную международную организацию, позиционирующую себя как структуру, обладающую соответствующим политическим и военным потенциалом для самостоятельного решения региональных проблем и не склонную мириться с долговременным присутствием на пространстве ШОС внерегиональных сил» [231, С. 229]. Обозначенные перспективы могут заметно повлиять на расстановку сил в системе международных отношений, если влиятельные акторы этой организации найдут неоспоримые точки соприкосновения. Слаженность России и Китая в этой организации и взаимопонимание могут повлиять на скорость качественного оформления этой организации, что отразится и на других членах. Выстраивание равноправных политических и экономических отношений между участниками организации – это перспективное будущее для всех членов.

Интерес к странам Центральной Азии проявляет также и Турецкая Республика. Как отмечает аналитик Притчин С.А. «она из первых признала независимость бывших республик и активно включилась в процесс выстраивания отношений с новыми независимыми государствами. Основной упор во внешнеполитической стратегии Анкары делался на тюркские государства постсоветского пространства (Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан). Через создание блока тюркоязычных государств со своим лидерством Турция рассчитывала использовать исторический шанс по трансформации в крупного, трансрегионального игрока с глобальными амбициями и инструментами влияния на международной арене. Естественно, на первом этапе Анкара рассматривала себя в качестве безоговорочного

«старшего брата» для новых стран» [324, С. 52]. Однако Турции не удалось приблизить к себе страны Центральной Азии до уровня стратегического партнера. Азербайджан не в счет, поскольку не является представителем изучаемого нами региона. На наш взгляд Турция не обладает природными, углеводородными ресурсами как Россия, и не может предложить такие инвестиции и проекты как Китай. Именно этим на наш взгляд обусловлено слабое влияние Турции в регионе. Кроме того, считаем, что Турция переоценила свои возможности, более того государства региона не готовы встраиваться в патронажную систему Стамбула.

Тем не менее, следует указать на попытки Турции интегрироваться в центральноазиатский регион. В своем аналитическом исследовании Баялиев А. использовал данные о том, что «в 1992 году был проведен саммит лидеров тюркоязычных государств в Анкаре. За ним последовало целая серия встреч, но результат переговоров, как правило, ограничивался подписанием деклараций с набором необязательных к исполнению положений» [516]. Эти сведения указывают на то, что турецкая внешняя политика берет старт именно с этих событий.

При этом автор акцентирует внимание на том, что «относительный прорыв произошел только в 2009 году, спустя почти 20 лет после начала активного периода турецкой внешней политики на тюркском направлении, когда в рамках Девятого саммита президентов тюркоязычных государств Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция подписали Нахчыванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств, постоянно действующей структуры для тюркского сотрудничества (об этом речь пойдет в следующем разделе, так как достижение было достигнуто уже при правительстве Реджепа Эрдогана, чья Партия Справедливости и Развития пришла к власти в 2002 году» [516]. Считаем, что долгий перерыв во внешней политики обусловлен тем, что за это время менялись лидеры государств. Турция была отвлечена на внутриполитические аспекты и партнерские связи в рамках НАТО, а также стремлением интегрироваться в европейское пространство.

В отношениях Турции и ее партнёров по тюркскому миру, по классификации российских ученых, начался с 2014 года с фокусированием на близких лингвистически и культурно стран в качестве фундамента для поддержания статуса Турции как глобального игрока. Была с более высокой интенсивностью продолжена работа по всем ключевым установленным ранее направлениям сотрудничества в политической, культурной, образовательной экономической сферах. Безусловным прорывом турецкой политики в отношении тюркских стран постсоветского пространства стало создание Организации тюркских государств. В рамках 8 саммита тюркоязычных государств в ноябре 2021 года Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский Совет) был трансформирован в Организацию тюркоязычных государств (ОТГ) [324, С. 56].

Анализируя сильные стороны и ограничители турецкой стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе Притчин С.А. интересно отметил, что «турецкое руководство сделало выводы из прошлых ошибок и на уровне ключевых принципов существования организации обозначили «равенство» и «суверенность» каждого из участников союза. Автор статьи использовал как аргумент высказывание генерального секретаря-основателя Тюркского совета Халила Акынджи в своем программном выступлении, который обозначил следующее: «Тюркский совет был основан на принципе суверенного равенства и принципе признания и приятия идентичностей. Если киргиз не знает о своей кыргызской идентичности, а казах не знает своей казахской идентичности, или азербайджанец не знает своей азербайджанской идентичности, тогда он/она не сможет осознать тюркскость как свою общую идентичность. Следовательно, наша цель – укрепить нашу общую идентичность, основанную на принципе суверенного равенства» [558, С. 27]. Не имея привлекающего внимания центральноазиатских стран углеводородных ресурсов как у России и отсутствия инвестиционного потенциала как у Китая, Турция использует другой рычаг – тюркские корни, которые могут стать стимулом для выстраивания турецко-центральноазиатских стратегических отношений. Посредством Организации тюркских государств (ОТГ).

В свою очередь турецкий эксперт Есеви Чагла Гюль (Yesevi, Çağla Gül) в свое работе указывал на то, что «функционирование ОТГ предполагает регулярные встречи глав МИД стран-участниц, создание Комитета старших должностных лиц, координации работы официальных правительственных аналитических центров, а венцом этой работы должны стать ежегодные саммиты на высшем уровне. Культурное сотрудничество, основанное на общем языке, культуре и истории, является наиболее эффективным инструментом по сближению и созданию базы для интеграции, многостороннего сотрудничества между государствами-членами. В этом отношении ОТГ успешно установила нормы и ценности среди своих членов на культурной арене» [566, P. 25]. Логическое осмысление такой интерпретации еще раз подтверждает, что Турецкая Республика продвигает тюркизм способный объединить страны.

Российские обозреватели газеты «Коммерсант» Кривошеев К., Константинов А. в совместной статье также в дополнение отметили, что «ОТГ создает условия для активизации экономического сотрудничества за счет координации усилий, реализации совместных проектов в области транспорта, таможни, информационных технологий, энергетики и туризма. По задумке инициаторов, связка Тюркской торгово-промышленная палаты (ТТПП), которая занимается разработкой совместных проектов, с Тюркским инвестиционным фондом развития, отвечающим за финансирование совместных проектов, позволяет создать оптимальные условия для активизации экономических связей в рамках ОТГ. В сфере политического

сотрудничества ОТГ создала коллективную идентичность по многим признакам, а взаимодействие между государствами-членами укрепило сотрудничество по политическим вопросам. Так, государства-члены уже начали выступать единым фронтом по ряду вопросов международной повестки дня, например, в рамках голосований на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Нации. Используя нарратив о коллективной идентичности, Турция стремиться сближать позиции партнеров по ОТГ со своими стратегическими целями. Так, в рамках двух последних саммитов организации в ноябре 2022 года в Самарканде и в Астане в 2023 году Турция попыталась добиться от партнеров включения Турецкой Республики Северного Кипра в состав наблюдателей организации, тем самым запустив процесс ее признания странами-участницами ОТГ» [206]. Предпринимаемые попытки Стамбула по линии сотрудничества с государствами Центральной Азии не значительные в сравнении с Россией и Китаем. Однако Турция кроме того, что было выше указано, может привлечь внимание государств Центральной Азии как транспортно-логистическое окно в Европу.

Об этом пишет и ранее цитируемый нами Причин С.А., который считает, что «в условиях украинского кризиса и возрастания конфронтации между РФ и Западом для стран Центральной Азии и Южного Кавказа привлекательность Турции как альтернативного, относительно нейтрального партнера в политической сфере, а также альтернативного направления для транспортной и энергетической сфер многократно возрастает [324, С. 60].

Турецкий аналитик Есеви Чагла Гюль отмечал, что «турецкая дипломатия от имени ОТГ попыталась продвинуть свои инициативы по нормализации ситуации в Казахстане в ходе массовых протестов в январе 2022 года, а также для урегулирования кыргызско-таджикского пограничного конфликта» [566, P. 23]. Такими действиями Турция стремится занять свое важное место и роль в отношениях с государствами центральноазиатского региона.

О том что Турция не владеет экономическим потенциалом, который может заинтересовать государства ЦА не нужно официальных заявлений и аналитических исследований. Хотя есть некоторые страны, в которых турецкое присутствие ощутимое. В СМИ отмечается, что «накопленные вложения в Казахстане за все время независимости составляют порядка 4 млрд долларов. Это является крупнейшим показателем Турции в регионе. При этом в Таджикистане и Кыргызстане Турция, согласно статистике, является вторым после Китая инвестором в последние годы. Пока республике не удается стать ключевым торговым партнером для региональных игроков. Наибольший товарооборот у Анкары в 2022 году сложился с Казахстаном – 4,7 млрд долларов, но это несравнимо с уровнем России 27 млрд долларов и Китаем 24 млрд долларов» [509]. Турецкие инвестиции в Казахстан вряд ли приведут к тому, что Астана переориентируется на Стамбул в своей внешней политике. Об этом сложно говорить. Немного другая картина в менее развитых в сравнении с Казахстаном центральноазиатскими республиками

как Кыргызстан и Таджикистан, где Турция вышла на передовые позиции по инвестициям. Это обусловлено тем, что турецкий бизнес имеет неплохие позиции в указанных странах.

Таким образом, государства Центральной Азии выстраивают отношения не только с традиционными партнерами как Россия и Китай, что обусловлено историческими связями и приграничностью, но также и с партнером на Западе, членом НАТО в лице официальной Анкары. Очередная турецко-центральноазиатская модель выстраивания внешнеэкономических связей государств центральноазиатского региона указывает на многовекторность республик региона.

Исламская Республика Иран также проявляет неподдельный интерес к странам Центральной Азии. Тегеран активно продвигает свои интересы. Для страны ЦА – это транспортно-логистический хаб – «окно» на Север и Восток в условиях санкций, которые включены против страны. В свою очередь государства Центральной Азии также заинтересованы в Иране для выхода к Индийскому океану.

Запуски транспортно-логистических коридоров через приграничный Туркменистан в Казахстан и далее в Россию и Китай может сделать Иран незаменимым звеном в сухопутной торговле. Тем более, что Иран сам через Персидский залив имеет выход к мировому океану, что интересует центральноазиатские страны.

Иран стремится к диверсификации своей экономики и найти рынок отечественным товарам на просторах ЦА и за ее пределами. Обладая четвертыми в мире запасами природного газа власти Ирана заинтересованы в своп-операциях с соседним Туркменистаном и Казахстаном. Это дает стране возможность оптимизации внутренней логистики и укрепить национальную энергетическую безопасность.

Внутриполитическая стабильность в Иране – фактор стабильной «буферной зоны» перед угрозой с нестабильных стран. В этом смысле афганский фактор – это ключевой момент. Тегеран прилагает в сотрудничестве с приграничными странами Таджикистаном и Туркменистаном усилия по сдерживанию терроризма и экстремизма.

Что касается большой политики, то Тегеран стремится снизить влияние США и НАТО в центральноазиатском регионе. Особое место в этом плане у Ирана занимает внимание к Казахстану, который сотрудничает с Израилем через «Соглашения Авраама».

Культурная близость с Таджикистаном остается важным инструментом сближения. Как Турция через тюркские корни ищет сближение с государствами ЦА, так и Иран ищет отклика у этнокультурного союзника Таджикистана. Тегеран заинтересован в Центральной Азии как в стратегическом тылу, развивая транспортную дипломатию, создавая совместное производство. Основная цель Ирана – выйти из международной изоляции и стать ключевым транспортным узлом, соединяющим Центральную Азию с мировым рынком и закрепить за собой статус страны,

без которой сложно будет решить вопросы безопасности в Евразии. Однако достижение цели Ираном осложняется вторичными санкциями и текущей конфликтной ситуацией с США и Израилем. В связи конфликтом на Ближнем и Среднем Востоке эта модель внешнеэкономического сотрудничества под вопросом до тех пор, пока не закончится война и не наступит мир. В этом мире заинтересованы и сами страны Центральной Азии, поскольку, как было выше отмечено, центральноазиатские страны через Иран могут получить доступ к иранским морским портам и выход к мировому океану.

Следующая модель на наш взгляд не менее важная, – это внешнеэкономическую дипломатию региона также усиливает западная модель «С5+1». В рамках этого формата подразумевается сотрудничество высокоразвитых стран таких как США, Россия, КНР, Европейский Союз, Япония, Республика Корея с одной стороны и Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан с другой стороны. Такой формат сотрудничества направлен на привлечение союзников России в новые форматы взаимодействия. Учитывая факт сокращения торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации со странами Европейского союза, транзитная инфраструктура государств Центральной Азии привлекла особое внимание партнеров с Запада.

Между тем, государства ЦА развивают отношения с США, хотя отношения выстраивались до войны Ирана с США и Израилем. Аналитик Пархомчик Л. (Parkhomchik L.) в своей работе Новый формат диалога между США и государствами Центральной Азии (New Format of Dialogue between the U.S. and Central Asian States) считает, что «взаимодействие стран ЦА с США начинается 26 сентября 2015 г., когда Генеральная Ассамблея ООН в Нью-Йорке приняла решение, устанавливающее новый формат сотрудничества С5+1. Госсекретарь США Джон Керри организовал встречу министров иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, приведшую к созданию инициативы многостороннего диалога, известной как Инициатива С5+1, в результате которой был подготовлен новый доклад о ее будущем» [547]. Это было направлено на то, чтобы выстраивался диалог в призме укрепления взаимопонимания между США и странами ЦА. Кроме того, эта площадка выступила проектом поиска путей взаимоотношений и выстраивания сотрудничества, в том числе с целью снижения уровня влияния России и Китая в регионе.

Также автор статьи отмечает, что «в результате встречи американской и центральноазиатской сторон в соответствии с принятой Самаркандской декларацией были определены области для политического и экономического сотрудничества:

а) взаимовыгодное сотрудничество в региональной торговле, транспорте и связи, энергетических связях и транзитных возможностях;

б) создание благоприятного делового климата в регионе;

в) решение проблем экологической устойчивости и влияния экологических изменений на регион;

г) сотрудничество в области «зеленых» технологий и энергетики;

д) вопросы безопасности и развития центральноазиатского региона, а также вопросы развития Афганистана;

е) международные и национальные инициативы по прекращению распространения ядерного оружия;

ж) развитие прав человека, создание демократических институтов» [547].

При этом, важно отметить работу Алексеенковой Е.С, где она в своей статье считает, что «перечень перечисленных аспектов международных отношений не включал сотрудничество в области предотвращения терроризма, контроля над оборотом оружия и наркотиков, поддержку развития Афганистана, признание его влияния на стабильность в регионе, создание зоны, свободной от ядерного оружия, и гуманитарное сотрудничество» [6, С. 30]. Выстраивание сотрудничества в соответствии с вышеуказанным не подразумевает финансирование каких-либо проектов. Отсутствие инвестиционных проектов указывает на то, что пока США не планирует участвовать в решении центральноазиатских проблем».

На сайте «Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан» осечено, что «ключевую роль в обеспечении базы для расширения американского экономического влияния в регионе играет Казахстан. Эта страна является лидером в привлечении прямых иностранных инвестиций из США в Центральную Азию» [150]. «Основные секторы, в которые инвестируют, включают горнодобывающую и обрабатывающую промышленность, а также торговлю. Следует отметить, что по информации источника, статистика за 2022 г ($28 млрд) отражает значительное увеличение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в нефтегазовый сектор по сравнению с 2021 г. ($23,8 млрд.)» [550]. Казахстан привлекает внимание США тем, что у страны общие границы с Россией и Китаем, но не менее важным показателем заинтересованности также выступает наличие природных ресурсов (нефть, газ, минералы, металлы, уголь и прочее).

В начале 2023 г. госсекретарь США Энтони Блинкен в ходе турне по Центральной Азии, посетил Казахстан и Узбекистан и принял участие в состоявшейся в Астане встрече министров иностранных дел в формате С5+1. На пресс-конференции после встречи вице-премьер-министр Казахстана, министр иностранных дел Треуберди сообщил, «что стороны обсудили такие вопросы, как борьба с терроризмом, продовольственная безопасность, энергетика и защита окружающей среды» [6, С. 31].

Казахстанско-американские связи освещались не только в Казахстане. Американский эксперт Нельсон Х. (Nelson H.) в своей статье сообщал, что «в августе 2023 г. на 78-й Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке состоялась историческая встреча лидеров группы С5+1 с президентом Дж. Байденом. На ней речь шла о развитии партнерских

отношений для решения вопросов торговли, экономических возможностей, политического диалога, инвестиций США, устойчивого развития, региональной безопасности, борьбы с трансграничной преступностью и гуманитарных вопросов» [544]. Вышеуказанные встречи казахской и американской сторон показывают взаимную заинтересованность. Корректировка и развитие таких связей отражается не только в двусторонних торгово-экономических отношениях, но и на политическом сближении в том числе. Политический авторитет и инвестиционные возможности США очень высокие, что привлекает Астану, в контексте разработки новых месторождений нефти, привлечения новых технологий и т.д.

Ощутимым прорывом можно считать октябрь 2023 года, когда в Нью-Йорке прошел первый саммит на высшем уровне. До этого встречи проводились на уровне министров. Некоторые эксперты в их числе американец Вууд С. (Wood C.) считают, что «одним из неожиданных аспектов обсуждения стало предложение о начале диалога в формате С5+1 по вопросам, касающимся редких минералов, таких как хром, медь и литий. Эти минералы имеют важное значение для производства экологически чистых технологий в сфере энергетики» [564].

В продолжении этого хочется отметить статью Халовой Г.О. «Экономический, энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии как фактор геополитического противостояния в условиях меняющегося миропорядка», где автор указывает на то, что «Казахстан обладает значимыми в мировом масштабе запасами нефти, газа, урана, хрома, цинка, марганца, меди, угля, железной руды и золота, а также фосфоритов. Туркменистан является одним из мировых лидеров по запасам природного газа. Узбекистан характеризуется богатыми запасами руд черных и цветных металлов, а также урана и золота, в то же время являясь важным участником регионального рынка природного газа. Минеральносырьевую базу Кыргызстана также составляют месторождения благородных, цветных и редких металлов и нерудного сырья. На севере Таджикистана расположено одно из крупнейших в мире месторождений серебра, страна богата месторождениями драгоценных камней, урана, золота, угля, алюминиевыми и полиметаллическими рудами. Почти по всем ключевым природным ресурсам мировой энергетики, металлургии и тяжелой промышленности запасы стран Центральной Азии превышают 1 % от мировых, по природному газу – 10 % от мировых, по урану – 15 % от мировых» [471].

В связи с вышеперечисленными аспектами, следует отметить, центральноазиатские государства заинтересованы в сотрудничестве с США. В первую очередь это обусловлено тем, что лидеры стран хотят сохранить баланс в системе внешнеэкономических взаимоотношений в призме многовекторности. Кроме того, США – это носитель одного из самых дорогих инвестиционных портфелей, в чем центральноазиатский регион в лице их руководителей заинтересован. Говорить о том, что проект С5+1 (США + ЦА) оказывает влияние на страны центральноазиатского региона не

приходится. Наоборот, политическое и экономическое влияние Вашингтона менее значительно, чем присутствие России и Китая.

Официальные источники сообщают, что «традиционные партнеры государств Центральной Азии в лице Москвы и Пекина сосредоточены на укреплении взаимоотношений через ЕАЭС, инициатива «Пояс и путь», ШОС и ОДКБ. Встречи в формате С5+1 (Россия + ЦА) ознаменовались принятием министрами иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации Совместного заявления по стратегическим направлениям сотрудничества» [554]. Аналитик Оторбаев Д. (Otorbaev D.), считает, что «этот документ можно рассматривать как программное заявление, в котором Россия выразила свой пересмотренный подход к региону» [546]. Китайский эксперт Гу Вэй (Gu Wei) в свою очередь отмечает, что «по мере нарастания напряженности между Россией и Европейским Союзом Россия также будет активно ориентироваться на Азию, следуя своей стратегии «Поворот на Восток» [530].

Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики сообщает, что «Поднебесная активно инвестирует в центральноазиатский регион. В 2022 г., во время празднования 30-летия отношений между Си Цзиньпином и президентами стран Центральной Азии, было объявлено о создании «Китайско-Центральноазиатского сообщества с общим будущим». В своей ключевой речи на саммите Си Цзиньпин сформулировал четыре фундаментальных принципа усилий в данном направлении» [528].

Китайский источник в лице Сюй Цзюнь отметил, что «Главные принципы этой инициативы включают в себя:

1. Диалог и сотрудничество: содействие диалогу и сотрудничеству между Китаем и странами Центральной Азии с целью решения совместных вызовов и достижения общих целей.

2. Взаимовыгодное партнерство: развитие партнерских отношений, которые приносят взаимную выгоду и способствуют развитию обеих сторон.

3. Совместное строительство инициативы «Пояс и Путь»: совместные усилия в строительстве инфраструктуры и развитии торговых и экономических связей в рамках инициативы «Пояс и Путь» для улучшения региональной интеграции и сотрудничества.

4. Совместное развитие и благосостояние: поощрение развития и благосостояния всех стран-участниц, а также укрепление связей и сотрудничества для достижения общих целей и процветания региона. Руководители Китая и стран Центральной Азии утвердили формат своих регулярных саммитов, которые будут проводиться раз в два года поочередно в Китае и государствах Центральной Азии. Следующее собрание запланировано на 2025 г. и состоится в Казахстане» [382, С. 128]. Интерпретация сотрудничества в таком виде устраивает все стороны. Китайская внешняя политика декларируется как равноправие сторон и взаимовыгодность, что привлекает внимание центральноазиатских акторов.

Тем более, что они сами заинтересованы в таком сотрудничестве, где самостоятельность, независимость и суверенитет лежат в основе.

Международная ситуация в мире в последнее время очень сильно изменилась. Турбулентность и непредсказуемость ведет к новым повесткам в системе международных отношений. В этом контексте особое внимание привлекает сотрудничество центральноазиатских государств со странами Европейского Союза.

Учитывая санкции, введенные против России Европейский Союз, заинтересован в выстраивании взаимоотношений с государствами центральноазиатского региона. Поддержка стран Центральной Азии Евросоюзом повышает риски обхода санкций против России государствами центральноазиатского региона, тем не менее, усиление давления или отсутствие взаимоотношений может еще больше сближать регион с Россией и Китаем. Немаловажным фактором сближения ЦА и ЕС могут стать европейские компании, которые покинули Россию и имеют перспективу найти площадку в Центральной Азии. По этой и другим причинам Центральная Азия входит в одно из ключевых направлений сотрудничества ЕС.

Европейский источник European Council указывает на то, что «в Астане 27 октября 2022 г. состоялся исторический региональный саммит между лидерами стран Центральной Азии и Европейским Союзом. Участники обсудили перспективные и многогранные возможности сотрудничества. Особое внимание уделялось значению Центральной Азии как связующего звена между Европой и Азией. Была высказана идея согласования транспортных маршрутов Центральной Азии и ЕС, включая систему Трансъевропейской транспортной сети (TEN-T)» [527].

На саммите также обсуждались энергетическое сотрудничество. После отказа от российских источников энергии, центральноазиатские углеводороды могут стать хорошей альтернативой, как возможность поставки энергоносителей в Европу.

«Проведенный политический диалог подтверждает, что ЕС намерен следовать своим политическим целям, описанным в его стратегии по Центральной Азии 2019 г. С учетом нынешних геополитических и энергетических вызовов в Европе ЕС стремится сохранить свои присутствие и интересы в Центральной Азии, одновременно обеспечивая поставки энергоресурсов из этого региона, о чем, в частности, свидетельствуют визиты глав государств ЕС в страны Центральной Азии в 2023 г. В ноябре 2023 г с официальным визитом Казахстан и Узбекистан посетил Э. Макрон. Развитие эффективных транспортных маршрутов и установление новых связей стоят в центре сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии» [382, С. 128].

Китайский эксперт Сюй Цзюнь считает, что «устойчивое развитие выступает основной ценностью Европейского союза, также ЕС уделяет большое внимания долгосрочному развитию, а не краткосрочным целям. Он

признает, что конкуренция с Россией и Китаем в регионе не всегда может быть правильным выбором, и рекомендует сосредоточиться на конкретных экономических проектах и сотрудничестве в области безопасности. ЕС будет продолжать укреплять свою политическую и финансовую помощь в области образования, улучшения прав человека и гражданского общества, которые являются одними из наиболее важных областей» [382, С. 129].

Сотрудничество Европейского Союза и государств Центральной Азии – это еще одно направление, которое прорабатывается сторонами. В условиях происходящих изменений в мире взаимодействие сторон в перспективе может изменить роль и место государств ЦА в системе международных отношений.

Как и на западе так и на Востоке Япония заинтересована в выстраивании взаимоотношений со странами Центральной Азии. В статье «Формат сотрудничества С5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия» отмечается, что «Япония одна из первых проявила официальный интерес к региону в 2004 году. Встреча между сторонами прошла на уровне министров. Позже в 2007 году Южная Корее также проявила инициативу о выстраивании путей сотрудничества. В настоящее время Япония предлагает официальную поддержку для содействия развитию граждан региона путем оказания помощи. В 2015 г., развивая свои партнерские отношения с государствами Центральной Азии, Япония впервые в истории организовала визит главы своего государства в страны этого региона. Результатом визита с договоренностями на общую сумму 27 млрд долл. США, стало утверждение основного направления совместной работы на ближайшие несколько десятилетий. Цель состояла в том, чтобы стимулировать развитие сельского хозяйства в Центральной Азии на основе интеграции японских технологий и опыта в сельскохозяйственном секторе. Япония также готова оказывать поддержку в области технологий и развивать финансовый сектор. Подход Японии к региону отличается тем, что она не согласовывает какие-либо проекты или программы с определенной политической повесткой дня, она обладает значительными финансовыми ресурсами, что делает ее более привлекательным союзником для стран Центральной Азии, особенно во времена экономических спадов. Кроме того, взаимодействие Японии с регионом, похоже, не обусловлено какими-либо конкретными геополитическими или другими проблемами. Ожидается, что экономическое доминирование Японии в регионе возрастет в ближайшие годы» [382, С. 129].

Япония страна производитель высоких технологий и партнер коллективного Запада. В сравнении с активностью России и Китая, Страна Восходящего солнца конечно же уступает. Однако она также как все мировые лидеры, заинтересованные в регионе, стремится занять свое место и играть важную роль в регионе. В свою очередь государства Центральной Азии также заинтересованы в помощи и поддержке в лице Японии. Страна обладает международным авторитетом и мощным экономическим потенциалом. Однако

Япония пока не так сильно активизируется в Центральной Азии. Она предоставляет инвестиции, через международные организации предоставляет гранты и кредиты. Но говорить о серьезном влиянии в регионе пока не приходится.

Еще один партнер на Дальнем Востоке – Южная Корея, которая также стремится обозначить свое присутствие в центральноазиатском регионе. Сеул также обладает высокими технологиями и развитой экономикой. Страна постепенно не во всех республиках ЦА, но, например в Узбекистане, очень активна. Промышленный комплекс развивающейся республики представлен южнокорейскими технологиями.

В статье «Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» Алексеенковой Е.С. отмечается, что «основанный в 2007 г. Форум сотрудничества Корея - Центральная Азия направлен на решение сложных многосторонних и двусторонних вопросов. Автор работы отмечает, что политические, социально-экономические и культурные аспекты сотрудничества отражены в переговорах между странами и включают сотрудничество в области энергетики, природных ресурсов, инфраструктуры, информационных технологий, сельского хозяйства, науки и техники, медицины и здравоохранения, финансов, легкой промышленности и образования. Южная Корея может служить образцом для стран Центральной Азии. Аналитик также считает, что Южная Корея в настоящее время формирует экономическое партнерство с центральноазиатскими странами и она инвестирует в ключевые отрасли, такие как добыча урана, нефти, газа и других природных ресурсов, а также в инфраструктуру, транспорт и др. Особое внимание в статье акцентируется на том, что основной задачей Кореи в Центральной Азии является доступ к ресурсам и снижение ее зависимости от поставок энергии с Ближнего Востока, поскольку 97% энергии, которую использует страна, импортируется. Зависимость Кореи от ядерной энергетики связана с ростом импорта урана, что приводит к увеличению инвестиций в уранодобывающую промышленность. Государства Центральной Азии в настоящее время изучают преимущества и недостатки инвестиций в корейские технологии, и именно это побудило страны Центральной Азии уделять первоочередное внимание укреплению своих связей с Кореей. В целом сотрудничество между Кореей и странами Центральной Азии охватывает несколько форматов, но в основном фокусируется на взаимных экономических интересах и подкрепляется историческими и культурными связями» [6, С. 32].

Южная Корея Один из ключевых игроков в системе международных отношений. Двустороннее сотрудничество со странами ЦА и в формате «С5+1» – это проект, который имеет неплохие перспективы. Обладающий запасами промышленных масштабов нефти, газа, металлов, минералов, угля, золотом, ураном, редкими земельными металлами и др., а также гидроэнергетическим потенциалом страны ЦА имеют возможности развивать

эти направления с использование южнокорейских технологий, которые имеют имидж высококачественных.

На основе изучения моделей сотрудничества в контексте экономической дипломатии стран Центральной Азии сосредоточены не только на двусторонних связях или внутрирегиональных, но и на многовекторности, на активном участии в многосторонних форматах, позволяющих развивать взаимоотношения и транспортно-логистический потенциал.

За более чем тридцать лет независимости центральноазиатские государства достигли существующего уровня развития экономики благодаря совместной работе в рамках внутрирегиональных двусторонних и многосторонних соглашений, а также в результате выстраивания партнерских связей с влиятельными акторами системы международных отношений. При этом у каждой отдельной республики региона своя история и контекст взаимоотношений с внешними партнерами.

Что касается Туркменистана, то внешней экономической политике страны характерна политическая автономия и закрытость. Страна участвует в некоторых моделях внешнеэкономического сотрудничества, однако говорить об открытости и готовности сотрудничать с привлечением больших инвестиций и предоставлением доли собственности зарубежным партнерам пока говорить не приходится.

Изложенные выше материалы указывают на то, что внешнеэкономические связи государств региона настроены на отказ от изолированности и продвижение в пользу синергии многосторонних векторов. Такой подход способствует укреплению внутренних связей, капитализации транзитного потенциала и активного встраивания в глобальные проекты. Это минимизирует внешнюю зависимость и создает устойчивую благоприятную платформу для экономического роста. Главный итог того, что многовекторность внешнеэкономических связей в рамках внутрирегиональных договоров, соглашений, внешних региональных отношений в виде СНГ, ЕАЭС, ШОС, «Один, пояс, Один путь», ТюркПА, ССТГ, ОТГ, «С5+1» (ЦА + США, ЕС, Япония, Южная Корея) на сегодняшний день не просто политический лозунг, а практический инструмент экономической выгоды. Именно эти проекты и организации выступают основными моделями сотрудничества в контексте внешнеэкономической деятельности. При этом транспортно-логистическая система и связуемость ее, а также природные ресурсы выступают платформой для продвижения других направлений сотрудничества. Более детально эти модели будут изучены и проанализированы на примере инвестиций и энергетической дипломатии, как инструменты обеспечения национальных интересов государств центральноазиатского региона по каждой стране отдельно в следующем параграфе.

2.2 Роль инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных интересов государств региона

В современных условиях глобальной нестабильности и перестройки мировых энергетических рынков, центральноазиатский регион начинает занимать роль критически важного поставщика ресурсов. Государства Центральной Азии обладают природными запасами нефти, газа, углей промышленных масштабов. Однако при том, что в регионе есть углеводородные ресурсы, тем не менее говорить о том, что государства не нуждается в инвестициях на их разработку не приходится. Странам необходимо развивать топливно-энергетический комплекс, что без внешней помощи затруднительно. Речь идет об инвестировании в разработку месторождений в Казахстане и Узбекистане с применением высоких технологий, строительство новых гидроэнергетических комплексов в Кыргызстане и Таджикистане. Решение проблем по ликвидации дефицита газа в Узбекистане. Внутрирегиональное использование туркменского газа и его экспорт.

Интерес к теме этого параграфа обусловлен также и тем, что в нем предпринимается попытка определить роль инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных интересов государств региона в современных условиях. Особое внимание уделяется процессу балансирования между обязательствами перед Россией, Китаем и новыми запросами соответствующих интересам стран Запада (США, ЕС). Процесс лавирования между традиционными и новыми партнерами – очень ответственный и требует ювелирной дипломатической работы с учетом сохранения национальных интересов, не попав в долговую яму и контроля национальных недр. Тема параграфа также актуальна тем, что в ней рассматриваются проекты диверсификации экспортных проектов на новые рынки через Каспийское море в Европу или через Афганистан в Пакистан и Индию.

При изучении и анализе заявленной темы параграфа используются индуктивный, логический методы исследования, которые позволят из некоторых тематических частностей прийти к общему заключению, а также перейти от простого описания фактов к причинно-следственным связям.

В совместной статье Есдаулетовой А.М., Демеуова Н.Б. «Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста» отмечается, что «Развитие экономики государства во многом зависит от стратегически продуманной инвестиционной политики, основанной на тенденциях развития мировой экономики, региональной и ресурсной специфике страны, видении будущего страны. Понятие «инвестиционная политика» означает «составную часть экономической политики, проводимой государством и предприятиями в виде установления структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования, источников получения с учетом необходимости обновления основных

средств и повышения их технического уровня», – считают казахстанские эксперты [103, С. 741]. Действительно страны, не имеющие внутренних финансовых ресурсов не способны самостоятельно решать экономические проблемы и развиваться. Страны центральноазиатского региона в силу складывающихся обстоятельств стремятся к привлечению инвестиций. Наличие инвестиций и их масштабы напрямую влияют на благосостояние развивающихся стран Центральной Азии.

В этом контексте Кыргызстан не исключение. Страна, демонстрирующая в последние годы рост экономики долгое время, не могла похвастаться такими показателями. Отсутствие внутренних ресурсов на поддержание экономики и строительство инфраструктурных объектов в топливно-энергетическом секторе, инфраструктурных проектах требовало внешних вливаний. С первых лет независимости страна берет кредиты, получает гранты. Министерство финансов Кыргызской Республики опубликовало данные по внешнему долгу по состоянию на 31 декабря 2025 года, где «общая сумма задолженности страны составляет 8 млрд 920 млн долларов США. Большую часть – почти 60% (59.9%) – составляет внешний долг. На долю внутреннего приходится 40.1%:

- внешний долг: 467.4 млрд сомов ($5.34 млрд);
- внутренний долг: 312.4 млрд сомов ($3.57 млрд)», – сообщает в своей аналитической статье «Почти $9 млрд: Минфин раскрыл структуру госдолга КР – кому и сколько должны» И. Петченко [297].

В своей статье «Кыргызская Республика активно сотрудничает и с отдельными странами, и с международными финансовыми институтами. Петченко И., основываясь на официальных данных отмечает, что «самая большая категория внешних займов – это многосторонние льготные кредиты (50% внешнего долга). Основными кредиторами здесь выступают:

1. Международная Ассоциация Развития (группа Всемирного Банка) – $931.6 млн (17.4% внешнего долга);
2. Азиатский Банк Развития (АБР) – $869.5 млн (16.3%);
3. Евразийский Банк Развития (ЕАБР) – $257.1 млн (4.8%);
4. Международный Валютный Фонд (МВФ) – $204.1 млн (3.8%);
5. Исламский Банк Развития (ИБР) – $205.4 млн (3.8%)», – сообщает в своей аналитической статье «Почти $9 млрд: Минфин раскрыл структуру госдолга КР – кому и сколько должны» И. Петченко [297].

На наш взгляд такое заимствование финансовых ресурсов обусловлено степенью доверия к экономическим реформам, которые проводились в Кыргызстане. Такие кредиты позволяют стране удерживать долговую нагрузку в управляемом русле за счет предоставленных льготных условий и длительных сроков по возврату. Такая модель заимствования финансовых ресурсов минимизирует риски резкого дефолта, но сохраняет зависимость государственного бюджета от условий доноров. Такие кредиты требуют

жесткой финансовой дисциплины, чтобы своевременно обслуживать накопленные обязательства в пик выплат.

В этой же статье указывается, что «далее по убывающей категория внешних займов – двусторонние льготные кредиты (35.5% внешнего долга). В этой группе лидером по кредитованию остается Экспортно-Импортный банк Китая. На него приходится 28.1% от всей суммы внешнего долга страны или $1.5 млрд. Среди других крупных двусторонних кредиторов:

1. Японское Агентство Международного Сотрудничества (JICA) – $136 млн (2.5%);
2. Саудовский Фонд Развития – $107.5 млн (2%);
3. Банк КфВ (Германия) – $63.6 млн (1.2%)» – сообщает в своей аналитической статье «Почти $9 млрд: Минфин раскрыл структуру госдолга КР – кому и сколько должны» И. Петченко [297].

Наличие двусторонних льготных кредитов отражает стратегическую ориентацию на развитие масштабных инфраструктурных и энергетических проектов. Несмотря на политическую значимость таким инвестиций и их льготный характер, высокая концентрация долга перед отдельным государством создает определенные риски зависимости и требуют тщательного балансирования. Это позволит избежать крупномасштабного влияния внешних партнеров на экономическую повестку развивающейся республики.

В этой же статье автор указывает на третью категорию внешних займов – Еврооблигации и прочее. Петченко И. пишет о том, что «на долю Еврооблигаций (EUROBOND) приходится 13.1% внешнего долга, что составляет $700 млн. Не льготные кредиты (как двусторонние, так и многосторонние) составляют лишь малую часть — около 1.5% в совокупности» – сообщает в своей аналитической статье «Почти $9 млрд: Минфин раскрыл структуру госдолга КР – кому и сколько должны» И. Петченко [297]. Заимствование средств через Еврооблигации и прочие коммерческие займы говорят о том, что Кыргызстан выходит на путь рыночного самофинансирования. Это повышает международный рейтинг. Но в отличие от льготных кредитов, такие вливания в экономику страны обходятся Кыргызстану дороже и требуют макроэкономической стабильности, так как инвесторы очень чувствительны к любым колебаниям.

В средствах массовой информации отмечалось, что «во время правления А. Акаева внешний долг Кыргызстана вырос на $1,9 млрд. При К. Бакиеве внешний долг вырос на $0,7 млрд. Во время короткого правления Розы Отунбаевой главным кредитором Кыргызстана стал Китай. За 2011 год Экспортно-импортный банк Китая выдал республике кредитов на $112,7 млн. При президентстве Алмазбека Атамбаева - на $1,3 млрд. При С. Жээнбекове внешний долг вырос незначительно - по данным на июнь 2020 года, внешний долг республики составил $4,11 млрд» [446]. Кредиты в годы правления первого президента привлекались в основном для нужд бюджета в условиях перехода к рыночной экономике, первых структурных реформ и покрытия

дефицита из-за разрыва советских хозяйственных связей. При втором президенте рост долга был обусловлен с началом реализации модернизации транспортной сети. В это время началось активное привлечение двусторонних кредитов. Краткосрочный период управления Р. Отунбаевой характеризуется займами, которые были направлены на ликвидацию внутриполитических последствий. Кредиты были в основном гуманитарного и стабилизационного характера, обеспечивавшие социальную устойчивость. При А. Атамбаеве был самый можно сказать активный рост внешних заимствований. Инвестиции были направлены на амбициозные энергетические проекты и строительство дорог. При С. Жээнбекове рост долга продолжался по инерции для завершения начатых проектов, в том числе займы привлекались для ликвидации последствий борьбы с пандемией. При С. Жапарове акцент сменился на внутренние заимствования и погашение старых обязательств. Рост кредитов связан с необходимостью финансирования масштабных проектов (Железная дорога, ГЭС) и укрепление обороноспособности.

В СМИ Кыргызстана сообщалось, что страна «задолжала 23 странам и финансовым организациям. Крупнейший кредитор – «Эксимбанк Китая» (более 1,8 миллиарда долларов); следом идет Азиатский банк развития (661 миллион); на третьем месте Международная ассоциация развития, которая входит в группу Всемирного банка, – 657 миллионов. Кстати, МАР долгое время была самым крупным кредитором республики, затем опустилась на вторую, а недавно на третью позицию» [169].

Кыргызстанский ученый Бейсебаев Р.С. в своей статье отметил, что «основными странами-инвесторами в топливно-энергетический комплекс республики являются Россия и Казахстан, Китай, страны ЕС. Кыргызстан привлекает внимание не только соседей, Россию и Китай, но и страны географически отдаленные. Начиная с 2011 года проявляется интерес к Кыргызстану со стороны исламского мира – Исламский банк развития (ИБР). Все проекты и программы банка осуществляются в Кыргызстане в таких важных сферах, как транспортная инфраструктура, поддержка населения по преодолению чрезвычайных ситуаций, устойчивое развитие и энергетика», отмечал Р.С. Бейсебаев [29, С. 27].

Аналитик Кудрявцева Т. в своей статье «Третью фазу проекта реабилитации Токтогульской ГЭС может профинансировать Евразийский банк развития» отметила, что «зимой 2016 года стало известно, что третью фазу проекта реабилитации Токтогульской ГЭС может профинансировать Евразийский банк развития (ЕБРР). Вступило в силу кредитное соглашение между банком и КР по проекту «Реабилитация Токтогульской ГЭС. Фаза 2». На него из средств Евразийского фонда стабилизации и развития выделено 100 миллионов долларов», – отмечала Кудрявцева Т. [29, С. 27]. Бейсебаев Р.С. в статье «Инвестиции стран Запада и Востока в топливно-энергетический комплекс Кыргызстана» писал, что «проект осуществляется в софинансировании с Азиатским банком развития. Финансирование

предполагает замену второго и четвертого агрегатов с заменой/ремонтом вспомогательных систем и оборудования станции Токтогульской ГЭС. Также Кыргызстан подал предварительную заявку в ЕАБР на финансирование третьей фазы проекта» [29, С. 28]. Реабилитация Токтогульской ГЭС – необходимый шаг. С советским времен оборудование и инфраструктура гидроэлектростанции износились и устарели. Эта электростанция основная в стране по выработке электроэнергии. Аварии на ней могли серьезно отразиться на благосостоянии граждан страны и в целом экономики Кыргызстана.

Внимания заслуживает также информация, изложенная в статье Буранбаева А. «Китайские инвестиции: все ли так безоблачно?», где автор отмечает, что «наиболее крупным кыргызско-китайским энергетическим проектам можно отнести два уже реализованных – строительство ЛЭП-500 кВт «Датка-Кемин» и подстанция «Кемин». Модернизация линий электропередач южной части Кыргызстана. По сути своей это комплекс работ, включающих в себя строительство новой подстанции «Датка», реконструкцию уже имеющихся подстанций «Узловая» и «Алай», и строительство высоковольтной линии электропередач «Датка-Узловая», которая позволяет передавать энергию с каскада Токтогульских ГЭС в Ошскую и Баткенскую области в обход энергосистем Узбекистана и Таджикистана. Все работы выполняла китайская компания TBEA, на более чем 200 млн. долларов, полученных в кредитном порядке от Экспортно-импортного банка Китая» [39]. Китайские инвестиции в гидроэнергетический сектор значительно повлияли на энергетическую безопасность Кыргызстана. В СМИ Кыргызстан сообщалось, что уникальность и важность этого проекта заключалось в том, что «в случае выхода из центральноазиатской энергосистемы Узбекистана или Казахстана это могло создать дефицит электроэнергии на севере Кыргызстана до 40%» [315]. Но этого удалось максимально минимизировать. Теперь этой грозы нет.

Также в средствах массовой информации сообщалось о том, что «проект CASA-1000 продолжает список сотрудничества Кыргызстана со странами Востока. Кыргызская Республика, Таджикистан, Пакистан и Афганистан создали важную структуру, на базе которой предполагается претворять этот проект в жизнь. Поддержку в осуществлении оказывают Группа Всемирного банка, Исламский банк развития, Агентство международного развития США (USAID), Государственный департамент США, Министерство международного сотрудничества Великобритании (DFID), Австралийское Агентство международного развития (AusAID), а также ряд других донорских организаций. Этот проект поможет преобразовать регион Центральной Азии и станет важным шагом на пути формирования Регионального рынка электроэнергии в Центральной и Южной Азии (CASAREM). Инициатива CASAREM не только пойдёт на благо этим четырём странам, но и позволит усовершенствовать системы электропередач и стимулировать межрегиональное сотрудничество между

странами Центральной и Южной Азии. Пакистан, Афганистан, Таджикистан и Кыргызстан 24 ноября 2015 года в Турции подписали окончательное соглашение по прокладке региональной линии электропередачи CASA-1000» [299]. В статье «Инвестиции стран Запада и Востока в топливно-энергетический комплекс Кыргызстана» Бейсебаева Р.С. автор писал, что «на первом этапе реализации проекта планируется построить ЛЭП 500 кВ Датка-Худжанд, которая соединит энергосистемы Кыргызстана и Таджикистана. Также планируется возвести высоковольтную ЛЭП от Таджикистана через Афганистан к пакистанскому Пешавару. Кроме того, на всей протяженности ЛЭП планируется установить конвертерные подстанции» [29, С. 30]. Кыргызстан обладает значительными гидроэнергетическими ресурсами. Однако для того, чтобы государство могло воспользоваться этими ресурсами в полной мере с проекцией на экспорт необходимы инвестиции. CASA-1000 очень перспективный проект, который в случае решения вопросов по выработке, востребованной внутри страны и излишней электроэнергии даст стране валютные пополнения в бюджет.

В средствах массовой информации Кыргызстана также сообщалось и то, что «стоимость проектов по реконструкции и модернизации ТЭЦ Бишкека, ТЭЦ-2 и станции «Бишкексельмаш» составил $497 миллионов. Государство планирует реализовать в ближайшее время сразу несколько проектов: реконструкция и модернизация ТЭЦ столицы – $150 миллионов; восстановление и замена турбогенератора на ТЭЦ Бишкека –$100 миллионов; строительство ТЭЦ «Бишкексельмаш» – $147 миллионов; запуск ТЭЦ-2 – $95-100 миллионов» [480]. На сегодняшний день проект по модернизации ТЭЦ завершен. ТЭЦ Бишкека работает в штатном режиме, обеспечивая теплом и электричеством жителей столицы Кыргызстана г. Бишкек.

В статье Бейсебаева Р.С. отмечено, что «нефтепереработка также имеет место в кыргызско-китайских отношениях. Построен мощный завод в городе Кара-Балта. Строительство этого нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Чуйской области начато в сентябре 2009 года компанией «Чайна Петрол Компани «Джунда» с привлечением китайских инвестиций в сумме 250 млн долларов на строительство и около 100 млн долларов на оборудование. Осенью 2013 года НПЗ «Джунда» был запущен», – отмечал автор [29, СС. 29-30]. Как известно этот НПЗ работает пока не на полную мощность из-за отсутствия поставок нефти. Низкие объемы поставки нефти из России и Китая не могут задействовать НПЗ на полную мощь. Тем не менее НПЗ является стратегическим для экономики и в случае выстраивания поставок нефти в необходимых объемах для переработки, завод сможет обеспечить страну определенным объемом нефтепродуктов, покрывая часть энергетической безопасности страны.

С каждым годом увеличение потребления электроэнергии в стране вызывает необходимость введения в эксплуатацию новых станций, вырабатывающих электроэнергию. С наступлением зимы в 2026 году в Кыргызстане Минэнерго ввел ограничение на потребление электроэнергии,

что указывает некоторый дефицит электроэнергии в отопительный сезон. В средствах массовой информации тема потребления электричества тема постоянная и очень жаркая в обсуждениях. Власти страны стремятся решить проблемы с дефицитом электроэнергии.

В СМИ прошла информация о том, что «в ноябре 2021 года президент Кыргызстана С. Жапаров на заседании Совета безопасности дал ряд поручений по итогам рассмотрения вопроса о мерах по обеспечению энергетической безопасности страны. Он рекомендовал кабмину определить первоочередные меры и источники их финансирования с целью ускорения строительства Камбар-Атинской ГЭС-1. К проекту активно подключился Всемирный банк, который и выделил средства на актуализацию ТЭО. В январе 2023 года главы Минэнерго КР, Казахстана и Узбекистана подписали соглашение по Камбар-Атинской ГЭС-1» [376]. Строительство Камбар-Атинской ГЭС-1 долгое время проходило обсуждение. Одновременно велась работа по привлечению внешнего инвестора. Известно, что Русгидро (Россия) взялось за строительство, однако стройка была заморожена. Договор был расторгнут. Отрадно отметить, что изначально выступавшие против строительства гидроэлектростанции Казахстан и Узбекистан стали участниками этого проекта. Это говорит прежде всего о согласованности в совместной работе и возможном отсутствии в перспективе разногласий по водопользованию.

Запуск строительства гидроэлектростанции – это перспективный шаг, который во многом зависит не только от Кыргызстана, но в том числе и от партнеров. Доктор исторических наук Бейсебаев Р.С. в своей статье Инвестиции стран Запада и Востока в топливно-энергетический комплекс Кыргызстана отмечал, что «членство Кыргызстана в международных политических, торгово-экономических организациях, двусторонний и многосторонний форматы сотрудничества со странами мира, традиционные связи позволяют найти пути регулирования проблемных участков в топливно-энергетическом секторе, и это является основой развития топливно-энергетического комплекса Кыргызстана» – отмечал автор [29, С. 30]. К этому можно добавить и многостороннее сотрудничество с соседними странами. С которыми в последнее время у Кыргызстана выстраиваются добрососедские отношения.

Еще одна отрасль, на которую следует обратить внимание – это угольная промышленность, которой отводится недостаточно внимания. Это направление также нуждается в инвестициях. Что касается месторождений угля, то в Кыргызстане они есть. Кыргызстанский ученый в своей статье дал список месторождений угля, так он отметил, «на территории страны месторождения и углепроявления группируются в четыре бассейна: Южно-Ферганский (Сулюкта, Кызыл-Кия, Бешбурхан, Абшир, Алмалык), Узгенский (Кок-Янгак, Кумбель, Зиндан), Северо-Ферганский (Таш-Кумыр, Кара-Тут, Тегенек), Кавакский (Кок-Мойнок, Мин-Куш, Кара-Кече) и три угленосных района: Алайский, Алабука, Чатыркульский и Южно-Иссыккульский. Общий

запас угленосных районов оценивается в 28,3 млрд т, из них 2,3 млрд т – разведанные, 26 млрд т – прогнозные» [72]. По другим данным, «геологические запасы угля составляют 31,4 млрд т, балансовые запасы – 2,4 млрд т. Угольные ресурсы имеют неравномерное расположение по территории республики: 65% угля приходится на Южный Кыргызстан, 33% – на Нарынскую, 2% – на Иссык-Кульскую области. Более 70% угольных месторождений сосредоточено в горных районах республики» [416]. Кыргызстанский аналитик Изабаев К. в своей статье указал на то, что «среди стран СНГ Кыргызстан занимает четвертое место по запасам угля» [140]. Месторождения угля в Кыргызстане по виду классифицируются на каменный уголь и бурый уголь, которые отличаются друг от друга плотностью, цветом, зольностью, содержанием углерода, водорода, кислорода и азота.

В статье «Развитие угольной промышленности Кыргызстана: исторический опыт, современное состояние и пути выхода из кризиса» Бейсебаева Р.С. характеризуя ретроспективу и состояния угольной промышленности указывает на то, что «выстроенная в годы СССР система угольной промышленности с приобретением независимости была разрушена. Было упразднено централизованное материально-техническое снабжение. Поступление инвестиций прекратилось, устаревшее оборудование требовало замены, отток квалифицированных специалистов привел к нехватке кадров и снижению качественных показателей добычи угля. Заработная плата в связи с инфляцией обесценилась. Отрасль перешла на самофинансирование при резком увеличении стоимости потребляемых материально-технических ресурсов. Добываемые объемы угля не удовлетворяли внутренний спрос. Многие угольные предприятия обанкротились и прекратили свое существование. Немалый вклад в работу угольных предприятий внесла программа PESAC (ПЕСАК), профинансированная Всемирным банком и реализованная в Кыргызстане в 1993-1996 гг., которая была направлена на реорганизацию и уничтожение крупных государственных предприятий, считавшихся убыточными. Например, коллектив и руководство шахтоуправления в Кызыл-Кие в 1994 г. вынуждены были принять предложение о вхождении в программу (ПЕСАК). Процветание страны за счет форсирования демократических и либеральных реформ при помощи Запада де-факто не оправдалось. Нерентабельность и бесперспективность отрасли привели к новой волне утечки квалифицированных кадров. Угольная промышленность Кыргызстана продолжала находиться в чрезвычайно сложном положении» – отмечал автор [32, С. 103]. В настоящее время коренных перемен в отрасли не произошло.

Бейсебаев Р.С. также пишет о том, что «поступательное строительство тепловых электростанций на угольных разрезах, где добычу угля можно осуществлять открытым способом, – актуальное направление. На строительство новых гидроэлектростанций требуются миллиарды долларов, тогда как поэтапное строительство и введение в эксплуатацию ТЭС менее затратны. Получаемую электроэнергию можно использовать в самом регионе

или близлежащих. Электрификация регионов будет способствовать улучшению бытовых условий населения» [246].

Для улучшения ситуации в угольной отрасли Бейсебаев Р.С. предлагает: «необходимо вести переговоры с такими угольными странами, как Россия, Казахстан (союзники по ЕАЭС). Опыт России по ведению угольного хозяйства колоссальный, им необходимо воспользоваться. Заручившись поддержкой РФ, возможна модернизация угольной отрасли Кыргызстана. В рамках обмена опытом привлечение и подготовка профильных специалистов в вузах России – вполне выполнимые перспективы», – считает Р.С. Бейсебаев. [32, С. 105].

Аналитик и эксперт Козак М. в своем исследовании считает, что «Кыргызстан также может использовать мировой опыт по конверсии угля в жидкие углеводороды. Внедрение новых технологий по конверсии угля может значительно повлиять на текущее состояние угольной отрасли. Угольная промышленность может занять лидирующие позиции в стране. Внедрение такой технологии в перспективе позволит снизить зависимость Кыргызстана от импорта жидкого топлива и газа. Появляется надежность снабжения транспортного сектора. Снижается риск зависимости от резких изменений поставок и цен на продукты нефтепереработки, дает возможности для налаживания промышленного сектора страны. К сведению, Компания Shenhua Group (Китай) начала разработку своего собственного крупного проекта в Ордосе – Внутренняя Монголия (сметная стоимость 3 млн долл., максимальная мощность – 5 млн баррелей в год)» – считает Козак М. [192, С. 7].

Для продвижения развития угольной промышленности Кыргызстана необходимо привлечение внешних инвестиций. Разработка и реанимация месторождений угля, производство новых объемов электроэнергии, конверсия угля в жидкие углеводороды все это снижает зависимость от внешних поставщиков углеводородов, мультипликативным эффектом повлияет положительно на экономические показатели развития страны.

Кыргызстанский ученый Бейсебаев Р.С. в своей статье «Сотрудничество Кыргызстана и России в топливно-энергетическом секторе: состояние, проблемы и перспективы» считает, что «Кыргызстан не обладает достаточными топливно-энергетическими ресурсами для удовлетворения внутренних потребностей, но благодаря определенным внешнеполитическим процессам получает высокую степень доступа к чужим ресурсам и российские нефтегазовые компании в Кыргызстане занимают серьезную долю в топливно-энергетическом секторе Кыргызстана. В случае отсутствия лояльной внешней политики Кыргызстана в отношении России зависимость от российских нефтегазопродуктов может привести к определенным экономическим сложностям топливно-энергетического комплекса, которые могут повлиять на внутриполитическую ситуацию в стране. Отношения между Россией и Кыргызстаном выстраиваются на платформе стратегического партнерства, под которым подразумеваются нефтепродукты

и финансовая поддержка в ответ на лояльность» – считает Бейсебаев Р.С. [33, СС. 78-79].

В исследовании «Проблемы топливно-энергетического сотрудничества Кыргызстана и Казахстана на евразийском пространстве» Бейсебаева Р.С. отмечается, что «поставки газа в Кыргызстан до появления российской компании «Газпром» из Казахстана и Узбекистана занимали важное место в экономическом сотрудничестве центральноазиатских государств. Кыргызстану было удобно обеспечивать север страны поставками из Казахстана, а юг, соответственно, – из Узбекистана. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС привело к тому, что российские поставки газа осуществляются без введения таможенных акцизов, что заметно влияет на ценовую политику внутри страны при реализации газового продукта. Таким образом, проблемы поставок из Казахстана и Узбекистана решены. Говорить о том, что после вступления Кыргызстана в ЕАЭС произошли существенные сдвиги в топливно-энергетическом сотрудничестве с Казахстаном, не приходится. Тем не менее следует отметить, что ЕАЭС выступает юридической платформой, которая может способствовать реанимации сотрудничества республик в топливно-энергетическом секторе в случае болезненных изменений. ЕАЭС – это формат, который позволяет сохранять и применять на практике сложившуюся традиционную логистику сотрудничества Казахстана и Кыргызстана, которая с каждым годом изменялась не в пользу интеграции в связи с постоянными переменами в международных отношениях с учетом национальных интересов» [31, СС. 55-56].

Таким образом, учитывая складывающиеся обстоятельства Кыргызстан находится в полной зависимости от российских энергоресурсов. В этом секторе в случае осложнения взаимоотношений Бишкека и Москвы, горная республика лишается энергетической безопасности. Это говорит о том, что Кыргызстану необходимо приложить максимум усилий по диверсификации поставок из России. Нельзя исключать, что стремительные изменения в системе международных отношений, геополитической и геоэкономической ситуации в мире, перед Кыргызстаном может стать выбор, который нужно будет сделать не в ущерб национальным интересам. Речь идет о том, что необходимо выстраивать энергетическую дипломатию, которая сможет оперативно реагировать на изменения, происходящие в мире. Более того, энергетическая дипломатия должна будет обеспечить энергетическую безопасность Кыргызстана.

Для этого Министерству иностранных дел, правительству уже сейчас нужно прорабатывать практические действия и маршруты энергетической дипломатии, готовить специалистов, которые во внешнеполитических проектах будут профессионально продвигать национальные интересы страны, выстраивая не только количественные, но и качественные отношения с партнерами. Профессиональным профильным специалистам необходимо будет также прорабатывать комплексные меры в нескольких вариантах по

применению антикризисных мероприятий в топливно-энергетической отрасли страны.

Привлечение инвестиций, очень скрупулёзное и важное направление. Кыргызстан брал кредиты, привлекая внешние инвестиции для решения внутригосударственных проблем, стимулирования экономического роста, финансирования дефицита бюджета, развития инфраструктуры (дороги, энергетика) и модернизации отраслей. Конечно же в первую очередь это связано с тем, что Кыргызстан таким образом покрывал нехватку собственных финансовых средств, поддерживая социальную стабильность, создавая новые рабочие места, а также внедрял новые технологии.

Кыргызстан в отличие от первых десятилетий независимости в настоящее время привлекает целевые инвестиции. В настоящее время основные финансовые заимствования привлечены на два очень важных проекта – железная дорога Китай-Кыргызстан, Узбекистан и Камбаратинская ГЭС-1. Когда эти проекты будут сданы в эксплуатацию структура экономики Кыргызстана получит серьезные изменения в экономическом развитии. В первую очередь это обусловлено тем, что Кыргызстан из географического тупика превратится в важный транзитный хаб между Европой и Китаем. В региональной политике голос Кыргызстана приобретет важность. Энергетический суверенитет еще один позитивный аспект. Построенная Камбарата-1 позволит уменьшить дефицит электроэнергии в стране, более того, гидроэнергетическая станция начнет зарабатывать на экспорте электричества в Казахстан, Узбекистан, возможен экспорт и в рамках проекта CASA-1000 в Пакистан и Индию. Главное то, что будет обеспечена энергетическая безопасность.

При всем при этом, существуют и некоторые риски. Один из главных рисков – возможное нецелевое использование инвестиций или затягивание сроков строительства объектов. В результате может получиться так, что непостроенный объект не будет приносить прибыли, а проценты по кредиту будет расти из года в год. Другой не менее опасный риск это, то, что кредиты берутся в долларах или юанях, а доходы Кыргызстана в сомах, инфляция и девальвация может привести к увеличению стоимости долга. Высокая концентрация долга перед одним партнером (Китай), также один из рисков. Для этого необходимо через привлечение и других, например, европейских, азиатских, российских партнеров для балансировки влияния крупного влиятельного кредитора.

Роль инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных в Республике Казахстан очень высокая. По данным Национального Банка Республики Казахстан «объем внешнего долга Республики Казахстан на 1 октября 2025 года составил $171,4 млрд. долл., увеличившись с начала года на $6,7 млрд. долл» [258].

Обозреватель Forbes Казахстана О. Тонконог, анализируя внешний долг Казахстана, «который вырос на $7 млрд за девять месяцев 2025 года дала следующие сведения: «В разрезе стран больше всего обязательств у

резидентов Казахстана перед Нидерландами - $40,8 млрд, Россией - $15,7 млрд, США - $11,1 млрд и международными организациями - $14,1 млрд. По валютам львиную долю занимает доллар США ($115,3 млрд). По видам экономической деятельности самый большой долг в сфере добычи сырой нефти и природного газа - $70,8 млрд. Еще $24,2 млрд приходится на финансовую и страховую деятельность. Также значительную часть занимают обрабатывающая промышленность ($15,2) и госуправление с обороной ($14 млрд)» [414]. Как видим география привлечения инвестиций в Казахстан очень широкая. На наш взгляд это правильная политика привлечения инвестиций, которое обусловлена балансированием, которое не ведет к зависимости от одного кредитора.

Казахстанский аналитик Сарсембек Г. в своем исследовании «Современное состояние нефтегазовой промышленности Казахстана» указывает на то, что «по подтвержденным запасам нефти Казахстан входит в число 15 ведущих стран мира, обладая 3% мирового запаса нефти. Нефтегазоносные районы занимают 62% площади страны и располагают 172 нефтяными месторождениями, из которых более 80 находятся в разработке. Более 90% запасов нефти сосредоточено на 15 крупнейших месторождениях. При этом примерно 70% запасов углеводородов сконцентрировано на западе Казахстана. В целом, по данным Министерства нефти и газа РК, подтвержденные запасы углеводородов, как на суше, так и на шельфе, оцениваются в 4,8 млрд т, или более 35 млрд баррелей. Более того, прогнозные запасы нефти, по оценкам некоторых экспертов, только по месторождениям, расположенным в казахстанском секторе Каспийского моря, могут составлять более 17 млрд т, или 124,3 млрд баррелей. Учитывая запасы нефти и газа, а также постоянно растущие объемы добычи, в обозримой перспективе Казахстан будет продолжать оставаться в эпицентре мировой нефтедобычи» [340, С. 9]. Такие показатели нефтегазовых запасов ставят страну в список востребованных, поскольку углеводороды в современных условиях развития экономики наиболее важный аспект. Возможно, именно этим обусловлен поток инвестиций в экономику Казахстана.

Бутырина Е. (Butyrina E.) в статье «Эффективное развитие нефтехимической отрасли в Казахстане возможно если только будет реальная поддержка государства» («Effective development of the petrochemical industry in Kazakhstan is possible only if the real support of the state») указывает на то, что «отечественной нефтянке действует ряд крупных иностранных компаний, представляющих более чем 45 государств мира, включая США, Великобританию, Францию, Италию, Швейцарию, Германию, Россию, Японию, Китай, Индонезию и другие. В общей сложности в 2000-2013 гг. в нефтегазодобывающую отрасль ими вложено 150,1 млрд долларов США, в том числе 18 млрд долларов пришлись на проведение геологоразведочных работ (ГРР). За этот период объем инвестиций возрос почти в 5 раз. Наибольшую инвестиционную активность проявляют такие крупные

компании, как «Норт Каспиан Оперейтинг Компани» (18%), СП «Тенгизшевройл» (15%), АО «Мангистаумунайгаз» (12%), АО «СНПС-Актобе-мунайгаз» (11%), АО «Озенмунайгаз» (8%), АО «Эмбамунайгаз» (4%), АО «ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз» (3%), АО «Тургай - Петролеум» (3%), АО «Каражанбасмунай» (2,5%), а также ФК «Бузачи Оперейтинг лтд.» (2%)» – [517, P. 6]. По всей видимости автор статьи дала список иностранных компаний, предупреждая о том, что таким образом отрасль не приносит необходимых поступлений в бюджет из-за большого оттока, прибыли на счета иностранных партнеров.

В связи с этим уместно указать на совместную статью Кошима А. (Koshim A.) и Сакиева (Sakiev K.) где отмечено, что «в рамках Стратегии «Казахстан-2050» отраслевым ведомствам предстоит выработать наиболее оптимальный сценарий освоения энергоресурсов страны и вхождения Казахстана в число 30 наиболее развитых государств. Источником прогресса должна стать не столько сырьевая, сколько диверсифицированная экономика с развитым аграрным и промышленным перерабатывающим сектором, машиностроением, инновационной экономикой и т.п». Согласно ведомственным источникам» [540, PP. 22-25], в последние годы Казахстан придерживается прагматичного сценария, ориентированного на последовательное увеличение добычи нефти до 110-115 млн т к 2030 г., стабилизацию в 2040-2050 гг. на уровне 110 млн т. [517, P. 12].

Кроме запасов нефти в Республике Казахстан имеются большие запасы газа. По данным Комитета геологии министерства промышленности и строительства РК «доказанные извлекаемые запасы газа в Казахстане составляют 3,8 трлн кубометров, в том числе попутного (растворенного) газа – 2,2 трлн кубометров, и природного (свободного) газа – 1,6 трлн кубометров. Для сравнения, лидерами по запасам являются Россия (37,4 трлн кубометров), Иран (32,1 трлн кубометров) и Катар (24,7 трлн кубометров). Это 15 показатель в мире. Таким образом, в Казахстане насчитывает 1,2% всего мирового объема природного газа» [355]. Страна обладает значительными запасами нефти и газа. Это формирует роль страны как стратегического актора в системе энергетической дипломатии и международного инвестиционного сотрудничества.

Газовая промышленность, как и нефтяная играют в Казахстане ключевую роль в экономическом и социальном благосостоянии граждан. Главным стратегическим направлением развития отрасли до 2030 года должно стать первоочередное обеспечение внутренних потребностей в товарном газе в интересах экономического развития страны. В республике создан мощный Центрально-Азиатский газовый хаб. Страна стала важным газовым партнером для Российской Федерации, Китайской Народной Республики (далее – Китай), Республики Узбекистан, Туркменистана и Кыргызской Республики [65].

В совместной статье Егорова О.И., Чигаркина О.А. «Региональные проблемы нефтегазового комплекса Казахстана: использование сырьевого

потенциала, перспективы межстранового развития» авторы отмечают, что «за все годы независимости Казахстана в нефтяной отрасли страны сделано немало. Введены в промышленную разработку крупнейшие месторождения нефти, газа и конденсата Тенгизское и Карачаганакское, началась добыча нефти и газа в новых регионах страны – в Кызылординской и Джамбулской областях, были осуществлены масштабные работы по изучению нефтегазовых структур в шельфовой зоне Каспийского моря. Всё это позволило увеличить объём добычи нефти в Казахстане в четыре раза, в значительной мере повысить экспортный потенциал» [98, С. 40]. Наличие промышленных масштабов запасов газа – это устойчивая привлекательность Казахстана для иностранных инвесторов. Ресурсная база является гарантом долгосрочных вложений, стимулируя развитие инфраструктуры, внедрение технологий и формирование совместных проектов. При этом государство должно выстраивать сбалансированную инвестиционную политику, которая должна быть направлена на защиту национальных интересов прежде всего.

В вышеуказанной статье также говориться и о том, что «интегрированная газовая система обеспечивает Казахстану безопасность и адаптируемость газового сектора. Это включает в себя: 1) снижение зависимости от узбекского газа для южных регионов, что стало важным фактором с 2018 года; 2) возможность значительного экспорта газа в Китай, что является важным для QazaqGaz с 2017 года; и 3) обеспечение доступа к природному газу для центральных и северных регионов Казахстана, которые ранее не имели доступа к трубопроводному газу» [98, С. 40]. Такой подход говорит об учете национальных интересов. По сути, ведется работа по укреплению экономического энергетического суверенитета и усиление позиции страны в глобальной энергетической системе.

Существует мнение, что «газотранспортная инфраструктура Казахстана сталкивается со значительными проблемами из-за накопленного износа: многие трубопроводы эксплуатируются сверх установленного срока службы и работают с низкой пропускной способностью. Основная часть инфраструктуры, в значительной степени унаследованная от советской эпохи, в среднем превышает уровень износа в 70%. На современном волатильном рынке природного газа привлечение таких инвестиций требует стратегического подхода, который приведет «к общему знаменателю» интересы инвесторов с национальными целями Казахстана» [67]. Энергетическая дипломатия Астаны представляет собой динамичный многослойный процесс, в котором идет сочетание обеспечения национальных интересов, привлечения инвестиций и укрепление международных позиций в трансформирующейся глобальной энергетической системы.

Бассейн Каспийского моря по запасам нефти и газа пока не сопоставим с районом Персидского залива. Однако по прогнозам Международного энергетического агентства International Energy Agency «уже к 2020 г. нынешнее соотношение изменится: доля ближневосточных стран ОПЕК снизится до 52%, а каспийского региона – возрастет; поэтому и нефтяные

поставки прикаспийских государств вполне могут оказать заметное влияние на мировой сырьевой рынок, тем более что себестоимость добываемой здесь нефти – одна из самых низких в мире» [513, P. 18]. Казахстан имея запасы в каспийском регионе постепенно трансформируется в один из ключевых узлов энергетической геоэкономики. Значение страны значительно возрастет не только из-за наличия запасов газа, но и из-за географического положения, которое позволяет связывать энергетические потоки между Европой и Азией.

В этой связи освоение ресурсов Каспийского моря вызывает острые вопросы, с определением его правового статуса. Эксперты Вовк И.В., Иванов П.О. считают, что «по сути дела, это широкий комплекс проблем регулирования государственной принадлежности акватории, суверенных прав на недропользование, сохранения уникальных биоресурсов, согласованной природоохранной политики. Это и проблема энергетической безопасности, включая транспортировку нефти и газа, добываемых на шельфе Каспия и территории прикаспийских государств, к их собственным центрам нефтепереработки и на мировые рынки. Практикующиеся на Каспии границы в настоящее время не государственные границы, а границы недропользования; акватория моря остается общей и не подлежит делению, что негативно отражается на единой экологии моря и свободе судоходства» – считают авторы совместной статьи [56, С. 34]. Признание государствами прикаспийского региона Каспия морем решило некоторые проблемные вопросы [412, С. 34]. Управляемый переговорный процесс привел страны региона к использованию международных норм, соответствующих статусу моря.

Особое внимание следует обратить на то, что «в последние годы Казахстан значительно улучшил свои налоговые условия для иностранных инвесторов. Введены различные налоговые льготы и упрощённые административные процедуры для иностранных предприятий, что стимулирует поток инвестиций. Кроме того, правительство внедряет систему «одного окна», которая позволяет инвесторам эффективно взаимодействовать с государственными органами» [545].

В отчете об инвестиционном климате в Казахстане отмечается, что «в 2022 году объём привлечённых ПИИ в Казахстан составил $28 млрд, что на 17% больше по сравнению с 2021 годом» [535]. В связи с этим казахстанские аналитики Алимбаева А.К. и Тусибаева Г.С. в совместной статье «Прямые иностранные инвестиции как фактор повышения конкурентоспособности экономики Казахстана» писали, что «основными инвесторами являются Нидерланды, США, Швейцария и Китай» [7]. Налоговые послабления для инвесторов сыграли системную роль своей привлекательностью. Такой подход выступил непросто фискальным инструментом, а стал элементом стратегической экономической политики. В результате льготные режимы позволили инвесторам сократить издержки при реализации проектов. Это повысило конкурентоспособность Казахстана в борьбе за инвестиции.

В дополнение к вышеперечисленным преимуществам эксперт Волкова Н.В. в своем исследовании «Влияние иностранных инвестиций на устойчивое развитие экономики Казахстана отметила, что «специальные экономические зоны в Казахстане играют важную роль в привлечении ПИИ (прямые иностранные инвестиции). В таких зонах действует льготный налоговый режим, упрощённые процедуры регистрации бизнеса и особые условия для развития инновационных проектов. Например, в зоне «Сарыарка» активно развиваются инновационные технологии и высокотехнологичные производства» [59].

В условиях международной конкуренции и глобализации, стремительно изменяющегося мира технологий Казахстан активно привлекает иностранные инвестиции в исследуемые в диссертации секторы для улучшения состояния экономики страны, Привлечение инвестиций в топливно-энергетический сектор страны становится для республики важным фактором, который обеспечивает устойчивость и развитие отраслей экономики с целью адаптации к изменениям в мире. Это позволяет не только модернизации топливно-энергетического сектора, но также способствует модернизации инфраструктуры.

Как было показано выше в исследуемой нефтегазовой отрасли присутствие иностранных инвестиций явное, Иностранные инвестиции позволяют внедрение передовых методов управления и автоматизации, что делает нефтегазовый сектор Казахстана конкурентоспособным на внутреннем и внешнем рынках.

Энергетическая дипломатия и инвестиционная политика Республики Узбекистан имеет свою насыщенность. Она проявляется в первую очередь активностью привлечения инвестиций. Это подтверждается тем, что «по состоянию на 1 октября 2025 года совокупный внешний долг Узбекистана достиг 75,4 млрд долларов, увеличившись с начала года на 11,3 млрд долларов, следует из данных Центрального банка», – сообщает источник [53]. Страна взяв на свои плечи такой объем внешнего долга стремится активнее интегрироваться в региональные и международные проекты с целью достижения высоких показателей в развитии благосостояния республики. Одновременно внешний долг стимулирует Узбекистан к более активному привлечению инвестиций в промышленный комплекс.

Узбекистанские эксперты и аналитики Абдурашидова М.С. и Ибрагимова К.С. считают, что «для этого в стране создаются благоприятные условия по решению стратегических экономических задач. В Узбекистане отсутствуют ограничения относительно формы вложения инвестиций. Потенциальным иностранным инвесторам предлагаются самые разные формы вложения инвестиций: создание совместного предприятия; создание предприятия со 100 процентным иностранным капиталом; приобретение части либо полного пакета акций приватизируемых предприятий» [2, С. 244]. Такой подход является катализатором структурных реформ, стимулирующих

повышение эффективности промышленного сектора, улучшение инвестиционного климата.

В результате такой стимуляции в числе «крупных инвесторов, осуществляющих деятельность в республике, – компании «БАТ Индастриз» (табачная промышленность), «ДЭУ Корпорэйшн» (автомобильная, текстильная, электротехническая промышленность и телекоммуникации), «Ньюмонт Майнинг» (горнодобывающая промышленность), «Текнип» (нефтегазовая промышленность), «Сименс» и «Алкатель» (телекоммуникации). Опыт работы на рынке Узбекистана признанных лидеров мирового бизнеса несомненно свидетельствует об инвестиционном климате в республике, который способствует и делает возможным взаимовыгодное сотрудничество», – сообщают Абдурашидова М.С., Ибрагимова К.С. в статье «Особенности инвестиционной политики в Республике Узбекистан» [2, С. 245]. Функционирование новых промышленных объектов в Узбекистане имеет комплексный эффект для экономики страны. Это ведет к созданию новых рабочих мест, снижению уровня безработицы, расширению налоговой базы, которая усиливает доходную часть бюджета и позволяет финансировать инфраструктуру и социальные программы. Более того, происходит модернизация технологий и управленческие практики.

В статье «Приоритетные направления привлечения иностранных инвестиций в экономику Узбекистана» Азимова Х.Э. приводит интересные статистические данные, в которых говорится о том, что «свыше 50 стран инвестируют в экономику Узбекистана, но ведущими странами-инвесторами являются КНР (2,2 млрд. долл.), Россия (2,1 млрд. долл.), Германия (800,7 млн. долл.), Турция (1,18 млрд. долл.) и Южная Корея (137,4 млн. долл.)» [4, С. 457]. Привлечение инвестиций и практическое их освоение с вводом в эксплуатацию проинвестированных объектов кроме тех плюсов, которые были нами указаны выше, дают еще усиление экспортного потенциала страны за счет производства продукции, что снижает зависимость от сырьевой модели.

Известно, что «крупнейшим инвестором в экономику Узбекистана в 2024 году остается Китай, на долю которого приходится 27,9% от общего объема иностранных инвестиций. Второе место занимает Россия с показателем 13,2%. Турция, Германия, Саудовская Аравия и Нидерланды также входят в число ключевых инвесторов, вкладывая соответственно 6,8%, 5,2%, 5% и 4% от общего объема иностранных инвестиций в основной капитал Узбекистана», – сообщает источник [367]. Привлеченные инвестиций дает Узбекистану развитие промышленности и стимулирует смежные отрасли – транспорт, услуги, энергетику, формируя мультипликативный эффект.

В статье «Роль иностранных инвестиций в экономике Узбекистана» Рустамова З.Т. отмечается, что «в 2018 году объем привлеченных прямых иностранных инвестиций составлял около $1,6 млрд, в 2019 году он превысил $4 млрд, утроившись за год. В 2024 году объем ПИИ достиг $11,9

млрд, что составило более 10% ВВП страны. В 2023 году рост ВВП Узбекистана достиг 6%, чему во многом способствовал значительный приток ПИИ (более $7 млрд за год). Прямые инвестиции направляются преимущественно в такие сектора, как энергетика (нефтегазовый сектор, возобновляемая энергетика), промышленное производство (автомобилестроение, химическая и фармацевтическая отрасли) и транспортная инфраструктура. Эти сферы определяют промышленное развитие и экспортный потенциал экономики, поэтому приток иностранного капитала в них особенно важен» [338, СС. 125-126].

Полаева Г.Б., Жанабаев Азамат Айдос угли. В статье «Современное состояние и перспективы развития нефтегазового комплекса Республики Узбекистан» отмечают, что «нефтегазовая отрасль является стратегической в экономике Узбекистана, играет ключевую роль в народно-хозяйственном комплексе, предопределяет развитие всех остальных отраслей» [302, С. 5].

«Доказанные запасы нефти в стране составляют 594 миллиона баррелей, что подчеркивает огромный потенциал Узбекистана в энергетической сфере. Сталкиваясь с проблемой снижения добычи, правительство Узбекистана и соответствующие организации активно ищут решения. Они работают над повышением эффективности разведки и разработки нефтяных месторождений, чтобы увеличить объемы добычи в будущем. Кроме того, Узбекистан укрепляет энергетическое сотрудничество с соседними странами для совместного решения вызовов регионального энергетического рынка», – отмечает источник [447]. Добыча нефти очень сложный и высокотехнологичный процесс, который требует больших ресурсов. Необходимо отметить, что страна изыскивает внешние инвестиционные ресурсы для улучшения ситуации в ТЭК. Страна, обладающая нефтяными запасами промышленных масштабов и использующая эти запасы в потребностях экономики ставят государство в ряд тех, кто не зависит от поставки нефтепродуктов. Это обеспечивает энергетическую безопасность.

Узбекистанские эксперты считают, что «в отличие от нефтяного комплекса Узбекистана, газовая отрасль республики является более стабильной. В августе 2024 года «Узбекнефтегаз» и SOCAR заключили соглашение о сотрудничестве, положившее начало масштабным геологоразведочным работам на плато. Проект, реализуемый совместно с азербайджанской государственной компанией SOCAR, предполагает привлечение инвестиций в размере около 2 миллиардов долларов и будет осуществляться в три этапа. Ожидается, что реализация этого амбициозного проекта позволит Узбекистану не только полностью покрыть свои потребности в импорте нефти на ближайшие четверть века, но и обеспечить внутренний рынок доступным природным газом. Планируемый объем ежегодной добычи нефти на плато Устюрт составляет 5 миллионов тонн, что в 2,5 раза превышает текущие объемы импорта» [398].

Иностранные инвестиции играют позитивную и важную роль в развитии экономики Узбекистана. Приток внешних инвестиций способствует экономическому продвижению, росту, модернизации секторов экономики. Рост инвестиций в экономику Узбекистана указывает на то, что у страны положительный имидж и повышенное доверие подразумевающие минимальный риск для инвесторов. Текущие условия для иностранных вливаний в экономику страны позволят Республике Узбекистан поступательно реализовывать привлеченные финансовые вложения в пользу устойчивого экономического развития.

Диссертационное исследование энергетической дипломатии и инвестиционной политики продолжается сообщением министра финансов Республика Таджикистан Файзиддина Каххорзода, который сообщил, что «внешний долг страны на 1 января 2026 года составил 3,5 млрд долларов и равняется 19,2% ВВП республики», – отмечает источник [312]. По данным Минфина «основным внешним кредитором Таджикистана остается Эксимбанк Китая, которому республика задолжала свыше 1,2 миллиардов долларов. Задолженности, образовавшиеся в результате реализации государственных ценных бумаг на международных рынках, составляют 500 миллионов долларов. Также сравнительно большие задолженности имеются перед Всемирным банком ($318 млн), Азиатским банком развития ($278 млн), Исламским банком развития ($112 млн). Около 2,9 миллиарда долларов в госдолге республики составляет внешний долг и примерно 770 миллионов долларов – внутренний долг», – сообщает источник [73]. Инвестиционные вливания в экономику Таджикистана, как и для всех стран это прежде всего инструмент компенсации ограниченности внутренних финансовых ресурсов и одновременно механизм запуска структурной трансформации экономики.

Таджикистан развивающаяся страна, в силу своего географического расположения не имеющие выход к морю. «Страна располагает доказанными запасами нефти в объеме 12 млн баррелей по состоянию на 2025 год, занимает 88 место в мире», – сообщает источник [260]. Открытые источники интернет-ресурса сообщают, что «доказанные запасы газа в Таджикистане составляют 5,6 млрд кубометров. В середине 2012 года компания Tethys Petroleum объявила о существенном увеличении перспективных запасов на территории Таджикистана – до 3,2 трлн кубометров. В проведении геологоразведочных работ на природный газ задействованы иностранные компании, в том числе таджикско-швейцарская Somon Oil (Ферганский бассейн, Согдийская область), французско-китайская Bakhtar PSC (Таджикско-Афганский бассейн, Бохтарский район, доказанные запасы – 32 млн куб. м), иорданская Edgo Energy (участки Сурхсимо и Карордон)», – сообщает источник [66].

«В Концепции развития отраслей топливно-энергетического комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015 годов, утвержденная Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 августа 2002 года № 318 обозначено, что «перспективным направлением инвестиционных

вложений российских компаний следует считать работы, направленные на поиски месторождений нефти и газа в Юго-Западном Таджикистане. Таджикистан достиг выработку электроэнергии к 2010 году до 19,5 млрд кВт/ч. К 2010 году правительство создал экспортный потенциал в объеме 4,0-4,6 млрд кВт/ч, а к 2015 году – 9,2 млрд кВт/ч в год» [197].

В совместной статье Алимова Б. Х., Рахимова К. Х., Скулкова К. И. «Энергетическое сотрудничество России со странами Центральной Азии (на примере Таджикистана и Узбекистана)» сообщается, что «в 2006 г. между правительством Республики Таджикистан и ОАО «Газпром» был подписан меморандум о намерениях, и в Таджикистане зарегистрировано представительство ЗАО «Зарубежнефтегаз». Последнему выданы две лицензии на проведение геологоразведочных (на первом этапе – поисковых) исследований на двух перспективных площадях – Ренган и Саргазон. Оба участка по комплексу ранее выполненных геолого-съемочных, геофизических и геолого-структурных работ расцениваются в качестве территорий, где могут быть обнаружены залежи нефти и газа объемом до 40 млн. тонн условного топлива», – отмечали авторы [9]. Российско-таджикское сотрудничество обусловлено историческими экономическими связями. Москва остается ключевым направлением сотрудничества, что усиливает и стимулирует углубление двустороннего экономического партнерства.

Так же в вышеуказанной статье мы находим сведения о том, что «в 2019 году на заседании Межправкомиссии по экономическому сотрудничеству Россия и Таджикистан договорились о сотрудничестве между компанией Gazprom EP International и госкомпаниями ОАО «Нафту газ» и ОАО «Сугднафтугаз» (Таджикистан) по ускорению процесса согласования инвестиционного проекта о геологическом изучении недр на нефтегазоперспективных площадях Таджикистана. Компания «ОАО «Газпромнефть Таджикистан», помимо разведки и возможной добычи, активно работает в двух направлениях: она сформировала оптово-розничную сеть по сбыту топлива, вложилась в транспортную инфраструктуру системы безналичных платежей и подготовку кадров для современного процесса снабжения нефтепродуктами», – отмечали авторы [9]. Таджикистан осуществляет сотрудничество с российскими компаниями прежде всего в связи с тем, что страны имею общее сочетание экономических, институциональных и историко-политических факторов. Это обусловлено также и тем, что Россия имеет большие запасы углеводородов и обладают опытом работы в энергетике, что делает их удобными партнерами для воплощения проектов, особенно в области ТЭК.

В статье «Энергетическое сотрудничество России со странами Центральной Азии (на примере Таджикистана и Узбекистана)» в качестве примера приведены примеры сотрудничества официального Душанбе с российскими предпринимательскими структурами: «так в 2005 г. благодаря ряду межправительственных соглашений Таджикистана и России, в результате которых партнером с российской стороны стало РАО «ЕЭС»

началось сооружение гидроузла Сангтудинской ГЭС-1. Общая стоимость Сангтудинской ГЭС-1, установленная мощность которой по проекту составляет 670 мВт, – 720 млн. долл. США», – отмечали авторы [9]. В статье «Инвестиционные возможности в энергетическом секторе Таджикистана» в том числе приводятся другие примеры: «Открытое акционерное общество «Сангтудинская ГЭС-1» – совместное предприятие Республики Таджикистан и Российской Федерации, Доля компаний Российской Федерации в уставном капитале ОАО «Сангтудинская ГЭС-1» составляет 75% минус 1 акция, доля Республики Таджикистан – 25% плюс 1 акция. На сегодняшний день станция обеспечивает до 11% совокупной выработки электроэнергии в Таджикистане» – отмечает источник [144].

Следует отметить, что «строительство Сангтудинской ГЭС-2 официально началось 2006 года. На строительство объекта Иранская компания Сангоб выделил $318,9 млн, доля таджикской стороны составила $40 млн. Гидроэлектростанция была запущен в сентябре 2014. 22 декабря 2016 года было подписано соглашение о государственно-частном партнерстве между Министерством энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан и компанией «Shaanxi Coal Chemical Industry» – Китайской Народной Республики по проекту строительство и эксплуатация линий электропередач и подстанции 220 кВ для электроснабжения субъектов Свободной экономической зоны «Дангара» по методу «BOT». Общая сумма контракта составила 22,8 млн. долларов США на период 8 лет», – сообщают источники [9].

Инвестиции России, Ирана, Китая в гидроэнергетический сектор Таджикистана говорят о формировании республики многополярной модели внешнего участия в ключевой отрасли экономики страны. Участие нескольких государств демонстрирует стремление Душанбе не допустить монополию одного центра влияния и формирование конкурентной инвестиционной среды. Такая диверсификация инвестиционных партнеров имеет стратегическое значение. Она позволяет снизить зависимость от одного источника финансирования. Таджикистан выстраивает аккуратную энергетическую дипломатию, чтобы избежать зависимости от внешних партнеров и сохранить стратегические активы. В таких условиях гидроэнергетический сектор становится экономической основой развития и площадкой привлечения внешнеполитических интересов крупных акторов системы международных отношений.

Особого внимания в энергетической дипломатии заслуживает проект CASA-1000, который «предполагает создание системы передачи электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана, имеющих избыток электроэнергии в летний период, с энергодефицитными Афганистаном и Пакистаном. Из названия проекта следует, что он объединяет два региона: Центральную и Южную Азию (Central Asia, South Asia), «1000» означает первоначально заявленный объем экспорта электроэнергии с передачей мощности 1 000 МВт. Предусматривается, что в энергосистему Пакистана

будет поставляться мощность до 1 000 МВт (при этом Пакистан выражал заинтересованность в увеличении объемов импорта в долгосрочной перспективе), а в Афганистан – до 300 МВт.», – отмечали в своей работе «О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (ТАПИ, ТУТАП, Иран – Пакистан, CASA-1000» Мехдиев Э.Т. и Содиков Ш.Д.) [237].

Аюпов А. в аналитической статье отмечает, что «стоимость проекта оценивается более чем в 1 млрд долларов. Основными инвесторами выступают Всемирный банк (Международная ассоциация развития), Европейский инвестиционный банк, Исламский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Целевой фонд реконструкции Афганистана, а также Государственный департамент США и Министерство международного сотрудничества Великобритании. Азиатский банк развития, финансировавший подготовку технико-экономического обоснования проекта, отказался от дальнейшего участия, вероятно, по причине высоких рисков» [22, СС. 89-98].

В Докладе об итогах Заседания высокопоставленных официальных лиц для Министров ЦАРЭС сообщается, что «энергетический проект ТУТАП (по названию стран-участниц: Туркмения – Узбекистан – Таджикистан – Афганистан – Пакистан) рассматривается в качестве дополнения проекта CASA-1000. ТУТАП призван содействовать развитию торговли электроэнергии между центральноазиатскими и южноазиатскими странами. В то же время проект должен способствовать восстановлению Афганистана и в целом направлен на удовлетворение потребностей северного, восточного и южного регионов Афганистана в электроэнергии. В рамках ТУТАП предполагается связать энергосистемы стран – участниц проекта для круглогодичного (в отличие от CASA-1000) экспорта электроэнергии, вырабатываемой как на тепловых электростанциях (Туркменистан, Узбекистан), так и на гидроэлектростанциях (Таджикистан), в Афганистан, который сможет реэкспортировать ее в Пакистан. Проект осуществляется в рамках программы ЦАРЭС (Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество) при финансировании Азиатского банка развития. В настоящее время введены в эксплуатацию 220-киловольтные линии, объединяющие энергосистемы Узбекистана (2009 г.) и Таджикистана (2011 г.) с энергосистемой Афганистана. Объем экспорта электроэнергии составляет 1500 ГВт ч и 650 ГВт ч соответственно. Начато строительство 500-киловольтной ЛЭП и подстанций на территории Афганистана между Пули-Хумри и Кабулом. Завершение работ 10.7256/2454-0641.2017.3.23291 Международные отношения, 2017-372 запланировано на конец 2018 г.» [92]. Данная линия будет обладать пропускной способностью 1000 МВт. Отчет о проделанной работе. В Справочном документе для 3-й сессии Заседания высокопоставленных официальных лиц отмечено, что «при этом ожидается, что к 2019 г. Туркменистан будет экспортировать в Афганистан электроэнергию в объеме 900 ГВт ч, а к 2025 г. – 1600 ГВт ч.», – сообщают

источники [286]. «При том, что было выше перечислено, следует отметить, что проект не запущен. Нестабильная ситуация в Афганистане тормозит осуществление перспективного проекта», – сообщает источник [533]. Перспективность этого проекта усиливается в связи с тем, что «в 2016 г. на заседании высокопоставленных должностных лиц ЦАРЭС обсуждалась возможность соединения проектов CASA-1000 и ТУТАП. «В настоящее время рабочая группа изучает варианты поэтапного объединения», – отметили Мехдиев Э.Т. и Содиков Ш.Д. в своем совместном исследовании О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (ТАПИ, ТУТАП, Иран – Пакистан, CASA-1000)» [237].

Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон, в своём послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан в 2021 г., говоря об основных направлениях внутренней и внешней политики республики, отметил, что «улучшение инвестиционного климата и развития предпринимательства, привлечение прямых инвестиций для обеспечения устойчивого развития национальной экономики считаются одним из приоритетных направлений нашей экономической политики» [304].

Саидмуродов Л.Х. в статье «Основные направления улучшения инвестиционного климата в Республике Таджикистан» отметил, что «Либерализация доступа иностранных инвесторов в экономику страны обусловлена тем, что иностранные инвестиции являются источником долгосрочного внешнего финансирования экономики, что особенно важно при неразвитости финансовых рынков, недостаточном объеме внутренних частных и государственных инвестиций» [343, С. 12].

Статистика иностранных инвестиций показала, что в результате выполнения поручения Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона, «для инвесторов значительно понижено количество разрешительных документов. Оформление более 30% разрешительных документов проведено с использованием электронной системы», – сообщают источники [368].

Вышеизложенные материалы указывают на то, что Республика Таджикистан в инвестиционной и энергетической политике придерживается прагматизма. Топливно-энергетический сектор страны – стержень экономики, особенно гидроэнергетический комплекс. Как известно, добыча электроэнергии посредством гидроэлектростанций дешевле, чем выработка электричество углем, газом, мазутом и т.д., более того это очень экологично. Богатый на гидроресурсы Таджикистан при прагматичном использовании внешних инвестиций в гидроэнергетическом секторе может заметно улучшить благосостояние экономики. Успех продвижения национальных интересов во многом зависит от того, как страна будет регулировать темпы роста строительства ГЭС, не допустив критического роста долговой зависимости от кредиторов. Гидроэнергетика Таджикистана – это фундамент экономики, а дипломатия – это механизм, который обеспечивает фундамент ресурсами.

После приобретения суверенитета Туркменистан приняв Конституцию провозгласил суверенитет и нейтралитет. Сапарова Г. и Чарыева К. в статье «Независимость Туркменистана, путь к суверенитету и международному признанию», отметили, что «этот статус был признан на международном уровне в 1995 году Генеральной Ассамблеей ООН. Решение закрепило уникальное положение Туркменистана на международной арене и стало важным фактором для его дальнейшего развития. Туркменистан с первых дней независимости избрал путь позитивного нейтралитета, который стал основой его внешней политики. Нейтралитет позволяет стране сохранять мирные и конструктивные отношения со всеми государствами, избегая вовлечения в конфликты и военно-политические блоки. Этот подход открыл возможности для широкого международного сотрудничества в таких сферах, как экономика, энергетика и культура», – отметили авторы [345, С. 86]. Нейтралитет Туркменистана в первые годы независимости стал ключевым инструментом выстраивания стабилизации государства и обеспечения безопасности страны. Выбор такой позиции в системе международных отношений дал возможность самостоятельно формировать внутреннюю и внешнюю политику, особенно в управлении газовой отраслью. Официальный Ашгабат получил возможность самостоятельно определять внешнеполитическую траекторию сотрудничества с различными партнерами.

Прежде чем продолжим исследование этого параграфа необходимо отметить, что информация по исследуемой нами теме в открытых источниках крайне малочисленная. Однако была предпринята попытка по косвенной информации двустороннего сотрудничества Туркменистана найти источники, которые в некоторой степени позволили выполнить поставленную задачу. Так, в статье «Общий внешний долг Туркменистана удалось найти информацию о том, что «внешний долг в Туркменистане снизился с 4645434 тыс. долл. США в 2022 году до 3917748 тыс. долл. США в 2023 году. Внешний долг в Туркменистане в среднем составлял 3559868,94 тыс. долл. США с 1993 по 2023 год, достигнув исторического максимума в 8650280,00 тыс. долл. США в 2017 году и рекордного минимума в 276435,00 тыс. долл. США в 1993 году», – сообщает источник [274]. В другой статье «Внешний долг Туркменистана по итогам 2024 года составил 4,1% к ВВП» удалось найти информацию о том, что «по итогам 2024 года инвестиции в экономику Туркменистана составили свыше 12,1 млрд долларов США, увеличившись по сравнению с 2023 годом на 9%. Доля иностранных инвестиций составила 11,6% от общего объема инвестиций, увеличившись по сравнению с 2023 годом на 1,4%. В суммарном выражении иностранные инвестиции составили более 1,4 млрд долларов, увеличившись по сравнению с 2023 годом почти на 25%. По итогам восьми месяцев текущего года инвестиции составили 8,3 млрд долларов США» [52].

Следует отметить, что конкретные данные по внешнему долгу по состоянию на 2025-2026 годы найти не удалось, данные, имеющиеся по инвестициям и внешнему долгу Туркменистана по всей видимости закрытая

информация. Есть лишь обрывистые данные о привлечении инвестиций на конкретный год, например, «Туркменистан планирует привлечь $11 млрд для развития экономики в 2025 году», – сообщает источник [439]. В другой статье под авторством Розыбаева Б.Дж. «Приток инвестиций и рост ВВП в Туркменистане: современные тенденции и перспективы» отмечается, что «в рамках Национальной программы социально-экономического развития Туркменистана на 2022-2028 годы особое внимание уделяется созданию благоприятного инвестиционного климата. Основные цели включают: привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), стимулирование частного предпринимательства, обеспечение прозрачности финансово-экономических процессов. Правовые реформы, упрощение процедур регистрации предприятий, внедрение электронных платформ для лицензирования и отчетности позволили существенно упростить доступ инвесторов к внутреннему рынку. Динамика инвестиционного притока. Согласно данным Госкомстата Туркменистана и международных аналитических агентств: В 2024 году общий объем инвестиций в основной капитал превысил 11 млрд долларов США, что составляет более 110 % от намеченного плана. В 2025 году прогнозируется рост вложений до 11,5 млрд долларов США, из которых 65 % будет направлено в производственные отрасли, а около 10 % – в зарубежные проекты. Наиболее привлекательными для инвесторов остаются сферы газовой промышленности, строительства, транспорта и телекоммуникаций» [332, С. 118].

Учитывая вышеперечисленную информацию, следует подчеркнуть, что в стране фактический инвестиционный климат остается ограниченным. Прежде всего это связано с тем, что экономика страны характеризуется высокой степенью государственного контроля, включая доминирование государственных компаний. Более того, в республике жесткое регулирование валютных операций и ограниченный доступ для частного капитала к ключевому газовому сектору и в целом. Такие условия существенно сдерживают приток прямых иностранных инвестиций и повышает риск для внешних инвесторов. Однако сам факт привлечения инвестиций извне говорит о том, что у власти есть стремление к постепенному расширению инвестиционного сотрудничества. Если проводить обобщение вышесказанному, то инвестиционная модель Туркменистана характеризуется ресурсной привлекательностью при институциональной закрытости, тогда как ключевым условием изменений остается либерализация и предсказуемость экономической политики.

В Докладе об экономике Туркменистана указывается на то, что «будучи страной без выхода к морю, Туркменистан делает ставку на развитие транспортной и торговой инфраструктуры как путь к расширению внешней торговли и экономической диверсификации. Вложения в дорожную сеть, железные дороги и порты имеют стратегическое значение, однако логистика внешней торговли по-прежнему требует серьёзных улучшений. Туркменистан –страна с уровнем дохода выше среднего и без выхода к морю, с валовым

национальным доходом на душу населения в размере 8 250 долларов США. Обладая четвёртыми по величине в мире подтверждёнными запасами природного газа и 44-ми по нефти, Туркменистан входит в число крупнейших мировых экспортёров газа. Богатые природные ресурсы стали основой стремительного экономического роста, позволив стране достичь статуса государства с уровнем доходов выше среднего», – сообщается в докладе [428].

В совместной статье Язхановой Д., Мурадовой А. «Источники инвестиций в Туркменистане» авторы указывают на то, что «экономическое развитие Туркменистана во многом зависит от эффективного привлечения и использования инвестиций. Стабильная политическая обстановка, богатые природные ресурсы и стратегическое географическое положение создают предпосылки для активного инвестирования в различные секторы экономики. Государственная политика направлена на диверсификацию экономики, развитие промышленности, сельского хозяйства и транспортной инфраструктуры. Туркменистан обладает значительным потенциалом для привлечения инвестиций благодаря своим природным ресурсам и стратегическому положению. Однако для реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующие барьеры, улучшить инвестиционный климат и обеспечить прозрачность и предсказуемость правовой среды. Только комплексный подход позволит стране эффективно привлекать и использовать инвестиции для устойчивого экономического роста» [505, СС. 90-91]. Такая характеристика существующей ситуации по инвестиционному климату подтверждает наше мнение о том, что в стране должны произойти изменения в сторону либерализации.

«Туркменистан, обладающий четвертыми по величине доказанными запасами природного газа в мире, с момента обретения независимости получает выгоду от растущего экспорта углеводородов. С 2012 года страна классифицируется как страна с уровнем дохода выше среднего, с ВВП в размере 64,2 млрд долларов США в 2024 году» – отмечено в статье Всемирного банка в 2025 году», – сообщает Всемирный Банк [62]. «Запасы газа в Туркменистане оцениваются примерно в 10% мировых запасов, что делает его значимым игроком в энергетическом секторе» [64]. По данным того же Всемирного банка за 2018 год «Туркменистан также, по-видимому, богат критически важным сырьем, таким как предполагаемые запасы лития, необходимого для производства батарей, и, по оценкам, на западе страны находится около 70 миллионов тонн железной руды» [63, 353]. Природно-ресурсная база Туркменистана формирует основу его экономической и внешнеполитической стратегии. В первую очередь речь идет об экспортном потенциале. Крупные запасы газа дают стране занять место и обозначить роль на внешних рынках и формируют основу валютных поступлений, что критически важно для Туркменистана. Газ и другие ресурсы страны выступают инструментом энергетической дипломатии. В целом природные

ресурсы Туркменистана являются не только экономическим активом, но и ключевым фактором геоэкономического позиционирования страны.

Такое восприятие роли ресурсов Туркменистана в международных отношениях подтверждается цитатами из статьи Сапаровой Г., Чарыевой К. под общим названием «Независимость Туркменистана, путь к суверенитету и международному признанию», говорится о том, что «Туркменистан, обладая стратегическим географическим положением в Центральной Азии, играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности в регионе. Большие запасы природного газа и активное развитие инфраструктуры экспорта энергоносителей делают его ключевым игроком на мировом энергетическом рынке. После обретения независимости были подписаны многочисленные международные соглашения по поставкам газа в такие страны, как Россия, Китай и Иран, что укрепило экономическую самостоятельность Туркменистана» [345, С. 86].

Симеонидис Д. в статье «Время для «зеленой» добычи полезных ископаемых в Центральной Азии? Как Туркменистан может стать следующей державой по производству критически важных сырьевых материалов» считает, что «нефтегазовая политика Туркменистана является одним из ключевых направлений государственной экономической стратегии, определяющим устойчивое развитие национального топливно-энергетического комплекса. Значительные запасы углеводородных ресурсов создают прочную основу для формирования долгосрочной энергетической политики, ориентированной на расширение международного сотрудничества, диверсификацию экспортных маршрутов и внедрение современных технологий. Важную роль в реализации этих задач играет развитие международного диалога, в том числе через проведение специализированных форумов, конференций и выставок» [353].

Международная конференция и выставка «Нефть и газ Туркменистана», международные энергетические форумы как Turkmen Energy Forum форматы, которые способствуют презентации энергетического потенциала страны, где обсуждаются текущие тенденции развития энергетической отрасли. В том числе Turkmen Energy Forum ориентирован на привлечение инвестиций и развитие партнерских связей, обсуждение механизмов развития газовой инфраструктуры.

Аналитик Ходжамаммедова Д.С. считает, что «международные энергетические форумы выступают важнейшим инструментом энергетической дипломатии Туркменистан. В условиях глобализации энергетических рынков и возрастания взаимозависимости стран в сфере энергоресурсов форумная дипломатия приобретает особое значение как механизм согласования интересов и выработки долгосрочных стратегий сотрудничества. Существенную роль энергетические форумы играют в демонстрации достижений национального нефтегазового сектора и презентации инвестиционного потенциала страны. Это способствует формированию позитивного имиджа страны как надёжного и предсказуемого

партнёра в сфере энергетики» [475]. Туркменистанские энергетические форумы выступают витриной и по презентации газовых ресурсов страны и площадкой для привлечения иностранных инвесторов. Результатом таких мероприятий становится допуск иностранных компаний к разработке месторождений и инфраструктурным инициативам, при котором ключевой контроль сохраняется за государством.

Как отметила Ходжамаммедова Д.С. «на таких встречах особое значение придается развитию и модернизации экспортной инфраструктуры. Отработанные транспортные маршруты, технологическая устойчивость газотранспортных систем и их соответствие международным стандартам рассматриваются как важнейшие условия обеспечения бесперебойных поставок энергоресурсов. В этом контексте политика Туркменистана направлена на поэтапное совершенствование инфраструктуры, повышение её пропускной способности и адаптацию к перспективным объёмам экспорта, что способствует укреплению доверия со стороны зарубежных партнёров. Важным стратегическим направлением является развитие крупных газовых месторождений, формирующих основу ресурсной базы нефтегазового сектора» [475]. Страна делает ставку на формирование специальных экономических режимов по строительству инфраструктурных проектов (трубопроводы, переработка, энергетика). Модель привлечения инвестиций Туркменистана можно охарактеризовать как «контролируемая открытость», на условиях обеспечивающих приоритет национального контроля над стратегическими ресурсами. «Один самых масштабных и амбициозных проектов Туркменистана выступает строительство газопровода ТАПИ (Туркменистан - Афганистан - Пакистан - Индия)» [475], – считает Ходжамаммедова Д.С.

В Справочном документе для 1-й сессии Заседания высокопоставленных официальных лиц в Отчете о проделанной работе сообщается, что «для реализации проекта странами-участницами был создан консорциум – TAPI Pipeline Company Ltd, лидером которого был одобрен «Туркменгаз», выступающий также основным инвестором проекта. Не исключается, что финансировать строительство будет и Азиатский банк развития, который является консультантом проекта и ранее финансировал проведение предварительного технико-экономического обоснования проекта, анализ рисков и пр. В 2016 г. одобрено выделение 45 млн долларов на финансирование начального этапа строительства афгано-пакистанского участка» [285].

Стремление Туркменистана использовать газопровод ТАПИ – это стремление диверсификации экспортных маршрутов. Аналитики и эксперты Мехдиев Э.Т., Содиков Ш.Д. в совместной статье под названием «О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (ТАПИ, ТУТАП, Иран – Пакистан, CASA-1000)» указывали на то, что «поскольку прекращены поставки туркменского газа в Россию (отказ российской стороны) и Иран (разногласия из-за оплаты поставленного газа),

у Ашхабада остался единственный экспортный маршрут – Китай, то есть существует риск усиления давления Китая в вопросе определения цен на газ. Строительство Транскаспийского газопровода, благодаря которому туркменский газ получит выход на европейские рынки через Азербайджан, также откладывается по причине несогласия России и Ирана с прокладкой газопровода по дну Каспийского моря, тем не менее в 2015 г. Туркменистан ввел в эксплуатацию газопровод «Восток - Запад», по которому газ с восточных месторождений будет доставляться в Каспийский регион страны» [440], – отмечали авторы.

На наш взгляд перспективы реализации проекта ТАПИ достаточно сложные и сопровождаются рисками геополитического и экономического характера. Об этом также писали Мехдиев Э.Т., Содиков Ш.Д., указывая также и на то, что «маршрут газопровода должен пройти по территории Афганистана, то есть значительных расходов потребует обеспечение безопасности как процесса строительства, так и созданной инфраструктуры. Большая часть объемов туркменского газа, транспортируемого по газопроводу, предназначена для Индии и Пакистана, при этом напряженность в индо-пакистанских и афгано-пакистанских отношениях может повлиять на стабильность поставок. Кроме того, под вопросом платежеспособность потребителей газа. В то же время нет ясности в финансировании проекта, поскольку маловероятно, что Туркменистану хватит собственных ресурсов. Также не исключено и влияние на реализацию проекта со стороны стран, не участвующих в нем. Например, против появления конкурентов выступает Катар, являющийся основным экспортером на газовые рынки Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии. Китай, заинтересованный в получении дополнительных объемов газа, выступает против усиления влияния нерегиональных игроков, а строительство газопровода будет означать укрепление позиций США и их влияния на Афганистан и Пакистан, поскольку, как и CASA-1000, ТАПИ поддерживается США в рамках концепции Нового шелкового пути и Большой Центральной Азии. Конкуренцию ТАПИ могут составить такие проекты, как газопровод Иран - Пакистан, Иран – Индия» [440]. Проект очень перспективный тем, что он является альтернативным. Однако сложности, которые сопровождают его осуществление пока не позволяют достичь практических результатов.

При этом следует обратить внимание на то, что сообщают Ацакзай М.Н., Коропенко Д.А., Одинаева Д.С., Ранджбар Д.М., в своей коллективной работе «Проект ТАПИ в новом мировом порядке: SWOT-анализ». Они сообщают, что «Пакистан и Индия являются одними из самых энергодефицитных и динамично развивающихся стран в Азии. Их внутреннее потребление газа ежегодно растет на 5-8%. Спрос на газ в Индии и Пакистане стабильно растет, что делает проект привлекательным для долгосрочного экспорта. Проект ТАПИ служит альтернативой существующим маршрутам транзита природного газа через Россию и Иран, и это особенно значимо в условиях санкционного давления и нестабильности в

регионе. Реализация этого трубопровода позволяет Туркменистану сформировать более сбалансированную и многовекторную энергетическую стратегию, снижая зависимость от отдельных внешнеполитических центров влияния» [21. С. 695]. Когда будет введен в эксплуатацию проект, произойдут большие корректировки на газовом международном рынке, которые существенно повлияют на роль Туркменистана в системе международных отношений и не его экономическое состояние. Но это все пока в перспективах. Тем не менее это показатель того, что власти Туркменистана изыскивают все возможные варианты экспорта газа.

Важность проекта также обозначена в коллективной работе Ранджбара Д., Мукана С.М., Ниязгуловой А.А. «Газопровод «Центральная Азия-Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии», где отмечается, что «ТАПИ играет важную роль в формировании новых моделей сотрудничества между странами. Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индия ранее имели ограниченные экономические связи и практически не участвовали в совместных энергетических инициативах. ТАПИ создает устойчивую платформу кооперации, объединяя поставщика, транзитера и потребителей в единую энергетическую цепочку. Это не просто инфраструктура, а потенциальный фундамент для институционального сближения и укрепления экономической взаимозависимости. Кроме того, проект предполагает развитие сопутствующей инфраструктуры (дороги, подстанции, телекоммуникации), что углубляет экономические связи между Центральной и Южной Азией. Как подчеркивается в отчете Asian Development Bank, ТАПИ способен активировать трансграничную торговлю, создать коридоры занятости и расширить зону совместного роста» [326, С. 216].

Следующий не маловажный и перспективный проект – это проект ТАП (Туркменистан - Афганистан - Пакистан), который предусматривает объединение энергосистем Туркменистана, Афганистана и Пакистана, а также экспорт туркменской электроэнергии в Пакистан по южно-афганскому маршруту. В декабре 2015 г. главами государств был подписан Меморандум о взаимопонимании, в котором стороны договорились содействовать экспорту электроэнергии, производимой Туркменистаном, и ее транзиту через Афганистан в Пакистан. В рамках ТАП будут построены ЛЭП на границе Туркменистана и Афганистана (ввод в эксплуатацию запланирован на 2018 г.), 500-киловольтная ЛЭП по территории Афганистана от границы с Туркменистаном до границы с Пакистаном, подстанции в Герате и Кандагаре, распределительные устройства на территории Пакистана. В настоящее время рассматриваются различные варианты межсистемного соединения, в том числе с инфраструктурой CASA-1000 и ТУТАП. Подготовка технико-экономических обоснований запланирована на 2017 г., а реализация проекта – на 2018-2020 гг. Финансирование и координацию проекта осуществляет Азиатский банк развития» [549], – сообщает источник. Туркменистан, имеющий большие запасы газа в перспективе, рассчитывает выходить на

международные рынки по разным газовым магистралям. Это обусловлено тем, что численность газопроводных направлений выступает моделями, которые в случае изменения международной политической, экономической ситуации позволят Туркменистану регулировать поставки с целью поддержания стабильности экспорта и возможности его диверсификации.

«Значимым для энергетического сектора стран Центральной Азии является проект по строительству газопровода из Туркменистана в Китай через Узбекистан и Казахстан. Газопровод был введен в эксплуатацию в декабре 2009 г. Его протяженность составляет около 7 тыс. км, в том числе более 1 900 км по территории Туркменистана, Узбекистана и Казахстана и 4 500 км по территории Китая. Газопровод состоит из трех ниток, пропускная способность которых достигает 55 млрд куб. м газа в год. За все время эксплуатации газопровода в Китай поставлено более 150 млрд куб. м газа, из которых 100,5 млрд куб. м поставил «Туркменгаз» – отмечается в статье «Туркменистан и Китай вместе смотрят в будущее и возрождают Великий Шелковый путь» [440], – сообщает ИА Белинформ.

В статье «Узбекистан и Китай отложили постройку участка газопровода» отмечается, что «в 2011 г. подписано соглашение о строительстве четвертой нитки газопровода по новому маршруту: Туркменистан - Узбекистан - Таджикистан - Кыргызстан - Китай. После ввода четвертой нитки в эксплуатацию пропускная способность газопровода увеличится до 85 млрд куб. м в год. Туркменистан намерен нарастить поставки газа в Китай до 65 млрд куб. м в год. Однако в 2017 г. Узбекистан и Китай на неопределенный срок отложили строительство узбекского участка газопровода, что отразится на сроках завершения работ по строительству всей четвертой нитки» [452].

Политика привлечения инвестиций и энергетическая дипломатия Туркменистана выстраивается максимально прагматично. Страна стремится к тому, чтобы, привлекая инвестиции быть максимально независимой и закрытой от внешнего влияния страной. Энергетическую дипломатию Туркменистан использует только для того, чтобы по выгодным ценам продать газ Китаю, Европе и Ирану. Инвесторов привлекают неохотно и только в газовую сферу, при этом не допускаю внешних акторов к управлению газовыми ресурсами. Газ для официального Туркменистана – это главный доход и механизм, которые позволяют стране жить по установившимся внутренним правилам.

В результате решения задачи по определению роли инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных интересов государств региона выявлено, что Кыргызстан находится в процессе энергетической мобилизации и регионального партнерства. Инвестиции, привлекаемые в страну направлены активное строительство генерирующих мощностей в гидроэнергетике. Республика акцентирует внимание на сотрудничестве с соседними государствами в регионе и крупными игроками в лице Китая. Официальный Бишкек стремится на укрепление энергетической

независимости и выстраивании отношений, которые позволят выйти из географической замкнутости к берегам моря и международной торговле не только по суше.

Энергетическая дипломатия Казахстана выстраивается в призме привлечения капиталов для добычи углеводородов. Причем страна, привлекая огромные инвестиции не страшится пускать в совместное управление самих инвесторов. Своими силами государство не способно активно заниматься разведкой, разработкой месторождений углеводородов, в условиях того, что основная прибыль от экспорта нефти и газа, Астана вынуждена в целях сохранения социальной стабильности привлекать инвесторов извне. Казахстан выстраивает взаимоотношения не только с соседними государствами, но и привлекает, всемирные международные организации, банки. Складывается ощущение, что сумма внешнего долга – это платформа, на которой выстраивается благосостояние экономики страны, без факторов риска, способствующее внедрению новых технологий.

Узбекистан и его дипломатия характеризуется открытостью и открытым поиском новых партнеров. Страна выстраивает новые технологические цепочки и модернизирует энергетический сектор с целью удовлетворения внутреннего спроса. Заметно, что страна, привлекая инвестиции стремится использовать их целенаправленно с высокой отдачей. Официальный Ташкент, используя внешние финансовые вливания поступательными шагами идет к статусу экономического лидера в Центральной Азии, показывая стабильный устойчивый рост экономики страны. Как и все страны региона, республика пытается в сотрудничестве с соседними странами региона проложить маршрут от Китая в Европу, что в случае осуществления дает возможность усилить свое положение и авторитет в системе международных отношений.

Для Таджикистана инвестиционная и энергетическая дипломатия являются главными механизмами обеспечения национальных интересов. Ключевое место здесь занимает развитие гидроэнергетического сектора, который в перспективе может дать энергетическую независимость и доходы от экспорта экологически чистой электроэнергии. Как и перед соседними странами региона, перед Таджикистаном также стоит задача выйти из географического тупика. Посредством экспорта электроэнергии в Пакистан, Афганистан экономика страны может получить отличный импульс для развития экономики и решения внутриэкономических проблем.

Туркменистанской внешней экономической политике характерна черта энергетической автономии и закрытости, стремящейся выгодно продать газ. Газовые ресурсы – это основной доход в казну государства, поэтому Ашгабат стремится улучшить состояние сектора, увеличить объемы добычи и заниматься стабильным экспортом по интересующей их цене. Дипломатия страны направлена на расширение экспортных газовых магистралей при сохранении минимального уровня внешнего долга. В основном инвестиции привлекаются в газовый сектор – обеспечение стабильной добычи

транспортировка сырья. Такой подход энергетической дипломатии сохраняет закрытость системы при стабильном валютном доходе.

В целом Центральная Азия становится регионом, где государства занимаются не только политикой, но и дипломатией способствующей развитию экономики. Посредством привлечения внешних инвестиций государства стремятся к экономической стабильности и поступательному ее росту, с целью выстраивания энергетической безопасности и финансовой устойчивости.

2.3 Состояние транспортно-логистической дипломатии и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии

В условия текущей политической ситуации в мире, развитие транспортно-логистической инфраструктуры интересна внешним влиятельным акторам. Транспортно-логистический мост Евразии, проходящий через Центральную Азию – это перспективный коридор для выстраивания сухопутных торговых магистралей с севера на юг и с востока на запад, причем с выходом в море и в мировой океан через Кавказ, Иран, Пакистан.

Актуальность темы параграфа обусловлена тем, что в ней анализируется состояние транспортно-логистической дипломатии, а также выполняется анализ приоритетных направлений внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии, таким образом решается установленная задача в диссертации.

Интерес также вызывает и то, что традиционные международные торгово-логистические магистрали из-за санкций и нестабильности теряют свою актуальность, в связи с чем мировые акторы ищут альтернативные маршруты. В такой обстановке центральноазиатский регион предлагает альтернативные пути между Китаем и Европой, с выходами к портам Индийского океана.

Транспортно-логистическая дипломатия – это новый вид суверенитета и возможность занять государствам Центральной Азии одни из ведущих позиций в системе мировой торговли. Регион через, который будут в безопасности проходить грузы приобретают мировое значение. Государства, расположенные в таком регионе, будут иметь получать не только инвестиции, но и новые технологии, что существенно может сказаться на экономическом развитии и росте. Именно таким сегодня выглядит центральноазиатский регион. Такой вид нового суверенитета может радикально изменить правила игры. В частности Кыргызстан, Узбекистан становятся одним из главных активов в евразийской транспортно-логистической системе.

Центральноазиатские государства могут развивать маршруты через Каспийское море с выходом на Европу, в чем также заинтересован Китай. Через Афганистан регион получает выход к портам Пакистана и Индии. Северное и Восточное направления укрепляют связи с Россией и Китаем соответственно.

В средневековье через Центральную Азию проходил Великий Шелковый путь, который связывал Восток с Западом. По сухопутной артерии производился не только обмен товарами, шел также и культурно-гуманитарный обмен. «В свое время Великий Шелковый путь придал импульс масштабному развитию торговли, росту городов, взаимному культурному обмену. На современном этапе резко возрос интерес к транспортно-коммуникационным возможностям региона, в котором

переплетаются интересы трех мировых полюсов экономического и технологического развития: Европейского Союза (ЕС), Китая и России», – отмечала в своем исследовании Гарбузарова Е.Г. в статье «Транспортно-коммуникационный потенциал Центральной Азии в фокусе интересов глобальных акторов» [70].

Автор считает, что «Центральная Азия может стать связующим звеном между технологически подкованным Евроатлантическим пространством и Азиатско-Тихоокеанским регионом, где находятся мировые центры промышленного производства. Так как эффективная транспортно-коммуникационная система – это показатель экономического развития государств, республики Центральной Азии большое значение придают реализации международных транспортных проектов. В Центральной Азии транспортные проекты осуществляют Европейский Союз, Россия в рамках ЕАЭС, Китай с инициативой Экономического пояса Шелкового пути» [70]. Реанимация Великого Шелкового пути может дать мощный мультипликативный эффект, трансформируя регион из периферийного пространства в ключевой транспортно-логистический узел, которое может дать экономическое усиление странам центральноазиатского региона.

В этом заинтересована не только Центральная Азия. Евросоюз, как показала практика, также предпринимает определенные практические действия для реализации торгово-экономического сообщения Европы и Азии. Аналитик Рахимов Б.А. в статье «Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан» отметил, что «Европейский союз в рамках межрегиональной программы сотрудничества и технического содействия в строительстве транспортного коридора Европа - Кавказ - Азия (ТРАСЕКА) реализовал более 100 различных проектов. Цель программы – создание транспортного коридора из Европы через Черное море, Кавказ, Каспийское море с выходом в страны Центральной Азии и далее в Китайскую Народную Республику» [329, С. 80].

На евразийском пространстве ведется работа по созданию альтернативной транспортно-логистического коридора, соединяющего Европу с Центральной Азией и далее с Азией в обход традиционных маршрутов. Таким проектом выступает ТРАСЕКА. Проект создает благоприятные условия для бесперебойного движения товаров по территориям стран-участниц с использованием различных видов транспорта. Королев А. и Миленький В. в совместной статье «Перевозки грузов в направлении «Азия-Европа-Азия» отмечают, что «этот проект позволяет таким республикам как Кыргызстан и Таджикистан выйти из географической замкнутости и выйти к берегам морской торговли. На сегодняшний день в рамках проекта ТРАСЕКА функционируют три сухопутных маршрута по Каспийскому морю: 1) Урумчи - Актау - Махачкала - Новороссийск - Констанца; 2) Урумчи - Актау - Махачкала - Тбилиси - Урумчи - Актау - Баку - Поти - Констанца; 3) Урумчи - Достык - Алматы - Шымкент - Ташкент -

Ашхабад - Тегеран - Стамбул, Урумчи - Казахстан - Иран» [204, С. 42]. Эта торгово-экономическая сухопутная магистраль в перспективе способна диверсифицировать внешнеэкономические связи центральноазиатского региона, снизить зависимость от традиционных транзитных маршрутов и усилить собственную транспортную субъективность.

В другой аналитической статье под авторством Алклычева А. и Зоидова К. «Приоритеты развития транспортных систем России и стран Центральной Азии» авторы указывают на то, что «у региона Центральной Азии есть существенный потенциал, чтобы закрепить свои позиции в международной транспортной системе в качестве ключевого международного транзитного хаба по направлениям «Запад-Восток» и «Север-Юг». Железнодорожные маршруты, пролегающие через Центральную Азию, являются важнейшей частью международных транспортных коридоров: северный коридор Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ) Юго-Восточная Азия - Казахстан - Россия - Украина, Беларусь - Западная Европа; коридор «Восток - Запад»: Китай - Казахстан - Узбекистан - Туркмения - Иран - Турция - Балканские страны Европы; коридор «Север - Юг»; коридор «Европа - Кавказ - Азия (ТРАСЕКА)» [11, С. 71]. Уникальность этого проекта в том, что ТРАСЕКА выступает реаниматором торгово-экономических связей постсоветского пространства. Кроме того, эта транспортно-логистическая сухопутная торговля выступает инструментом интеграции в глобальные торговые сети. В перспективе создается инфраструктурная основа для расширения торговли, привлечения инвестиций и развитие транзитного потенциала.

О пользе ТРАСЕКА говорится и в китайском аналитическом пространстве, так например, китайский аналитик Цзюй Ин в статье «Международные транспортные коридоры ЕАЭС - КНР: формирование, развитие и вызовы, отметил, что «транспортный маршрут через Казахстан и его ответвления сообщаются с МТК «ТРАСЕКА» и служат продолжением казахского участка в юго-западном направлении до Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и далее через Каспийское море достигают Грузии, Армении и других стран. Данный коридор во многом совпадает с проектируемым КНР Западным коридором и Транскаспийским международным транспортным маршрутом. Последний начал свою деятельность с февраля 2017 г. и пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее в страны Европы. В настоящий момент данный МТК развивается в направлении объединения железнодорожных и морских перевозок, управления портами, регулирования индивидуально установленной фрахтовой ставки и логистических компаний. Планируемый же Западный коридор имеет множество ответвлений в направлении Европы» [478, С. 50]. В контексте заинтересованности КНР проект ТРАСЕКА имеет дополнительное значение, как дополнительный и альтернативный вспомогательный элемент диверсификации внешнеэкономических маршрутов. Альтернативный

маршрут позволяет Поднебесной частично разгрузить традиционные маршруты и снизить зависимость в случае возникновения форсмажорных политико-экономических ситуаций. Это повышает устойчивость внешней торговли Китая и гибкость логистических связей.

«Стоит отметить, что европейский проект ТРАСЕКА не предусматривает развития сотрудничества постсоветских государств с Россией. ТРАСЕКА является единственным маршрутом, связывающим страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, который не проходит по российской территории» [100]. Такое ведение дел говорит о том, что торговая магистраль выстраивается в обход России, то есть в проекте транспортные артерии Российской Федерации пока не рассматриваются и не включаются. Учитывая текущее состояние взаимоотношений России и Украины, отсутствие стабильности и безопасности скорее всего не скоро позволят принять ей участие в этом проекте.

Страны Центральной Азии должны быть заинтересованы в использовании потенциала ТРАСЕКА, это позволит получить доступ к европейским и китайским технологиям. Для этого необходимо привлечение инвестиций для строительства новых и ремонта существующих автомобильных и железных магистралей.

Для того чтобы центральноазиатский регион стал полноценным участником проекта ТРАСЕКА странам необходимо развивать инфраструктуру, активно модернизировать транспортно-логистические проекты, применяя высокие технологии, которые должны обслуживаться профильными профессиональными специалистами. Для этого потребуются колоссальные внешние финансовые вливания. Обязательно необходимо разрабатывать нормативно-правовые акты, которые позволят участникам проекта беспрепятственно взаимодействовать.

Чтобы зарабатывать на транзите грузов участникам необходимо гармонизировать законодательства, упростить таможенные процедуры и внедрить единые транспортные документы. Кроме того, следует создать цифровые транспортные коридоры для отслеживания грузов в реальном времени. Когда центральноазиатские государства создадут необходимые условия для работы в ТРАСЕКА это может стать образцом и для соседних регионов.

Актуализация сухопутных торговых магистралей связана также с мультимодальным транспортным маршрутом «Север - Юг», который предоставляет большие возможности для налаживания международных торговых отношений по новым направлениям и способствует усилению интеграции Евразийского пространства. Некоторые авторы обоснованно подчеркивают возможности транспортного коридора «Север - Юг» в стимулировании сотрудничества России и Ирана [17, СС. 47-53], Ирана и Индии [227, СС. 121-137], расширении торговли России со странами Азии и Африки, что имеет в настоящее время «важнейшее геополитическое значение» [191, СС. 36-55]. Рассматриваемый коридор интересен

возможностью перевозить грузы без использования портов на территориях, ограничивших сообщение для России.

Коридор «Север - Юг» как отмечают эксперты и аналитики Новикова Е.С., Максимов А.А. в совместной статье «Будущее транспортных коридоров Россия-Азия: проблемы и перспективы международного транспортного коридора «Север – Юг» «изначально проект задумывался как сухопутная альтернатива традиционным морским маршрутам через Суэцкий канал, но с учетом современных логистических задач его значение выходит далеко за рамки простой транспортной артерии. Восточный маршрут проходит через Казахстан и Туркменистан, соединяя Оренбург, Болашак, Ашхабад и Серахс, а затем достигает иранской территории. Транскаспийский маршрут является мультимодальным и сочетает в себе железнодорожные и морские перевозки. Грузы из России следуют через порты Астрахань и Оля на Каспийском море в иранские порты Энзели и Бандар-Аббас, откуда следуют дальше, на юг» [262]. Международный транспортный коридор формирует принципиально новую конфигурацию евразийской логистики, соединяя рынки через более короткие и гибкие маршруты. Коридор усиливает роль сухопутных и мультимодальных перевозок. Ценность этого маршрута заключается также и в том, что альтернатива морским маршрутам сокращает время и издержки доставки грузов между Европой, Центральной Азией, Кавказом, Ираном и Южной Азией.

Этот торгово-экономический маршрут снижает зависимость от перегруженных и политически уязвимых маршрутов. Диверсифицируются глобальные цепочки поставок и создаются условия для перераспределения торговых потоков. Данный проект – это транспортная инициатива и инструмент формирования новой архитектуры международной торговли, где государства Центральной Азии получают возможность занять более значимое и устойчивое место.

Вместе с тем проблемы в формировании перспективного транспортного коридора, имеет некоторые проблемы, которые также следует обозначить. Минеев В.И. и Почекаев Д.А. в статье «Перезагрузка международного транспортного коридора «Север-Юг» указывают на то, что «с момента подписания росийско-иранско-индийского соглашения о создании коридора (сентябрь 2000 г.) прошло уже более 26 лет. Транспортный коридор весьма эффективно функционировал первые два года, затем его работа практически остановилась, что привело к необходимости «перезагрузки проекта» [242, СС. 105-116]. Проблемы, связанные с функционированием рассматриваемого транспортного коридора, активно поднимаются в научных кругах, ими занимаются политологи, историки, экономисты. Единодушие ученых просматривается относительно геополитической важности транспортного коридора. Вопросы перспектив и факторов успешности развития коридора имеют дискуссионный характер – отмечал Малышев М.И. в статье «Развитие международного мультимодального коридора «Север - Юг» и меры интеграции региональной транспортной инфраструктуры» [233].

В Евразии на востоке континента развивается оживленный восточноазиатский экономический регион, на западе – развитые европейские государства, в центре континента – страны, обладающие богатыми природными ресурсами: Россия, Казахстан, Туркменистан и др. Это значимые факторы, стимулирующий торговые отношения между Китаем, Европой и прилегающими странами. Наиболее активно в этот процесс включилась Республика Казахстан. Здесь построены железнодорожные линии.

Казахстанские железные дороги совместно с китайскими партнерами с развивают железнодорожный маршрут «Хоргос/Алтынколь – станция Жетыген» и «Узень – Берекет – Горган». Кроме того, «новый логистический терминал в порту Ляньюньган на побережье Желтого моря, через который регионы Центральной Азии и Южного Кавказа могут вести торговлю с азиатско-тихоокеанскими партнерами. Россия и Казахстан в сотрудничестве с КНР создают Трансконтинентальный международный автодорожный коридор «Западная Европа - Западный Китай» («ЗЕ – ЗК»), который свяжет порт Ляньюньган с морскими портами на Балтийском море. С этим коридором через систему ответвлений будут соединены все страны ЕАЭС, поэтому его инфраструктура предназначена как для осуществления внутрисоюзных коммуникаций, так и для транзитных перевозок, объем которых, по оценкам, должен увеличиться в несколько раз» [478, С. 50], – считает китайский аналитик Цзюй Ин.

С начала 2026 года «в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) вступил в силу уникальный нормативный акт, регулирующий работу комплексной бондовой зоны «Алашанькоу». Это мощный юридический фундамент для расширения полномочий одной из ключевых точек сопряжения Китая с внешними рынками, включая страны Центральной Азии. «Алашанькоу» сегодня – это не просто пограничный переход – бондовая зона в КНР и единственная в стране площадка особого таможенного контроля, куда напрямую заходит железная дорога широкой колеи» [264]. «Через переход Достык (Казахстан) – Алашанькоу за 35 лет перевезено более 425 млн тонн грузов. В 2025 году исполнилось 35 лет со дня открытия пограничного перехода Достык – Алашанькоу. За период его эксплуатации через данный переход перевезено более 425 млн тонн грузов», [483] – сообщают источники.

Винокуров Е., Ахунбаев А., Шашкенов М., Забоев А. в совместной статье «Международный транспортный коридор «Север – Юг»: создание транспортного каркаса Евразии» указали на то, что «Казахстан, стремясь усилить свою роль в транспортных потоках, инвестировал 1,9 млрд долл. США в 2023 г. в модернизацию железных дорог, соединяющих страну с Туркменистаном и Ираном» [51]. «Важно отметить маршрут Оренбург - Болашак, который становится важной осью для казахстанского экспорта через Иран в Индию. Индия рассматривает коридор «Север-Юг», как альтернативу Суэцкому каналу, поскольку маршрут через Иран на 40 %

быстрее и на 30 % дешевле. Евразийский банк развития (ЕАБР) уже инвестировал 2,2 млрд долл. США в поддержку транспортных узлов в России, Казахстане и Азербайджане. Кроме того, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB) рассматривает возможность финансирования проектов цифровизации и логистики. Сегодня развитие коридора требует огромных инвестиций. Общая стоимость проектов «Север-Юг» оценивается экспертами стран-участниц в 38,2 млрд долл. США, из которых 69 % приходится на Западный маршрут, 19 % – на Транскаспийский, 12 % – на Восточный через Казахстан и Туркменистан. Россия играет ведущую роль в проекте, вложив уже 9,5 млрд долл. США в развитие железнодорожных и портовых мощностей на юге страны, включая модернизацию астраханских портов и железнодорожных узлов в Дагестане», – отмечал А.И. Захаров [567, С. 216-234].

В средствах массовой информации сообщается, что «ранее основной поток грузов из Китая в Европу проходил через Казахстан, Россию и Беларусь, однако после начала конфликта в Украине многие компании отказались от использования российского транзита. Китай развивает маршруты, позволяющих избежать транзита через Россию. Первый – Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), который проходит через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан и Грузию. Он был согласован летом 2023 года» [152]. Альтернативные маршруты представляют собой важный инструмент повышения устойчивости внешнеэкономической деятельности государств, особенно таких, экономика которых находится в высокой зависимости от внешней торговли. Они также минимизируют риски, связанные политической нестабильностью, санкциями и т.д. В условиях глобальных кризисов они позволяют перераспределить потоки товаров без критических потерь.

Об одном из таких проектов писал Жакыпов А. в своей статье «Новый транспортный коридор свяжет Казахстан и Китай», в которой он сообщил, что «проект «Бахты - Аягоз» является ключевым для развития транспортной инфраструктуры страны и формирования Трансказахстанского железнодорожного коридора. Завершение строительства планируется до конца 2027 года. На сегодняшний день завершены инженерные изыскания, а также построены четыре вахтовых городка в районах ай, Шолпан, Урджар и Бахты. Генеральным подрядчиком выступает China Harbour Engineering Company Ltd. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о готовности Китая увеличить импорт высококачественных товаров и сельхозпродукции из стран Центральной Азии. Китай намерен открыть свой рынок, заложив увеличение товарооборота с регионом до $70 млрд к 2030 году» [108].

В средствах массовой информации Казахстана отмечалось, что «в целом ж/д линия Бахты - Аягоз позволит увеличить пропускную способность между Казахстаном и Китаем с 28 до порядка 48 млн тонн, разгрузить южные пункты пропуска и привлечь дополнительные объемы транзита. Планируется, что двухпутная железная дорога будет введена в эксплуатацию в 2027 году.

Для этого у отечественных производителей планируется приобрести свыше 500 тыс. ед. шпал и 36 тонн рельсов». Также сообщается: «ожидается, что местное содержание составит не менее 85%» [161]. По сведениям из открытых источников – «стоимость проекта оценивается в 577,5 млрд тенге (около $1,173 млрд)» [373].

Некоторые проекты уже тестируются, «Казахстан и Китай запустили новый железнодорожный маршрут, который позволит доставлять грузы в Европу. Дочерняя организация АО «НК «ҚТЖ» - АО «KTZ Express» совместно с China Railway Container Transport Co., Ltd. (CRCT) запустили новый контейнерный сервис, открывающий еще один маршрут между Китаем и Европой», - следует из сообщения. Первый контейнерный поезд, груженный телевизионными компонентами, отправился из китайского города Чэнду в польский город Лодзь. Поезд преодолел путь через Казахстан, Туркменистан, Иран и Турцию. Маршрут обеспечит бесперебойную доставку грузов и эффективную связь между странами. Ожидаемое время в пути составляет 40 дней» [151]. Сокращение времени по доставке товаров позволит странам выстраивать новые транспортно-логистические отношения, которые отразятся мультипликативным эффектом на странах-участницах тестируемого маршрута.

Инициатива «Один пояс – один путь», представленная в 2013 году председателем КНР, кратно расширила логистический потенциал Казахстана и запустила глобальную модернизацию казахстанской транспортной инфраструктуры, включая реконструкцию дорог и таможенных пунктов. Таможенные посты на казахстанско-китайской границе можно условно разделить на восточные (Майкапчагай, Бахты) и южные (Нур жолы, Калжат, Достык). Первая группа идеально подходит для максимально быстрой доставки грузов в Сибирский Федеральный округ и города Урала, и далее на Москву. Из второй группы с весомым преимуществом выделяется Хоргос, достоинства которого очевидны: от преференций Свободной экономической зоны до круглосуточного режима работы, от отличного состояния дорог до мягкого климата в зимний период. Хоргос очень удобен для транспортировки техники и грузов в Центральную, Западную и Южную часть России» [393], – сообщают источники. Из Хоргоса также можно возить товары в Кыргызстан и соседними с ним страны Таджикистан, Узбекистан, кроме того, товары могут уходить и на Запад и Иран, через Каспийское море.

«В настоящее время нет весомых оснований говорить о том, что китайская стратегия Нового Шёлкового пути находится в прямой конкуренции с целями и деятельностью Евразийского сообщества. Конечно, для России в складывающейся ситуации есть определенные геополитические и геоэкономические риски, порождаемые активной экономической экспансией Пекина, но отказ Москвы от интеграционных установок и программ, на наш взгляд, чреват еще более серьезными рисками. Наблюдатели уже высказывают опасения, что строящиеся магистрали Нового Шёлкового пути пойдут в обход России, как это уже можно предполагать

после недавнего введения в строй железнодорожной линии Баку - Тбилиси - Карс» [488], – сообщал Euronews.

В этом контексте очень интересно замечание казахстанского аналитика, Сереков Б.А. который считает, что «в долгосрочном плане Китаю было бы выгоднее решать проблемы Шёлкового пути именно с ЕАЭС как единым целым, а не с отдельными государствами Центральной Азии. В Таможенном союзе Евразийского сообщества к настоящему времени существенно упрощены таможенные процедуры, сняты внутренние таможенные границы и выработаны единые правила таможенного регулирования. Для третьих стран, в этом случае для Китая, все это означает ситуацию одного таможенного барьера вместо нескольких границ, существовавших прежде. В перспективе здесь могла образоваться огромная евразийская зона свободной торговли, где Центральная Азия (точнее, территория ЕАЭС) стала бы главным звеном. Китаю это позволило бы, например, производить продукцию в одной республике ЕАЭС и свободно продавать ее в другой – вплоть до России и Беларуси», – отмечал Б.А. Сереков [349].

Однако такая перспектива облачная и вряд ли Кремль и Поднебесная договорятся об этом. Более того, явным показателем, выступает то, что официальный Пекин начинает действовать – строительство железнодорожной магистрали Китай-Кыргызстан-Узбекистан идет в обход России. «Соглашение было заключено между ОсОО «Компания железной дороги «Китай - Кыргызстан - Узбекистан» (Совместная проектная компания) и Синдикатом банков Китайской Народной Республики, включающим Государственный банк развития Китая и Эксимбанк» [300], – сообщал официальный сайт Правительства Кыргызстана. Москва не заинтересована в развитии такого сценария, однако учитывая текущую международную ситуацию и реэкспорт санкционированных товаров через Кыргызстан, железнодорожная магистраль с вводом в эксплуатацию может увеличить потоки необходимой продукции для обслуживания военно-промышленного комплекса Российской Федерации и в целом ее экономики.

Более того, как сообщал портал «Евразийские исследования» – «благодаря строительству новой железной дороги Китай сможет диверсифицировать свои транзитные маршруты, снизить свою зависимость от России и Казахстана и поддерживать устойчивую железнодорожную торговлю со странами ЕС и Ближнего Востока в долгосрочной перспективе. Стоит отметить, что железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан будет одним из самых коротких маршрутов и позволит сэкономить семь-восемь дней времени доставки. Новая железная дорога будет способствовать экономическому росту и развитию центральных и западных регионов Китая, в частности Синьцзяна, за счет роста обрабатывающей промышленности» [261].

Вышеуказанные плюсы от этого проекта получит не только Китай, но также и Кыргызстан с Узбекистаном. «По предварительным подсчетам согласно проекту, стройка международного транспортного коридора будет

проходить по комбинированному варианту маршрута Кашгар - Торугарт - Макмал - Джалал-Абад - Андижан. Длина железной дороги составит 532,53 километра, из которых около 312 километров будут проходить по территории КР. Стоимость проекта предварительно оценивается от $4,7 миллиарда до $5 миллиардов» [110]. Половина указанной суммы в размере около 2,3 млрд долларов США будет предоставлено Китаем в качестве кредита на 35 лет Совместной проектной компании, учрежденной тремя странами. Погашение этой суммы будет осуществляться непосредственно Совместной проектной компанией. Оставшиеся 2,3 млрд долларов США будут внесены тремя государствами в уставный капитал Совместной проектной компании в следующем процентном соотношении: Китай – 51%, Кыргызстан и Узбекистан – по 24,5% каждая» [300], – сообщают источники. Для Китая альтернативные торговые маршруты – это не только экономическая выгода, но также и расширение геоэкономического влияния. Развитие альтернативных коридоров способствует креплению присутствия Китая в транзитных регионах, включая Центральную Азию через инвестиции и экономическое сотрудничество. Одновременно они усиливают гибкость логистики и позволяет оперативно перераспределять потоки в условиях геополитической турбулентности.

«Запуск движения железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан ожидается к 2030 году. Линия протяженностью более 500 км, из которых свыше половины проходит по территории Кыргызстана, станет ключевым элементом транзитного маршрута между Китаем и Ближним Востоком/Европой и повысит транзитный потенциал страны» [16], – сообщают источники.

Также из открытых источников стало известно, что «общий объем вложений китайской стороны оценивается в $3,53 млрд, из которых часть финансируется за счет собственных средств, а $2,35 млрд - в виде льготного кредита от китайских финансовых институтов» [16]. Основные средства направлены в инфраструктуру, энергетику, горнодобывающий сектор и обрабатывающую промышленность. Ключевой проект – железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан с инвестициями $3,5 млрд, из которых более $2 млрд предоставлены в виде льготных кредитов. Среди крупных объектов – Кантский цементный завод (около $100 млн) и металлургический проект «Альянс Алтын» в Таласской области (свыше $200 млн). Аналитики предупреждают: концентрация китайского капитала может привести к квазимонополиям и усилению зависимости от импорта оборудования и рабочей силы» [275].

Для Кыргызстана это очень выгодный проект. «Выгода всех участников проекта очевидная: экспортный потенциал увеличивается, создается альтернативный сухопутный транзитный маршрут Азия - Европа, значительно сокращается время и расстояние поставок грузов, усилит экономический и культурный обмен. Строительство этой железной дороги ускорит экономическое развитие страны, укрепит роль Кыргызстана как

транзитного узла на Евразийском континенте и ожидается значительное увеличение объемов грузоперевозок. Во-вторых, данный проект обеспечит развитие регионов нашей страны, ускорит развитие торговли, туризма и промышленности, а также улучшит транспортную доступность труднодоступных районов» [375], – сообщалось в СМИ Кыргызстана.

Железнодорожная магистраль при введении в эксплуатацию окажет позитивное влияние не только на развитие участников проекта, но и на регион Центральной Азии в целом. Новый транспортно-логистический коридор станет важным звеном не только китайского проекта «Один пояс, Один путь», но и важной южной торговой магистралью Евразии. Этот проект откроет рынки Западной, Юго-Восточной Азии, стран Ближнего Востока, Турции и далее Европы. Главным является то, что центральноазиатский регион и отдельно взятые республики как Кыргызстан, Узбекистан решат проблемы транспортного тупика, увеличат доходы от транзита и получат импульс для развития внутренней транспортной связанности регионов. Железнодорожная магистраль позволит увеличить экономические показатели, укрепит роль важного звена транзита на Евразийском континенте. Прогнозируется увеличение грузоперевозок, ускорится развитие торговли, туризма, промышленности.

Узбекистанский аналитик Рахимов Б.А. считает, что «КНР и Узбекистан заинтересованы в реализации проекта маршрута через Алайскую долину на юге Кыргызской Республики вдоль пропускного пункта «Иркештам» на кыргызско-китайской границе, поскольку это наиболее короткий путь, связывающий КНР и Узбекистан, и, соответственно, экономически выгодный» [329, С. 85].

Другой узбекистанский аналитик Шерматова С. отмечала, что «для Кыргызстана участие в международных транспортных проектах является необходимым инструментом включения в мировую экономику, поскольку после обретения независимости он оказался в новых внешнеэкономических и внешнеполитических условиях. Процессы глобализации и регионализации прямым образом воздействуют на государственную политику Кыргызстана. Поскольку республика является территорией пересечения интересов нескольких глобальных держав, она взяла на себя ряд обязательств, вступив в состав международных политических и экономических объединений с целью защиты своих интересов и интеграции в мировое сообщество» [552].

Основные торговые маршруты из Китая в Кыргызстан проходят через Иркештам и Торугарт. В результате ввода в эксплуатацию железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан первый имеет возможности модернизировать транспортную инфраструктуру, как железнодорожных, так и автомобильных магистралей. Улучшится перемещение товаров, как в стране, так и в экспортно-импортном направлениях. Кыргызстан может стать международным транспортно-логистическим хабом, получив дополнительные экономические мультипликативные эффекты.

Как и Кыргызстан, Узбекистан является одним из участников строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Этот проект принесет выгоды для официального Ташкента. Страна также выступает связующим транспортным звеном между Китаем и Европой. Железнодорожная артерия в случае ее реализации даст импульс для экономического роста мультипликативным эффектом (развитие транспортной инфраструктуры, рабочие места, налоговые поступления и др.).

Как отметил узбекистанский президент Шавкат Мерзиеев: «Ежегодные объёмы грузоперевозок по нашему коридору составят до 15 (пятнадцати) миллионов тонн. На несколько тысяч километров и почти на неделю сократятся расстояние и сроки доставки грузов из Китая в страны Европы. Появится возможность организации регулярных пассажирских перевозок. В перспективе сопряжение этой железнодорожной линии и Транс-афганского коридора позволит эффективно соединить и усилить транспортно-коммуникационную взаимосвязанность Китая, Центральной и Южной Азии» [485].

«За последнее десятилетие правительство Узбекистана добилось значительного прогресса в улучшении международных коридоров. Его основные инвестиционные приоритеты до 2030 года включают реконструкцию и строительство еще 8000 километров дорог общего пользования международного значения и развитие новых международных коридоров. Страна планирует развивать северный, северо-западный, южный, юго-западный и восточный коридоры, что позволит Узбекистану получить доступ к рынкам стран Евразийского экономического союза, Европейских стран, Ирана, Турции, Афганистана, Пакистана, Индии и Китая», [63] – отмечал узбекистанский президент.

Поскольку Китай остается главным торговым партнером Узбекистана, отмечала Хашимова У., «руководство страны хочет соединить Узбекистан с Китаем через будущую железную дорогу Китай-Кыргызстан-Узбекистан, которая обеспечит более быструю и дешевую транспортировку товаров. В настоящее время Узбекистан связан с Китаем по железной дороге через казахстанский Хоргос и через Алматы. По словам официальных лиц Узбекистана, этот маршрут на 20% дороже по сравнению с существующим вариантом через Кыргызстан, хотя промежуточные грузы необходимо перевозить грузовиками» [473]. Год спустя она же отметила, что «одновременно Узбекистан сохранил интерес к железной дороге, проходящей через Иран, и активизировал усилия по завершению строительства Трансафганской железной дороги в Пакистан. Три страны подписали дорожную карту по строительству железной дороги Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар, которая должна соединить Узбекистан с пакистанскими портами через Афганистан, строительство которой начнется в сентябре 2021 года» [473].

Транспортная стратегия до 2035 определяет Срединный коридор как один из ключевых приоритетов Узбекистана. В ней поясняется, что «у

Казахстана есть преимущества, такие как общие границы с Китаем и Россией. Страна пользуется преференциями, связанными с членством в ЕАЭС, где ведется работа по формированию единого транспортно-экономического пространства. Транспортный контроль в ЕАЭС перенесен с российско-казахстанской границы на внешнюю границу Казахстана, что исключает дублирование контрольных функций и позволяет казахстанским автотранспортным компаниям без ограничений осуществлять все международные перевозки грузов через ЕАЭС. Узбекистан планирует как сотрудничать, так и конкурировать с Казахстаном за будущие перевозки. Рассматривается несколько коридоров сотрудничества с Казахстаном. Во-первых, автомобильные и железнодорожные маршруты «Кыргызстан - Узбекистан - Казахстан - Россия (Беларусь) - ЕС», а также использование потенциала Северного железнодорожного коридора на площадках Европы, России и Казахстана. Во-вторых, автомобильные и железнодорожные маршруты «Кыргызстан - Узбекистан - Казахстан - Каспийское море - Азербайджан - Грузия - Причерноморье или Грузия - Турция - ЕС». Этот маршрут совпадает с маршрутами транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия (TRACECA)» [420].

Аналитик Шарифли Ю. отмечал, что «за последние годы Узбекистан продолжает следовать активному пути транспортной дипломатии, чтобы укрепить свои геополитические и геоэкономические позиции и стать активной частью евразийской железнодорожной торговли» [551].

Другой узбекистанский аналитик Абдуллаев А.К. считал, что «главная цель дипломатии Ташкента – превратиться из страны, не имеющей выхода к морю, в страну, с хорошо налаженными торговыми маршрутами. Узбекистан рассматривает возможность совершенствования деятельности международных транспортных коридоров для выхода внешнеторговых грузов страны на основные мировые и региональные рынки для открытия новых торговых маршрутов. Правительство Узбекистана стремится обеспечить безопасность страны путем превращения ее в региональный транспортный коридор для великих держав, что с экономической точки зрения позволит диверсифицировать маршруты экспорта и импорта и снизить зависимость от существующих коридоров и защитить страну от большинства серьезных внешних экономических потрясений» [1, С. 318].

Шарифли Ю. также считает, что «правительством Узбекистана ведется активная работа над возможностью развития транспортного коридора «Узбекистан-Туркменистан-Иран-Индия». Усилия, связанные с запуском нового транспортного коридора Узбекистан-Туркменистан-Иран-Индия, с использованием иранского порта Чабахар, еще раз подчеркивает, заинтересованность Узбекистана не только в улучшении региональных связей для выхода на рынки Китая и Европы, но и в развитии своих связей с Индией для обеспечения своей способности выходить на рынки Южной Азии» [551].

Данный новый маршрут, как отметил Абдуллаев А.К., необходим Узбекистану для обслуживания растущего объема торговли с Индией. По

оценкам экспертов, внешнеторговый оборот между Узбекистаном и Индией может достичь 1 млрд долларов в ближайшие годы. Маршрут также представляет интерес другим странам Центральной Азии с точки зрения непрерывности поставок стран региона и Индии, а товарооборот между центральноазиатскими странами и Индией стремительно растет» [1, С. 319].

Следующий проект, посредством которого официальный Ташкент стремится выстраивать альтернативные пути торгово-экономического сотрудничества является – «Трансафганская железная дорога, в строительстве которого Узбекистан решил принять участие, сократит время прибытия товаров из Узбекистана в Пакистан с 35 дней до 15-10 дней. Надин Р. и др. также считают, что строительство железной дороги Термез–Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар, оцениваемое в 5 млрд долларов, откроет пакистанские морские порты в Персидском заливе для Узбекистана. В соответствии с оценками, от проекта выиграет не только Узбекистан, но и все страны Центральной Азии. Новая железная дорога сократит не только время транспортировки из Узбекистана и других стран Центральной Азии в Пакистан ни и расходы на 30-35%» [514]. «Ожидается, что проект сократит транспортные расходы между Россией и Пакистаном на 15-20%, а аналогичный индикатор между Центральной Азией и Пакистаном сократится на 30-35%. Кер М. Отмечал, что «по предварительным данным, в первые годы после запуска железной дороги Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар объем грузоперевозок по этому маршруту может достичь 10 млн т.» [537, P. 4]. Саттаров Ф. в своей статье считал, что «одна из проблем реализации данного проекта является разная ширина колеи железной дороги. Узбекистан использует исключительно российскую колею 1520 мм, в то время как Пакистан использует колею 1676 мм. В 2010 г. Афганистан решил строить свои дороги с использованием международного стандарта 1435 мм» [534, P. 199].

По данным Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан «проект будет почти полностью финансироваться за счет кредита Всемирного банка в размере 4,8 млрд долларов., перевозка груза весом 20-22 т по маршруту Ташкент-Бухара-Туркменабад-Мари-Саракш-Бандар-Аббас протяженностью 3 065 километров и продолжительностью 6-7 дней обходится примерно в 2400-2600 долларов. Узбекистан также активно ведет переговоры о тарифах и упрощении таможенного законодательства со своими соседями и другими странами региона. В этом контексте обсуждение Узбекистаном, Азербайджаном и Турцией дальнейшего упрощения перевозок грузов между собой, а также переговоры Узбекистана и Китая по вопросам взаимного признания уполномоченных экономических операторов являются ключевыми событиями в достижении страны своих более широких транзитных целей» [1, С. 320].

Республика Узбекистан используя транспортную дипломатию может превратиться в альтернативный транспортный узел в центральноазиатском регионе. Это создаст условия для привлечения инвестиций, больших объемов

грузов в экспортно-импортных направлениях, что поспособствует развитию в том числе и внутрирегиональных связей, а также улучшению геоэкономического положения в Центральной Азии. Страна, используя инструменты транспортной дипломатии формирует собственную модель интеграции в евразийскую транспортно-логистическую систему. Акцент прежде всего направлен на развитие альтернативных маршрутов, в результате чего прорабатывается внешнеэкономическая стратегия и перспективы повышения роли Узбекистана как самостоятельного и значимого участника евразийских транспортных процессов.

За последние годы, как и все государства Центральной Азии Таджикистан проводит транспортную дипломатию и заинтересован в участии в новых транспортных коридорах из региона в регион. «В октябре 2024 г. в Душанбе прошла официальная церемония открытия деятельности Регионального центра транспортной дипломатии с участием Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона. Согласно официальному сообщению, «основной целью создания этого Центра является подготовка отраслевых специалистов и экспертов, продвижение интересов страны в этой сфере, привлечение иностранных инвестиций, а также налаживание сотрудничество для выработки единой региональной транспортной политики» [499]. Выход страны из «коммуникационного тупика» был назван одной из стратегических целей Республики. «Согласно поставленным задачам Национальной стратегии развития Республики Таджикистан до 2030 г., транспортная дипломатия является одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности страны» [256].

Таджикистан решил проблемы круглогодичной связи регионов в стране. Отстроены новые магистрали. Построен Анзобский тоннель, который облегчает преодоление Гессарского хребта. Длина тоннеля 5000 метров, это самый длинный тоннель не только в Таджикистане, но и в странах СНГ, соединяющий север с югом страны, Все регионы страны связаны дорогами, которые открыты круглый год, что является большим достижением для страны.

Таджикский аналитик Ризоён Ш.Ш. в статье «Тематическое досье: Таджикистан в мировой политике и международных отношениях» отмечал, что «в советское время выход Таджикистана в другие союзные республики осуществлялся через транспортную инфраструктуру Узбекистана. Прямых связывающих дорог с Китаем и Афганистаном у Таджикистана не было, они были построены уже в годы независимости. Сейчас функционирует автомобильная дорога через Памирский тракт «Хорог-Мургаб-Ош» (на Кыргызстан). В нулевых годах началось строительство автомобильных дорог, связывающих Душанбе с регионами, которые были также нацелены на выход в соседние страны: «Душанбе-Худжанд-Чанак» (на Узбекистан), «Айни–Пенджикент-Саразм» (на Узбекистан), «Душанбе–Турсунзаде» (на Узбекистан), «Душанбе-Рашт-Карамык» (на Кыргызстан), «Душанбе-Куляб-Хорог-Кульма» (на Китай). На р. Пяндж в нулевых годах было начато

строительство 6 мостов, соединяющих Таджикистан с Афганистаном. Следует отметить, что все дороги (кроме «Душанбе–Хорог») были полностью реконструированы (часть дороги «Душанбе-Рашт» из-за зоны затопления Рогунской ГЭС оставалась). Сегодня идут строительные работы на участке «Калаи Хумб - Вандж - граница Рушанского района» (93 км) стоимостью свыше 200 млн долл. Согласно информации Минтранса страны, за последние 32 года было реконструировано и отремонтировано 2407,8 км дорог, 274 моста, 2 трехуровневых и 2 двухуровневых перекрестка, 7 транспортных тоннелей, т.е. реализованы 58 проектов общей стоимостью около 2,2 млрд долл. 1 Реконструкция старых и строительство новых дорог заметно облегчит выход страны на КНР и придаст новый толчок торгово-экономическим связям Таджикистана с Поднебесной» [331, СС. 846-847].

Таджикистан, стремясь преодолеть географическую замкнутость активизировал развитие транспортной инфраструктуры через строительство новых автомобильных и железнодорожных маршрутов. В некоторой степени это позволило снизить зависимость от транзитных направлений, позволило укрепить внутреннюю связанность регионов страны и расширить возможности выхода на внешние рынки.

Аналитик и эксперт Майтдинова Г.М. в статье «Таджикистан во внешнеполитическом процессе России и Китая в условиях становлении нового мироустройства» отметила, что «за годы независимости были построены ж/д «Кургантюбе-Куляб» (132 км, начала функционировать с 7 сентября 1999 г.) и участок «Вахдат-Яван» ж/д «Душанбе-Кургантюбе-Куляб» (40,7 км, начала функционировать с 24 августа 2016 г.), где построили 3 тоннеля протяженностью 3,7 км и 5 больших мостов» [229, С. 710]. В свою очередь таджикистанский аналитик Ризоён. Ш.Ш. отмечал, что «данный проект является одной из масштабных инициатив, связывающих Китай со странами Ближнего Востока, и выступает существенной мерой реализации инициативы «Один пояс – один путь». Проект направлен, прежде всего, для удовлетворения интересов Китая и Ирана. Практической выгодой для Таджикистана будет то, что страна будет иметь выход к портам южных морей. Согласно сообщениям СМИ, на территории Таджикистана длина железной дороги составит 392 км. Это участки Нижний Пяндж – 50 км, «Вахдат- Яван» – 46 км (данный участок уже построен), «Вахдат-Карамик» – 296 км. Строительство ж/д «Китай-Кыргызстан-Таджикистан-Афганистан-Иран» включает в себя 3 развилки. Две из них соединятся с туркменскими железными путями, а третья – с Хайратоном в Узбекистане» [330].

Эти железнодорожные маршруты – сообщение не только между регионами, но и выход через территории Афганистана в Иран и Туркменистан и через Кыргызстан в Китай. Однако, в настоящее время они практически не работают с полной отдачей. Периодические разногласия с соседними странами (Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан) ставили и ставят в зависимость Таджикистан. Обходной путь через Афганистан, с приходом к власти «Талибан» пока в проекте.

В статье «Транспортная дипломатия Узбекистана в рамках ШОС» Нуримбетов Р.И. отмечал, что «в августе 2024 г. Таджикистан приступил к проектированию железной дороги до границы с Афганистаном. Между Минтрансом Таджикистана и Корейским агентством по международному сотрудничеству (KOICA) был подписан протокол о разработке ТЭО проекта железной дороги «Дж. Балхи-Нижний Пяндж» общей стоимостью 4 млн долл» [266, СС. 488-493].

Проект железной дороги «Китай-Кыргызстан-Таджикистан-Афганистан проект, который является одной из масштабных инициатив, связывающих Китай со странами Ближнего Востока, и выступает существенной мерой реализации инициативы «Один пояс – один путь». «Проект направлен, прежде всего, для удовлетворения интересов Китая и Ирана. Практической выгодой для Таджикистана будет то, что страна будет иметь выход к портам южных морей. Согласно сообщениям СМИ, на территории Таджикистана длина железной дороги составит 392 км. Это участки Нижний Пяндж – 50 км, «Вахдат-Яван» – 46 км (данный участок уже построен), «Вахдат-Карамик» – 296 км. Строительство ж/д «Китай-Кыргызстан-Таджикистан-Афганистан-Иран» включает в себя 3 развилки. Две из них соединятся с туркменскими железными путями, а третья – с Хайратоном в Узбекистане» [330], – отмечал таджикский ученый. Как стало известно, «в Министерстве транспорта Таджикистана разработан проект строительства железной дороги «Вахдат–Карамик» (296 км) общей стоимостью 3,2 млрд долл. Альтернативой данному проекту выступает трансрегиональная ж/д «Китай-Кыргызстан-Узбекистан». По инициативе Ташкента и Пекина идет серьезная работа по началу функционирования этой дороги. В перспективе если будут соединены железные дороги Таджикистана и Кыргызстана, это может выступить новым маршрутом железной дороги из Таджикистана в Китай через Кыргызстан» [331, С. 849].

Выше мы отмечали то, что при выполнении исследования возникли сложности о доступности информации по Таджикистану. В связи с тем, что в этом разделе есть также задача изучить и исследовать состояние транспортно-логистической дипломатии и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества Таджикистана, учитывая труднодоступность информации, используя открытые источники, была предпринята попытка выполнить работу, которая дает нам возможность прийти к определенным выводам.

В целом транспортная дипломатия и транзитный потенциал Таджикистана – это долгосрочная перспектива. Одним из важнейших векторов транспортной дипломатии выступает южное направление, которое открывает стране новые возможности. Южное направление открывает перспективы и новые возможности не только для Таджикистана, но и для всего центральноазиатского региона. Проекты железнодорожного сообщения в случае их ввода в эксплуатацию выводят Таджикистан из коммуникационного тупика и превращает в перекресток торговли, что

приведет к увеличению товарооборота, к возможностям диверсификации торгово-экономического сотрудничества, экономическому росту, укреплению не только внутрирегиональных связей, но и укрепит связи на международном уровне. Это позволит Таджикистану и государствам центральноазиатского региона занять более активную роль в международной торговле, расширяя свое влияние и привлекая инвестиции.

О труднодоступности открытой информации по состоянию транспортно-логистической дипломатии и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества Туркменистана, также следует указать. Из доступных источников стало известно, что «в целях реализации инициативы по созданию Модального шоссе для Центральной Азии Туркменистан тесно сотрудничает с Европейской экономической комиссией ООН, Шанхайской организацией сотрудничества, Содружеством Независимых Государств, Организацией экономического сотрудничества и др. Совместно с зарубежными партнёрами осуществляются масштабные проекты по созданию комбинированной региональной и межрегиональной логистической системы, формированию межгосударственных транзитных коридоров, связывающих Центральную Азию и Европу, Каспийский, Черноморский и Балтийский регионы, Средний и Ближний Восток, Южную и Юго-Восточную Азию. Наша страна является участницей 12 международных конвенций по транспорту, инициатором проведения Первой Глобальной конференции по устойчивому развитию» [250, С. 469].

В статье Мухамметдурдыева А.Т. «Транспортная дипломатия Туркменистана» отмечено, что «в 2014 году введена в эксплуатацию железнодорожная транснациональная магистраль Казахстан - Туркменистан - Иран, которая является важным звеном международных транспортных коридоров «Север - Юг» и «Восток - Запад». Новая дорога обеспечивает кратчайший выход из северо-западных районов Европы в район Персидского залива. Кроме того, появилось возможность увеличить экспорт в направлении Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, благодаря чему, отмечает Лидер нации, создан удобный и экономически выгодный маршрут для десятков других стран как в северном, так и в южном направлениях. Новая дорога также даёт мощный импульс развитию Прикаспийского региона, включая расширение его транспортной, производственной и социальной инфраструктуры» [250, С. 470].

Другой туркменистанский аналитик Имамкулиева Т.М. в статье «Трансопртная дипломатия Туркменистана: формирование международных транзитных коридоров» отмечал, что «огромное значение придается формированию международных мультимодального транспортного коридора из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу». В частности, большое значение придается Транскаспийскому транспортному коридору, являющемуся важнейшей артерией, связывающей Европу и Азию, способствующей развитию торговли, обменов, улучшению связей и сотрудничества и экономическому росту между странами Коридора.

Транскаспийский международный транспортный маршрут состоит из таких основных элементов, как порты, морской транспорт и логистика и соединяет Китай и европейские страны через Казахстан, Туркменистан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан и Грузию. Данный коридор способен соединить Европу и Центральную Азию на протяжении 10 тысяч км в течении 15 дней. Он укрепит региональную интеграцию между странами Центральной Азии и облегчит им доступ к мировым рынкам» [141, С. 29].

«С Узбекистаном активизируются действия для реализации в ближайшее время проекта транспортного коридора Узбекистан - Туркменистан - Иран - Оман. Растёт сотрудничество и с другими заинтересованными странами по вопросам логистики. Так, в Совместном заявлении, подписанном уважаемым Президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым и Председателем КНР Си Цзиньпином, отмечено, что инфраструктурная взаимосвязанность является новой точкой отсчёта в отношениях всестороннего стратегического партнёрства между Туркменистаном и Китаем. В этом контексте указана необходимость содействовать сотрудничеству между двумя странами в сфере соединения дорог и трансграничного транспорта, увеличить количество рейсов и объём железнодорожных контейнерных перевозок по маршруту Китай-Кыргызстан-Туркменистан-Иран и мультимодальных перевозок в направлении Китай-Кыргызстан-Узбекистан-Туркменистан», отмечено в статье Мухамметдурдыева А.Т. «Транспортная дипломатия Туркменистана» [250, С. 471].

Туркменистан, стремясь улучшить пути выстраивания торгово-экономических отношений «в рамках реализации проекта построил железнодорожные пути, соединяющие Серхетабат - Тургунди, Герат и станцию Тургунди с Ашхабадом. Строительство этих трасс полностью взял на себя Туркменистан. Из Афганистана через Ашхабад до Международного морского порта Туркменбаши и по Каспийскому морю до Баку. Затем коридор пролегает через Грузию и порты Поти - Батуми до Турции и далее в Европу. В декабре 2018 года из афганского Герата по маршруту «Ляпис Лазули» в Европу выехали первые грузовики с экспортными товарами Афганистана. Важным звеном международной сети транспортных коммуникаций стали автомобильные и международные мосты Туркменабат – Фараб через Амударью, открытые в 2017 году. В июне 2020-го года на контрольно-пропускном пункте «Серахс-Серахс», на границе Туркменистана и Ирана состоялось открытие автомобильного моста через реку Теджен. В рамках данного логистического проекта также обустроена автомобильная дорога Теджен - Серахс, в том числе для большегрузных крупнотоннажных машин, следующих из зарубежных стран транзитом через территорию Туркменистана и Ирана. Строительство скоростного автобана Ашхабад - Туркменабат, которые ведётся в настоящее время, позволит обеспечить автомобильным транзитным грузопотокам быстрый выход на разветвлённую систему автодорог, простирающуюся до Азиатско-Тихоокеанского региона.

Открытие в 2010 году Международного аэропорта города Туркменбаши, в 2016 – нового Международного аэропорта Ашхабада, в 2018-ом году – Международного аэропорта города Туркменабата, 2021 году в городе Керки, модернизация парков воздушных судов позволила резко расширить географию полётов в разные уголки мира. Новый Международный морской порт в Туркменбаши, открытый в 2018- ом году, соединяет Центральную Азию и государства Каспийского бассейна с Закавказьем и Черноморским регионам, дает возможность дальнейшего выхода в Турцию и страны Европы, занимает важное место в обеспечении бесперебойных транзитных грузоперевозок. Это является ярким подтверждением значимости «морских ворот» в региональном измерении» [250, СС. 472-473].

Аналитик Качелин А.С. в статье «Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной гибкости» писал, что «Туркмения выступает за усиление работы по выявлению и устранению барьеров в транспортно-коммуникационной сфере прикаспийских государств. Сегодня наша страна осуществляет транспортно-транзитные коридоры по направлениям Север - Юг и Запад - Восток, активно участвует в создании международных транспортных коридоров Туркменистан - Азербайджан - Грузия - Турция, Узбекистан - Туркменистан - Иран - Оман - Катар и Европейский Союз. Кроме того, реализован проект по строительству автомобильного и железнодорожного мостов через Амударью, международных аэропортов в Ашхабаде, Туркменбаши, Туркменабаде и Керки, а также международного морского порта Туркменбаши» [176, С. 124].

Состояние транспортно-логистической дипломатии и приоритетные направления внешнеэкономического сотрудничества Туркменистана указывают на то, что страна стремится к масштабным изменениям. Такие изменения способствуют диверсификации транспортно-транзитного сотрудничества и постепенному вливанию транспортной системы государства в мировую, что укрепляет политическую и экономическую стабильность региона. Туркменистан продолжает свою политику нейтралитета и ориентирован на развитие многовекторных транзитных связей. Страна акцентирует свое внимание на создание и модернизацию транспортных коридоров, связывающих центральноазиатский регион с каспийским регионом, Ближним Востоком и Южной Азией.

Ашгабат стремится превратить свое географическое расположение в ресурс транзитного взаимодействия, укрепляя роль государства как потенциального логистического узла. При этом транспортная дипломатия становится инструментом экономической интеграции, что позволит в перспективе расширить международное сотрудничество при сохранении нейтралитета и политической автономии.

Таким образом, транспортно-логистическая дипломатия и внешнеэкономическое сотрудничество государств Центральной Азии реализуется в трех основных направлениях – локальный (центральноазиатская интеграционная модель), функциональный

(транспортные коридоры ТРАСЕКА, «Север – Юг») и глобальный (ЕАЭС, «Один пояс, один путь»). Все эти направления дополняют друг друга. Развитие транспортных коридоров ТРАСЕКА, «Север – Юг» превращает географическую замкнутость региона в конкурентное преимущество. Регион может стать ключевым транспортно-логистическим маршрутом на евразийском пространстве, что позволит балансировать влияние мировых акторов США, ЕС, Китай, Россия, Южная Корея, Япония, Иран, Турция, сохраняя при национальные интересы. Современная экономическая дипломатия центральноазиатского региона включает двусторонние связи и многосторонние форматы, посредством чего имеется перспектива решения вопросов экологии, водных ресурсов, водопользования в трансграничной торговле.

Выстраивая новую транспортно-логистическую систему государства Центральной Азии поступательными шагами, идет к тому, чтобы на евразийском пространстве занять позиции альтернативных торговых магистралей, сокращающих сроки доставки грузов. Статус центральноазиатских государств – «landlocked» (не имеющие выхода к морю) в ближайшей перспективе может замениться на статус «Access to the sea» (доступ к морю).

Следует отметить, что в транспортной логистике через государства Центральной Азии заинтересованы Китай, страны ЕС, Турция, Иран, Афганистан и сами центральноазиатские страны. Успешность этого проекта во многом зависит от внутриполитической стабильности заявленных стран региона, в том числе Афганистана, Пакистана, Ирана. Выстраивание новой системы транспортной логистики через Центральную Азию с севера на юг и с запада на восток способствуют выстраиванию новых международных договоров, которые будут влиять на стабильность в регионе. Страны центральноазиатского региона в плане экспортно-импортированных направлений станут гораздо активнее, что мультипликативным эффектом отразится на экономическом росте и социальном благосостоянии. Евразийская сухопутная торговля активизируется и будет хорошей альтернативой для морской торговли. Великий Шелковый путь будет реанимирован.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

3.1 Основные противоречия и барьеры в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона

Актуальность темы заявленного параграфа обусловлена тем, что государства Центральной Азии переживают процесс трансформации от региона не имеющего выхода к мировому океану до ключевого евразийского сухопутного торгового коридора. Глобальная геополитическая нестабильность создала ситуацию, в которой транспортные коридоры стали непросто инженерными объектами, а превратились в инструменты внешней политики и гарант национального суверенитета. Тема интересна тем, что в ней раскрывается механизмы регионального и межрегионального взаимодействия с текущими проблемами и барьерами, где выживание страны во многом зависит от того, как страна будет балансировать между национальными интересами и силами мировых центров.

Интерес к теме заявленного параграфа обусловлен также и тем, что предпринимается попытка выполнения анализа противоречий, возникших на пути создания единого транзитного пространства. Исследование призвано найти и обозначить успех экономической дипломатии, которое зависит не от количества транзитных торговых магистралей, а от способности государств Центральной Азии преодолеть внутрирегиональные и внерегиональные международные преграды и выступить единым логистическим субъектом в системе международных торгово-логистических отношений. В связи с чем в параграфе ставится задача – выявить основные противоречия и барьеры в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона.

После распада СССР все республики центральноазиатского региона вошли в состав Содружества независимых государств. После приобретения независимости, пройдя этапы становления, страны центральноазиатского региона стали разными по экономическому благосостоянию, структуре экономики, ее направленности и приоритетам и т.д. Некоторые республики сохранили исторические традиционные связи и являются членами международных организаций, где они выступают союзниками. Например, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан являются членами ЕАЭС и ОДКБ. Узбекистан и Туркменистан не входят в эти коалиции. Туркменистан также не входит в ШОС. Ашгабат как известно с первых лет суверенитета в статусе нейтралитета. Такое разное участие и неучастие в международных организациях безусловно влияет на интеграционные процессы государств Центральной Азии. При этом нельзя забывать, что центральноазиатский экономический союз работает пока в декларативном формате. Выстраивая двусторонние и многосторонние отношения республики Центральной Азии,

сталкиваются с определенными сложностями, которые сдерживают эффективность экономической дипломатии.

В последнее время Центральная Азия – регион богатый углеводородными, гидроэнергетическими и другими ресурсами привлекает внимание лидеров системы международных отношений. Этим обусловлено то, что государства ЦА являются членами таких международных организаций как ООН, СНГ, ВТО, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и другие. Страны ЦА в силу своего географического расположения и наличия ресурсов привлекает внимание России, Китая, США, Европейского Союза, Турции, Ирана, Японии, Южной Кореи и пр. В связи с чем у стран заключены двусторонние и многосторонние соглашения, которые требуют определенных обязательств. Балансирование во внешней политике вызывает некоторые сложности, которые можно причислить как одной из важных проблем, которые сложно решить в одночасье.

Интересы России распространяются на государства ЦА посредством СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и двусторонних договоренностей. Китай в свою очередь также имеет юридическую площадку для влияния на страны ЦА – ШОС и проект «Один пояс, Один путь», двусторонние соглашения (ОПОП). Страны Запада, Японии сотрудничают с государствами ЦА через форматы «С5+1». В свою очередь Турция через ОТГ, культурно-гуманитарные связи и частный бизнес, а Южная Корея и Иран в рамках двусторонних соглашений, культурно-гуманитарного и технологического сотрудничества. Такая ситуация указывает на вышеуказанное балансирование государств ЦА, с целью сохранения суверенитета.

Пересечение таких интересов России и Китая в контексте проектов ЕАЭС и ОПОП требуют отдельного внимания. С одной стороны Кыргызстан и Казахстан в ЕАЭС, с другой стороны китайские инвестиции в экономику этих стран, для реализации ОПОП. Уже здесь начинаются сложности. «Один из транспортных коридоров Нового Шелкового пути будет проходить через территорию центральноазиатских стран и это является общим интересом для всех стран региона. Совместные проекты в рамках инициативы Китая по созданию «Экономического пояса нового Великого Шелкового пути» может стать реальным источником экономического роста в регионе. Сейчас наступает период институционального оформления взаимных интересов стран региона, поиск точек сопряжения интересов евразийской интеграции с инициативой» [193, С. 223].

Так, кыргызстанские ученые отмечают, что «Казахстан и Кыргызстан, являющиеся членами ВТО, имеют более низкие средневзвешенные тарифы и нетарифные барьеры. Эти страны также являются членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в которой доминирующее положение играет Российская Федерация, которая, вступив в ВТО, приняла на себя обязательства по снижению тарифов. Введение в действие с начала 2018 года Таможенного кодекса стран ЕАЭС закрепило общие процедуры и единый таможенный тариф, отличающийся от процедур и тарифов других стран

центральноазиатского региона» [193, С. 221]. Однако пересечение ЕАЭС и ОПОП на наш взгляд вызывает ревность у Москвы, потому что российское влияние на регион при активном внешнеэкономической политике Пекина снижается и в итоге контроль может быть утерян.

Для этого Россия предпринимает попытки расширить границы ЕАЭС. Как считают некоторые эксперты «для ЕАЭС расширение экономических интересов за счёт международной интеграции, связанной с созданием зон свободной торговли, а также принятием новых государств в свой состав, увеличивает круг экономических и политических партнёров. Экономический союз углубляет экономические связи с Китаем, Индией, Израилем, Египтом, Ираном, Сингапуром, Сербией, Монголией, Перу, Чили, Южной Кореей, Эквадором, Европейским союзом, Шанхайской организацией сотрудничества, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и Южноамериканским общим рынком. В рамках союза существует перспектива развития политических блоков, например, объединение усилий ЕАЭС с такими странами, как Китай, Индия, Иран. В дальнейшем Евразийский экономический союз может стать не только важнейшим фактором устойчивого развития входящих в него стран, но выступить в качестве своеобразного транзитного моста между Востоком и Западом» [293, С. 464].

Однако такое расширение искусственное и может остаться на уровне меморандумов и наблюдательской позиции. Экспертное сообщество в лице Байера С.Л. (Baier S. L.) и Бергштранда Я.Х. (Bergstrand J. H.) считают, что «ЕАЭС является искусственным образованием. В отличие от естественных образований, в основе которых лежит взаимная выгода от снятия таможенных барьеров, в искусственных объединениях одни участники, заинтересованные по экономическим или политическим соображениям в их расширении, привлекают новых членов за счет передачи части своих ресурсов партнерам по торговому соглашению» [515, PP. 29-63]. Кнобель А. в статье «Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия» продолжает и считает, что «объяснение искусственного характера интеграции базируется на том факте, что Россия продает своим партнерам нефть и газ по сниженным ценам и без таможенных пошлин. Соответственно, остальные участники заинтересованы в интеграции по причине перераспределения ресурсов в их пользу» [188, С. 87-108].

В свою очередь, Гришина О. А., Евсюков С. Г., Устюжанина Е. В. считают, что «имеющиеся диспропорции в развитии народных хозяйств каждой страны: сырьевая ориентация; зависимость от экспорта оборудования и комплектующих в высокотехнологичных отраслях промышленности и базисного (племенного) сырья для сельского хозяйства; низкий инновационный потенциал; отраслевая и пространственная несбалансированность народного хозяйства, – диктуют необходимость изменения принципов планирования и перехода к принципиально иной системе управления как общим экономическим пространством, так и

интеграционными процессами. Такой переход требует изменения системы статистической отчетности, внедрения новых экономико-математических методов прогнозирования и планирования общего экономического пространства, формирования принципиально новой экономической политики» [76, С. 156-157]. Действительно вышеперечисленные факторы серьезно влияют на сдерживание интеграции внутри союза, что также выступает наглядным примером для других государств ЦА. По всей видимости это выступает главной причиной воздержания от вступления в ЕАЭС.

Кроме того, «перед странами ЕАЭС стоят следующие задачи: достижение устойчивых темпов экономического роста, сокращение уровня безработицы, развитие инфраструктуры, повышение жизни уровня населения», – считает Жаксылыков Т., отмечая это в своем исследовании. В перспективе Евразийский экономический союз может стать транзитным мостом между Востоком и Западом евразийского континента» [106], – считает эксперт. Перспектива конечно же радужная, однако в рамках ЕАЭС при условии текущих проблем, которые будут также описаны ниже, сложно осуществимые. Хотя есть рекомендации по решению проблем внутри ЕАЭС.

Парфёнов М.О. и Сурник А.П. в статье «Проблемы и перспективы Евразийского экономического союза» предлагают: «Решение этих задач возможно, в том числе, и с учетом совместной деятельности государств Союза в области унификации таможенного законодательства и таможенного администрирования. Этому, в первую очередь, способствует вступивший в силу с 1 января 2018 года Таможенный кодекс ЕАЭС, который обеспечивает проведение единой таможенной политики» [293, С. 464]. Тем не менее это сложно осуществить. Это связано с нерешенными проблемами, которые бытуют по настоящее время.

К основным проблемам развития ЕАЭС следует отнести:

1. «Отсутствие единой экономической политики государств-членов ЕАЭС» [28], – отмечает И.А. Баскакова.

2. «Продвижение экономической политики, учитывающей в большей степени экономические интересы Российской Федерации», считает А.А. Иванова [139].

3. «Разногласия Российской Федерации с Евросоюзом и США, приводящие к экономическим санкциям с обеих сторон» [14], – отмечается в СМИ.

С учетом текущей международной обстановки чрезвычайно важно поддерживать существующую систему международных экономических отношений в Евразийском экономическом союзе», считают Парфёнов М.О. и Сурник А.П. «Необходимо поэтапно выступать за развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества, обещающего в будущем как экономическую выгоду, так и открывающиеся политические возможности Союза» [293, С. 464], – подчеркивают авторы в своей статье. Согласиться можно и нужно с таким мнением, однако международная ситуация в мире сильно влияет на то,

чтобы перейти к качественным отношениям внутри объединения. Вышеуказанные проблемы далеко не конечный список проблем ЕАЭС.

Внутренние проблемы по мнению аналитика Дурдыева А. обусловлены тем, что «основными препятствиями к полноценной интеграции являются отдельные экономические и политические противоречия. К экономическим препятствиям относятся, изъятия и ограничения по отдельным категориям товаров. Поскольку каждая страна стремится к удовлетворению своих экономических интересов, достаточно остро стоит вопрос о создании абсолютной экономической открытости границ, в которой товар, произведённый на территории стран-членов Союза, считался бы произведённым в своей стране» [96, С. 38]. Если выше мы указывали на пересечение интересов России и Китая в контексте ЕАЭС и ОПОП, то отдельного внимания требует стремление Белоруссии интегрироваться в европейское сообщество, что повлечет за собой другие проблемы внутри объединения.

К вопросу об интеграции Белорусии в Европейский Союз, особое внимание аналитик Дурдыева А. обращает на то, что «требование к участникам Восточного партнёрства по унификации своей нормативно-правовой базы с еэсовской, изложенное в подписанном Белоруссией (как и присоединившейся к ЕАЭС Арменией) документе под названием «Комплексная программа по реформированию институтов» указывает на недопустимость правового дуализма. Согласно этому требованию, юрисдикция Республики Беларусь будет постепенно приводиться в соответствие с нормами европейского права и не сможет участвовать в формировании общего правового поля с другими интеграционными объединениями, к примеру – ЕЭАС» [522], – отмечается в отчете Еврокомисии. Попытка проложить мост сотрудничества ЕАЭС в Европу – это сложный процесс, который требует перекраивания внутренней философии ЕАЭС, что пока маловероятно, учитывая международную обстановку.

Более того, для Белоруссии и Казахстана «дилемма интеграции с ЕС приобретает принципиально иное содержание и превращается в дилемму интеграций. Дилемма интеграций невыгодна для всех постсоветских республик, поскольку лишь усиливает имеющие место между ними противоречия, которые обострил украинский кризис. Какова динамика и реальная сила этих спящих противоречий, насколько велики шансы срыва интеграционных инициатив Большой Евразии и будут ли выработаны действенные механизмы повышения «гибкости» евразийской макрорегиональной среды, покажет время», [95, С. 136] – считает А. Дурдыева.

На наш взгляд ЕАЭС с учетом текущей ситуации в отношения России с коллективным Западом в призме российско-украинского конфликта переживает трудные времена. Говорить о сближении и партнерстве в рамках ЕАЭС – ЕС пока сложно.

В Заявлении Президента РФ Путина В. для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета отмечается, что «в нынешнем виде ЕАЭС представляет собой гораздо менее продвинутый интеграционный проект, чем задумывалось ранее. Если посмотреть на документ и приложения к нему, то станет понятно, что в соглашении нет практически ничего нового по сравнению с тем, о чем стороны уже договаривались ранее. Пока не идет речи о единой денежной, финансовой, социальной политике, торговле энергоносителями, создании реально действующих наднациональных органов управления. И лишь в четвертой части соглашения, посвященной переходному периоду, прослеживается некоторый интеграционный прогресс. Заключается он в том, что стороны декларируют необходимость достижения договоренностей в определенных сферах к определенным датам. По самым чувствительным вопросам – нефти, газу и финансам – остались неурегулированные вопросы» [132]. Такое положение еще раз подтверждает, что ЕАЭС переживает трудные времена.

В статье «Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности» Зиядуллаев Н.С. обратил внимание на то, что «серьезным продвижением на пути экономической интеграции трех стран могла бы стать единая валюта. Россия предлагала, чтобы эмиссией занимался Банк России, но это не устроило Минск. Белоруссия предлагала два эмиссионных центра в двух странах – Россия в ответ резонно заявила, что такого не может быть в принципе. Очевидно, даже в среднесрочной перспективе создать свой аналог евро членам ЕАЭС вряд ли удастся. Сейчас Белоруссия и Казахстан вообще отрицают необходимость движения в эту сторону. Консенсус по этому вопросу между членами едва ли достижим, ведь пока слишком велики различия в политической и экономической сферах» [134, С. 9]. Однако, как показала практика введение единой валюты из-за внутренней несогласованности маловероятно.

Нельзя не учитывать и факт того, что «причина сохранения региональных проблем кроется в совокупности факторов, таких как деградация унаследованной инфраструктуры, коррупция, местничество, отсутствие рабочих мест в регионах и т.д. Все это работает против общерегионального комплексного развития страны, хотя ключевым фактором является отсутствие рабочих мест в регионах, что приводит к массовой миграции» [210, СС. 165-171]. «Эмиграция и сокращение рабочей силы также представляют собой серьезную проблему, которая на данном этапе не решена. В результате региональные проблемы остаются нерешенными» [394, СС. 339-345], – считают кыргызстанские аналитики А.К. Ташыбаева и Б.Т. Кыдырмышева. «Выявленные отличия стран, а также общий дисбаланс внутри отельных стран указывают на негативные тенденции, в т.ч. высокий уровень дифференциации регионов и крайнюю неоднородность региональных экономик, что может негативно влиять на экономику страны в целом. В связи с этим необходимо найти направления

улучшения ситуации» [347, С. 148], – считает Б.А. Сатывалдиева, при этом, по нашему мнению, значимая роль принадлежит инвестициям.

Воробьев В., анализируя блокирующие факторы и перспективы интеграции стран Центральной Азии в двусторонних противоречиях при конкуренции, считает, что «страны ЦА более успешно договариваются с влиятельными акторами как Китай, ЕС, чем друг с другом. Центральная Азия всегда оставалась в центре внимания и интересов мировых держав из-за своего стратегического расположения на пересечении уникальных логистических путей, а также наличия богатых ресурсов природных ископаемых. На данный момент ситуация в Центральной Азии относительно стабильная и развивается не по критическому сценарию, власти государств региона в целом контролируют внутреннюю обстановку и, по прогнозам, в ближайшие годы регион будет относительно стабильным, что позволит развиваться внутрирегиональной интеграции стран ЦА при соблюдении следующих основных условий» [60]. Многолетние попытки создания интеграционных союзов государств ЦА не увенчался успехом. С выше казанным мнением стоит согласиться. Пока страны ЦА между собой договариваются менее результативно, чем с влиятельными акторами системы международных отношений.

В средствах массовой информации России, Казахстана и Кыргызстана часто можно было прочитать информацию о том, что «периодическая практика запретов на ввоз определенных видов продукции, приводит к подрыву доверия и заставляет бизнес и в целом страны искать стабильные рынки за пределами центральноазиатского региона», [519, P. 30] – отмечено в отчете ПРООН. Были случаи, когда «Кабинет министров Кыргызстана принял постановление о введении временного запрета на ввоз в Кыргызстан саженцев сортов плодовых культур. Решение принято для повышения эффективности сельхозпроизводства и обеспечения продовольственной безопасности за счет усиления контроля за ввозимой посадочной продукцией» [61]. «Казахстан приостановили ввоз и продажу товаров четырех кыргызстанских производителей: ОАО «Ак-Сут», ОсОО «РИХА», «Кондитерский дом Куликовский» и ОсОО «Эмилия»» [149], - отмечалось в СМИ Кыргызстана. «Узбекистан запретил ввозить картофель из Кыргызстана», сообщали информационные агентства. Все это указывает на то, что страны больше сосредоточены на национальных интересах. Вышеприведенные примеры показывают реальную картину торгово-экономических взаимоотношений между государствами центральноазиатского региона.

Учитывая различные мнения по поводу проблем в ЕАЭС, следует отметить, что разность уровней экономического развития участников союза, доминирование отдельных его членов, неполная гармонизация оказывают неоднозначное влияние на страны Центральной Азии. С одной стороны, участие в объединении для Кыргызстана и Казахстана обеспечивает доступ к более широкому рынку, упрощению. торговых процедур и определенные

логистические преимущества. С другой стороны, дисбаланс внутри организации ограничивает равномерное распределение выгод, усиливая зависимость от ведущих участников, что снижает пространство для самостоятельной экономической политики.

Успешность интеграционной экономической политик в евразийском экономическом союзе во многом зависит от ситуации в отношениях между Россией и Украиной. Пока эта проблема не разрешится говорить о стабильности внутри этой организации пока не приходится. Что касается СНГ, то и здесь политико-экономические связи государств больше имеют колорит декларативности, а не конкретных практических действий.

Созданные на постсоветском пространстве политико-экономические организации в виде СНГ и ЕАЭС – это попытка реанимации исторических советских связей. Сложности и проблемы, возникающие в процессе – это результат бытующих геополитических и геоэкономических изменений, которые происходят быстротечно. Эти изменения непосредственно выступают барьерами, поскольку, реагирование на трудности вялые и не решают возникшие вопросы. Проблемы ЕАЭС напрямую влияют на представителей центральноазиатского региона Кыргызстан и Казахстан. Что касается других государств Центральной Азии, то в купе с официальными Бишкеком и Астаной они, стремясь к созданию общего экономического рынка сталкиваются с серьезными противоречиями в рамках многосторонних отношений (ЕАЭС, ОТГ, ШОС), двусторонних связей, которые принимают окрас соседей-конкурентов, а также экономические и финансовые проблемы.

Институциональная слабость проявляется в том, что отсутствуют единые механизмы в таможенной, налоговой и бюджетной политике. В результате чего на границах создаются транспортные тромбы для транзита. Государства центральноазиатского региона находятся на пересечении разных транспортно-логистических систем – ЕАЭС - Север, ОТГ - Запад/Турция, ШОС - Восток/Китай). Это вынуждает к лавированию из-за конкуренции интеграционных моделей, что мешает созданию единого торгово-экономического пространства в Центральной Азии.

Водно-энергетический диссонанс также выступает индикатором барьеров во взаимоотношениях государств региона. Страны, расположенные у верховьев рек Сырдарья, и Амударья – Кыргызстан и Таджикистан соответственно строят гидроэлектростанции, вызывает опасения у государств, расположенных ниже по течению – Узбекистан, Казахстан, Туркменистан по поводу орошения сельскохозяйственных угодий.

Основное противоречие заключается в том, что «интересы стран-пользователей водными ресурсами не совпадают: одни страны хотят использовать воду в ирригационном режиме, другие – в энергетическом, в связи с чем и возникает конфликтная ситуация. Необходимо напомнить, что в ирригационном режиме водные ресурсы необходимо расходовать летом, а в энергетическом режиме работы основное потребление воды приходится на зиму. Поскольку на территории Казахстана, Узбекистана и Туркмении

расположены в основном земли для сельского хозяйства, то эти страны, находящиеся в низовьях, заинтересованы использовать водные ресурсы в ирригационном режиме. А в интересы расположенных в высокогорье и имеющих только ограниченные резервы нефти и газа Кыргызстана и Таджикистана входит работа водных ресурсов в энергетическом режиме», – сообщается в статье «Водные проблемы Центральной Азии» [57]. До сих пор Таджикистан и Кыргызстан не могут взымать плату за воду у стран расположенных ниже по течению, временами договариваясь сотрудничать на бартерной основе.

Экономический ущерб от нерешенности проблемы водопользования несут все страны региона. По данным Программы развития ООН, «неурегулированные проблемы эксплуатации водных ресурсов в Центральной Азии ежегодно приводят к потерям 1,7 млрд долл. США из-за неэффективного управления водными ресурсами» [519, P. 30]. «В долгосрочной перспективе проблема водопользования в центральноазиатском регионе будет обостряться из-за высоких темпов прироста населения. Согласно данным ООН, численность населения Казахстана к 2025 г. составит 16,1 млн чел., Кыргызстана – 6,5 млн чел., Узбекистана – 34,2 млн чел., Таджикистана – 8,1 млн чел., Туркмении – 6,8 млн человек. По оценкам специалистов, демографический рост в указанных странах неизбежно увеличит потребность в воде в предстоящие 20 лет на 40 %» [36]. «Дополнительные проблемы может создать экономический рост в Афганистане, в результате чего увеличится потребление воды в этой стране, расположенной в верховьях Амударьи. Планы Китая по отводу воды от рек Иртыш и Или также способны существенно обострить проблему водопользования в регионе», – отмечает Гусев Л.Ю. в статье «Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможность их использования» [77, С. 35]. Изменения климата и сокращение объемов талой воды значительно повлияли на полноводность рек и водохранилищ, где на гидроэлектростанциях вырабатывается электроэнергия.

Крупнейшим конфликтом, разворачивающимся в Центральной Азии и грозящим, согласно некоторым комментариям (например, одному из заявлений президента Узбекистана), даже «водными войнами», является конфликт вокруг строительства Рогунской ГЭС. «Узбекская сторона обвиняет таджикскую в том, что та пытается построить слишком высокую плотину и перехватить всю воду, установив контроль над водоснабжением Узбекистана. Последнее угрожает его безопасности. Таджикская сторона, в свою очередь, обвиняет Узбекистан в том, что тот мешает развивать таджикскую гидроэнергетику, а также периодически отключает поставки газа и устраивает транспортную блокаду. Все попытки международных организаций сыграть какую-то экспертно-посредническую роль в этом конфликте пока не имели успеха, кроме того, у сторон отсутствует общее правовое понимание проблемы» [77, С. 38], – писал Л.Ю. Гусев.

«Казахстан и Узбекистан, расположенные в низовьях, не хотят зависеть от электроэнергии и воды Кыргызстана. Для этого они активно разрабатывают идеи строительства собственных водохранилищ. Однако все это может привести к тому, что в итоге Кыргызстану некуда будет продавать остатки электроэнергии, что повлечет за собой еще ряд некоторых причин для споров», – отмечалось в статье «Водные проблемы Центральной Азии» [57].

В Законодательной палате Олий мажлиса (парламента) Республики Узбекистан состоялся круглый стол, посвященный вопросам использования водных ресурсов с участием членов обеих палат парламента и общественных организаций. Либерально-демократическая партия Узбекистана заявила, что «вопреки официальным заявлениям о том, что любые строительные изменения на гидротехнических объектах и использование водных ресурсов трансграничных рек будут проходить международную экспертизу, соседние страны в одностороннем порядке пытаются продолжать строительство Рогунской и Камбаратинской ГЭС. Пресс-служба парламента Узбекистана акцентировала внимание на том, что «ресурсы трансграничных рек не могут быть предметом торга». Нельзя допускать, чтобы вода использовалась как элемент для влияния на ситуацию внутри государств региона, а также на их внешнеполитический курс, в качестве «разменной монеты»» [548].

Интересно рассмотреть, какие претензии выдвигают представители стран Центральной Азии друг к другу по водным проблемам. Так, представитель Таджикистана Хомид Арифов заявил, что «Узбекистан за использование вод Туямуюнского водохранилища и ГЭС в целях орошения платит Туркмении денежную компенсацию в размере свыше 14 млн долл., Таджикистану же за использование Фарходского водохранилища никто не платит ни цента. Таджикистан не получает компенсацию и за услуги, оказываемые странам региона Кайраккумским водохранилищем. Оно обслуживает нужды Таджикистана лишь на 30% процентов, работая в основном, на Сырдарьинскую ГРЭС и водохозяйственные цели Узбекистана и Казахстана».

Проблема водопользования в Центральной Азии очень острая проблема. С одной стороны, накапливающие воду для выработки электроэнергии Кыргызстан и Таджикистан не хотят сбрасывать воду в холостую, и держат ее для выработки электроэнергии. С другой стороны, страны, расположенные ниже по течению в оросительный сезон, остаются без воды, что влияет на урожайность.

Особое место в интеграции государств Центральной Азии занимает экономический и инвестиционный направления, которые также влияют на интеграционные процессы в центральноазиатском регионе. Экономические и финансовые проблемы, а в том числе долговая зависимость, например, Кыргызстана и Таджикистана являются критической проблемой из-за задолженностей в первую очередь перед Китаем. Это ограничивает свободу стран в принятии интеграционных решений, которые могут затронуть

интересы кредитора. Нельзя также забывать и том, что в основном страны Центральной Азии экспортируют сырье (энергоресурсы, сельхозпродукция), что конечно же делает страны не партнерами, а конкурентами за внешние рынки сбыта.

Воробьев П. анализируя факторы и перспективы интеграции стран Центральной Азии считает, что «главная проблема интеграции – это нехватка доверия. Центральноазиатские страны опасаются потерять часть суверенитета, боясь усиления влияния крупных акторов или потери контроля ресурсов». Внутрирегиональные причины дезинтеграции можно объяснить тем, что довольно продолжительное время (отчасти и на данный момент) существовало определенное соперничество за лидерство в регионе между двумя наиболее крупными странами ЦА – Казахстаном и Узбекистаном, что напрямую влияло на взаимоотношения стран внутри ЦАР» [60]. Кроме того, приграничные противоречия между Кыргызстаном и Таджикистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, водопользование, совместное энергопользование, все эти причины препятствуют интеграции.

«Узбекистан, например, формальный член таких организаций как СНГ, ОДКБ и ШОС. В ЕАЭС страна и не планирует вступать. Однако стремительно развивающаяся экономика Узбекистана ставит стран в ряд влиятельных акторов центральноазиатского региона. В связи чем между Казахстаном и Узбекистаном конкуренция. Российские эксперты считают, что «в условиях значительного экономико-финансового превосходства Казахстана над Узбекистаном (казахстанский ВВП более чем в 4 раза превышает узбекистанский) в Ташкенте существуют определенные опасения стать ведомым в возможном тандеме с Астаной. Все это предопределяет выборочный характер сотрудничества: предпочтение отдается лишь тем его направлениям, которые выгодны Узбекистану. Более того, существуют принципиальные различия внутриполитических и внутриэкономических систем, а также внешнеполитических и внешнеэкономических курсов/подходов двух государств; их «мгновенное» устранение невозможно и нереально» [290, С. 72].

Что касается Республики Узбекистан, существует мнение, что «Узбекистан заинтересован не только в поддержании добрососедских отношений с Туркменистаном, но и в развитии более глубоких форм сотрудничества с ним, вплоть до выхода на уровень кооперации и, возможно, даже интеграции. Однако Ашхабад пока готов лишь к выборочным формам взаимодействия, включающим координацию усилий по обеспечению функционирования региональной газотранспортной системы, авто- и железнодорожной инфраструктуры, а также рационального использования водных ресурсов Амударьи. В свою очередь, в Узбекистане прекрасно понимают, что любые попытки расширить и углубить сотрудничество с Туркменистаном будут малорезультативными». По всей видимости выстраивая диалог с Туркменистаном, Узбекистан планирует восполнить дефицит энергетическим ресурсов посредством использования туркменского

газа. В связи с чем страна готова вести постоянный диалог с соседом богатым газовыми запасами, что очень важно для стремительно развивающейся экономики Узбекистана.

Между странами до сих пор сохраняются вопросы по делимитации границ. Ташкент планирует получать дивиденды от транзита туркменского газа в китайском и российском направлениях. Узбекистан испытывает дефицит нефтепродуктов и стремится увеличить их закупки в Туркменистане.

Как отмечают некоторые эксперты, «Узбекистан в принципе готов к развитию отношений с Туркменистаном в этой сфере; особый интерес он проявляет к углублению экономического взаимодействия, что вполне возможно, учитывая схожесть политических моделей этих стран. Однако Ташкент, скорее всего, не станет прилагать каких-либо активных усилий по развитию сотрудничества до тех пор, пока сам Ашхабад не выразит соответствующего желания (что пока крайне маловероятно)», – считают российские эксперты» [290, С. 72].

Очень интересно мнение, о том, что «Казахстан по-прежнему заинтересован в «дружеском поглощении» Кыргызстана, то есть интеграции с ним на своих условиях. Однако помимо стремительного сокращения финансовых и иных возможностей Казахстана этому препятствуют сохраняющаяся в Кыргызстане нестабильность, а также рост иждивенческих настроений элиты и общества по поводу двустороннего сотрудничества. Казахстан не готов, да и не способен в одиночку решить множащиеся с каждым днем проблемы Кыргызстана. Не отказываясь от поддержки Кыргызстана, Казахстан вынужден ограничивать свое экономическое присутствие в этой республике и координировать его с интересами Москвы и, в какой-то степени, Пекина» [290, С. 75]. На наш взгляд если такие намерения и есть в Казахстане, то они вряд ли реализуемые в настоящее время.

Российские эксперты отмечают, что «Астана готова поддерживать необходимый для сохранения добрососедских отношений с Туркменистаном уровень контактов по текущим вопросам, касающимся транспортных коммуникаций, торговли и границ. В более глубоких и активных формах сотрудничества Казахстан существенной потребности пока не испытывает, в том числе по причине несовместимости модели своего развития с туркменской моделью. Подходы Астаны к выстраиванию политического взаимодействия с Ашхабадом во многом зависят от перспектив «большой нефти» и «большого газа» на шельфе Каспия. Если каспийские месторождения углеводородов приобретут мировое значение, то заинтересованность Казахстана в сотрудничестве с Туркменистаном, естественно, значительно повысится. Пока этого не произойдет, отношения между Казахстаном и Туркменистаном, как и в настоящее время, ограничатся в основном взаимодействием по пограничным вопросам, а двустороннее сотрудничество политическими декларациями. Казахстан настроен лишь на

поддержание необходимого и неизбежного взаимодействия по обеспечению функционирования магистральных газопроводов Туркменистан - Китай и Средняя Азия - Центр (Туркменистан - Россия), а начиная с 2015 года - железнодорожной магистрали Север - Юг (которая должна соединить Россию, Казахстан, Туркменистан и Иран). К более глубоким формам сотрудничества в данной сфере Астана пока не готова. Основные причины этого, скорее всего, кроются в отсутствии потребности в поставках энергоносителей из Туркменистана (Казахстан вполне обеспечен собственными энергоресурсами, в том числе газом), закрытости рынка и финансовой системы Туркменистана, неконвертируемости маната, а также тотального контроля центральных властей над экономикой и внешней торговлей. Некоторый рост интереса Астаны к сотрудничеству возможен лишь в случае, если энергоресурсы Каспия станут центральной темой двусторонних политических отношений. Учитывая практически полную закрытость туркменского общества, нежелание Ашхабада развивать сотрудничество (одним из признаков этого является стремление сохранить информационную изоляцию страны) и малочисленность казахской диаспоры в Туркменистане (от 40 до 60 тыс. чел.), Казахстан не считает нужным выстраивать какие-либо глубокие отношения в этой сфере» [290, С. 76].

Также российские эксперты считают, что «сотрудничеству Казахстана с Таджикистаном во многом препятствуют экономико-географическая изоляция последнего, сохраняющаяся конфликтность узбекско-таджикских и некоторое улучшение узбекско-казахстанских отношений; в таких условиях развитие тесных форм взаимодействия между этими странами вряд ли имеет какой-либо смысл. Поэтому Казахстан не придает сколько-нибудь существенного значения связям с Таджикистаном и рассматривает его лишь в качестве рынка сбыта своей продукции; сотрудничество по другим направлениям является формальным, символическим. При этом подходы Астаны были и, вероятнее всего, останутся прагматичными: они обусловлены широким видением региональной ситуации, а не узким контекстом двусторонних связей с Таджикистаном, и, тем более, не его интересами и потребностями» [290, С. 76].

Следует также обратить внимание и на то, что «несмотря на то, что Таджикистан прилагает определенные усилия к развитию сотрудничества с Туркменистаном как с возможным альтернативным Узбекистану поставщиком газа и электроэнергии в зимнее время, с соседним Кыргызстаном как альтернативным Узбекистану транспортным коридором и с Казахстаном как важным поставщиком продовольствия и нефтепродуктов, их практические результаты продолжают оставаться несущественными. Ведь экономически эффективное транспортное сообщение Таджикистана с остальными странами ЦА возможно только через территорию Узбекистана, отношения с которым, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Оказавшийся в изоляции Таджикистан будет сталкиваться с растущими угрозами и вызовами безопасности, противостоять которым в одиночку он,

скорее всего, не сможет, а задействование «внешнего ресурса» приведет к полной или частичной утрате им своей независимости. В этой связи сценарии, предполагающие вхождение Таджикистана в Таможенный союз (ТС) или экономическое поглощение его Китаем, являются в целом относительно благоприятными: их реализация способна привести к стабилизации в стране и изменению проводимой ею политики. Альтернативой этим двум сценариям (первый из которых крайне маловероятен, а второй – достаточно вероятен) может стать лишь дестабилизация Таджикистана» [290, С. 77].

«Одной из самых серьезных проблем является нерешенный вопрос о водопользовании. Его решение приведет к устойчивому развитию региона, поскольку от воды и ее распределения зависит социально-экономическое благополучие государств ЦА. Другой проблемой является надежное энергообеспечение региона, где в течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Кыргызстана, и газоснабжения, основными поставщиками которого были Узбекистан и Туркмения» [78, С. 3].

В целом, как отмечают многие эксперты, «судьба Центральной Азии в большей мере зависит от воли и взаимоотношений двух самых крупных стран региона – Казахстана и Узбекистана. Так они могут стать осью региона как когда-то Германия и Франция стали центром Европейской интеграции» [5, С. 306].

Лавирование между внешнеполитическими интересами России, Китая и коллективного Запада стало сложнее. Риски включения вторичных санкций заставляют государства Центральной Азии проявлять осторожность. При этом страны пытаются не нарушить отношения с ключевым внешним партнеров. Другими словами, кооперация стран центральноазиатского региона – это скорее не выбор, а условия выживания.

Европейский союз, например, «рассматривает возможность впервые применить инструмент противодействия обходу санкций (anti-circumvention tool) и запретить экспорт станков и определённого радиооборудования в Кыргызстан. Мера обсуждается в рамках подготовки 20-го пакета санкций в отношении России за вторжение в Украину, который, как ожидается, будет принят до конца февраля. Предложенный пакет также предусматривает новые торговые ограничения против криптовалютных сервисов и финансовых организаций в третьих странах, которые помогают России обходить санкции ЕС. ЕС рассматривал вторичные санкции против стран, которые помогают РФ обходить действующие ограничения, ещё во время подготовки 19-го пакета санкций. Однако тогда блок ограничился санкциями против компаний в третьих странах, включая государства Центральной Азии» [102].

Российско-украинский конфликт, азербайджано-армянский конфликт и ситуация на Ближнем Востоке – война Ирана с США и Израилем – процессы, которые повлияли на интеграционные процессы в центральноазиатском

регионе. Конфликт за Нагорный Карабах показал, что ОДКБ, где главным влиянием пользуется Россия, на сегодняшний день реагирует только в интересах или по настроению России, что конечно же отразилось на авторитете организации. Санкции, введенные в отношении России, также повлияли на состояние внутренних политико-экономических связей государств Центральной Азии. Влияние Европейского Союза и США в контексте введение вторичных санкций в странах ЦА насторожила властные элиты центральноазиатского региона. Это прежде всего обусловлено тем, что взгляды России, США, ЕС и Китая стали пристальнее в отношении Бишкека, Астаны, Ташкента, Ашгабада и Душанбе.

В ШОСе, где большая часть стран Центральной Азии являются членами организации, также наблюдаемая политико-экономическая конкуренция между Москвой и Пекином. Экономическое влияние Китая более актуальна, чем политический акцент России для стран ЦА, которые в открытую не готовы заявлять о своих национальных интересах, занимая российскую или китайскую сторону. Это также ведет к скрытной политике государств ЦА.

Несмотря на многочисленные попытки государств Центральной Азии сблизиться, тем не менее, региональная интеграция сталкивается с барьерами. Причинами выступают как внешние, так и внутренние факторы. Уровень политико-экономических изменений их темпы, а также отличия национальных законодательств, различия в приоритетах, национальных интересах, разновекторность внешнеполитической ориентации и другие факторы являются барьерами в интеграции региона. Слабое интеграционное состояние приводит к отсутствию согласованной внутрирегиональной политики. В результате потенциал совместных проектов в вопросах региональной интеграции в уязвимом положении.

Неготовность к полноценному сотрудничеству государств Центральной Азии обусловлена тем, что между ними конкуренция и отсутствие понимания экономических, политических дивидендов от кооперации и интеграции. Реальные механизмы, которые сближают и создают единый торгово-экономический, и политическо-экономический союз отсутствуют. Государства региона находятся в фазе поиска механизмов кооперации и интеграции. Прагматичность и ревность основные критерии, которые препятствуют сближению. Несмотря на совместные работы, проекты остаются проблемы в едином планировании процесса интеграции.

Противоречия в гидроэнергетических вопросах остаются нерешенными. Слабость интеграционных процессов проявляется также и в отсутствии единых правовых и цифровых стандартов, что создает так называемые цифровые разрывы. Внезапные запреты на экспорт товаров подрывает взаимное доверие и интерес инвесторов к региону как к единому рынку.

Государства центральноазиатского региона одновременно и сотрудничают, и конкурируют. Конкуренция прослеживается за транзитные

потоки, инвестиции и рынки сбыта, что сдерживает формирование единой региональной позиции. Слабая согласованность нормативно-правовых систем, различия в таможенных процедурах снижают эффективность дипломатических инициатив. Отсутствие выхода к морю у большинства республик региона усиливает зависимость от транзитных государств и выводит на ведущие позиции транспортную дипломатию, которая в последнее время стала ключевой и одновременно уязвимой сферой. Особого внимания заслуживает влияние внешних акторов (Китай, Россия и США), интересы которых не всегда совпадают. В связи с чем республикам ЦА приходится балансировать. Разная степень участия в союзах (ЕАЭС, ОДКБ), создает асимметрии и усложняет выработку общей экономической стратегии региона. Экономическая дипломатия Центральной Азии развивается в условиях «фрагментированной интеграции», где внутренние противоречия и внешние влияния одновременно стимулируют сотрудничество и ограничивают его глубину.

Противоречия и барьеры в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона комплексные. Кроме внутренних факторов, наблюдается и внешний факторы. Страны предпринимали неоднократные попытки интеграции, однако эти попытки нельзя назвать успешными до тех пор, пока между странами не будут выстроены образцовые добрососедские взаимоотношения, которые будут определять роль и место региона в системе международных отношений. В следующем параграфе, посвященном внешнеэкономическому сотрудничеству стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторами и международными организациями выполняется детальное изучение, которое даст более подробную информацию, подтверждающая специфичность и прагматичность государств Центральной Азии.

3.2 Внешнеэкономическое сотрудничество стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторами и международными организациями

Актуальность внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеполитическими акторами и международными организациями обусловлена тем, что страны заявленного региона предпринимают попытку трансформации из статуса геополитической периферии в статус стратегического перекрестка евразийского пространства. В условиях стремительно изменяющейся геополитической и геоэкономической обстановки в мире единственным инструментом сохранения на наш взгляд является способность пяти республик проводить скоординированную многовекторную политику. Эта тема интересна тем, что в ней изучается и анализируется феномен дипломатии балансирования, изучается и выполняется анализ внешнеэкономического сотрудничества стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторами и международными организациями.

В рамках данного раздела диссертации изучается и анализируется роль России и Китая, США и Европейского Союза (Западный вектор), Турции и Ирана, Японии и Южной Кореи. В параграфе предпринимается попытка доказать, что современная экономическая дипломатия государств центральноазиатского региона – это сложная система противовесов, где каждый влиятельный партнер играет роль в обеспечении суверенитета и национальной устойчивости, что должно привести к восполнению требований экономики страны и способствует преодолению географической изолированности.

Во внешнеполитическом курсе Кыргызстана Россия занимает место и роль стратегического партнера. Кыргызстанский аналитик Сатыбалдиев М.М., анализируя развитие кыргызско-российских отношений пишет о том, что «между странами создана и развивается мощная договорно-правовая база двусторонних отношений, которая включает в себя более 200 договоров, соглашений и иных двусторонни документов. Договоры и двусторонние документы охватывают, весь спектр взаимодействия России и Кыргызстана, включая политическую, торгово-экономическую, культурно-гуманитарную. военно-техническую области» [346, С. 49].

Открытые источники указывают на то, что «поставки товаров из России в 2025 году выросли до $1 млрд 582,8 млн. В Кыргызстан ввозили нефтепродукты (ГСМ и газ), прутки из железа или нелегированной стали. Кроме того, Кыргызстан импортирует двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины, механические устройства, запчасти для транспорта, молоко и молочные продукты, медь и изделия из нее, медные отходы и лом, овощи, корнеплоды и клубнеплоды, фрукты сушенные, керамические изделия» [167].

Удивительно, отметить, что «больше всего (12%) из Кыргызстана в Россию поставляется посудомоечных машин или оборудования для мойки или сушки бутылок (код 8422 ТН ВЭД). 11,1% от всего экспорта приходится на экспорт отходов меди и лома, а 7,2% - на легковые автомобили. 6% занимают поставки деталей обуви, гетр и аналогичной продукции. 5,6% - электрооборудование, в том числе электронные интегральные схемы (на $6,2 млн), которые западные страны просили Кыргызстан не поставлять в Россию, поскольку те являются товарами двойного назначения и могут использоваться в военной промышленности» [415].

В условиях российско-украинского конфликта «Кыргызстан может столкнуться с экспортными ограничениями. Евросоюз рассматривает вопрос о введении запрета на экспорт на товары двойного назначения – станков с числовым программным управлением (ЧПУ) и радиооборудования», подтвердили дипломатические источники. Это обусловлено тем, что экспортируемые товары могут использоваться для производства деталей военного назначения. «Обе категории относятся к товарам двойного назначения, то есть имеют гражданское и военное применение и находятся под строгим контролем экспортных правил ЕС», – отмечается в СМИ Кыргызстана [220].

Продуктивность сотрудничества двух стран характеризуется объемом российских инвестиций в экономику Кыргызстана, которые «достигли почти $2 млрд. В сфере безопасности В. Путин выделил роль Объединенной российской военной базы, назвав ее важным фактором обеспечения стабильности в регионе» [316].

Историческая практика показала, что кыргызско-российские отношения характеризуются устойчивостью, которая сочетает историческую взаимосвязанность и прагматичные интересы современности. Кыргызстан и Россия выстраивают тесное взаимодействие на основе экономических, гуманитарных, институциональных связей, что придает сотрудничеству системный и долгосрочный характер. Для Бишкека Москва выступает важным политическим, экономическим и социальным партнером, включая направления миграции и инвестиций. Существенную роль в отношениях играет ЕАЭС, что упрощает движение товаров и услуг между странами.

Не менее важный партнер Кыргызстана – это Китай. «Страны нарастили объем двусторонней торговли. Объем двусторонней торговли достиг $27 миллиардов 200 миллионов. По темпам роста товарооборота Китай и Кыргызстан заняли первое место в Центральной Азии, при этом импорт КНР из КР вырос на 86%», [217] – сообщают информационные агентства.

Ни для кого не секрет, что «КР и КНР ускоренными темпами реализуют крупные стратегические проекты, включая строительство железной дороги Китай - Кыргызстан - Узбекистан и трассы Барскоон - Бедель. Кроме того, по улицам и проспектам Бишкека курсируют новые электробусы китайского производства. Введены в эксплуатацию Бишкекский

мусоросжигательный завод и фотоэлектрическая электростанция мощностью 100 мегаватт в Чуйской области, которые вносят вклад в социально-экономическое развитие КР. При этом кыргызские сухофрукты и мед, поставляемые на китайский рынок, пользуются большой популярностью у потребителей» [217].

Китай вышел на первое место по инвестициям в Кыргызстан. Поднебесная инвестировала в том числе и в энергетический комплекс Кыргызстана. «Реконструирована ТЭЦ Бишкека, построена ЛЭП «Датка-Кемин». Shenzhen Energy Group из Китая реализует в Кыргызстане масштабный энергетический проект - в республике появятся две станции: солнечная и ветровая, каждая мощностью по 300 мегаватт. В Иссык-Кульской области начали строительство первой в стране ветроэлектростанции. Проект реализует компания «Метрум ТЭК» в свободной экономической зоне «Каракол». Первый ветрогенератор мощностью 1 мегаватт планируется ввести в эксплуатацию в августе» [181].

Одним из первых и наиболее значимых проектов в энергетической сфере «является завершенное строительство ЛЭП-500 кВ «Датка-Кемин» и подстанция «Кемин». Все работы выполняла китайская компания ТВЕА, на более чем 200 млн. долларов, полученных в кредитном порядке от Экспортно-импортного банка Китая. Строительство линий электропередач «Датка-Кемин» и высоковольтной подстанции «Кемин», которое завершено и создало на территории Кыргызстана энергокольцо «с юга на север». Особенность этого проекта в том, что он дает энергетическую независимость от Узбекистана и Казахстана» [29, С. 28], – считает кыргызстанский ученый Р.С. Бейсебаев. СМИ Кыргызстана сообщали, что «модернизация ТЭЦ Бишкека обошлась стране в $386 млн» [172].

Нефтепереработка также имеет место в кыргызско-китайских отношениях: «Строительство нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Чуйской области было начато в сентябре 2009 года компанией «Чайна Петрол Компани «Джунда» с привлечением китайских инвестиций в сумме 250 млн долларов на строительство и около 100 млн долларов на оборудование», – отмечал в своей статье Р.С. Бейсебаев [29, С. 29]. Прорывом в сотрудничестве двух стран можно считать строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан (см. Карту 3.2.1 «Железнодорожный маршрут Китай-Кыргызстан-Узбекистан).

Карта 3.2.1 Железнодорожный маршрут Китай-Кыргызстан-Узбекистан

Кыргызско-китайские отношения характеризуются прагматичностью. Для Китая территория Кыргызстана – это важное звено транспортно-логистических связей рамках проекта ОПОП. Ключевой особенностью двусторонних отношений выступает то, что Поднебесная является важным источником инвестиций, технологий и инфраструктурных инициатив. Отношения стран можно охарактеризовать как динамично развивающиеся и экономически ориентированные. При этом взаимоотношения сочетаются с необходимостью Кыргызстана балансировать между привлечением инвестиций и сохранением экономического суверенитета.

Многовекторная политика Кыргызстана направлена также и на сотрудничество с США. «Основой для развития двусторонних отношений между КР и США стал Меморандум о взаимопонимании между Правительствами КР и США от 26 августа 1992 года. За годы независимости состоялись официальные визиты президентов Кыргызстана в США, а ни разу президент США не посетил КР», [253, СС. 22-23] – считает кыргызстанский аналитик Н.М. Наматбекова.

В первые годы независимости Кыргызстана США выстраивали отношения с горной республикой также как и со всеми государствами Центральной Азии. «В ноябре-декабре 2001 года в Узбекистане и Кыргызстане разместились американские военные базы. 3 июня 2014 года состоялась официальная церемония закрытия американского Центра транзитных перевозок, поставившая точку в истории американского военного

присутствия на территории нашей страны. В связи с обозначившимся (с приходом Путина) произошел поворот России к центральноазиатским странам» [112, СС. 17-19].

В Кыргызстане работали «правительственные и частные организации США (Корпус мира, АКСЕЛС, ЮСИА, ЮСАИД, фонд «Сорос-Кыргызстан» и др.) оказывали большую финансовую помощь системе образования Кыргызстана по разным направлениям. Военное сотрудничество между КР и США осуществлялось в таких сферах, как подготовка миротворческих подразделений, военное образование, система безопасности государственных границ и региона, борьба с терроризмом» [177]. Известно также и то, что некоторое время в аэропорту «Манас» располагалась военная американская база «Ганси, которая позже при президенте Бакиеве К. будет переименована в Центр транзитных перевозок. В период правления президента А.Атамбаева американская база будет закрыта. С выводом американских войск в Кыргызстане перестанут работать американские грантодатели Фонд Сороса, Корпус мира и др.).

В Вашингтоне 6 ноября 2025 года прошел саммит «Центральная Азия - США». Президент США Дональд Трамп встретился в Белом доме с лидерами пяти стран региона – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Это вторая встреча в таком формате, предыдущая состоялась в сентябре 2023 года в Нью-Йорке. Садыр Жапаров обратился к Трампу на кыргызском языке, подчеркнув его (Трампа Д.) «значительный вклад в укрепление глобальной стабильности и прекращение конфликтов в различных частях мира» [171]. Президент Кыргызстана Жапаров С. отметил, что, «вступив в должность в 2021 году, сделал своим приоритетом урегулирование пограничных вопросов. «Сегодня, спустя пять лет, я рад отметить, что вместе с моими коллегами мы успешно достигли этой цели, прежде всего мирными средствами. В результате роль Центральной Азии в мировой политике существенно возросла, а ведущие державы проявляют всё больший интерес к сотрудничеству с регионом» [171], – сказал президент Кыргызстана, поблагодарив Трампа за гостеприимство.

Известно также и то, с апреля 2026 года возобновляется розыгрыш Green Card, выигравшие ее граждане Кыргызстана при получении американской визы B1 и B2, должны предоставить сведения личного банковского счета, где обязательным условием является наличие 15 000 долларов, для получения визы.

Сотрудничество между двумя странами в основном сосредоточено на аспектах поддержки демократии и гражданского общества. В настоящее время Кыргызстан не представляет особого интереса для США. Крупных сделок или торговых взаимоотношений с высокими показателями нет. Прямых инвестиций или высоких технологий Белый Дом не инвестирует в экономику Кыргызстана. Двусторонние взаимоотношения Кыргызстана и США можно обозначить, как «дистанцированные». Такое название отношений обусловлено тем, что внешняя политика и стратегическое

партнерство Бишкека большей частью направлено на Россию и Китай. Вашингтон занятый Большой игрой на Ближнем Востоке и украинско-российском направлении в настоящее время не проявляет особого интереса в адрес Кыргызстана.

В многостороннем сотрудничестве одним из партнеров Кыргызстана также выступает Европейский Союз. Как отмечала Валеева Р.А. в своем исследовании «за период 2007-2013 годов с помощью Инструмента развития сотрудничества (DCI), где республика получила 106 млн. евро, а с 2014 по 2020 годы эта сумма увеличилась на 74% и на целевые про граммы в общей сложности будет выделено 184 млн. евро. Увеличение финансирования, по данным Евросоюза, оправдано такими объективными показателями, как численность населения, уровень доходов и уважение к демократическим ценностям. Тремя ключевыми секторами для распределения DCI в 2014-2020 годах стали три сектора: образование (39%), комплексное развитие сельских районов (39%) и верховенство закона, и демократия (20,5%). Еще 1,5% было направлено на содействие в других отраслях сотрудничества» [562, P. 292].

Европейский Союз – один из основных доноров в Кыргызской Республике. Из открытых источников стало известно, что «за период с 2014 по 2020 год ЕС выделил 184 млн евро на двустороннюю помощь Кыргызской Республике в виде грантов в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития. Более 25 млн евро было выделено на поддержку региональных приоритетов, таких как инфраструктура для утилизации отходов, водоснабжения в городах или энергоэффективности. Помимо этого, единовременная макрофинансовая помощь в размере 30 млн евро (50% в форме грантов, 50% в форме займов) была предоставлена в 2015-2016 годах» [278].

С началом внешнеполитических контактов президента А. Атамбаева с руководителями Европейского союза были определены перспективы сотрудничества со странами ЕС. Был подписан двусторонний Меморандум о сотрудничестве в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения, подписаны три межправительственных соглашения между Кыргызстаном и Германией: «Об урегулировании долговых обязательств между двумя государствами», «О финансовом сотрудничестве на 2011-2012 годы» и «О техническом сотрудничестве на 2011- 2012 годы» [214].

В ходе турне по Европе, в сентябре 2013 года президента А. Атамбаева были подписаны Рамочное соглашение между КР и Европейским инвестиционным банком «О деятельности Европейского инвестиционного банка в КР», и финансовое соглашение о предоставлении ЕС Кыргызстану 13,5 млн евро по проекту «Платформа верховенства права» [562, С. 292].

В Кыргызстан инвестируют такие крупные международные организации, как «Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), ООН, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Программа развития ООН (ПРООН), Всемирная Метеорологическая Организация (ВМО), Организация Объединенных Наций. Продовольственная и

сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), ЮСАИД, ПРООН, ЕАБР, ЕБРР, АБРР, ОБСЕ, ШОС, РАТЦ, ЕАЭС, СНГ, также фонды развития: Российско-Кыргызский (РКФР), Узбекско-Кыргызский и Венгерско-Кыргызский. Основные вложения идут через агентства ООН (ЮНИСЕФ, ВОЗ) и в рамках двусторонних соглашений, обеспечивающих защиту инвестиций» [82].

Взаимодействие Кыргызстана и Европейского Союза большей частью направлено на развитие институциональных связей и носит ограниченный экономический характер. Европа выступает партнером в сфере демократических реформ, поддержки управления, устойчивого развития и расширения торговых возможностей. Для Кыргызстана сотрудничество с ЕС имеет значение как инструмент балансирования внешней политики и снижения зависимости от традиционных партнеров. Взаимодействие сторон можно охарактеризовать как постепенно развивающееся и перспективное с акцентом на долгосрочные институциональные и экономические преобразования. Сотрудничество Кыргызстана и Европейского союза направлено на социально-гуманитарные сферы. Особое внимание также уделяется развитию демократических принципов развития и гражданского права в Кыргызстане.

Партнерские отношения Кыргызстана и Турции характеризуются на начальном этапе выстраиванием принципов сотрудничества. За годы независимости горной республики Турция и Кыргызстан «подписали более чем 200 соглашений о сотрудничестве в сфере образования, культуры, торговли и экономического сотрудничества, транспорта, связи, военной и в других областях. Основополагающими документами, отражающими внутреннее содержание и дух наших взаимоотношений в истекшем десятилетии, в настоящем и обозримом будущем, являются два политических документа - Договор о вечной дружбе и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Турецкой Республикой от 24 октября 1997 года и Совместное заявление глав двух государств «Кыргызстан и Турция: вместе в XX1 век» от 1 июля 1999 года» [212], – сообщает турецкий аналитик Куршат Дегер.

Информационные агентства Кыргызстана сообщают, что «Турция в последние годы вошла в тройку крупнейших инвесторов Кыргызстана. Объем турецких инвестиций за девять месяцев прошлого года вырос почти вдвое и увеличился на 95,5 процента, сообщает ТРТ. Уточняется, что за девять месяцев 2025-го объем инвестиций достиг $139,5 миллиона, тогда как за аналогичный период 2024 года он составил $71,3 миллиона. В результате этого роста Турция заняла третье место среди крупнейших стран-инвесторов в экономику республики, уступив только Китаю и России» [443].

Открытые источники указывают на то, что «КР экспортирует в ТР овощи, фрукты, мясо, руду, топливо, хлопок и так далее. Кыргызстан в большом количестве импортирует из Турции чай, кофе, кондитерские

изделия, фармпродукцию, изделия из кожи, ковры, текстиль и так далее» [542].

Особое внимание заслуживает информация о том, что из средств бюджета выделены финансы и «Кыргызстан приобрел у Турции боевые беспилотники Bayraktar. 40 бронемашин направлены в Баткенскую область для усиления личного состава Погранслужбы ГКНБ и укрепления госграницы. Стоимость переданной военной техники составила 300 млн сомов ($3,5 млн). Кроме того, Кыргызстан приобрел беспилотники Akıncı и Anka» [215].

Политико-экономические принципы сотрудничества между республиками сопровождается и глубокими связями в социально-гуманитарном направлении. На официальном сайте университета выложена информация о том, что «Кыргызско-Турецкий университет «Манас» является государственным высшим образовательным учреждением, созданным на основе Договора между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Турецкой Республики о создании Кыргызско-Турецкого университета имени «Манас» в столице Кыргызстана г. Бишкек, подписанного 30 сентября 1995 года в г. Измир Турции. Международный университет «Ала-Тоо» (МУА) – один из ведущих международных ВУЗов Центральной Азии, основанный в 1996 году. Учредителем МУА является Международное образовательное учреждение «Сапат». В 2013 году МУА открыл IT & Business College, затем Центр дистанционного обучения (ЦДО), магистратуру и аспирантуру, что позволило расширить перспективы для нового роста и развития университета» [236].

На данный момент в КР работает свыше 300 компаний с турецким капиталом. Сферы интересов инвесторов разнообразны. Представители Турции владеют в Кыргызстане торгово-развлекательными центрами, отелями, банками и компаниями горнодобывающей промышленности. В их числе известные многим кыргызстанцам: Vefa, Bishkek Park, Beta Stores, Beta Stores 2, отель Sheraton, Demir Bank. Одним из крупнейших предприятий с турецким капиталом является ОсОО «Эти Бакыр Терексай», которое входит в крупный турецкий Cengiz Holding. Оно занимается разработкой таких месторождений, как Терек, Тереккан и Перевальное в Джалал-Абадской области. Как видно из списка, в основном это частные компании, что говорит о присутствии турецкого бизнеса, который занимает ведущие позиции в Кыргызстане.

Связи двух стран улучшаются и посредством авиасообщения. Между Бишкеком и турецкими городами налажено авиасообщение. Сообщается, что «турецкая сторона подтвердила готовность к совместной работе и выразила намерение увеличить количество пассажирских и грузовых рейсов, включая перелеты с технической посадкой в международном аэропорту «Манас». Такое партнерство создает новые возможности для развития авиационной инфраструктуры Кыргызстана и повышения качества авиаперевозок внутри страны и на международных маршрутах» [559]. Увеличение количества

авиарейсов и безвизовый режим влияет на культурные связи двух стран. Доступность турецких маршрутов и туристических зон для кыргызстанцев ведут к более тесному сотрудничеству и сближению.

Кыргызстан и Турция сотрудничают тесно. Отношения характеризуются переходом от простой торговли к оборонной интеграции. На сегодня Кыргызстан для Турции – это хороший плацдарм для усиления в регионе Центральной Азии. Необходимо также отметить, что частные предприниматели инвестируют в реальные секторы экономики, в особенности в сфере торговли. Двустороннее сотрудничество характеризуется устойчивой гуманитарной и культурной основой, которая дополняется расширением экономического взаимодействия. Страны выстраивают взаимоотношения на основе культурной близости и языкового родства, что формирует доверие и облегчает развитие партнерства. В тоже время торгово-экономическое сотрудничество ограничено масштабами экономик и конкуренцией со стороны других внешних акторов. В целом сотрудничество можно охарактеризовать как стабильное и многопрофильное, с акцентом на гуманитарное сближение и постепенное усиление экономической составляющей.

Следующий партнер Кыргызстана – это Исламская Республика Иран. Для Кыргызстана Иран является довольно привлекательным государством преимущественно с экономической точки зрения и транспортно-коммуникационных возможностей. Известно, что «взаимодействие между Кыргызстаном и Ираном началось в 1992 г., когда страны установили дипломатические отношения» [68, С. 26].

В работе кыргызстанского ученого Бейсебаева Р.С. «Топливно-энергетическое сотрудничество Кыргызстана и России» отмечается, что «в Кыргызстане зарегистрировано около 170 иранских и совместных предприятий с участием иранского капитала. Из общего числа этих компаний более 70% относятся к сфере экспорта и импорта сырья, а также готовой продукции, торговли и услуг, 30% - предприятия обрабатывающей промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции, организации жилищного и промышленного строительства, производство строительных материалов, организации международных транспортных перевозок» [34, С. 9].

Кыргызстанский ученый также писал о том, что «в экономической области на сегодняшний день также создан фундамент для потенциального развития. Пополняется законодательная база, стороны обеспечивают друг друга промышленными товарами и сельхозпродукцией ряда наименований. Иранские дорожно-строительные компании приняли участие в реализации проекта стратегической автомагистрали «Бишкек-Ош». Некоторые компании ИРИ работают в области производства в свободной экономической зоне «Бишкек», участвуют в проектах в сфере малого и среднего бизнеса в промышленных и сельскохозяйственных секторах. Весьма активно работает

посольство ИРИ в Кыргызстане, организуя регулярные выставки товаров в столице и Оше» [30, С. 59].

На страницах сайта Министерства культуры, информации и туризма Кыргызской Республики отмечается, что «в 2015 г. открылась новая веха в истории кыргызско-иранских отношений, когда экс-президент А. Атамбаев прибыл в Иран с официальным визитом. По итогам встречи президента Кыргызстана с политическим лидером Ирана было подписано несколько документов, среди которых Программа культурного обмена между Министерством культуры и исламской ориентации ИРИ и Министерством культуры, информации и туризма КР на 2017-2020 г. В документе отмечается, что обе стороны будут укреплять сотрудничество в сфере искусства, кинематографии, библиотечных и музейных услуг и прилагать усилия для сохранения объектов историко-культурного наследия» [322].

Международное агентство новостей Коран сообщало, что «ресурсы «мягкой силы» Ирана фокусируются в Кыргызстане в культурно-образовательной сфере. Диапазон использования этих ресурсов условно можно рассмотреть в трех направлениях. Во-первых, большую роль в популяризации иранской истории, культуры, языка играют созданные при поддержке Ирана центры иранистики и персидского языка в университетах Кыргызстана. На сегодняшний день такие культурно-образовательные центры открыты в Кыргызско-Российском Славянском университете (центр иранистики), в Бишкекском гуманитарном университете (центр исламоведения и иранистики), в Дипломатической академии МИД КР (центр иранистики и персидского языка). Открывая культурно-образовательные центры в ведущих вузах Кыргызстана, Иран берет на себя обязательства обеспечить данные центры необходимой материально-технической базой, включая не только специальное оборудование, но и необходимую литературу по изучению фарси, истории и культуры Ирана, учебные и справочные материалы. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане организует перевод фундаментальных трудов по исламу на кыргызский язык» [469].

«Подписание меморандума о взаимопонимании, направленного на формирование исполнительных рамок для создания совместного инвестиционного комитета между Кыргызстаном и Ираном – это показатель стремления к тесному сотрудничеству. В рамках подписанного меморандума также предусмотрено предоставление Национальным фондом развития Ирана кредитной линии в размере 50 миллионов евро. Эти средства будут направлены на поддержку экспорта иранских технических и инжиниринговых услуг в Кыргызстан» [216], – сообщали СМИ Кыргызстана.

Кыргызстанский аналитик и ученый Бейсебаев Р.С. отмечал, что «Кыргызстану и Ирану до сих пор не удалось полностью задействовать имеющийся торгово-экономический потенциал. Товарооборот очень слабый, Иран пока находится за гранью десяти основных внешнеэкономических партнеров Кыргызстана» [30, С. 59]. Однако стремление сторон к

сотрудничеству заметное. Сотрудничество двух стран характеризуется взаимной заинтересованностью. Обе стороны интересует геополитическое расположение. Кыргызстан заинтересован в выходе в море через Иран, а он, в свою очередь интересуется близостью Кыргызстана к Китаю и в том числе, как перспективный узел транзитной торговли.

В основе кыргызско-иранский взаимоотношений лежит прагматичный характер с акцентом на развитие торгово-экономических и транспортно-логистических связей. Важным направлением выступает использование транзитного потенциала Ирана как выхода Кыргызстана к морским портам Ирана, что позволит стране преодолеть географическую замкнутость, что позволит диверсифицировать внешнеэкономические связи. Торгово-экономическое сотрудничество развивается поступательно и масштабы остаются ограниченными из-за внешнеполитических факторов, включая санкционные и инфраструктурные ограничения. Углубление сотрудничества требует от сторон осторожного и гибкого подхода. В связи с начавшейся войной между Ираном с США и Израилем сложно говорить о текущих связях и их перспективах.

Источники сообщают, что «в Кыргызстане осуществляют деятельность 40 совместных кыргызско-японских предприятия. Кыргызско-японские компании осуществляют деятельность в различных отраслях экономики: строительство, торговля, горнодобывающая промышленность, производство, туризм, энергетика, услуги и другие. Кыргызстан в основном импортирует из Японии фармпродукцию, мыла и моющие средства, резину и автомобили, а экспортирует в Японию яйца, молочную продукцию, ковры, лекарственные растения и другое» [508]. Открытые источники также сообщают, что «Кыргызстан должен Японскому агентству международного сотрудничества – 11.3 млрд сомов» [178]. В начале 2000-х Япония инвестировала в реконструкцию аэропорта «Манас». После чего крупнотоннажная авиация имеет возможность приземляться. Также японской стороной было предоставлено современное навигационное оборудование.

Культурно-гуманитарное направление сотрудничества Японии с государствами ЦА, в том числе и с Кыргызстаном, стало инструментом укрепления позиций в регионе. Поставки оборудования, сотрудничество в сфере образования, культуры, медицины и социальных проектов формируют позитивный имидж страны Восходящего солнца. Как показала историческая практика Япония в странах ЦА действует открыто и не оказывает политического или экономического давления. Гуманитарная дипломатия осуществляется через программы JICA без навязывания политических условий. Предпринимаемые внешнеполитические шаги через образование и здравохранение в центральноазиатском регионе косвенно способствуют укреплению позиций не только самой Японии, но и ее союзникам западного блока. Таким образом снижается уровень зависимости государств региона от России и Китая, что совпадает с интересами США и ЕС.

Российский аналитик Сидоренко Н.В. в статье «Применение инструментов мягкой силы во внешней политике Японии в государствах Центральной Азии» отмечал, что «Япония может рассматриваться не как скрытый оператор чужой стратегии, а как самостоятельный актор, использующий мягкую силу для достижения собственных целей, которые в отдельных аспектах пересекаются с политикой западных партнеров» [351, С. 476].

Таким образом, сотрудничество между Кыргызстаном и Японией не стратегическое, однако страна Восходящего солнца вкладывает в вышеуказанные направления развития Кыргызстана в связи с заинтересованностью в геополитическом расположении Кыргызстана. Страна граничит с Китаем. Оставшаяся дорожная инфраструктура от СССР и перспективные новые транспортные коридоры заинтересовывают официальный Токио. Япония выступает для Кыргызстана важным партнером в сфере технической помощи, развития и повышения качества государственного управления. Сотрудничество ориентировано не на быстрый экономический эффект, оно больше направлено на формирование устойчивых основ развития по модернизации институтов, внедрения технологий и развитие человеческого капитала. Экономический блок взаимодействия двух стран остается ограниченным по масштабам. В итоге отношения можно охарактеризовать как стабильные, где приоритет отдается институциональному укреплению и долгосрочным результатам, а не краткосрочной экономической выгоде.

Что касается сотрудничества Кыргызстана и Республики Корея, то оно, прежде всего обусловлено тем, что восточный сосед Бишкека заинтересован в целом ресурсами региона Центральной Азии. Российский эксперт Парубочая Е.Ф. в статье «Корейская публичная дипломатия в Центральной Азии» отмечает, что «инструменты публичной дипломатии, продвигаемые Республикой Корея довольно разнообразны. Наибольшим успехов в регионе пользуются образовательные проекты и культурные связи, формирующие благоприятное отношение к всему корейскому на общественном уровне. Свою роль вносит и вклад корейской диаспоры, на которую тоже делается ставка по линии корейского правительства. Однако, этот инструмент наиболее активно работает в Узбекистане, Казахстане и Киргизии, где проживает наибольшее число этнических корейцев» [292, С. 111].

В СМИ Кыргызстана сообщается, что «в общей сложности на территории Кыргызстана действует 151 организация с участием капитала из Республики Кореи, включая 110 компаний, 39 общественных организаций и благотворительных фондов, а также 2 государственных учреждения Республики Корея» [510]. «KOICA активно поддерживает Кыргызскую Республику во многих областях для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). KOICA определила приоритетные сектора и новые инициативы на 2021-2025 годы, куда входят эффективное цифровое государственное управление, инклюзивное и устойчивое развитие сельских районов, а также

создание безопасного, здорового и зеленого общества», сообщают кыргызстанские новостные ленты» [201].

История показывает, что «с 2010 по 2018 год в отечественную экономику поступило $68.8 млн прямых инвестиций из Южной Кореи» [221]. Новостные ленты в Кыргызстане отмечали, что «в январе - мае 2025 года Кыргызстан и Южная Корея наторговали на $1 млрд 129,3 млн. Это следует из данных таможенной службы Южной Кореи. Большая часть товарооборота - $1 млрд 130,7 млн - пришлась на экспорт товаров из Южной Кореи в Кыргызстан» [218]. Из СМИ Кыргызстана также стало известно, что Южная Корея предоставит Кыргызстану кредит в $500 миллионов для социально-экономических проектов. Из указанной суммы средства будут выделены Государственной ипотечной компании, КГМА, Минздраву и МЧС» [203].

«В Кыргызстане с целью достижения прозрачности на выборах в президенты и депутаты Жогорку Кенеша ЦИК закупила автоматические считывающие урны у корейской компании Miry Systems», сообщали СМИ Кыргызстана» [479]. Также из новостных лент стало известно, что «компания BC Card Kyrgyzstan была создана в результате партнерства между ведущими южнокорейскими компаниями BC Card и Smartro и ЗАО «Межбанковский процессинговый центр. Основная задача компании – обеспечить оптимальную обработку внутригосударственных платежей по картам международных платежных систем и управление бизнесом ПОС-терминалов и платежных услуг внутри страны» [219].

В последнее время взаимодействие двух стран характеризуется активным внедрением южнокорейских технологий в государственное управление. Произошло смещение ориентиров по инвестированию с культурно-гуманитарных в активное технологическое направление. Следует отметить, что большей частью инвестиции в экономику приходят за счет южнокорейского бизнеса, фондов и неправительственных организаций.

В целом сотрудничество двух стран характеризуется прагматичной экономической направленностью и постепенным наращиванием технологического взаимодействия. Южная Корея выступает источником инвестиций, современных технологий и управленческих решений, ориентированных на развитие цифровизации и инфраструктуры. Для Кыргызстана сотрудничество с Южной Корее важно тем, что Южная Корея обладает высокими технологиями и инвестиционным портфелем. Дополнительный южнокорейский фактор в Кыргызстане – это гуманитарное и образовательное взаимодействие, но в то же время масштаб сотрудничества остается ограниченным.

Подводя итог сотрудничеству Кыргызстана с ведущими странами мира, используя открытые данные, следует отметить, что «государственный долг Кыргызстана к 30 ноября 2025 года достиг 773.9 млрд сомов, или $8.85 млрд (43.49 % от ожидаемого ВВП). Крупнейшим двусторонним кредитором Кыргызстана остается Экспортно-Импортный банк Китая. Объем обязательств перед ним составляет 131.1 млрд сомов, или $1.5 млрд, что

делает Китай безусловным лидером среди всех внешних партнеров. Для сравнения, задолженность перед другими двусторонними кредиторами существенно ниже: Японское агентство международного сотрудничества – 11.3 млрд сомов, Саудовский фонд развития – 8.6 млрд сомов, Банк KfW (Германия) – 5.6 млрд сомов, правительство Турции – 4.4 млрд сомов. Международные банки как костяк долга Значительную часть внешних обязательств составляют кредиты международных финансовых институтов. Общий объем многостороннего льготного долга достиг 230.7 млрд сомов. Крупнейшие позиции здесь распределяются следующим образом: Международная ассоциация развития – 80.0 млрд сомов, Азиатский банк развития – 74.9 млрд сомов, Евразийский банк развития / ЕФСР – 22.3 млрд сомов, Международный валютный фонд – 18.3 млрд сомов, Исламский банк развития –18.0 млрд сомов. Такие заимствования отличаются более мягкими условиями, но именно они формируют основу валютного долга страны. Не самой крупной, но примечательной статьей остаются еврооблигации на сумму 61.2 млрд сомов, или $700 млн. Это рыночный долг, чувствительный к колебаниям курса и глобальной конъюнктуре, что повышает нагрузку на бюджет в периоды нестабильности» [178].

Сотрудничество Кыргызстана с ведущими странами мира в последние годы приобретает черты многовекторного прагматизма, который стремится извлечь максимальную пользу от геополитического расположения. При этом у каждой из ведущих стран своя роль. Россия в целом предоставляет энергетические ресурсы и выступает гарантом безопасности, с культурно-гуманитарным направлением сотрудничества. Китай в свою очередь является главным инвестором инфраструктурных проектов, другими словами лидер инвестиций в развитии экономики Кыргызстана. Коллективный Запад в лице США и государств Европейского Союза концентрируют свое внимание в Кыргызстане на политический и гражданский секторы с целью развивать демократические принципы. Турция стремится занять плацдарм в Кыргызстане, для осуществления внешней политики в Центральной Азии. Иран, Япония и Южная Корея заинтересованы в том, чтобы получить влиятельную роль в Кыргызстане, как транспортном коридоре евразийской торговли, усиливая свое влияние посредством «мягкой силы».

В научной статье Додонова В.Ю. «Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги» автор указывает на то, что «в настоящий момент между Казахстаном и Россией действует около 400 различных договоров. Взаимовыгодные отношения Казахстана и России основаны на энергетическом партнерстве, сотрудничестве в сфере космоса, промышленной кооперации» [91, С. 23]. Аналитик Бородавкин А.Н. в статье «Россия и Казахстан — союзники и интеграционные партнеры» отмечал, что между странами «велись совместные научные разработки по созданию спутников KazSat и совместному использованию системы ГЛОНАСС. Начиная с 1993 г. на реализацию различных проектов в Казахстане российской стороной было направлено не менее 40 млрд. долл» [38]. «Среди

крупнейших игроков на местном рынке выступают АвтоВАЗ, Газпром, Лукойл, Билайн, Сбербанк. Россия остается крупнейшим торговым партнером Казахстана. 76 из 85 субъектов РФ имеют торговые связи с Казахстаном. В тройку наиболее востребованных Казахстаном товаров относятся машины, оборудование и транспортные средства (25,64%); металлы и изделия из них (16,56%) и продукция химической промышленности (16,40%)», отмечено в статье «Внешняя торговля России» [54]. В научной совместной статье Давыдовой Ю.А., Каргаполовой Е.В. «Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции», было отмечено, что «в структуре импорта России из Казахстана 72,75% составляют минеральные продукты, металлы и металлические изделия. РФ является основным потребителем казахстанских товаров, что является существенным фактором для дальнейшей интеграции» [80, С. 54].

Президент РФ В.Путин в интервью СМИ заявлял, что «Россия входит в число ведущих инвесторов Казахстана. На казахстанском рынке действуют свыше 17 тысяч деловых структур с российским участием, реализуется порядка 70 масштабных совместных проектов во всех ключевых отраслях экономики Казахстана» [336]. В свою очередь казахстанский президент К.Токаев отмечал, что «в 2024 году российские инвестиции достигли рекордного уровня – $4 млрд. Общий накопленный объем российских инвестиций в Казахстан, превысил $27 млрд. В свою очередь казахстанские вложения в Россию составляют порядка $9 млрд» [413].

Также Президент Казахстана объявлял, что «в стране планируется на российские инвестиции реализовать строительство интегрированного газохимического комплекса по производству полиэтилена в Атырауской области (3,6 трлн тенге), горно-обогатительного комплекса по добыче и переработку титаново-циркониевых руд в Актюбинской области (184,0 млрд тенге), наладить производство чугунного литья для грузовых автомобилей в Костанайской области (78,2 млрд тенге), локализовать производство балки ведущих мостов в Костанайской области (78,0 млрд тенге), наладить производство терефталевой кислоты и ее солей в Атырауской области (720,0 млрд тенге), запустить производство удобрений в Жамбылской области (500,0 млрд тенге)» [184].

В казахстанских СМИ было отмечено, что «основными товарами экспорта из Казахстана в Россию являются: природный уран – 16,1% (1,6 млрд долларов), оксид алюминия – 3,1% (301,1 млн долларов), прокат из железа без обработки – 2,9% (284,3 млн долларов), прокат из железа оцинкованный – 2,4% (232,7 млн долларов), руды и железные концентраты – 2,3% (226,6 млн долларов). Основными товарами импорта в Казахстан из России являются (млн долларов): дистилляты (588,8 млн долларов), трубы для нефте- и газопроводов (360,1 млн долларов), пшеница и меслин (296,9 млн долларов), электроэнергия (235,5 млн долларов)» [184].

Продолжается сотрудничество между Москвой и Астаной в военной сфере. В монографии экс-президента Казахстана Назарбаева Н.

«Казахстанский путь», отмечено, что «в середине августа 2020 г. в ходе визита в Казахстан министра обороны РФ С. Шойгу был подписан межгосударственный договор о сотрудничестве. В ходе встречи обсуждались вопросы испытательных полигонов Министерства обороны России, транзита российских военных грузов через Казахстан в Сирию, экспорта продукции военного назначения, международного миротворчества. В 2020-2021 учебном году Россия выделила максимальное количество квот на обучение казахстанских военнослужащих. На встрече рассматривались также планы оперативной и боевой подготовки и развития единой региональной системы ПВО. Главным направлением казахстанско-российского диалога в XXI в., по мнению Н. Назарбаева, должна стать интеграция в «треугольнике знаний»: образование, исследования и инновации» [252, С. 12].

В статье Бородавкина А. «Россия и Казахстан – союзники и интеграционные партнеры» отмечено, что «более 70 тыс. казахстанцев обучаются в российских вузах. Ведущие университеты России также предоставляют возможность получения российского образования через свои филиалы в Казахстане (МГУ, МАИ, РЭУ им. Г. В. Плеханова и др.). С 2018 г. в Казахстане реализуется около 240 научных проектов с участием ученых из 50 российских вузов и НИИ» [38]. Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В. в статье «Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции» выразили свое мнение, которое заключается в том, что «образовательные проекты являются весомыми инструментами мягкой силы, подготавливая будущую пророссийски настроенную казахстанскую элиту» [80, С. 55].

«Вместе с российской компанией «Лукойл» ведется разработка крупного морского месторождения Каламкас-море, Хазар. Объем инвестиций в проект составит более 6 млрд долларов. Кроме того, российские партнеры активно участвуют в реализации проектов в нефтегазохимии. Совместно с компанией «Сибур» в 2022 году введен в эксплуатацию крупнейший в Центральной Азии завод по производству полипропилена мощностью 500 тыс. тонн в год. Сегодня это предприятие не только обеспечивает сырьем казахстанских переработчиков, но и экспортирует продукцию в Россию, Китай, Турцию и другие страны. Началось совместное строительство завода по производству полиэтилена мощностью 1,2 млн тонн в год. Совместно с компанией «Татнефть» реализуется проект по выпуску бутадиена мощностью 340 тыс. тонн в год» [268], – отмечено в СМИ Казахстана.

Казахстанский Президент К.Токаев отмечал, что «налажено практическое сотрудничество по строительству теплоэлектростанций в городах Кокшетау, Семей и Усть-Каменогорск. Довольно активно развивается наше партнерство и в сфере возобновляемых источников энергии. При участии российских партнеров в Казахстане уже реализованы проекты общей мощностью 370 мегаватт. В рамках достигнутых договоренностей в ближайшей перспективе планируется запуск генерации еще одного гигаватта экологически чистой энергии» [268].

Сотрудничество двух стран выстраивается в принципе стратегического партнёрства, подкрепляемый взаимным товарооборотом и активным взаимодействием в рамках ЕАЭС и ОДКБ, а также в рамках СНГ и ШОС. В основном взаимодействие приграничных государств сосредоточено на реализации крупномасштабных энергетических проектов – нефтегазовое сотрудничество. Развитие транспортных коридоров для выхода на рынки Персидского залива. Промышленная кооперация выражается созданием совместных предприятий и локализации производств. Культурно-гуманитарные связи продолжают работать, сохраняя исторические связи.

На официальном сайте Министерства иностранных дел Республики Казахстан отмечается, что «между Казахстаном и США установлено расширенное стратегическое партнерство, характеризующееся многоплановым взаимодействием по всему спектру двусторонних отношений» [244].

По данным Министерства торговли и интеграции РК, «товарооборот между странами в первом полугодии 2025 года составил 1,9 млрд долларов. При этом за весь 2024 год объем взаимной торговли достиг 4,2 млрд долларов, показав рост на 4% к уровню 2023 года. Основу казахстанского экспорта в США составляют нефть, уран, серебро, ферросплавы и другие сырьевые товары. При этом импортируются преимущественно самолеты, автомобили, двигатели, медицинские препараты и технологии. Снижение показателей 2025 года во многом объясняется внешними факторами – в частности, изменением американской тарифной политики. Особое внимание уделяется сфере их минералов, где Казахстан рассматривается как важный партнер США. В ближайшие годы планируется развитие совместных проектов по добыче и переработке урана, лития и редкоземельных металлов, необходимых для высокотехнологичных отраслей и энергетического перехода. Кроме того, страны обсуждают перспективы сотрудничества в области транспортно-логистических маршрутов, цифровых технологий и сельского хозяйства. Казахстан продвигает инициативы по диверсификации экспортных направлений и привлечению инвестиций в перерабатывающие отрасли, создавая тем самым условия для более сбалансированного и устойчивого роста» [361].

Казахстанский аналитик Мамышев Ж. в статье «Казахстан и США заключили крупную сделку на $1,1 млрд по критически важным минералам» отмечал, что «американская компания Cove Capital и казахстанская «Тау-Кен Самрук» будут вместе разрабатывать месторождения Северный Катпар и Верхнее Кайракты в Карагандинской области. Это одни из крупнейших неосвоенных месторождений вольфрама в мире – общие запасы металла составляют 410 тыс. тонн. Соглашение было заключено на полях саммита С5+1 в Вашингтоне. Стороны договорились о создании СП, в котором Cove Capital получит 70%, а «Тау-Кен Самрук» – 30%. Общий объем инвестиций в проект оценивался в $1,1 млрд, из которых $900 выразил готовность предоставить Экспортно-импортный банк США» [234].

«В рамках двустороннего диалога между Республикой Казахстан и Соединёнными Штатами Америки продолжается развитие сотрудничества в авиационной сфере. РГП «Казаэронавигация» реализует проект по модернизации национальной системы управления воздушным движением, предусматривающий поэтапный переход на современную платформу SkyLine-X в сотрудничестве с американской компанией Leidos. Проект направлен на повышение надёжности, безопасности и технологического уровня аэронавигационного обслуживания» [3].

В рамках реализации инициативы Американского совета по международному образованию в области Партнерства между университетами США и Казахстана, «в декабре 2019 года была запущена грантовая конкурсная программа «U.S. – Kazakhstan University Partnership Grants», с целью разработки проектов по поддержанию усилий Казахстана в области развития системы трехъязычного образования. В рамках этого проекта студенты граждане Казахстана получат образование на грантовой основе от 20000 долл США до 24494 долл. США» [154], – сообщали СМИ Казахстана.

Согласно данным Национального бюро статистики и международных агентств, американские компании Chevron, ExxonMobil, General Electric и Halliburton, продолжают реализовывать долгосрочные проекты, где «общий объем прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана в первом квартале 2025 года составил около 6,6 млрд долларов. По итогам 2024 года объем накопленных инвестиций США в Казахстан превысил 60 млрд долларов. Казахстан, в свою очередь, укрепляет инвестиционные гарантии, развивает диалог с бизнесом и предлагает налоговые преференции в рамках новых индустриальных зон, что позволяет сохранять высокий уровень доверия со стороны американских партнеров даже на фоне изменения глобальной конъюнктуры» [361].

«Товарооборот Казахстана и США в 2025 году составил 3,2 млрд долларов, а инвестиции достигли рекордных 28,9 млрд долларов за десять лет, расширяя стратегическое партнёрство. Во время саммита С5+1 в ноябре 2025 года подписано 29 соглашений на 17 млрд долларов. Среди проектов – закупка Boeing для Air Astana, производство сельхозтехники, разработка месторождений, проекты ИИ и цифровизации, создание медицинских и химических объектов. США также поддерживают развитие Среднего коридора, укрепляя региональное сотрудничество и торговлю» [154], – сообщали новостные ленты Казахстана.

Взаимоотношение двух государств характеризуется переходом к стратегическому партнерству в сфере энергетической безопасности и добычи важных минералов. Взаимодействие стран можно назвать стратегическим с прагматичным характером. Ключевым элементом партнерства выступает энергетическое направление, где США выступают как источник инвестиций и технологий, особенно в нефтегазовом секторе, что способствует укреплению ресурсной базы Казахстана и его интеграции в глобальные энергетические рынки. В тоже время Вашингтон и Астана охватывают сферы

сотрудничества в вопросах безопасности, включая региональную стабильность, что дает сторонам дополнительное геополитическое измерение. Для Казахстана сотрудничество с США – важный инструмент внешней политики, позволяющий диверсифицировать внешнеэкономические связи. Экономические интересы сторон можно охарактеризовать как устойчивые и в некоторой степени взаимовыгодные.

Сотрудничество Казахстана и Китая начинается после признания официального Пекина независимости постсоветской республики. Китаю потребовалось некоторое время, чтобы получить основание для ведения внешнеполитических дел в государствах Центральной Азии, в том числе в Казахстане. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и в рамках этой организации Региональный антитеррористический центр (РАТЦ) стали юридически оформленным поводом. До тех пор Китай и мел связи с Казахстаном, но они имели форму выстраивания связей. Более тесное сотрудничество началось после совместной работы в рамках ШОС. Встречи глав государств в рамках этой организации получили продолжение на двустороннем уровне, что способствовало более тесному торгово-экономическому сотрудничеству. Торгово-экономические связи Китая с соседними государствами были важными для Поднебесной, чтобы продвигать свои товары в Казахстане и через него далее в Россию, Европу, на Кавказ.

В диссертационной работе Бабаян Д.К. «Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI вв.» отмечается, что «в 2000-2001 гг. товарооборот двух стран достиг 1,5 млрд. долл. США, в 2008 г. – 11 млрд. долл. США, а в 2010 г. – уже 14 млрд. долл. США (Китай стал вторым торговым партнером Казахстана после России). В 2011 г. товарооборот двух стран превысил 21 млрд. долл. США. В 2012 г. Китай вышел уже на 1 место и стал крупнейшим внешнеторговым партнеров Казахстана (взаимный товарооборот составил 24 млрд. долл. США)» [23, СС. 217-224]. В СМИ Казахстана прошла информация о том, что «в 2014-2016 гг. наблюдалось падение товарооборота, который сократился в три раза (до 8 млрд. долл. США). Китай из-за этого снова переместился на 2 место как внешнеторговый партнер Казахстана с долей 13,5%. С 2017 г. товарооборот двух стран снова начал расти» [279]. Черевык К.А. в статье «Стратегическое сотрудничество Республики Казахстана и КНР: торгово-экономический аспект» отметил, что за 2020 г. он (товарооборот) вырос на 4% по сравнению с показателем 2019 г. и составил 15,4 млрд. долл. США. Экспорт Казахстана в КНР составил 9 млрд. долл. США (наибольший показатель с 2014 г), а казахстанский импорт из КНР – 6,4 млрд. долл. США» [482, С. 562]. Рост товарооборота далее увеличивался, что подтверждается данными СМИ Казахстана, где говорилось о том, что «по итогам 2024 года объем торговли Китая и Казахстана составил 43,82 млрд долл. США в стоимостном выражении, увеличившись на 6,8%. по сравнению с аналогичным показателем за весь 2023 год» [401].

В 2025 году торгово-экономические связи Казахстана с Китаем продолжили углубляться, что подтверждается ростом товарооборота и увеличением роли КНР во внешних поставках в РК. Для наглядности составлена таблица. Данные в таблице приведены на основании имеющейся информации. Колонки, где стоит значение «Данные отсутствуют» к сожалению дополнить цифровыми данными не удалось, в виду доступности информации в открытых источниках (см. Таблица 3.2.2. Показатели торговли между Казахстаном и Китаем по категориям товаров).

Таблица 3.2.2. Показатели торговли между Казахстаном и Китаем по категориям товаров.

Категория товаров	**Объем экспорта/ товарооборота**	**Изменение показателя (млрд.долл)**	**Процентное изменение (%)**	**Доля в общем объеме**
Общий товарооборот	34,1 млрд.долл	3,97	13,2	100%
Общий экспорт	15, 2 млрд.долл	0,31	2,1	44,6%
Металлы	Данные отсутствуют	-0,605	Данные отсутствуют	4,0 %
Продукты животного и растительного происхождения	Данные отсутствуют	0,394	Данные отсутствуют	2,6 %
Химическая промышленность	Данные отсутствуют	0,345	Данные отсутствуют	2,3 %
Минеральные продукты	Данные отсутствуют	-0,112	Данные отсутствуют	0,7 %

«Совокупный товарооборот достиг 34,1 млрд долларов (+13,2%), а доля Китая во внешней торговле Казахстана приблизилась к четверти общего объема (23,7% vs 21,2% годом ранее). Экспорт в КНР показал скромный рост (+2,1%, до 15,2 млрд долларов) на фоне перераспределения в пользу промежуточных товаров промышленного назначения и аграрных товаров. В структуре экспорта в КНР выросла доля продуктов животного и растительного происхождения (+394 млн долларов) и химической промышленности (+345 млн долларов), тогда как сократились доли металлов (-605 млн долларов) и минеральных продуктов (-112 млн долларов)» [400], – отмечается в казахстанских СМИ.

Как было отмечено в работе «Инициатива «Один пояс – Один путь, в Центральной Азии» Талига Х., «Казахстан является ведущей страной в плане привлечения китайских инвестиций в Центральную Азию» [391]. Казахстанский аналитик Досова Б.А. в работе «Главные сферы инвестиций

КНР в Казахстане – нефтегазовая, строительная и горнодобывающая отрасли, транспорт и складирование, отметила, что «помимо уже упомянутых нормативно-правовых актов, инвестиционное сотрудничество между двумя странами регламентируется следующими документами: Соглашение о создании казахстанско-китайского Делового совета 2013 г., Меморандум о сотрудничестве в области индустриализации и инвестиций и Рамочное соглашение в области индустриализации и инвестиций 2015 года» [94, СС. 46-47]. Что касается совместных проектов в данной сфере, то «в 2015 г. Китай и Казахстан заключили 33 соглашения по сотрудничеству в разных отраслях, от энергетики и переработки нефти до производства автомобилей и листового стекла. Среди совместных проектов было также строительство первого китайского промышленного парка за рубежом в казахстанском городе-порте на Каспии – Актау» [23, СС. 125-126].

Казахстанский аналитик Досова Б.А., отмечала также то, что «на 2026 год в Казахстане реализуются 55 совместных проектов двух стран общей стоимостью 27,6 млрд. долл. США в сферах автомобилестроения, сельского хозяйства, химической, горнорудной, нефтегазовой, строительной, металлургической, легкой промышленности, выпуска минеральных удобрений, энергетики, транспорта и логистики, новых технологий» [94, СС. 46-47].

Бабаян Д.К. в свою очередь отмечала, что «нефтегазовая сфера инвестиционного сотрудничества является одной из важнейших. Лидером в поставке казахстанской нефти в КНР является Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК), которая пришла в Казахстан в 1997 г. На современном этапе китайская сторона разрабатывает следующие казахстанские месторождения: Северный Бузачи, Северный Кумкол, Каражанбас, Кенкияк, Жанажол, Сазан-Курак, Дархан, Кенес, Бектас. Уже почти два десятилетия в руках Китая находится до 25% производства нефти в Казахстане» [23, СС. 125-176], а Талига Х. привела данные «в производстве газа – 13%» [391]. «При этом, согласно официальной статистике, доля китайских компаний в этой отрасли не больше, чем у других иностранных компаний» [94, С. 51], – отмечала казахстанский аналитик Б.А. Досова.

«За 1992-2013 гг. общий объём китайских инвестиций в Республику Казахстан достиг 20 млрд. долл. США. Из них 12 млрд. долл. США было инвестировано в нефтяную отрасль и 6 млрд. – в строительство нефтепроводов и газопроводов. В 2017 г. Китай занимал 6 место среди крупнейших стран-инвесторов в экономику Казахстана с суммой 15,8 млрд. долл. США. На 2020 г. объем накопленных инвестиций Китая в Казахстане составляет уже почти 30 млрд. долл. США, а доля КНР составляет 5% от общего объема всех иностранных инвестиций в казахстанскую экономику. По состоянию на 2025 год Китай инвестировал в экономику Казахстана 27 миллиардов долларов», [180] – сообщали СМИ Казахстана. Что касается инвестиций Республики Казахстан в китайскую экономику, то они в разы меньше, чем китайские, считает аналитик К.А. Черевык: «В 2018 г. и 2019 г.

инвестиции составили 4,8 и 11,2 млн. долл. США соответственно. Как итог, доля казахстанских инвестиций в общем объеме привлекаемых Китаем иностранных инвестиций на сегодня составляет сотые и даже тысячные доли процента» [482, С. 563].

Казахстан активизировал свое сотрудничество с Китаем в направлении железнодорожных сообщений между странами. «Железнодорожные связи между КНР и Казахстаном – ключевой транспортный коридор Евразии, обеспечивающий транзит грузов из Китая в Европу. Основные погранпереходы – Достык-Алашанькоу и Алтынколь-Хоргос. Казахстан и Китай запустили новый железнодорожный маршрут, который позволит доставлять грузы в Европу. Дочерняя организация АО «НК «КТЖ» - АО «KTZ Express» совместно с China Railway Container Transport Co Ltd. (CRCT) запустили новый контейнерный сервис, открывающий еще один маршрут между Китаем и Европой через Казахстан, Туркменистан, Иран и Турцию» [151], – было отмечено в казахстанских СМИ.

Рекордное увеличение товарооборота и активное инвестиционное присутствие Китая в Казахстане указывает на высокий уровень сотрудничества. Взаимодействие стран осуществляется в рамках двусторонних торгово-экономических, культурно-гуманитарных связей и проекта «Один пояс, Один путь», а также ШОС, включая создание новых транспортных узлов сообщения. Большое внимание Китай уделяет нефтегазовой промышленности Казахстана, вливая инвестиции в этот сектор экономики. Двусторонне сотрудничество осуществляется не только в сырьевом обмене, но и в технологическом и логистическим интеграционным направлениях.

Следующий немаловажный партнер Казахстана – это Турция, которая является одним из приоритетных торгово-экономических и инвестиционных партнеров Казахстана. Стратегическое партнёрство, политическое и экономическое сотрудничество между Астаной и Анкарой развивается стремительно. «Казахстан вложил в экономику Турции более 2 млрд долларов, а объём турецких инвестиций составил более 5 млрд долларов США. Это является свидетельством доверия инвесторов к Казахстану и наличия благоприятных условий для ведения инвестиционной деятельности в стране» [155].

Объем взаимной торговли между Казахстаном и Турцией, как сообщали новостные ленты Казахстана, «в 2025 году вырос на 8,9% и достиг 5,4 млрд долларов. Из них 3,9 млрд долларов пришлось на экспорт, а 1,5 млрд долларов – на импорт. В настоящее время в Казахстане действует более 4 тысяч компаний с турецким капиталом, а Турция занимает четвертое место среди крупнейших торговых партнеров страны. Между странами реализовано более 70 проектов на общую сумму 5 млрд долларов. Среди них выделяются такие проекты, как строительство Большой Алматинской объездной дороги с участием турецких компаний, производство кальцинированной соды, новый терминал аэропорта Алматы и производство безалкогольных напитков» [239].

«В структуре торговли с Турцией порядка 75% занимают минеральные продукты, продукты, металлы, продукты растительного происхождения» [270] См. Таблица 3.2.2. Товарная структура экспорта РК в КНР (детализация по ключевым позициям).

Таблица 3.2.2. Товарная структура экспорта РК в КНР (детализация по ключевым позициям)

Товарная группа	**Объем (млн долл. США)**	**Объем %**	**Доля в сегменте (%)**
Нефть сырая	900,0	1,0%	Минеральные продукты
Медь и катоды из меди	06,1	2,8%	Металлы
Цинк необработанный	99,3	6,3%	Металлы
Нефтепродукты	92,9	,2%	Минеральные продукты
Сжиженный газ	46,3	3,1%	Минеральные продукты
Уголь каменный	08,2	2,3%	Минеральные продукты
Алюминий необработанный	02,9	2,2%	Металлы
Овощи бобовые сушеные	1,6	1,1%	Продукты растительного происхождения
Свинец необработанный	8,4	0,81%	Металлы
Пшеница	2,0	,67%	Продукты растительного происхождения

Представленные данные детализируют общий объем экспорта в КНР, который составил 15,2 млрд. долл. Важно отметить, что наблюдалось сокращение стоимостных объемов экспорта металлов (на 605 млн долл) и минеральных продуктов (на 112 млн долл). При этом позиции «Пшеница» и «Бобовые» относятся к растущему сегменту продуктов растительного происхождения, совокупный прирост по которому составил 394 млн долл.

«С начала года более чем на 1,5% возрос экспорт из Казахстана в Турцию. С января по май продано товаров на 1 млрд 300 млн долларов. При этом показатели импорта снизились почти на 15%. Сейчас Казахстан покупает в Турции лекарства, одежду, автомобили и запчасти, а также семена подсолнечника. Отметим, что по итогам прошлого года Турция стала четвертым торговым партнёром Казахстана: товарооборот между странами достиг 5 млрд долларов США» [404], – отмечается в новостных лентах Казахстана.

В военном направления страны так же сотрудничают. «Планируется не только локализация производства уже существующих моделей, таких как Bayraktar TB2 и TB3, но и разработка новых модификаций, в том числе тяжёлых стратегических, адаптированных под специфические потребности казахстанской армии, с учётом географических особенностей и климатических условий страны» [445], – сообщается в официальных СМИ Казахстана.

МИД Казахстана отметило, что «Турция и Казахстан сотрудничают в рамках Организации Объединенных Наций (ООН), Организации государств-участников Договора о безопасности (ОГДБ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Конференции по взаимодействию и укреплению доверия в Азии (СВДК) и ОБСЕ. В Казахстане действуют Казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмета Йесеви и филиал Университета Гази. Правительство Казахстана строит школу на 960 мест в районе Нурдагы города Газиантеп в целях оказания помощи после землетрясения. Транспортные связи между двумя странами также интенсивны. Турецкие и казахские авиакомпании выполняют 192 рейса в неделю» [239].

В последние годы сотрудничество между Казахстаном и Турцией превратилось в тесное взаимодействие, которые подкреплены инвестициями, торгово-экономическими связями. Турция заинтересована в Казахстане в связи с поставками ресурсов и в первую очередь нефти, нефтепродуктов и т.д. Официальный Стамбул помогает Астане укреплять армию современными технологиями, стороны готовятся производить турецкие беспилотники в Казахстане.

Сотрудничество Казахстана выстроено в нескольких направлениях: транспорт и логистика, торговля, энергетика, политическое и экономическое взаимодействие. Страны стремятся к увеличению торговых оборотов, используя железнодорожный маршрут через Туркменистан и порты Каспийского моря.

Как известно, маршрут Казахстан-Туркменистан-Иран обеспечивает выход в Южную и Юго-Восточную Азию, страны Персидского залива, Ближнего Востока и Восточной Африки. «Пропускная способность грузов на железнодорожной линии Жанаозен (Казахстан)-Кызылкая-Берекет-Этрек (Туркменистан)-Горган (Иран) составляет 6 млн тонн в год. По ней перевозятся нефть, зерно, черные металлы. Грузы в Иран также доставляются автотранспортом по маршруту Казахстан-Узбекистан-Туркменистан-Иран или через морские пути между портами Актау и Бендер-Аббас. Между портами Актау (Казахстан) и Энзели (Иран) раз в месяц проходят рейсы с зерном, строительными материалами, товарами народного потребления и продовольствием в рамках маршрута Китай - Иран - Китай. За первые пять месяцев 2025 года объем перевозок по коридору «Север - Юг» вырос на 74% и достиг 1,45 млн тонн», отмечено в аналитической статье Бутыриной Н. Иран и Казахстан ускорят развитие коридора «Север-Юг» [40].

Forbes Kazakhstan изучил товарооборот двух стран за прошлый год. «По итогам 2025 года торговля между Ираном и Казахстаном выросла на 26,4% – до $430,2 млн. Согласно данным Комитета госдоходов и Бюро национальной статистики, в прошлом году экспорт из Казахстана в Иран вырос на 93,9% – с $123,4 млн до $239,3 млн. В физическом выражении объем поставок также увеличился практически вдвое, составив 1,2 млн тонн против 634,6 тыс. тонн годом ранее. Напротив, импорт иранских товаров в Казахстан сократился на 11,9% – с $217 млн в 2024 году до $191 млн в 2025-м. Объем ввезенной продукции упал с 508,3 тыс. тонн до 410,7 тыс. тонн. Доля Ирана в общем внешнеторговом обороте Казахстана по итогам года составила 0,3%. Иран остается одним из ключевых рынков для казахстанского зерна. За маркетинговый год (сентябрь 2024 - август 2025) в страну поставили более 1 млн тонн зерновых, хотя годом ранее этот объем составлял всего 86 тыс. тонн. На фоне боевых действий логистические цепочки через Каспий и иранские порты могут столкнуться с серьезными рисками, что поставит под угрозу выполнение намеченных планов по росту товарооборота», – сообщает известное издание [481].

Обращаясь к ретроспективе отношений двух стран, следует отметить информацию, выложенную в новостные ленты о том, что «в конце 1990-х и начале 2000-х годов страны использовали своп-схемы поставок нефти. Нефть из казахстанского порта Актау отправлялась на север Ирана – в порт Энзели. Оттуда сырье по нефтепроводу поступало на нефтеперерабатывающие заводы в Табризе. Казахстан, в свою очередь, получал эквивалентные объемы нефти в иранских портах Персидского залива» [93]. Война между Ираном с одной стороны и США с Израилем с другой стороны внесли свои коррективы. В СМИ Казахстана сообщается, что «торговля нефтью и нефтепродуктами остановлена в связи с конфликтом с Израилем и США, хотя в 2022 году страны проводили переговоры о возобновлении поставок» [146].

Торговля ураном также имеет место в двусторонних отношениях. Как было отмечено на официальном информационном сайте Zakon.kz, «Казахстан пытается преодолеть вето, наложенное новой администрацией США, на поставки природного урана в Исламскую Республику Иран. В марте 2017 АО «Казатомпром» подписало договор на поставку 950 тонн уранового концентрата в Республику Иран. Этот контракт был рассчитан на три года и являлся выгодным для Казахстана, поскольку мировой лидер добычи урана, вышедший в 2009 на первое место по объемам добычи (порядка 24,6 тыс. тонн), в текущем году вынужден был снизить план добычи до 22 тыс. тонн» [165].

Торговля ураном направление, которое требует особого внимания. Как известно, развивающиеся в последнее время военно-политические события на Среднем Востоке, связаны с тем, что Ирану инкриминируется обогащение урана в военно-стратегических целях. В этом плане Казахстану при поиске рынка реализации урана следует выстраивать гибкую дипломатию, иначе это

может привести к некоторым ограничениям в развитии промышленного комплекса по добыче урана.

Несмотря на сложную международную обстановку и санкционные ограничения вокруг Ирана, сотрудничество двух стран демонстрирует тенденцию к расширению и углублению. Взаимоотношения носят прагматичный характер. Казахстан заинтересован в использовании транспортно-логистического потенциала Ирана для выхода к его морским портам. Иран в свою очередь рассматривает Казахстан как партнера в центральноазиатском регионе, обладающего ресурсной базой и транзитными возможностями. Стороны стремятся укрепить свои позиции в рамках международных маршрутов, включая направление Север-Юг, что усиливает их роль как транспортных узлов Евразии. Стороны заинтересованы в обмене ресурсами, переработке и диверсификации поставок, очень актуально в условиях изменений глобальных энергетических рынков. Несмотря на положительную динамику, остаются сдерживающие факторы, к которым относятся геополитическая напряженность, санкционные риски. В целом казахстанско-иранское сотрудничество можно охарактеризовать как стратегически перспективное, основанное на совпадении экономических интересов. Однако будущее сотрудничества во многом будет зависеть от способности сторон адаптироваться к внешним вызовам и эффективно реализовывать совместные инициативы.

Казахстан выстраивает также отношения и с Японией с фокусом на инвестиции и экономику. Как сообщают новостные ленты, «объём прямых инвестиций Японии в Казахстан превысил 8,5 млрд долларов с 2005 года. Япония входит в десятку крупнейших инвесторов нашей страны и остаётся ключевым партнёром в торгово-экономической сфере. В Казахстане действуют десятки проектов с японским капиталом - создано более 66 совместных компаний. Кроме того, в стране запускаются новые проекты в сфере машиностроения, ВИЭ, редкоземельных металлов, геологоразведки и туризма» [506].

«Основные экспортные товары РК в Японию: ферросплавы (87%), нефть сырая (10%), алюминий (1%), тантал (1%). Основные импортируемые товары из Японии в РК: автомобили (65%), грузовой транспорт (4%), строительная техника (4%), автошины (3%), медицинское оборудование (2%). По данным Национального банка РК, Япония является 10-м крупнейшим иностранным инвестором Казахстана по валовому притоку ПИИ с объемом инвестиций более 7,9 млрд. долл. США с 1993 года» [244].

Министерство иностранных дел Республики Казахстан сообщало, что «основные статьи экспорта РК в Японию: металлы и изделия из них, в основном ферросплавы (более 50% общего объема экспорта), а также нефть, уголь, брикеты и аналогичные виды твердого топлива, продукция химической промышленности, продукты растительного происхождения. Основные статьи импорта из Японии: автомобили, грузовые машины, бульдозеры, грейдеры и прочие спецмашины, медицинские приборы и устройства, шины и

покрышки. Япония входит в топ-10 крупнейших иностранных инвесторов Казахстана с общим объемом инвестиций в размере более 8 млрд. долл. США» [244], – сообщает официальное ведомство.

На официальном сайте МИДа РК также отмечено, что «согласно информации Национального банка Республики Казахстан, по итогам второго квартала 2025 года объём прямых иностранных инвестиций из Японии в Казахстан составил 119,7 млн долларов США, что на 49,8 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. В Казахстане зарегистрировано более 60 японских компаний в таких сферах, как нефть, газ, нефтехимия, металлургия, финансы, горнорудная промышленность, оптовая продажа автомобилей, электросвязь, оптовая торговля оборудованием, лесозаготовки, логистика, медицина, сельское хозяйство и др. Действует Совместная комиссия правительственного и частного секторов Казахстана и Японии по экономическому сотрудничеству (МПК). Для активизации деловых контактов между двумя странами с 2017 г. для граждан Японии введен безвизовый режим сроком до 30 дней» [305].

«В настоящее время Япония импортирует около 90% нефти с Ближнего Востока, что делает страну особенно уязвимой к геополитическим рискам в регионе. Ранее также сообщалось, что японская сторона рассматривает возможность обращения к США с просьбой организовать поставки нефти с Аляски. На этом фоне Казахстан рассматривается как один из потенциальных альтернативных поставщиков» [313], – сообщали СМИ Казахстана.

На новый уровень выходит и индустриальное сотрудничество. Как было отмечено на страницах сайта 24.kz, «корпорация Mitsui планирует построить в Астане комплекс по капитальному ремонту и восстановлению оборудования. Аналогичный шаг делает Komatsu. В Астане появится крупнейший в регионе сервисный центр с учебной базой для подготовки инженеров и операторов» [157].

«Казахстанский уран играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности Японии. После долгого перерыва один из мировых лидеров в атомной энергетике планирует перезапуск своей промышленности, а Япония активно инвестирует в переработку радиоактивных отходов, повышение безопасности АЭС и исследования в области атомной медицины. Одним из примеров является совместный проект корпорации Sumitomo и «Казатомпрома» по производству медицинских радиоизотопов из отходов переработки урана» [156], – отметило информагентство inform.kz.

«В культурно-гуманитарном направлении с декабря 2022 KazAID и JICA на ежегодной основе реализуют совместные проекты для стран Центральной Азии и Кавказа, в том числе по направлениям: сейсмоустойчивость и снижение риска стихийных бедствий; развитие предпринимательства с применением японской философии Кайдзен; цифровая трансформация в сфере сельского хозяйства; усиление потенциала управления таможенными рисками» [362], – сообщают информационные

ленты Казахстана. «Япония осуществляет программы технической помощи и развития, включая гранты и проекты по повышению устойчивости инфраструктуры и социальной сферы в Казахстане, что укрепляет практические социально-экономические связи между странами» [158], – сообщает eri.kz.

Сотрудничество официальной Астаны и страны восходящего солнца выстраиваются на уровне глубокого сотрудничества. Казахстан заинтересован в инвестициях в экономику, новых технологиях, увеличению торгового оборота, экспорта нефти и нефтепродуктов в Японию. В свою очередь Токио интересны углеводородные, минеральные и другие ресурсы Казахстана. Учитывая, что Казахстан имеет выход на Транскаспийскую торговлю, интерес Японии увеличивается. Наличие транспортной инфраструктуры, железнодорожной и автомобильной Казахстан делает более привлекательным партнером, который имеет транспортно-логистические узлы на суше и на Каспийском море.

Республика Казахстан и Республика Корея развивают стратегическое партнёрство, где ключевыми сферами взаимодействия выступают инвестиции и промышленность, цифровизация и технологии, трудовая миграция и культурно-гуманитарные связи. На сегодняшний день Южная Корея один из ведущих партнеров Казахстана.

Южная Корея стабильно входит в топ крупнейших инвесторов в экономику РК. «В Казахстан инвестировано порядка 10,8 млрд. В Казахстане успешно работают 876 предприятий с участием южнокорейского капитала. По итогам 2024 года объем прямых инвестиций из Кореи в Казахстан составил 1,2 млрд долларов США. В целом, за последние совокупный объём корейских инвестиций превысил 1 млрд долларов США» [164].

По данным Бюро нацстатистики информационные ленты сообщили, что «Казахстан продал в 2022 году Южной Корее товары на $4,5 млрд, что в 2,4 раза больше, чем в аналогичном периоде 2021 года. Такие данные приводит. Рост обусловлен увеличением поставок нефти в 1,7 раза (5,7 млн тонн). В перечень экспортируемых товаров вошли ферросплавы (37,8 тыс. тонн), изделия из титана (4 тыс. тонн) и тантала (0,5 тонн). Также в Страну утренней свежести Казахстан поставляет семена льна и картины. В то же время импорт из Южной Кореи вырос на 37,2% и достиг $1,5 млрд. Больше всего Казахстан закупил кузовов для автомобилей – 39,4 тыс. шт. (+2,4 раза) на сумму $542,2 млн (+2,9 раза). Также активно завозятся легковые автомобили – 7,6 тыс. шт. (+2,5 раза), запчасти для автомобилей – 13,4 тыс. тонн (+2,4 раза), двигатели внутреннего сгорания – 41,3 тыс. шт. (+2 раза)» [163].

В Казахстане заработал также отечественный автопром. Информационное агентство lsm.kz, сообщило, что «в Костанайской области запущен завод Kia Qazaqstan – первый завод полного цикла бренда Kia за пределами Южной Кореи. Это крупнейший инвестиционный проект в

несырьевом секторе республики, стоимостью свыше 131 млрд тенге (190 млн долл США)» [263].

Также стало известно, что «в городе Сарани Карагандинской области приступили к выпуску телевизоров и стиральных машин под брендом Samsung. Бытовую технику производят на базе завода Silk Road Electronics» [41].

В сотрудничестве между двумя странами Южная Корея закрепилась в Казахстане в статусе одного из крупнейших инвесторов в промышленный сектор. Взаимодействия с простой торговли трансформировались в локализацию высокотехнологичных производств от производства бытовой техники до автомобилей. Взаимодействие стран имеет настройки устойчивого и стратегически ориентированного характера. Такой подход выходит за рамки краткосрочных экономических проектов и формирует основу для комплексного партнерства, охватывающего экономическую, технологическую и гуманитарную сферы. Казахстан интересен Южной Корее тем, что обладает ресурсным потенциалом и транзитными возможностями. Южная Корея в свою очередь выступает поставщиком инвестиций, источником технологий и управленческих практик. Присутствие южнокорейских компаний способствует модернизации промышленности. Важным направлением становится энергетическое сотрудничество, в котором прослеживается постепенный переход от традиционных ресурсов к развитию источников энергии и «зеленых» технологий. Гуманитарное сотрудничество, включая образовательные обмены и культурные связи играет стабилизирующую роль и усиливает взаимное доверие. В геополитическом контексте сотрудничество между странами развивается на платформе Форума «Центральная Азия – Республика Корея (С5+1)». Учитывая продуктивность взаимоотношений, тем не менее, существуют определенные ограничения или барьеры. Казахстан зависит от сырьевого сектора, есть инфраструктурные и институциональные барьеры, а также конкуренция со стороны других внешних акторов.

«За последние девять лет товарооборот вырос более чем в три раза – с $4,2 млрд (319 млрд рублей) до примерно $13 млрд (988 млрд рублей). Около 70% товарооборота приходится на продукцию переработки и промышленного производства. Реализуется более 150 совместных проектов в системообразующих отраслях: машиностроение, металлургия, химическая промышленность, фармацевтика. Более 80 субъектов России имеют партнерские связи с регионами Узбекистана, реализуется более 200 совместных межрегиональных проектов общей стоимостью свыше $4 млрд (304 млрд рублей)» [47], – сообщает российское издание «Ведомости».

«Узбекистан нарастил поставки продовольствия и сельскохозяйственной продукции почти на треть – орехи, фрукты и овощи. На российском рынке узбекская плодоовощная продукция традиционно занимает сильные позиции в силу ценовой конкурентоспособности и логистической близости. Помимо продовольствия, выросли поставки

текстиля, одежды, хлопка и меди. Развитие текстильного кластера в Узбекистане – одна из приоритетных национальных программ, и Россия остаётся крупнейшим рынком сбыта для узбекских тканей и готовой одежды» [409]. «Узбекистан в 2025 году поставил в Россию 189,1 тыс. телевизоров, что составило 61% всего экспорта этой продукции» [448].

«В структуре российского экспорта в Узбекистан опережающими темпами растёт химическая промышленность. Поставки химпрома увеличились на 23,4% – в первую очередь за счёт пластмасс и фармацевтической продукции. Это объясняется как развитием узбекской обрабатывающей промышленности, так и ростом потребительского рынка республики. Металлы и изделия из них прибавили 13,7% – главным образом за счёт проката железа и стали. Это показательно на фоне общего давления на российскую металлургию: узбекское направление остаётся устойчивым каналом сбыта. Минеральные продукты выросли на 7,8%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – в частности, лесоматериалы из сосны – также показали положительную динамику» [409].

В 2016-2017 годах, как сообщает источник axillc.ru, «Россия и Узбекистан заключили договор о развитии военно-технического сотрудничества. Он предусматривает взаимные поставки военной продукции, обслуживание и ремонт оружия и техники, оказание военно-технической помощи, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. При этом с 2012 года Узбекистан приостановил членство в Организации договора о коллективной безопасности - военной организации с участием России» [225].

Агентство по атомной энергии при Кабинете Министров Республики Узбекистан («Узатом») и Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», как сообщил источник uzdaily.uz, «заключили Дорожную карту долгосрочного сотрудничества в атомной и смежных отраслях, а также Соглашение к контракту на сооружение интегрированной атомной станции. Дорожная карта охватывает ключевые направления сотрудничества: подготовку кадров, информирование населения о современных ядерных технологиях, создание инфраструктуры будущего «атомного» города и комплексное развитие отрасли. Главы Минобороны РФ и Узбекистана подписали в Москве план реализации программы стратегического партнерства до 2030 года. По данным СМИ, договор подразумевает совместные учения и обмен информацией об оружии» [450].

Одновременно на площадке АЭС, сообщает источник uzdaily.uz, «начались работы по сооружению энергоблока малой мощности с реактором РИТМ-200Н. Реализация проекта создаёт прочную основу для технологического суверенитета Узбекистана, подготовки национальных кадров и долгосрочного социально-экономического роста. В партнёрстве с Россией страна осваивает передовые ядерные технологии и закладывает фундамент для устойчивого энергетического будущего» [450].

В образовательной сфере сотрудничество достигло того, что «в Узбекистане действует 15 филиалов ведущих российских университетов (МГУ, МГИМО, МИСиС). Более 60 тыс. граждан Узбекистана получают образование в российских вузах. Научное сотрудничество охватывает энергетику, геологию, сельское хозяйство, медицину, цифровые технологии, управление водными ресурсами и адаптацию к климатическим изменениям» [47], – сообщала российское издание «Ведомости».

Рост товарооборота между Узбекистаном и Россией подтверждает переход двух стран к глубокой кооперации. Партнерские отношения в топливно-энергетической сфере – основное направление сотрудничества. Россия является одним из лидером по инвестициям в экономику Республики Узбекистан. Тем не менее официальный Ташкент во внешней политике придерживается многовекторности для модернизации национальной экономики.

Узбекско-китайское сотрудничество в последние годы набирает обороты, где Поднебесная является ключевым торговым партнером и крупнейшим инвестором в экономику Узбекистана. Основные сферы сотрудничества – это торговля и инвестиции, энергетика, инфраструктура и транспорт, высокие технологии и экология.

«Китай рассматривает Узбекистан как страну с огромным потребительским рынком, дешевой рабочей силой, стабильной политической ситуацией и сильной государственной властью. Кроме того, его интересуют благоприятная деловая среда в Узбекистане и большой потенциал для проектов по развитию инфраструктуры» [497], – отмечает Eurasian-research.

В статье «Экономическое сотрудничество между Узбекистаном и Китаем», опубликованной на сайте eurasian-research.org, отмечено, что «Китай стал первой страной, с которой товарооборот Узбекистана превысил 10 млрд долл. США. Торговый оборот между Узбекистаном и Китаем увеличился почти втрое. В 2022 году Китай стал первой страной, с которой Узбекистан достиг товарооборота свыше 10 млрд долл. США. Доля Китая в внешней торговле Узбекистана составила 17,7% в 2021 году и 17,8% в 2022 году. Доля Китая в торговле с Узбекистаном впервые достигла 21,9%, составив 13,7 миллиарда долларов. В первые 8 месяцев 2023 года товарооборот между Узбекистаном и Китаем достиг 8 миллиардов долларов, при этом экспорт Узбекистана составил 1,37 миллиарда долларов, а импорт из Китая - 6,65 миллиарда долларов» [55]. Аналитик Тен А. Китайские инвестиции в Узбекистан превысили $10 млрд», сообщил, что «инвесторы из Китая за 2024 год вложили в узбекистанскую экономику более $10 млрд, сообщили в Министерстве инвестиций, промышленности и торговли (МИПТ). Общий объем торговли между Узбекистаном и Китаем достиг $13,1 млрд, добавили в ведомстве» [395].

«Объем торговли Китая и Узбекистана за первые десять месяцев 2025 года увеличился на 17,2% в годовом выражении, составив 12,898 млрд долл. США», об этом свидетельствуют данные, опубликованные на официальном

сайте Главного таможенного управления (ГТУ) КНР. Согласно данным, источника «экспорт китайских товаров в Узбекистан за отчетный период вырос на 21,3% до 11,382 млрд долл. США, а импорт продукции из Узбекистана достиг 1,517 млрд долл. США, сократившись на 6,5% в годовом исчислении. В октябре текущего года товарооборот между Китаем и Узбекистаном составил 1,38 млрд долл. США, при этом экспорт из Китая в Узбекистан достиг 1,22 млрд долл. США, а импорт в Китай из Узбекистана - 157 млн долл. США» [402].

По данным ЕАБР в аналитической статье Тена А. сообщается, что «из $10,7 млрд вложений в узбекскую экономику $5,5 млрд пришлись на энергетику, на обрабатывающую промышленность – $3,3 млрд. В 2024 году и первой половине 2025-го Китай усилил присутствие в инвестициях Узбекистана благодаря проектам в нефтехимии, энергетике и газовой инфраструктуре. Крупнейшим проектом стал комплекс по производству олефина в Бухаре за $3,3 млрд, который реализуют Sinopec и Saneg. Его запуск ожидается в будущем году. В зеленой энергетике китайские инвесторы работают над несколькими проектами. Так, компания Sany Renewable Energy строит ветропарк в Каракалпакстане за $1,2 млрд. Параллельно China Southern Power Grid вошла в капитал двух крупных ветропроектов ACWA Power – Bash Wind и Dzhankeldy в Бухарской области. Китайская сторона купила по 35% в каждом проекте, инвестировав на первом этапе около $230-240 млн. В газовой отрасли выделяется участие Daxon Holdings. В феврале 2024 года компания купила 60% в проекте Gazli Gas Storage в Ташкентской области. До конца 2025 года в проект планируют вложить $50-55 млн» [396].

По сведениям russian.news.cn «проект железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан открывает новые перспективы для развития транспорта и логистики в регионе вызывает повышенное внимание Узбекистана, поскольку он соединяет Восток и Запад, открывая новые перспективы для развития транспорта и логистики в регионе» [498]. Узбекистанский источник gazeta.uz сообщает, что «стоимость проекта предварительно оценивается в 4,7 млрд долл США. Половину суммы из собственных средств предоставят страны-участницы в соответствии с долями в СП: 1,18 млрд долл США выделит Китай, около 700 млн долларов – Кыргызстан. При этом в презентации 19 июня в парламенте Кыргызстана говорилось, что Узбекистан и Кыргызстан выделят по 573 млн долл США. Ещё 2,35 млрд долл США составит некоммерческий кредит, который предоставит китайская сторона. В июле президент Узбекистана поручил выделить 255 млн долларов в уставной фонд проектной компании по строительству железной дороги Китай - Кыргызстан – Узбекистан» [374].

Успешно осуществляются совместные стратегические проекты такие, как газопровод считает узбекский аналитик Юсупалиева Д.К. отмечая в статье«Китай - Центральная Азия», что «Кунградский содовый завод и Дехканабадский завод калийных удобрений, электрифицированная железнодорожная линия Ангрен-Пап и тоннель «Камчик», модернизация

Ангренской тепловой электростанции и др. Расширяется индустриальный парк с китайскими инвестициями «Пэн-шэн» на базе филиала свободной экономической зоны «Джизак» в Сырдарьинской области. В нем сосредоточены самые крупные в Узбекистане инвестиционные проекты частного китайского капитала в несырьевой сфере. Здесь создано более 1 300 местных рабочих мест, и годовая стоимость производства уже превысила 90 миллионов долларов. В парке китайской компанией «ZTE» построена первая линия по выпуску смартфонов в Центральной Азии» [504].

Глубокая кооперация и стратегический альянс основные тэги внешнеэкономических взаимоотношений Узбекистана и Китая, что подтверждается торговым оборотом и инвестиционным портфелем. Ключевым направлением стало совместное строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Китай заинтересован прежде всего географическим расположением партнера, которое может стать транспортным узлом в сухопутной торговой магистрали. Инвестиционное сотрудничество носит масштабный характер и охватывает такие отрасли как энергетика, нефтегазовый сектор, химическая промышленность, химическая промышленность, текстиль и строительство. В этом контексте существенную роль играет инициатива ОПОП. Существенную роль играет развитие транспортно-логистической инфраструктуры, направленное на формирование новых транзитных коридоров, связывающих Центральную Азию через Узбекистан с Китаем. В геополитическом плане взаимодействие стран способствует укреплению позиций Китая в ЦА, одновременно предоставляя Узбекистану дополнительные возможности для диверсификации внешней политики и снижения зависимости от традиционных партнеров. В целом двусторонние отношения можно охарактеризовать как прагматичные и взаимовыгодные, обладающие значительным потенциалом для дальнейшего углубления.

Между Узбекистаном и США развитые широкие связи. Страны сотрудничают в таких областях как программы по обеспечению безопасности границ, экономические отношения, политические вопросы и направления гражданского общества. «Узбекистан является ключевым партнером в предоставлении международной гуманитарной помощи Афганистану и продолжает поддерживать страну, предоставляя электроэнергию, экономическую помощь и развивая инфраструктуру» [13], – отмечено на официальном сайте Государственного департамента США, в статье американско-узбекские отношения.

Так же сообщается, что «Соединенные Штаты и Узбекистан сотрудничают в рамках Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также через Международный валютный фонд и Всемирный банк. Узбекистан является членом программы «Партнерство ради мира» Организации Североатлантического договора и наблюдателем во Всемирной торговой организации, к которой он в настоящее время готовится присоединиться» [13].

Узбекистанское интернет-издание «Gazeta» сообщает, что «объем взаимной торговли Узбекистана и США последние два года превышает 1 млрд долларов. Однако в прошлом году он был ниже, чем в 2024-м - 1,004 млрд против почти 1,025 млрд долларов. В 2023 году цифра составила 765,1 млн долларов. Соединённые Штаты являются 13-м крупнейшим внешнеторговым партнёром Узбекистана. На рынке Узбекистана работают около 340 американских компаний. Действует трёхлетняя Программа экономического сотрудничества на 35 млрд долларов» [456].

В интернет-журнале Unipath в статье «США и Узбекистан подтверждают приверженность безопасности в Центральной Азии» отмечалось, что «Узбекистан выразил готовность расширить свое стратегическое партнерство, особо отметив то, что он называет «углубленным» политическим диалогом по двусторонним и региональным вопросам и сотрудничеству в области безопасности. Вооруженные силы Узбекистана работают в партнерстве с Национальной гвардией штата Миссисипи в рамках американской Программы партнерства Национальных гвардий штатов» [379].

Кыргызское национальное информационное агентство сообщало, что «в мае 2018 года в ходе первого официального визита президента Узбекистана Ш. Мирзиеева в США было подписано совместное политическое заявление «Узбекистан - США: начало новой эры стратегического партнерства». В 2019 году заявили, что Узбекистан и США намерены сотрудничать в обеспечении региональной безопасности в контексте ситуации в Афганистане. В ноябре 2020 года по итогам узбекско-американских политических консультаций в Вашингтоне было принято решение повысить формат ежегодных регулярных контактов до уровня диалога стратегического партнерства. Там же на встрече Президент США Дональд Трамп сообщил о заключении торгово-экономического соглашения с Узбекистаном на общую сумму $135 млрд, которое он назвал невероятным» [455].

«В течение следующих трех лет Узбекистан приобретет и инвестирует почти $35 млрд, а в течение следующих десяти лет – более $100 млрд в ключевые американские секторы, включая добычу критически важных полезных ископаемых, авиацию, производство автозапчастей», – отмечено высказывание президента США на странице в Truth Social. Ожидаются вложения в агропром, IT, химическую отрасль, энергетику» [417].

В последние годы взаимодействие Узбекистана и США в сфере туризма приобрело стратегическое значение. В 2024 году состоялась встреча председателя Комитета по туризму Умида Шадиева с послом США Джонатаном Хеником, на которой обсуждались перспективы развития «зелёного» туризма и подготовки кадров. Участие узбекской делегации в престижных выставках Miami World Travel Expo 2024 и New York Travel and Adventure Show 2025 открыло новые возможности для продвижения туристического бренда страны. Причём Узбекистан был признан «Лучшим

новым участником» выставки в Нью-Йорке. Динамика туристического потока из США наглядно отражает эффективность двустороннего сотрудничества. С 2018 года по 2024 год количество туристов из США увеличилось в три раза. Это свидетельствует о растущем интересе к культурному и историческому наследию Узбекистана, его гостеприимству и устойчивому развитию туристической инфраструктуры. Сотрудничество Узбекистана и США в сфере туризма стало важным фактором укрепления взаимопонимания между народами, расширения культурного обмена и привлечения инвестиций в экономику страны. С каждым годом Узбекистан всё увереннее заявляет о себе как о современном, открытом и динамично развивающемся туристическом направлении на карте мира» [364], было отмечено казахстанским интернет-изданием Uzconsulate-aktau.

«В соответствии с Указом президента РУз Ш.Мирзиеева, граждане Соединенных Штатов Америки смогут находиться в Узбекистане с начала 2026 года в стране без визы в течение 30 дней, начиная со дня пересечения границы. В документе отмечается, что данная мера направлена на создание благоприятных условий для развития узбекско-американских отношений, включая торгово-экономическое сотрудничество, культурно-гуманитарные связи и туризм» [339], – сообщали узбекистанские интернет ленты.

Взаимоотношения между Узбекистаном и США перешли в формат стратегического партнерства, который подкрепляется рекордной суммой, планируемой официальным Ташкентом инвестировать в экономику Америки. На последнем саммите С5+1 узбекистанский президент, высказавшись об инвестировании в США в течение 4 лет указанной выше суммы указывает на стремление сблизиться более тесно с западным партнером и усилить торгово-экономические связи, а в том числе и военно-политическое направление сотрудничества.

Официальный Ташкент готовится к полноценному тесному сотрудничеству с Вашингтоном. Центральноазиатская республика видит в США важного противовеса в своей многовекторной внешней политике. Акцент на развитие проекта «С5+1» и привлечение американских инвестиций подчеркивает стремление сторон к созданию более открытой и интегрированной региональной экономики. Совместные усилия по вопросам безопасности в регионе и обеспечению региональной устойчивости подтверждают общность стратегических интересов в вопросах поддержания мира и правопорядка. Стороны сохраняют приверженность конструктивному диалогу.

Узбекистан и Турция в последнее время также не упускают возможностей взаимодействия, активно развивая связи в торговле и экономике, транспорте и логистике, визовом режиме и авиасообщении, культурно-гуманитарном направлениях.

Узбекистанский интернет-ресурс Gazeta сообщала, что «за последние годы товарооборот между двумя странами увеличился в 1,5 раза, количество совместных предприятий – в 2 раза, объём турецких инвестиций в узбекскую

экономику – в 2,5 раза. Поток туристов из Турции вырос в 3 раза. Стоит задача в кратчайшие сроки увеличить объёмы двустороннего товарооборота до 5 млрд долларов. В рамках визита Шавката Мирзиёева в Анкару был сформирован портфель новых инвестиционных проектов на 10 млрд долларов» [457].

«После землетрясений, произошедших в Турции в феврале 2023 года, Узбекистан проявил быструю солидарность, что стало отражением прочных отношений между двумя странами. Узбекистан направил в Турцию поисково-спасательные и медицинские бригады, а также доставил около 700 тонн гуманитарной помощи. Многие граждане Узбекистана приняли участие в работах в районах бедствия в качестве волонтеров. Правительство Узбекистана реализовало в Хатае жилищный проект, состоящий из 306 квартир для пострадавших от землетрясения» [444], – сообщало турецкое интернет-издание Reporting the Changing World.

В статье «Турция и Узбекистан отмечают 34-ю годовщину установления дипломатических» турецкое интернет-издание Reporting the Changing World отмечает, «Турция – четвертый по величине торговый партнер Узбекистана В последние годы в торговых отношениях между Турцией и Узбекистаном наблюдается значительный рост. В 2016 году объем двусторонней торговли составлял 1 миллиард 242 миллиона долларов, а в 2025 году превысил 3 миллиарда долларов. Стороны стремятся в краткосрочной перспективе довести эту цифру до 5 миллиардов, а в долгосрочной – до 10 миллиардов долларов. Турция занимает четвертое место среди крупнейших торговых партнеров Узбекистана с долей 3,7% в его внешней торговле. Экспорт Турции в Узбекистан в 2025 году составил 1 миллиард 888 миллионов 100 тысяч долларов, а импорт из Узбекистана – 1 миллиард 136 миллионов 400 тысяч долларов. Турция экспортирует в Узбекистан в первую очередь машины, электронику, мебель и осветительные приборы, сборные конструкции, автомобили, текстиль, продукты питания и потребительские товары, а из Узбекистана импортирует пластмассовые изделия, медь, цинк и хлопчатобумажную пряжу. В Узбекистане работают 1900 турецких компаний» [444].

«В 2017 году правительство Узбекистана подписало постановление о выдаче виз гражданам Турции в течение 3 дней, а в феврале 2018 года для турецких граждан было введено 30-дневное визовое послабление. В результате взаимные визиты между гражданами двух стран увеличились, а число узбекистанцев, путешествующих в Турцию, которое в 2016 году составляло около 150 тысяч человек, в 2023 году приблизится к 500 тысячам. В настоящее время между Узбекистаном и Турцией выполняется 60 регулярных рейсов в неделю, и ожидается, что в летний сезон их количество увеличится» [148], – сообщает турецкое интернет-издание Reporting the Changing World.

Новостной, информационный и аналитический сервис с административным офисом в Пакистане и редакцией в Туркменистане News

Central Asia отмечало, что «Организация тюркских государств (ОТГ) стремительно набирает силу как новая международная площадка интеграции, объединяющая государства с общими историческими и культурными корнями, но главное – с общими экономическими интересами. Сегодня эта структура превращается из формата политико-гуманитарного диалога в полноценный экономический союз, способный конкурировать за глобальные инвестиции, технологии и рынки. Для Узбекистана, вступившего в ОТГ в 2019 году, организация стала важнейшей опорой во внешнеэкономической политике. В условиях трансформации мировой экономики именно в рамках ОТГ формируются новые механизмы промышленной кооперации, взаимных инвестиций и торговли, позволяющие странам Тюркского мира совместно усиливать свои позиции в Евразии и за её пределами» [453].

Сотрудничество между Ташкентом и Анкарой перешло от декларативного сближения к созданию конкретных механизмов координации. На современном этапе сотрудничество характеризуется переходом к модели глубокой стратегической интеграции, основанной на общности культурно-исторических корней и прагматичных экономических интересах. Организация тюркских государств превращает сотрудничество двух стран в фундамент расширения взаимосвязей по укреплению стабильности в регионе Центральной Азии. ОТГ может способствовать формированию единого пространства безопасности и экономического развития, позволяя Узбекистану диверсифицировать свои внешнеполитические связи и укрепить транспортно-логистический суверенитет через выход к среднеземноморским портам. В геополитическом измерении партнёрство стран выступает стабилизирующим фактором в Центральной Азии.

До начала конфликта Ирана с США и Израилем отношения между Республикой Узбекистан и Исламской Республикой Иран переживали период активного возрождения, трансформируясь из прагматичного добрососедства в глубокое экономическое и стратегическое партнерство. Взаимодействие двух государств опирается на многовековой фундамент культурно-исторических связей. Ташкент и Тегеран демонстрируют обоюдное стремление к максимальному использованию нераскрытого потенциала в сферах торговли, инвестиций и высоких технологий, рассматривая друг друга как ключевых партнеров в обеспечении устойчивого развития и безопасности в макрорегионе.

Взаимодействие Узбекистана и Ирана осуществляется в рамках экономических вопросов и торговли, транспорта и логистики, промышленности и культурно-гуманитарных отношений, а также рассматривают возможности запуска совместных производств и продвижения продукции на региональные рынки.

Узбекистанские интернет-ресурс Sputniknews отмечает, что «в 2024 году объем взаимной торговли Узбекистана и Ирана составил $500 млн. На 1 сентября 2025 года в Узбекистане действует 222 предприятия с участием иранского капитала, реализующие проекты в строительной, транспортной и

фармацевтической сферах» [500]. «Иранские компании заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве в кожевенно-обувной и пушно-меховой отраслях» [451], – считает узбекистанский интернет-ресурс Sverenins.

«За последние пять лет товарооборот между Узбекистаном и Ираном вырос с порядка $250 млн до около $500 млн. Одновременно усиливается инвестиционная активность: в текущем году около 250 иранских компаний начали или расширили свою деятельность в Узбекистане, что отражает растущий интерес иранского бизнеса к узбекскому рынку. На этом фоне стороны обозначили ориентир по увеличению взаимной торговли до $2 млрд в год. Иран и Узбекистан ведут работу по увеличению годового товарооборота до 2 миллиардов долл США», отмечал в своей статье «Иран и Узбекистан ищут новые форматы сотрудничества - к форуму в Ташкенте» [27], – писала азербайджанская аналитик Айгюн Балиярли.

Стремление Узбекистана к диверсификации экспортных маршрутов и выход к мировому океану через иранские порты, такие как Бендер-Аббас и Чабахар, создают уникальную архитектуру взаимозависимости, которая не только укрепляет, но и меняет всю транспортную карту Евразии.

Интересно то, что писала А. Балиярли – азербайджанская аналитик в своей статье «Иран и Узбекистан ищут новые форматы сотрудничества - к форуму в Ташкенте», она отмечала, что «для Узбекистана, не имеющего выхода к морю, иранское направление носит стратегический характер. Именно через Иран страна получает доступ к портовой инфраструктуре и внешним рынкам. В этом контексте международный транспортный коридор «Север-Юг» рассматривается как важный элемент долгосрочной логистической стратегии и диверсификации внешнеторговых маршрутов. Использование иранских портов, включая Бандар-Аббас, позволяет формировать мультимодальные маршруты с последующей доставкой грузов железнодорожным транспортом в Узбекистан. Это повышает устойчивость внешнеторговых поставок и снижает зависимость от ограниченного числа транспортных направлений. В то же время финансовые расчеты остаются одним из наиболее чувствительных ограничений. Отсутствие у Ирана доступа к системе SWIFT вынуждает стороны использовать бартерные схемы торговли. Такой формат позволяет поддерживать текущие объемы товарооборота, однако фактически задает предел роста и сдерживает реализацию инвестиционных проектов, требующих стабильных и прозрачных финансовых механизмов» [27].

Подводя итог текущему сотрудничеству двух стран, можно отметить, что Узбекистан выстраивает двустороннее взаимодействие для практической реализации экономических и транспортных проектов.

Драйвером выстраивания взаимовыгодных отношения с Ираном стала логистическая необходимость в иранских портах, дающие кратчайший выход к мировому океану. В свою Очередь Узбекистан для Ирана – это ворота на рынки всей Центральной Азии. Обе стороны заинтересованы в развитии торгово-экономических связей. Прежде всего в маршруте «Север-Юг»,

Узбекистан не имеющий выход в мировой океан имеет возможность получить доступ к морским портам Ирана. Бартерные сделки из-за отсутствия возможности производить расчеты за экспорт и импорт указывают на стремление к сближению и взаимовыручки из-за санкций, наложенных на Тегеран.

«Сотрудничество Узбекистана и Японии охватывают экономические, инвестиционные, политические и культурные направления, при этом ключевую роль играют организации JETRO, JICA и JBIC. Сотрудничество с JICA достигло уровня стратегического партнерства, где японская сторона инвестировала 8 млрд. долл. в здравохранение, энергетику и транспорт, включая соглашения по сельскому хозяйству и созданию специальной экономической зоны по японским стандартам. Параллельно развивается партнерство с Японским банком международного сотрудничества JBIC, который инвестировал более 5 млрд. долл. в сферы нефтехимии, телекоммуникаций, инфраструктуры и промышленности» [291].

На интернет-странице Генерального консульства Республики Узбекистан во Франкфурте на Майне отмечено, что «за период 2017-2024 гг. товарооборот Узбекистана с Японией вырос более чем в 2 раза со 166,2 млн. долл. до 388,5 млн. долл., а в 2024 г. рост товарооборота ускорился и вырос по сравнению с 2023г. на 64,1% с 236,8 млн. долл. до 388,6 млн. долл. В импорте из Японии более 90% составляют машины и оборудование, в экспорте Узбекистана основную долю занимают услуги и химические удобрения, а также плодоовощная продукция, текстиль, радиоактивные элементы, топливо для реактивных двигателей. Активно развивается и инвестиционное сотрудничество. За последние восемь лет количество японских предприятий, работающих в Узбекистане, увеличилось в 10 раз, а совокупный портфель проектов превысил 20 миллиардов долларов. В Узбекистане активно работают такие ведущие японские компании, как Sojitz, Toyota Tsusho, Sumitomo, Itochu, Kyoto Plaza, Balcom, Shikoku Electric, которые реализуют важные проекты в сфере энергетики, геологии, туризма, развития инфраструктуры, IT и других направлениях» [291].

«Компания Sojitz Corporation реализует в Узбекистане проекты создания парогазовой электростанции в Сырдарьинской области, строительство многопрофильной больницы, нового международного аэропорта города Ташкента, ветряной электростанции и другие. Компанией Sumitomo Corporation в Узбекистане ведется строительство двух солнечных электростанций и систем хранения энергии в Самаркандской области. Также предусмотрена реализации аналогичного проекта на основе ветряных станций и в Республике Каракалпакстан. В ходе прошедшего визита главой Узбекистана было предложено принять Программу сотрудничества с этой корпорацией до 2030 года. С компанией ITOCHU Corporation Узбекистан имеет многолетний опыт работы в сферах машиностроения, геологии и инфраструктуры, с ней были достигнуты долгосрочные договоренности об экспорте критических минералов в Японию. В ходе настоящего визита с этой

компанией рассматривались новые направления сотрудничества, такие как водоочистка, автомобилестроение, модернизации систем управления воздушным движением, а также реализация проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере. Компания JOGMEC совместно с ITOCHU Corporation занимается в Узбекистане освоением урановых месторождений в Навоийской и Кашкадарьинской областях. В ходе визита также рассматривались и получили одобрение планы этих компаний по добыче драгоценных металлов на перспективных месторождениях в регионах Узбекистана» [291], сообщает Генконсульство Узбекистана в Германии.

Страны в двустороннем сотрудничестве перешли на качественно новый уровень от технической помощи Японии Узбекистану к масштабной инвестиционной кооперации. Токио выступает главным технологическим донором экономики Узбекистана. Совместный кредитный механизм (JCM) позволил японскому капиталу напрямую инвестировать промышленный комплекс Узбекистана. Поставки высоких технологий из Японии в Узбекистан могут сделать экономику Узбекистана высококонкурентной не только в регионе Центральной Азии, но и за его пределами.

Корейский аналитик Чон Де Ван в своей статье «Экономическое сотрудничество между Кореей и Узбекистаном: тенденции и перспективы» отметил, что «Республика Корея стала одним из крупнейших инвесторов и торговых партнеров Узбекистана. Суммарный объем инвестиций южнокорейских компаний в экономику Узбекистана уже в 1996-1999 годы превысил 1 миллиард долларов США. Благодаря этим инвестициям в Узбекистане стало возможным становление и динамичное развитие автомобилестроительной, телекоммуникационной, текстильной, электронной и других отраслей экономики. При активном содействии Южной Кореи Узбекистан осваивает сложные наукоемкие и высокотехнологичные производства, конечная продукция которых отличается высокой добавленной стоимостью. Благодаря сотрудничеству с Корейскими компаниями Узбекистан занял место в числе немногих держав мира, имеющих собственное автомобилестроение, которое продолжает быстро развиться» [484, С. 10]. Тен А. в своей статье «Узбекистан и Южная Корея укрепят взаимодействие в IT-сфере и энергетике», отметил, что «по итогам января-февраля 2024 года товарооборот между Узбекистаном и Южной Кореей достиг $368,8 млн. На экспорт пришлось $7,2 млн, импорт – $361,6 млн» [397].

Чон Де Ван отметил, что «между различными министерствами и ведомствами, фирмами и компаниями были подписаны документы о сотрудничестве в области сельского хозяйства, телекоммуникаций, образования, туризма, банковско-финансовой сферы. Создание правовой базы позволило странам углубить экономическое сотрудничество, стать Южной Корее одним из наиболее крупных торгово-экономических партнеров Узбекистана. Это сотрудничество стало основой для реализации соглашений по обновлению продукции автомобильной промышленности, осуществлению

ряда проектов в текстильной промышленности и сфере переработки шелка, развитии электротехнической промышленности. Важной вехой развития корейско-узбекистанских отношений стал приезд в январе 2004 года в Узбекистан большой делегации корейских предпринимателей во главе с председателем Федерации малого и среднего бизнеса Южной Кореи, во время которого был проведен бизнес-семинар деловых людей. В апреле того же года Узбекистан посетила делегация во главе с Генеральным директором отдела электроники, текстильной и химической промышленности Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. В период этого визита деловые круги Южной Кореи подробно были информированы об экономическом потенциале Узбекистана» [484, С. 10].

На официальной странице Посольства Республики Узбекистан в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии сообщается, что «экономическое сотрудничество между Узбекистаном и Южной Кореей демонстрирует значительные успехи. В 2023 году товарооборот между двумя странами превысил 2,3 миллиарда долларов, что свидетельствует о высоком уровне взаимной заинтересованности. Южнокорейские компании активно инвестируют в узбекскую экономику, участвуя в реализации различных проектов в таких отраслях, как энергетика, строительство, химическая, текстильная промышленность и другие. Сегодня в Узбекистане осуществляют свою деятельность свыше 700 предприятий с участием южнокорейского капитала» [454].

Значимым аспектом узбекско-южнокорейских отношений является и сотрудничество в сфере образования и науки. «Вузы Узбекистана поддерживают сотрудничество более чем с 45 университетами и научно-образовательными организациями Южной Кореи. В Узбекистане действуют филиалы 4 южнокорейских университетов: Инха, Пучон, Ёджу – в Ташкенте, а также Корейский международный университет – в Фергане, где обучаются студенты по различным специальностям. Кроме того, узбекские студенты имеют возможность получать образование в ведущих университетах Южной Кореи. Научные обмены и совместные исследования в таких областях, как информационные технологии, медицина и инженерия, способствуют развитию научного потенциала обеих стран. В марте 2023 года в Ташкенте прошёл Форум ректоров ведущих вузов двух стран» [454], – отмечается также на официальной странице Посольства Республики Узбекистан в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

«Наиболее важным направлением сотрудничества на сегодняшний день является создаваемая на базе международного аэропорта города Навои свободная индустриально-экономическая зона. Трансконтинентальный интермодальный центр логистики в этой зоне – единственный на территории СНГ, где будут оперативно обрабатываться грузы, производиться их дельнейшее перераспределение и складирование. Грузовые потоки из Азии в Европу и обратно проходят через этот центр, который становится важнейшим

связующим звеном в глобальной сети грузоперевозок» [484, С. 11], – отмечает Чон Де Ван.

Экономическое сотрудничество между Кореей и Узбекистаном осуществляется и «в разведке нефтяного блока по проекту, связанному с месторождениями в Западной Фергане (Чинабад), была начата в феврале 2010 года с инвестированием KNOC - 65%, POSCO 20% и Samchully 15% от общего объема инвестиций. Этот проект нацелен на развитие дополнительных источников энергии и повышение достаточности её ресурсов. Проект оценивается в 8400 млн. баррелей потенциальных запасов. POSCO и KNOC реализовывают на территории Узбекистана уже третий проект по нефтегазовым месторождениям» [484, С. 11].

Развитие Узбекистана во многом связано с инвестициями Южной Кореи в промышленный комплекс центральноазиатской Республики. В результате таких финансовых вливаний Узбекистан обеспечивает себя отечественными автомобилями, телевизорами и другой техникой. Сеул инвестирует в нефтегазовый сектор и другие секторы промышленности Узбекистана. Сотрудничество двух стран характеризуется тем, что акцент выставлен на внедрение высоких технологий. Южная Корея занимает ведущие позиции в списке международных инвесторов в экономику Узбекистана. Технологии и бренды Южной Кореи заполняют внутренний рынок Узбекистана и идут на экспорт в ближнее зарубежье. Экономическое развитие центральноазиатской республики во многом обязано интересам Южной Кореи в Центральной Азии, которая заинтересована в географическом расположении партнера, имеющего тесные региональные связи и опыт сотрудничества с ведущими акторами системы международных отношений в политическом и торгово-экономическом направлениях.

Таджикистан и Россия кроме политического взаимодействия осуществляют военно-техническое сотрудничество, выстраивают отношения в экономике и торговле, образовании и культуре, а также в вопросах трудовой миграции. Сотрудничество между странами имеет стратегический характер. Россия главный внешнеполитический партнер. Государства активно работают в ОДКБ, ШОС, СНГ и ООН.

Министерство иностранных дел Республики Таджикистан на своей официальной странице отмечают, что «Россия поддерживают регулярные политические контакты на высшем и высоком уровнях. Особое внимание уделяется взаимодействию правоохранительных органов и спецслужб в борьбе с терроризмом, экстремизмом и транснациональной преступностью. С 2006 года действует постоянная комиссия при Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан по взаимодействию с Советом Федерации России, заседания проходят дважды в год» [281].

«С 1992-го по 2020 гг. между странами было подписано более 290 межгосударственных, межведомственных и межправительственных соглашений, регулирующих сотрудничество в политической, экономической, военно-технической, культурно-технической и других сферах» [442, С. 26], –

отмечали в своей научной совместной статье Турсунов Т.Х., Новиков С.В. Российско-таджикское сотрудничество как фактор стабильности в Центральной Азии (1992-2022 гг.).

Интернет-ресурс Asia24.media сообщало, что «Российские инвестиции в экономику Таджикистана превысили отметку в 1,6 миллиарда долларов, средства освоены в ключевых секторах республики» [333]. Россия остается одним из ведущих инвестиционных партнеров Таджикистана. За период с 2007 по 2014 года, размер накопленного российского инвестиционного портфеля составил более $1,3 млрд. Основными отраслями двустороннего инвестиционного сотрудничества между Россией и Таджикистаном были: энергетика, промышленность, строительство, связь, геологическая разведка, развитие сети современных автозаправочных комплексов и телекоммуникационных услуг на территории Республики Таджикистан и т.д.» [8, С. 248].

Торговый представитель РФ в Душанбе А. Рыбас сообщил в интервью ТАСС, что «приоритетными направлениями для вложений стали топливно-энергетический комплекс и добывающая промышленность. Кроме того, российский капитал участвует в развитии сельского хозяйства, производства строительных материалов и агропромышленного сектора Таджикистана» [335].

Алимов Б.Х. и Ризоев Б.М. в совместной статье «Стратегическое партнерство Республики Таджикистан и Российской Федерации в начале XXI века», что «на рынке сотовой связи Таджикистана «работают две крупные российские компании под торговыми марками «Билайн» (ООО «Таком») и «Мегафон» (ЗАО «ТТ Мобайл»). Продолжают свою деятельность дочерние компании «Газпрома» в сфере поиска углеводородного сырья и предоставлении комплексного автозаправочного сервиса. Идет работа по созданию совместных предприятий, примером которой может служить предприятие «Тролза» по сборке троллейбусов в городе Душанбе. Одно из определяющих мест в углублении наших двусторонних связей занимает развитие и укрепление межрегионального сотрудничества. В настоящее время более 70-и субъектов Российской Федерации принимают участие в прямом торгово-экономическом сотрудничестве с Таджикистаном, заключив соответствующие договора и соглашения» [8, С. 248].

«Таджикистан не обладает запасами нефти и газа, чтобы обеспечить экономику «63,2% данного продукта было импортировано из России. Кроме нефти и газа Таджикистан импортирует из России 30,1% стального проката, 18% электрических машин, 85,9% древесины и древесной продукции. Из фармацевтической продукции основной объем занимают человеческие вакцины» [383], – сообщает интернет-источник Eurasinvest.org.

В свою очередь «из Таджикистана в Россию поставляют товары: овощи и фрукты, орехи и сухофрукты, пищевая продукция, хлопок для пошива одежды, минеральные продукты (руды и концентраты). Около

четверти общего объема внешнеторгового оборота Таджикистана занимает торговля с Россией» [143], – сообщают российские интернет-источники.

Шарапов О. в статье «Военно-техническое сотрудничество России и Таджикистана по формированию и развитию объединенной системы противовоздушной обороны», отмечал, что «объединенная региональная система противовоздушной обороны России и Таджикистана создана в целях повышения эффективности решения задач противовоздушной обороны в регионе и является составной частью» [486, С. 232]. О российском присутствии в Таджикистане также указывается в статье Нахимова С., где автор пишет о том, что «201-я военная база ВС РФ создана в Таджикистане в сентябре 2004 года, путем переформирования 201-й Гатчинской мотострелковой дважды Краснознаменной дивизии Приволжско-Уральского военного округа» [254].

Образовательное направление также присутствует в двустороннем сотрудничестве стран. В вузах России «обучаются более 7 тысяч таджикских студентов. Осуществляются постоянные контакты научных и научно-исследовательских институтов, культурных учреждений двух стран. В Душанбе функционирует Российско-Таджикский (славянский) университет, ставший одним из образовательных и культурных центров Таджикистана. Важной составляющей таджикско-российского сотрудничества является регулирование миграционной политики. По неофициальным данным, в трудовой миграции в России из этого количества находились более 1 млн. человек» [8, С. 249], – сообщается в совместной статье Б.Х. Алимова и Б.М. Ризоева.

Для работы таджикских мигрантов в России «граждане Таджикистана получили возможность проходить медицинское освидетельствование на территории своей страны, но в российской медицинской организации и по российскому законодательству. Для реализации соглашения Минздрав России определил на территории Таджикистана специальную уполномоченную медицинскую организацию, где будут работать граждане России, а документация будет оформляться в соответствии с требованиями российского законодательства на русском и таджикском языках», сообщается в российских интернет-источниках» [423], – отмечается в российском интернет-ресурсе Pnp.ru.

Что касается поступления денег из России в Таджикистан от трудовых мигрантов, то «официальные структуры Таджикистана отныне предпочитают воздерживаться от афиширования объемов денежных переводов в республику со стороны трудовых мигрантов» [389], – сообщает кыргызстанский интернет-ресурс Vesti.kg. В настоящее время сведения о количестве поступаемых переводов, объеме финансов, поступающих из России в Таджикистан в информационном поле с таджикским доменом не доступны.

Таджикистан и Россия поддерживают стратегическое партнерство. Сотрудничество двух стран обусловлено не только инвестициями в экономику центральноазиатской республики, торговыми оборотами,

культурно-гуманитарными связями, но и в военно-политическом направлении. Размещение российского военного контингента на территории Таджикистана подтверждает это. Страны заинтересованы в этом направлении обоюдно. С одной стороны – безопасность на таджикских границах, а с другой стороны это российский плацдарм для контроля Центральной Азии.

Прежде чем мы начнем изучать двустороннее сотрудничество Таджикистана и США следует отметить, что сайты с таджикским доменом блокируют информацию о взаимодействии этих стран. Поэтому информация собиралась из новостных лент стран СНГ, электронных библиотек (Cyberleninka) и сведений, размещенных официальной странице посольства США в Таджикистане. Отсутствие необходимой информации для изучения сотрудничества заявленных стран в этом параграфе усложнило работу. Поэтому предпринята попытка изложить таджикско-американские партнерские связи из доступных материалов, где многие цифровые данные о торговых оборотах, инвестициях в конкретные отрасли экономики Таджикистана, к сожалению, отсутствуют.

На официальном сайте Посольства США в Таджикистане сообщается, что «Бюро госдепартамента США по борьбе с наркотиками и охране правопорядка играет основную роль в госдепартаменте в разработке политики и программ, нацеленных на борьбу против незаконного оборота наркотиков и других криминальных угроз на международном уровне. Программа экспортного контроля и безопасности границ является инициативой Госдепартамента США. В рамках программы предоставляется практическое содействие государственным учреждениям РТ, задействованным в обеспечение безопасности границ, экспортного контроля и расследования в области распространения оружия массового уничтожения. Отдел военного сотрудничества выполняет и контролирует в принимающей стране все программы в области безопасности Министерства обороны США и Агентства по содействию вопросам безопасности при Госдепартаменте США при содействии Центрального командования США (USCENTCOM). Отдел Военного Атташе занимается двусторонним военным сотрудничеством между США и РТ. В миссию Регионального офиса безопасности входит обеспечение безопасных и надежных условий для функционирования американской дипломатической миссии. Центр по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) нацелено на укрепление потенциала в области выявления, предотвращения и контроля заболеваний и реагирования на угрозы общественному здоровью в Центральной Азии» [307].

Обращаясь к теме «мягкой силы», Попов Д. С. в статье «Двусторонние отношения США и Таджикистана на современном этапе», писал, что «США финансируют в Таджикистане деятельность разветвленной сети общественных, информационных и гуманитарных организаций. Формально они призваны развивать демократию и рыночную экономику, но на практике часто вмешиваются во внутренние процессы и продвигают внешнеполитические инициативы Вашингтона. Эти структуры активно

работают в республике с начала 1990-х годов, когда между США и РТ было заключено Соглашение о сотрудничестве в целях содействия оказанию гуманитарной и технико-экономической помощи. Администрированием основной массы проектов занимается Агентство США по международному развитию (USAID). С 2001 г. при американском посольстве в РТ функционирует «демократическая комиссия», распределяющая малые гранты. Дистанционно здесь присутствует софинансируемый из федерального бюджета США Национальный фонд в поддержку демократии. Основные получатели американских грантов – транснациональные западные НКО и СМИ. В Таджикистане активны Фонд Сороса, радио «Свобода», Фонд Ага Хана, Институт войны и мира, Фонд Евразия, «Интерньюс» и ряд других. Всего в РТ зарегистрировано 3 тыс. некоммерческих организаций» [303, С. 39].

Рассматривая экономические связи стран, Попов Д. в статье «Двусторонние отношения США и Таджикистана на современном этапе» отметил, что «Таджикистан не представляет заметного интереса для США как торгово-инвестиционный партнер. Товарооборот сторон в 2017 г. опустился до самой низкой с 2000 г. отметки – 17,9 млн долл. Западный бизнес отталкивают сложный инвестклимат, низкая рентабельность и конкуренция с китайскими компаниями. Вместо этого американская сторона предпочитает задействовать другие инструменты, в частности кредиты и гранты. В основном они распределяются через международные финансовые институты с доминирующей ролью Запада. Всемирный банк, Международный валютный фонд и Азиатский банк развития (АБР) предоставляют средства под обязательства проведения в Душанбе либеральных преобразований. Ассигнования выделяются из бюджета США по ряду программ, самая крупная из которых – Фонд экономической поддержки и развития. Эти средства призваны улучшить международный имидж Белого дома и нацелены на продвижение внешнеполитических интересов США. С началом работы администрации Д. Трампа расходы на таджикистанское направление сокращаются, но происходит это медленнее, чем в других среднеазиатских странах» [303, С. 40].

«Министерство обороны США рассматривает республику как потенциальную площадку для дислокации собственных военных объектов. Другое направление, которому США уделяют повышенное внимание, связано с оснащением и подготовкой по стандартам НАТО отдельных военизированных подразделений. В Таджикистане американцы проявляют интерес к двум формированиям – миротворческому батальону и Национальной гвардии РТ. Миротворческий батальон Таджикистана создан при финансовой поддержке США в 2010 г. На сегодняшний день американское правительство направило на его развитие около 8 млн долл» [303, С. 41], – считает Попов Д.С., отмечая это в своей статье.

Таким образом, основные направления сотрудничества Таджикистана и США – безопасность, региональное взаимодействие. Говорить о том, что

США заинтересованы в стратегическом сотрудничестве с центральноазиатской республикой, сложно. По всей видимости, исторические связи с Россией и ее влияние значительно давят на желание США выстраивать отношения с официальным Душанбе. Как было выше отмечено в таджикско-российских отношениях Москва играет важную роль и занимает первое место во внешнеполитических ориентирах, что конечно сказывается на Таджикистане в плане выстраивания взаимодействий с США.

Сведения о сотрудничестве между Таджикистаном и Европейским Союзом, к сожалению, недоступны на таджикских сайтах. Информация об инвестициях, торговом обороте практически недоступны, в связи с чем предпринимается очередная попытка изложить информацию о сотрудничестве сторон по имеющимся данным из открытых источников информации.

Известно, что Европейский Союз стремится к более тесным отношениям с Таджикистаном, направляя это сотрудничество на поддержку перехода экономики страны, продвигая открытый процесс устойчивого человеческого и экономического развития. «В рамках Программы ТАСИС по оказанию Технической помощи в Таджикистане, начиная с 1992 г.. реализовывались проекты в различных секторах: сельское хозяйство, энергетика, транспорт, развитие бизнеса, статистика, водные ресурсы, образование. Реализация последних межгосударственных проектов ТАСИС, начатая в 2001 г.. закончилась в 2010 году. Одним из таких организаций является Культурный центр «Бактрия». Это учреждение действует в столичном Душанбе, основанное в декабре 2001 года. Французская гуманитарная организация по развитию АКТЕД основала это учреждение для поддержания и развития культурных, образовательных и творческих инициатив» [360, С. 169], – отмечала Солиходжаева С.А. в статье «О поездке Таджикистана по низким ценам в Союзе».

Также эксперт указала на то, что «в Таджикистане хорошо знакомы с ДААД (Германской службой академических обменов) и Фондом им. Ф. Эберта, они более активны, чем другие немецкие фонды, например Фонд Аденауэра и Г. Хенкеля. С каждым годом расширяются научные связи Таджикистана со странами Европы. Сегодня, к примеру. Институт астрофизики АН РТ сотрудничает с Ураноскопом Франции, Агентство по ядерной и радиационной безопасности АН РТ поддерживает связи с МАГАТЭ, СТВТО, Комиссией Евросоюза по вопросам радиационной безопасности. Институт зоологии и паразитологии имеет связи с Международной организацией «Фауна и флора». Союзом охраны природы и биоразнообразия Германии (NHM), Лондонской школой гигиены и тропической медицины (LSHTM)» [360, С. 169].

Очень интересной и полезной стала информация Солиходжаевой С.А., где она сообщает «о сотрудничестве между Таджикистаном и Европейским Союзом в сфере образования осуществляется в рамках программ Европейского Союза Темпус, Эразмус Мундус и Эразмус+, которые

способствуют развитию сотрудничества между Таджикистаном и Европейскими университетами и реализации образовательных и обменных программ. Республика Таджикистан сотрудничает с Европейским Союзам также в рамках инициативы «Глобальные ворота». Цифровые технологии, энергетика и климат, транспорт, здравоохранение, образование и исследования – пять основных областей европейских инвестиций. Таджикистан участвует в мероприятиях высокого уровня, форумах, дискуссиях и встречах, посвященных «Глобальные воротам». В рамках конкретных межрегиональных и двусторонних программ по предотвращению угроз Европейский Союз с 2003 года запустил ряд проектов региональной безопасности посредством Программы по управлению границами в Центральной Азии (БОМКА) и Программы по предотвращению незаконного оборота наркотиков в Центральной Азии (КАДАП). С 2020 года ЕС финансирует реализацию проекта «Стабилизация южных границ Таджикистана с Афганистаном» для поддержки и укрепления потенциала Пограничных войск и Комитета по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне Республики Таджикистан» [282].

Взаимодействие сторон на практике осуществляется в рамках продвижения демократических ценностей на территории Таджикистана. Говорить о широком спектре сотрудничества не приходится. По всей видимости Таджикистан не притягивает интерес из-за своего географического расположения и политико-экономического российского влияния, а также сформировавшихся внутриполитических аспектов в управлении страной.

Как и в случае поиска цифровых, количественных данных о торговых оборотах, инвестициях таджикско-американских отношений таджикские сайты блокируют такие сведения и по таджикско-китайскому сотрудничеству. Обрывистые данные из доступных источников не смогут дать полную картину, однако предпринимаемая попытка изучить и проанализировать взаимоотношения двух заявленных стран по имеющимся данным из доступных источников информации.

Таджикистанский интернет-ресурс Vecherka.tj сообщил, что «Китай во внешней политике Таджикистана занимает одну из ведущих позиций. С 2007 года до второго квартала 2025 года Китай инвестировал в экономику Таджикистана $5,1 млрд. Китайские средства в основном направлялись в добывающую и обрабатывающую промышленность, геологоразведку, легкую промышленность, связь, строительство, а также установку оборудования. На сегодняшний день в Таджикистане работают более 700 компаний с участием китайского капитала» [179].

Reporting the Changing World дал информацию о том, что «Китай в 2007-2023 годах вложил в экономику страны 3,845 миллиарда долларов. Около 70 процентов от этого объема (2,6 миллиарда долларов) составляют прямые инвестиции» [185]. Российский интернет-ресурс Finmarket сообщал, что «прямые инвестиции Китая в экономику Таджикистана в 2025 году

составили $294,1 млн, это 57,7% от общего объема прямых инвестиций, поступивших в республику в 2024 г. В 2024 году прямые инвестиции Китая в экономику страны составили $261 млн. Таким образом, в 2025 году показатель возрос на 12,7%. Евразийский банк развития (ЕАБР) в своем докладе отмечает, что объем накопленных инвестиций Китая в страны Центральной Азии к середине 2025 года достиг $35,9 млрд, что в 1,5 раза превышает уровень 2020 года» [46].

Китайские инвестиции охватывают «строительство дорог, горнодобывающую отрасль, строительство, геологические и горнодобывающие исследования, установку технологического оборудования, промышленность и другие сектора. Китай также участвует в инфраструктурных проектах, таких как строительство автомагистралей, тоннелей и линий электропередач. Стратегически важные дороги Душанбе-Чанак, Душанбе-Куляб, Душанбе-Турсунзаде, северо-южная линия электропередач высокого напряжения и тоннели «Шахристан», «Дусти», «Хатлон» и «Озоди» были построены при участии и на средства китайских компаний. В Таджикистане сейчас работает более 600 китайских компаний, большинство из которых занимается добычей золота, серебра, меди, производством стройматериалов и цемента. Три китайских компании, работающие в цементной отрасли, производят 85% от всего цемента в Таджикистане. Благодаря китайским компаниям республика стала крупнейшим экспортером цемента в Центральной Азии», – отмечает Reporting the Changing World.

Информационное агентство Азия Плюс дало интересную информацию о том, что «таджикско-китайский двусторонний товарооборот в январе-августе этого года достиг $1 млрд 658 млн, что почти на 40% больше по сравнению с этим же периодом 2024 года, сообщает статагентство страны. Экспорт таджикской продукции в Китай сложился на сумму чуть более $270 млн, а импорт китайских товаров в Таджикистан составил около $1 млрд 388 млн. Доля товарооборота с Китаем в общем объеме внешнеторгового оборота Таджикистана составила около 25%. По итогам января-июля этого года Китай впервые обошел по товарообороту Россию, которая на протяжении 25 лет являлась бессменным лидером по этому показателю. За 8 месяцев объем таджикско-российского товарооборота составил около $1 млрд 440 млн. Это на 13,5% больше, чем за такой же период прошлого года. Доля России во внешнеторговом обороте Таджикистана составил 21,4%. Существенно сократился объем торговли с Казахстаном, хотя эта страна пока твердо удерживает 3 строчку. Таджикско-казахский товарооборот за восемь месяцев составил $758 млн, что на 13,1% меньше соответствующего периода 2024 года. В целом, внешнеторговый оборот Таджикистана в январе-августе этого года составил $6 млрд 730 млн, что на 16,8% больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Экспорт товаров из Таджикистана составил $1 млрд 634 млн, а импорт – $5 млрд 96 млн. Таджикистан с начала года имел торговые отношения с 113 странами мира» [145].

Согласно официальной информации, «за первые пять месяцев 2025 года объем торговли между Китаем и Таджикистаном составил $964 млн. Это на 31% больше по сравнению с тем же периодом 2024 года. Из этой суммы $177 млн пришлись на таджикский экспорт, а $787 млн – на импорт из Китая. Доля КНР в общей структуре внешней торговли республики достигла 24,8%. Китайские компании участвуют в проектах в энергетике, строительстве, телекоммуникациях, добыче полезных ископаемых и производстве стройматериалов. Китай также финансирует инфраструктурные проекты, включая дороги, тоннели и линии электропередачи. Компании с китайским капиталом входят в число крупнейших налогоплательщиков страны. КНР остается крупнейшим внешним кредитором Таджикистана. На начало 2025 года долг перед Китаем составлял $1 млрд – около трети внешнего долга республики» [183], – сообщало Trtrussian.

На официальном сайте Министерства иностранных дел Республики Таджикистан сообщается, что «являясь одним из государств-основателей и активным участником ШОС, Таджикистан вносит конструктивный вклад в укрепление многопланового сотрудничества и повышение имиджа данной Организации. В частности, усилия страны направлены на дальнейшее укрепление политического диалога в духе взаимного уважения, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества, в том числе с государствами – партнерами по диалогу» [387].

Китай поступательными движениями реализует программу «Один пояс, Один путь» в государствах Центральной Азии, в том числе и Таджикистане. Из доступных источников известно, что Таджикистан импортирует огромное количество товаром из Китая, при этом показатели экспорта очень низкие. Это указывает на то, что горной республике необходимо учитывать национальные интересы и стремиться развивать отечественное производство и не попадать в зависимость китайских товаров. Одной из площадок глубокого и тесного сотрудничества двух стран выступает ШОС в рамках, которой Таджикистан сотрудничает в том числе с Китаем по борьбе наркотрафиком, терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Отношения между Таджикистаном и Ираном сообщает Tj.sputniknews.ru «выстраиваются в контексте развития энергетики и транспортной сети постсоветской республики. Тегеран занимает пятое место в рейтинге партнеров, а в 2025 году двусторонняя торговля достигла 500 млн долларов, что на 28% больше, чем в 2024 году. В настоящее время 170 производственных предприятий работают с использованием иранского капитала, и эта тенденция растет. Иранские бизнесмены заинтересованы в инвестициях в горнодобывающую, фармацевтическую, текстильную и другие отрасли» [403].

Две страны ведут тесное сотрудничество практически по всем направлениям. «Этнокультурные и языковые сходства между Ираном и Таджикистаном также играют значительную роль в обеспечении тесных связей между двумя народами. Также фактором, стимулирующим

сотрудничество между Таджикистаном и Ираном, является растущее значение Международного транспортного коридора Север-Юг (INSTC), соединяющего Россию и Индию. INSTC призван помочь России обеспечить доступ к азиатским рынкам (в первую очередь к Индии), поскольку санкции мешают России полагаться на другие маршруты. Недавно Иран инициировал многосторонний транзит товаров из России в Индию через Международный транспортный коридор Север-Юг (INSTC). В связи с отсутствием выхода к морю Таджикистан, как и другие страны региона, заинтересован в использовании транспортного коридора» [265], – отмечено на официальном сайте Евразийского исследовательского института.

Проблемы безопасности – одна из важных сфер сотрудничества Таджикистана и Ирана. Евразийский исследовательский институт также сообщает, что «в мае 2022 года Иран открыл свой первый завод по производству беспилотников в Таджикистане, который будет производить и экспортировать Ababil-2, многоцелевой беспилотник с разведывательными, боевыми и самоубийственными возможностями, который недавно использовался российскими войсками в российско-украинской войне. война. Недавний саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), состоявшийся в Самарканде 15-16 сентября 2022 года, открыл новые возможности сотрудничества для Таджикистана и Ирана, поскольку последний подписал меморандум о присоединении к организации. Тогда ШОС может служить дополнительной основой для сотрудничества между Таджикистаном и Ираном» [265].

Следует отметить, что «объем внешней торговли между Таджикистаном и Ираном в 2024 году составил 378 миллионов долларов. Однако представители экономических блоков двух стран подчеркивают, что такие показатели по сравнению с имеющимися возможностями незначительны. Поэтому принимаются меры для увеличения торговли и привлечения большего объема инвестиций» [496], – отмечает, интернет-ресурс Pressa.tj.

В 2024 году «товарооборот достиг 377,7 миллиона долларов - почти на 50 процентов больше, чем годом раньше. За первые три месяца 2025 года он вырос на 42,9 процента и составил 110,6 миллиона долларов. Страны ставят перед собой амбициозную цель - довести объём торговли до 1 миллиарда долларов. Для этого потребуется не просто постепенный рост, но и серьёзные изменения в торговой инфраструктуре, финансовых механизмах и диверсификация в направлении новых, более прибыльных отраслей. Подписанные в январе и мае 2025 года соглашения должны помочь раскрыть большой неиспользованный потенциал в сотрудничестве» [296], – сообщает Turkic.world.

Reporting the Changing World сообщал, что «в январе 2025 года в ходе официального визита президента Ирана Масуда Пезешкиана в Душанбе стороны подписали 23 соглашения о сотрудничестве. Отдельное внимание было уделено расширению логистического взаимодействия через иранский

порт Чабахар и упрощению процедур на границе. Кроме того, в феврале 2025 года вступил в силу безвизовый режим между двумя странами при авиаперелетах. Граждане Ирана и Таджикистана получили право находиться на территории другой страны до 30 дней в течение 90-дневного периода без получения визы» [385].

«Сангтудинская ГЭС-2 в Хатлонской области Таджикистана является краеугольным камнем ирано-таджикского энергетического сотрудничества. Turkic.world отмечает, что «общий бюджет строительства оценивался в 220 миллионов долларов США, из которых Иран предоставил льготный кредит в размере 180 миллионов долларов, а правительство Таджикистана вложило 40 миллионов долларов. Иранская компания Sangob выступала подрядчиком и оператором станции» [296].

В транспортной сфере особое внимание уделяется развитию транзитных маршрутов и обеспечению доступа к морским портам. «Тоннель «Истиклол» длиной около 5 километров, который находится примерно в 80 километрах к северо-западу от Душанбе соединяет центральные и северные регионы Таджикистана, позволяя сократить время в пути между Душанбе и Худжандом. Стоимость проекта оценивалась в 39 миллионов долларов. Иран выделил дополнительно 5,5 миллиона долларов для завершения второго этапа. Таджикистан заинтересован в использовании портов Чабахар и Бандар-Аббас, чтобы выйти на международные торговые маршруты. Одновременно с этим Таджикистан развивает железнодорожное сообщение. В мае 2025 года был подписан меморандум о взаимопонимании между Таджикскими и Иранскими железными дорогами, касающийся транзита иранских вагонов через территорию Таджикистана. В Иране также планируют расширять свою железнодорожную сеть, чтобы соединиться с городами Центральной Азии, включая Душанбе» [296], – отмечает Turkic.world.

На официальном сайте Республики Таджикистан говорится о том, что «Душанбе и Тегеран нашли направления сотрудничества, однако, конфликт с США и Израилем на время противостояния заморозил все двусторонние проекты. Сотрудничество Таджикистана и Ирана характеризуется как глубокое стратегическое партнерство, основанного на общности культурного кода, языка. Экономическое сотрудничество вышло за рамки простой торговли и трансформировалось в промышленную кооперацию. Создание совместных предприятий стало ключевым достижением. Иранский капитал и технологии повлияли на модернизацию таджикского промышленного сектора. Транспортно-логистический сектор остается основой двусторонних связей. Использование транзитного потенциала Ирана открывает Таджикистану доступ к морским торговым путям, что критически важно для страны, не имеющей к океану. Транзитный выход Таджикистана через территорию Ирана превращает республику в значимое звено, связывающее Центральную Азию рынками Востока и Южной Азии. Важное направление сотрудничества – это сфера безопасности, где совместными усилиями страны

противодействуют угрозам терроризма и нестабильности в регионе. Военно-техническое сотрудничество укрепляет оборонный потенциал двух стран. Введение безвизового режима для авиапассажиров и расширение образовательных программ закладывают прочную основу для межличностных контактов, делая процесс сближения двух государств необратимым и всеобъемлющим.

В развитии экономического сотрудничества между двумя Таджикистаном и Турцией играет важную роль Межправительственная комиссия двух стран по экономическому сотрудничеству. На официальном сайте Министерства иностранных дел отмечается, что «за 2007-2024 годы в различные отрасли экономики Республики Таджикистан, особенно в промышленность, сферу услуг и торговлю, было привлечено более 285 млн. долларов США турецкого капитала, в том числе 151,6 млн. долларов США прямых инвестиций. За одиннадцать месяцев 2025 года объём внешнеторгового оборота Республики Таджикистан с Турецкой Республикой составил 376 млн 559,4 тыс. долларов США, из которых 198 млн 391,0 тыс. долларов пришлось на экспорт, а 178 млн 168,4 тыс. долларов – на импорт. Турецкая Республика занимает пятое место среди основных торговых партнёров Республики Таджикистан по объёму экспорта», – сообщает веб-страница МИДа Таджикистана [283].

Близкие доверительные связи двух стран описываются в статье Атамали К.Е. «Турция и Таджикистан: эволюция двусторонних отношений», где автор отмечает, что «на международной политической арене Таджикистан и Турция демонстрируют взаимную солидарность и нацеленность на тесное сотрудничество в разных областях: от коммерции до национальной безопасности. Два государства традиционно разделяют общие взгляды и цели в вопросах региональной и международной политики» [19].

Интернет-ресурс Agroinform Asia отмечает, что «экономическое и торговое сотрудничество является одним из важнейших направлений взаимоотношений между двумя странами. С 2017 г. Турция и Таджикистан неоднократно объявляли о намерении добиться товарооборота в 1 млрд долл» [384], однако пока «целевых объемов двусторонней торговли достичь не удалось. В 2021 г. Турция оставалась пятым торговым партнером страны. В ноябре 2022 г. была подписана дорожная карта по увеличению товарооборота на 2023–2025 гг. Ставка была сделана на создание совместных текстильных и сельскохозяйственных предприятий, а также заводов по производству алюминия, строительных материалов и чистящих средств» [386], – было отмечено в интернет-ресурсе Mk-turkey.ru.

Мухаммед Алрмизан (Mohammed Alrmizan) в своей статье Турецкая внешняя политика в Центральной Азии в эру правления Эрдогана («Turkish Foreign Policy in Central Asia in the Era of Erdoğan») отметил, что «объем экспорта из Турции в Таджикистан значительно сократился в середине 2010-х годов, а восстановился до показателей 2013 г. и стал расти только в начале 2020-х годов. На 2020 г. объемы двусторонней торговли оставались

скромными, достигнув лишь 322 млн долл.; подобные показатели делают данное торговое партнерство наименее значимым из всех между Турцией и государствами ЦА» [543]. По мнению экспертов, «это было связано с уменьшением объема внешней торговли Таджикистана в целом. В частности, было зафиксировано снижение импорта древесины, древесных изделий, минеральных веществ, средств передвижения и продуктов питания. Что касается экспорта, из Таджикистана сократился вывоз хлопка, ценных металлов, продуктов животного и растительного происхождения, а также драгоценных и полудрагоценных камней» [321], – сообщает Asiaplustj.info.

«По экспорту из Турции в Таджикистан лидирует машинное оборудование, куда входит сельскохозяйственное и строительное оборудование, бойлеры, помпы и т.д. На втором месте электронное оборудование», отметил Сабахаттин Гунай в своей статье «Формирования культурных отношений Турецкой Республики с Республикой Таджикистан» [341, СС. 329-332], а «на третьем – ювелирные изделия. Следует отметить большие объемы экспортируемых пластиковых изделий (начиная пластиковыми трубами и заканчивая одноразовыми тарелками), а также предметов одежды (в общей сложности почти 40 млн долл.). Среди других товаров можно выделить изделия из металла (9,7 млн долл.); эфирные масла, парфюмерию и косметику (8,2 млн долл.); мебель (8,1 млн долл.); мыло и чистящие средства (7,3 млн долл.); текстильные изделия (7,1 млн долл.); фрукты, овощи и орехи (6,1 млн долл.); химикаты (5,9 млн долл.); древесину, в частности, древесноволокнистые плиты (5,5 млн долл.)» [556], – сообщает Tradingeconomics.com. Примечательно, что «в 2022 г. экспорт изделий из пластика из Турции резко возрос2 ; в 2023 г. в Таджикистан было ввезено турецких пластиковых изделий на сумму около 27 млн долл., что на 80% больше показателей 2022 г.» [557], – сообщает Global Import Export Data Provider.

По данным Сабахаттин Гунай, приведенным в статье «Формирования культурных отношений Турецкой Республики с Республикой Таджикистан», отмечено, что «за последние 20 лет Турция инвестировала около 300 млн долл. в таджикистанскую экономику. Кроме того, одно только Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA)» [341, СС. 329-332] «реализовало свыше 100 проектов на сумму 30 млн долл. Упор делается на образовательные проекты, сотрудничество с вузами Таджикистана, социальные проекты и здравоохранение» [259], – сообщает интернет-ресурс Russiancouncil.ru. «Душанбе активно привлекает турецкий капитал, предоставляя потенциальным инвесторам широкие возможности, особенно в плане налоговых и таможенных льгот. Турецкие компании участвовали в тендерах по различным проектам на сумму 500 млн долл. Наблюдается тенденция к росту турецких денежных вливаний в Таджикистан. В стране функционирует свыше 90 компаний с совместным или полностью турецким капиталом. Создание совместных промышленных предприятий на базе местного сырья являются приоритетным. Примерами подобного

сотрудничества являются Coca-Cola İçecek A.Ş. и AKIA. Ведутся переговоры о строительстве других совместных заводов» [532], – сообщает интернет-ресурс Businessdiplomacy.net. «Среди прочих проектов можно отметить ТЦ «Кайнак» в Душанбе, который был возведен при участии турецкого капитала; также различные турецкие строительные компании отвечали за крупные проекты в Таджикистане, в том числе занимались сооружением гостиничного комплекса Hyatt Regency», сообщает Cabar.asia в статье «Приоритеты и акценты в таджикско-турецких отношениях» [318].

В 2024 г. военно-техническое сотрудничество между двумя странами вышло на новый уровень, считает Атамали К.Е. в своей статье «Турция и Таджикистан: эволюция двусторонних отношений», он отмечает, что, «когда Анкара согласилась выделить Таджикистану 1,5 млн долл. на приобретение БПЛА, а также финансировать подготовку таджикистанских солдат в турецких военных учреждениях. В соглашении отдельно прописано, что Душанбе не имеет право передавать закупленные на эти средства турецкие боеприпасы и оборудование третьим странам. Кроме того, проводятся совместные боевые учения, в том числе с использованием БПЛА. Так, в январе и феврале 2025 г. в Турции состоялись международные учения Kış-2025, в которых приняли участие военные из 20 стран, в том числе из Таджикистана» [19].

Таким образом, отношения двух стран можно обозначить как стратегическое партнерство. Турция оказывает финансовую поддержку Таджикистану с целью получения центральноазиатского плацдарма для осуществления своей внешней политики в регионе Центральной Азии. Взаимоотношения основаны также и на сложившихся традиционных связях. Особые отношения наблюдаются и в военно-техническом сотрудничестве в связи с поставками беспилотников. Анкара поддерживает развитие промышленного сектора Таджикистана.

Отношения между Таджикистаном и Японией направлено на строительство долгосрочного партнерства с устойчивым развитием и укреплением региональной стабильности. Политический диалог между странами характеризуется отсутствием противоречий и близостью позиций по основным вопросам международной повестки. Взаимодействие на платформе «С5+1» позволяет странам координировать усилия по обеспечению безопасности и процветанию региона. Сотрудничество также дополняется двусторонними контактами.

Добринская О.А. в статье «Особенности отношений Японии и Таджикистана на современном этапе» отметила, что «готовность Японии оказывать всевозможную поддержку Таджикистану была позитивно оценена руководством этой страны. В проектах помощи региону возросло внимание к вопросам безопасности и регионального взаимодействия, включающего Афганистан. Совместно с управлением ООН по наркотикам и преступности Япония финансировала проекты по управлению границами. Она выступила одним из основных доноров Колледжа персонала пограничных служб ОБСЕ

в Душанбе, курсы которого посещали не только сотрудники пограничных служб государств-участников, но и Афганистана» [90, С. 856].

«Региональное многостороннее сотрудничество «С5+1» действует с 2004 года. Важное значение в укреплении двустороннего сотрудничества имеет деятельность Японского Агентства по международному сотрудничеству (JICA), которое с августа 2006 года вносит заметный вклад в развитие социальных сфер Таджикистана» [83], – отмечено на официальной странице сайта Министерства иностранных дел Республики Таджикистан.

В своей статье «Особенности отношений Японии и Таджикистана на современном этапе» автор – Добринская О.А., отметила, что «среди множества проектов, реализованных в Таджикистане с японской помощью, можно выделить восстановление автомобильных дорог, на которые приходится около 65% внутренних грузовых и 99% пассажирских перевозок. Это проекты по улучшению состояния участков дороги «Дусти-Нижний Пяндж», связывающей Таджикистан с Афганистаном; реконструкция дороги, связывающей Дусти с крупнейшим городом Хатлонской обл. «Курган-Тюбэ» и завершение проекта восстановления шоссе «Нижний Пяндж-Дусти-Курган-Тюбе» (2012-2013). С 2014 г. на японские средства ведется модернизация аэропорта в Душанбе» [90, С. 858]. «Товарооборот между двумя странами в 2023 году составил более 108 миллионов долларов США, а в 2024 году – более 109 миллионов долларов США» [83], – сообщает официальная интернет-страница МИДа РТ.

Усиление конфликта между Украиной и Россией сделали Центральную Азию, в том числе Таджикистан, привлекательным регионом для Страны восходящего солнца. Транспортный и ресурсный потенциал основные интересы Токио в центральноазиатском регионе. Япония не стремится опередить всех партнеров центральноазиатских стран инвестициями, она прагматично нацелена занять свое место. На этом фоне японский подход выделяется несколькими особенностями. Токио не может конкурировать с Китаем по объему инвестиций, с США по масштабу торговых сделок или с Россией по наличию общих культурных и исторических связей. Вместо этого эксперты отмечают, что «Япония предлагает центральноазиатским странам модель «доверительного партнерства» [507].

Таким образом, таджикско-японские отношения – это модель содействия развитию, где основной акцент смещен на инвестирование в человеческий капитал и инфраструктуру. Токио остается для Душанбе партнером в вопросах модернизации государственного сектора, предлагая не финансовые ресурсы, а уникальную японскую методологию управления процессами. Экономическое сотрудничество сфокусировано в основном на решении системных проблем региональной изоляции. Благодаря проектам по улучшению трансграничной логистики, реализуемым при поддержке японских институтов, Таджикистан планомерно интегрируется в систему международных коридоров. Такой подход создает базу для привлечения частных японских инвестиций в добывающую промышленность и

энергетику, которые рассматриваются как перспективные точки роста двустороннего оборота.

Pressa.tj сообщает, что «Министерство транспорта Таджикистана и ряд южнокорейских компаний приступили к реализации крупных проектов в транспортной сфере республики. Переговоры с участием представителей Минтранса РТ, Экспортно-импортного банка Кореи («Eximbank»), «PwC Korea», а также консорциумов «University of Seoul Industry-Academic Cooperation Foundation» и «Sejong Engineering» привели к подписанию Меморандума о взаимопонимании, предусматривающий запуск трёх проектов. Среди них – технико-экономическое обоснование и предполагаемое строительство логистического центра в свободной экономической зоне Куляба, предварительный проект ТЭО второй линии метро в Душанбе (от Государственного цирка до «Восточных ворот») и консультативная поддержка рабочей группы по развитию метро в столице. Проекты реализуются в рамках Программы экономического сотрудничества Экспортно-импортного банка Кореи и рассчитаны на период с ноября 2025 года по июль 2026 года» [388].

Российская «Независимая газета» сообщает, что «Министерство транспорта Таджикистана и Южнокорейское агентство по международному сотрудничеству заключили соглашение о разработке ТЭО проекта железной дороги Джалолиддини Балхи - Нижний Пяндж стоимостью 4 млн долл. Проект предусматривает строительство 51-километровой магистрали, проходящей по территории Республики Таджикистан (РТ) до афганской границы. Важной составляющей станет возведение 28 железнодорожных мостов, которые свяжут две страны» [350].

Парубочная Е.Ф. в своей статье «Корейская публичная дипломатия в Центральной Азии. Кореeведение в России: направление и развитие» отмечала, что «национальные интересы Кореи определялись, прежде всего, экономическими интересами, и предполагали создание плацдарма для продвижения корейских товаров вглубь Евразии, а также обеспечение бесперебойных поставок энергетических ресурсов. Центральная Азия, а в том числе и Таджикистан для Республики Корея выступала, прежде всего, перспективным рынком сбыта собственных товаров и источником энергетических поставок. Для реализации поставленной цели в 2007 году был запущен формат многостороннего сотрудничества в рамках Форума «Республика Корея - Центральная Азия» [292, С. 104].

Эксперт считает, что «в 2021 году после встречи представителей МИД РК и Таджикистана объявили о развитии культурных и образовательных связей в практической плоскости. Для таджикских студентов была упрощена система выдачи виз; квота на получение образования с 2019 по 2021 гг. увеличилась с 9 до 18 человек. Республика Корея стала активно инвестировать в образовательные глобальные проекты в Таджикистане. В апреле 2023 года корейский университет Сынканг, в рамках «Проекта поддержки образования» начал разработку инициативы замены лифтов в

университетах Таджикистана, куда были привлечены две заинтересованные компании Avisena Group и Talco Group, обсудившие также дальнейшие совместное обслуживание данных оборудований и перспективы трудоустройства молодых специалистов в данной отрасли. Таким образом, наблюдается тесный запрос на развитие экономики и образования в Таджикистане при участии корейских специалистов» [292, С. 104].

Министр экономического развития и торговли Республики Таджикистан встретился с новым Директором Агентства международного сотрудничества Кореи KOICA в Таджикистане отметил, что «Республика Таджикистан участвует в различных программах Корейского агентства международного сотрудничества (KOICA), которое является одним из ключевых международных партнеров Таджикистана в сфере устойчивого развития и инноваций» [245]. Хомидов М.М. в своей статье «Отношения Республики Корея и Республики Таджикистан. Кореееведение в России: направление и развитие», отмечал, что «по всем действиям Южной Кореи не сложно понять, что она хочет познакомить мир и близко расположенные регионы с собой, со своей историей, культурой, тем самым войти в этот клуб стран, где пока Китай и Россия увеличивают свое присутствие как в Таджикистане, так и во всей Центральной Азии» [477, С. 145].

Сотрудничество между Таджикистаном и Южной Кореей характеризуется переходом от традиционной технической помощи к полномасштабному экономическому партнерству. Сеул рассматривает Душанбе как важного участника своей стратегии взаимодействия с Центральной Азией, в то время как Таджикистан видит в Корее эталон собственной индустриализации и технологического обновления. Промышленное взаимодействие развивается в контексте создания совместных производств. Южнокорейские компании внедряют современные стандарты управления и энергосберегающие технологии, что повышает конкурентоспособность таджикистанской продукции и способствует созданию высокотехнологичных рабочих мест.

Отношения между Туркменистаном и Россией основываются на принципах стратегического партнерства, подкрепленного историческими узами дружбы. Энергетическая отрасль традиционно выступает центральным звеном двусторонней повестки, превращая государства с большими запасами газа в союзников на глобальном рынке ресурсов. Страны координируют усилия в вопросах добычи, переработки и транспортировки углеводородов.

На официальной интернет-странице Посольства Российской Федерации в Туркменистане сообщается, что «в структуре российских поставок в Туркменистан основная доля поставок приходится на продовольственные товары и с/х сырье (около 40%), металлы и изделия из них (20%), продукцию химической промышленности (18%), машины, оборудование и транспортные средства (14%), древесину и целлюлозно-бумажные изделия (6%). Из Туркменистана на российский рынок поставляются текстиль, изделия из него и обувь (20%), продовольственные

товары и сельскохозяйственное сырье (15%) и продукция химической промышленности (10%)» [306].

Основной платформой внешнеэкономического партнерства является Межправительственная Российско-Туркменская комиссия по экономическому сотрудничеству (МПК). На этой базе взаимоотношений рассматриваются перспективы сотрудничества в торговой, транспортной и банковской сферах, энергетике, промышленности и сельском хозяйстве, образовании и науке, здравоохранении, культуре и спорте.

Посольство РФ в РТ сообщает, что «в Туркменистане осуществляют деятельность порядка 190 субъектов экономической деятельности с участием российского капитала, включая представительства и филиалы таких крупных компаний, как ПАО «Газпром», ПАО «Камаз», АО «ПО Возрождение», ПАО «Татнефть», ПАО «Трубная металлургическая компания», ООО «УК «КЭР-Холдинг», ОАО «РЖД», АО «Щелково Агрохим», а также представители АО «Зарубежгеология», АО «Газстройпром», АО ГК «Информтехника и связь», АО «Автозавод «Урал», ООО «УК «Уральская сталь»» [306].

Качелин А.С. в статье «Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной гибкости» отмечал, что «товарооборот между Российской Федерацией и Туркменистаном в 2021 г. составил 865,1 млн долл. США» [176, С. 122]. Интернет-ресурс Asia24.media сообщает, что «товарооборот между Туркменистаном и Россией за 2022 год достиг $1,6 млрд» [406]. Российский интернет-источник Tass.ru указывает на то, что «объем взаимной торговли Туркмении и России за семь месяцев 2024 года в стоимостном выражении вырос на 58% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года» [410]. «Товарооборот между Туркменистаном и Россией за период с января по июль 2024 года составил 770 млн долл США. РФ занимает четвертое место в рейтинге внешнеторговых партнеров Туркменистана» [399], – сообщает Newscentralasia.net.

«Годовой товарооборот в 2025 году между Туркменистаном и Россией превысил 1,6 миллиарда долларов США» [406], – сообщает Business.com.tm. «Приоритетной сферой сотрудничества двух государств всегда была нефтегазовая отрасль, что обусловлено наличием в Туркменистане богатых месторождений углеводородов. Согласно статистическому обзору British Petroleum (BP), Туркменистан является четвертым по величине газовым гигантом в мире с доказанными запасами природного газа в 19,5 трлн кубометров (куб. м) после России (38 трлн куб. м), Ирана (32 трлн куб. м) и Катара (24,7 трлн куб. м). Экономическое развитие Туркменистана во многом зависит от цен на энергоносители, продажа которых на 85% формирует бюджет страны. Благодаря своему географическому положению Ашхабат имеет возможность экспортировать свои богатые запасы природного газа на соседние рынки, такие как Россия, Иран и Китай» [501], – отмечено на интернет-платформе Eurasian-research.org.

Официальный сайт российской компании «Газпром», отмечает, что «Россия с 1991 года является крупным покупателем туркменского природного

газа и осуществляет реэкспорт закупаемого по низкой цене туркменского природного газа в Европу. Поставки природного газа между Россией и Туркменистаном были закреплены в 2003 году 25-летним контрактом, который предусматривает передачу природного газа с 5 млрд куб. м в год на первом этапе до 70-80 млрд куб. м в год в Россию [529]».

Кузьмина Е. в 2012 году в статье «Туркменистан на современном этапе: проблемы и возможности развития» писала, что «транспортировка природного газа в Россию осуществляется по газопроводу Средняя Азия-Центр мощностью 45 млрд куб. м в год. Но взрыв газопровода, по которому туркменский газ поступал в Россию, российско-украинский газовый конфликт и сокращение поставок газа в страны Западной Европы привели к тому, что Россия прекратила импорт газа из Туркменистана в 2009 году. Приостановка Россией импорта туркменского газа более чем на полгода привела к снижению его добычи в Туркменистане, когда было остановлено около 150 скважин» [209, СС. 75-91].

В связи с этим, «власти Туркменистана стали активно проводить политику диверсификации маршрутов экспорта углеводородов, развития нефтегазового сотрудничества с Китаем и Ираном. Россия возобновила импорт газа из Туркменистана в 2010 году, но постепенно сокращала закупки туркменского газа, в 2016 году российский «Газпром» решил полностью отказаться от импорта газа, мотивируя это решение «изменившейся конъюнктурой на международном рынке газа». Однако разногласия в основном касались цен на газ, по которым обе стороны не смогли договориться» [501], – сообщало Eurasian-research.

«В 2025 году развитию внешнеэкономического взаимодействия в торговой, транспортной, аграрной и индустриальной сферах, а также сотрудничеству в областях образования, здравоохранения, культуры, туризма и спорта способствовали многочисленные контакты ведомств и бизнеса, которые проходили как на площадках конгрессных мероприятий, так и на базе Торгового представительства Российской Федерации в Туркменистане. Взаимные заинтересованности в реализации совместных инфраструктурных проектов и планы развития сотрудничества зафиксированы в Протоколе 13-го заседания МПК, которое состоялось в Ашхабаде 13 октября 2025 года» [306].

«В 2019 году руководство «Газпрома» объявило о возобновлении закупок газа в Туркменистане, подписав пятилетний контракт, правда, со скромным годовым объемом в 5,5 млрд куб.м. Дрейф России в сторону Туркменистана связан скорее с интересами обеспечения безопасности, чем с желанием приобрести туркменский газ. При этом эксперты отмечают, что у России нет необходимости закупать газ у Туркменистана из-за проблем с его окупаемостью» [69]. «Следовательно, причины возобновления импорта туркменского газа Россией носят политический характер. Россия рассматривает туркменский газ как инструмент – в обмен на внешнеэкономические и внешнеполитические уступки со стороны Туркменистана», считает Панфилова В. в статье «Россия возобновит закупку

туркменского газа» [289]. Эксперты Eurasian-research.org считают, что «возобновляя закупки туркменского газа, Россия рассчитывает на лояльность туркменского руководства в вопросах безопасности, что предполагает тесную координацию деятельности спецслужб, правоохранительных органов и постоянный обмен информацией» [501].

Смирнов С. в статье «Пузырь» газового счастья в Туркменистане», считает, что «возвращение «Газпрома» в Туркменистан может решить две основные задачи российской внешней политики в Центральной Азии. Во-первых, блокируется возможность усиления позиций третьих стран в регионе. Во-вторых, Россия получает шанс наполнить «Турецкий поток» туркменским газом, что, в свою очередь, снизит транспортные расходы и позволит перенаправить газ с месторождений Ямала и Западной Сибири на проекты Северный поток - 2 и Балтийский СПГ» [357], – считает аналитик.

Российский аналитик Качелин А.С. считает, что «если раньше экономические интересы «Газпрома» сводились только к транзиту туркменского газа на внешний рынок, то сегодня Российская Федерация заинтересована и готова принять участие в реализации проекта строительства экспортного магистрального газопровода «Туркменистан - Афганистан - Пакистан - Индия» (далее – ТАПИ), строительство которого Туркменистан уже начал на своей территории» [176, С. 122]. «В то же время Россия и Туркменистан наметили перспективы торгово-экономического взаимодействия в топливно-энергетической, химической, строительной сферах и в области цифровых технологий. Кроме того, зафиксирована позитивная динамика грузоперевозок по восточной хорде МТК «Север-Юг» и необходимость дальнейшего развития мультимодального коридора, включая его морской маршрут» [306], – было отмечено Посольством Российской Федерации в Туркменистане.

Сотрудничество двух стран обусловлено тем, что в условиях туркменистанского нейтралитета, Россия стремится занять важные позиции в отношениях с Туркменистаном в конкуренции с ведущими странами мира. Конкуренция связана с большими газовыми месторождениями туркменского газа, где Москва стремиться стать основным партнером по разведке, разработке, переработке и реэкспорте ашхабадского газа. Кроме того, в условиях сложившейся санкционной политики в отношении России, Туркменистан стал важнейшим звеном транзита. Через него проходит ветка коридора «Север-Юг», которая связывает Россию с портами Ирана и далее с Индией. Особо следует отметить, что Туркменистан, граничащий с Афганистаном, является буфером для безопасности всего постсоветского пространства, в том числе и России.

«В туркменско-китайских отношениях необходимо отметить, что к началу 2009 года в Туркменистане было зарегистрировано 17 туркмено-китайских совместных предприятий, в рамках которых осуществлялось более 46 инвестиционных проектов» [168], – отмечено на сайте информационной ленты Ru.eureporter. Интернет-источник Business.com сообщает, что «к концу

августа 2024 года китайские компании инвестировали в проекты Туркменистана 4,18 миллиарда долларов США» [186]. «Китайская национальная нефтегазовая корпорация CNPC инвестировала в Туркменистан более 9,4 млрд долл США» [195], – сообщило интернет-издание Business.com.

Интернет-издание Business.com.tm также сообщает, что «товарооборот между Туркменистаном и Китаем в январе-декабре 2025 года составил $10 млрд. 46 млн. 52 тыс. долларов, сообщает Главное таможенное управление Китая. Только в декабре 2025 года взаимный товарооборот между двумя странами $879 млн. 911 тыс. долларов. Туркменский экспорт составил большую часть товарооборота. За период январь-декабрь Туркменистан экспортировал в Китай продукцию на сумму $8 млрд. 446 млн. 482 тыс. долларов. За тот же период Туркменистан импортировал китайских товаров на сумму около $1 млрд. 599 млн. 570 тыс. долларов. Китай в 2025 году импортировал природный газ из Туркменистана на 8,41 млрд долларов США» [512].

«Фундаментом туркмено-китайских отношений всегда был природный газ. С момента ввода в эксплуатацию трубопровода, соединившего две страны в декабре 2009 года, Туркменистан ежегодно поставляет в Китай около 40 миллиардов кубометров газа. К марту 2026 года по этому трубопроводу было поставлено почти 460 миллиардов кубометров природного газа – совокупный показатель, с которым могут сравниться немногие энергетические партнерства в мире» [432], – сообщает Newscentralasia.net.

Мухамедов Р. В своей статье «Туркменистан – Россия: прорывы и пределы сотрудничества» отметил, что «торговля газом с Китаем, который стал основным покупателем туркменского газа и был его единственным покупателем с 2017 по 2019 год, не была особенно прибыльной, несмотря на большие объемы, поскольку Ашхабаду приходилось погашать китайские инфраструктурные кредиты» [249]. «Возобновление импорта газа «Газпромом» было первоочередной задачей для Ашхабада, поскольку это могло смягчить его финансовые трудности. Возобновление деятельности, пусть и в небольших объемах, поможет генерировать столь необходимые денежные потоки и стабилизировать внутреннюю экономическую ситуацию. Кроме того, это усиливает позиции туркменской стороны в переговорах с Китаем об экспортных ценах на газ, поскольку у последнего уже нет полной закупочной монополии» [501], – отмечали аналитики интернет-издания Eurasian-research. В то же время в ходе переговоров с CNPC как отметило Newscentralasia.net «упоминался проект газопровода ТАПИ (Туркменистан - Афганистан - Пакистан - Индия) как еще одно измерение стратегической региональной взаимосвязанности, которое обе стороны считают значимым» [432].

В настоящее время Китай остается стабильным и предсказуемым партнером для Туркменистана. Глубокая заинтересованность газовыми

ресурсами сопровождается инвестициями в газовый сектор Туркменистана. Китай также заинтересован в географическом расположении Туркменистана, имеющего выход на Каспийское море. Центральноазиатская республика имеет перспективу стать транспортным и логическим хабом, связывающим Центральную Азию с рынками Каспия и Ближнего Востока.

«В Туркменистане функционирует 180 проектов, в которых участвуют американские компании, общая стоимость которых составляет $3,3 млрд. Товарооборот между Туркменистаном и США в 2022 году составил $38,7 млн, а за 10 месяцев 2023 года - $65,12 млн» [194], – сообщали аналитики Business.com. Office of the United States Trade Representative сообщает, что «общий объем торговли услугами США с Туркменистаном (экспорт плюс импорт) в 2024 году составил примерно 125 миллионов долларов. Экспорт услуг США в Туркменистан в 2024 году составил 118 миллионов долларов, что на 131,4 процента (67 миллионов долларов) больше, чем в 2023 году. Импорт услуг США из Туркменистана в 2024 году составил 7 миллионов долларов, что на 16,7 процента (1 миллион долларов) больше, чем в 2023 году» [426].

«Общий объем торговли товарами США с Туркменистаном в 2025 году составил примерно 152,7 млн долларов. Экспорт товаров США в Туркменистан в 2025 году достиг 113,3 млн долларов, что на 43,6% (34,4 млн долларов) больше, чем в 2024 году. Импорт товаров США из Туркменистана в 2025 году составил 39,4 млн долларов, что на 169,0% (24,8 млн долларов) больше, чем в 2024 году. Профицит торгового баланса США с Туркменистаном в сфере услуг в 2024 году составил 111 миллионов долларов, что на 146,7 процента (66 миллионов долларов) больше, чем в 2023 году» [426], – было опубликовано на официальной странице Office of the United States Trade Representative.

Качелин А.С. в своей статье «Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной гибкости» отметил, что «особое внимание к Туркменистану проявляют США и Великобритания, лоббируя обсуждаемый более четверти века проект строительства Транскаспийского газопровода по дну моря общей протяженностью 77 км, который должен соединить два оффшорных газовых месторождения в Каспийском море - Азери - Чираг - Гюнешли в Азербайджане и Банка Ливанова в Туркменистане. Основная цель данного проекта заключается в ослаблении роли Российской Федерации в Прикаспийском регионе посредством перенаправления части добываемого природного газа из Средней Азии через территорию Азербайджана, Грузии и Турции в Западную Европу» [176, С. 122].

На официальной странице Посольства США в Туркменистане отмечено, что «Туркменистан и Соединенные Штаты Америки участвуют в работе ряда международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций, Совет Евро-Атлантического Сотрудничества, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Международный

валютный фонд, Мировой банк и Международное агентство по атомной энергии. Туркменистан является участником программы «Партнерство ради мира» Организации Североатлантического договора» [308].

Там же отмечено, что «С5+1 – это региональная дипломатическая платформа Правительства Соединенных Штатов и Правительств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан (С5). С5+1 укрепляет координацию действий между США и Центральной Азией для достижения общей цели – независимой, процветающей и защищенной Центральной Азии, которая решает общие проблемы в партнерстве с Соединенными Штатами» [308].

Туркменско-американское сотрудничество – это еще одна сторона многовекторной внешней политики официального Ашгабата. Газовые ресурсы и географическое прикаспийское расположение притягивают внимание США. Конкуренция с Россией и Китаем и перетягивание Туркменистана в сторону сотрудничества со странами коллективного Запада – основная цель Белого Дома. Диверсификация поставок туркменского газа в Китай и Россию по дну Каспийского моря в Азербайджан и далее в Европу – это главное, на чем сосредоточена внешняя политика США, именно с этим связаны двусторонние встречи и инвестиционные пакеты США в Туркменистане.

Торгово-экономическое сотрудничество между Туркменистаном и странами ЕС занимает важное место во внешнеэкономической стратегии Туркменистана. «Страна поддерживает торгово-экономические отношения практически со всеми государствами Европейского союза и активно выступает за расширение взаимовыгодного сотрудничества в торговой, энергетической, транспортной, экологической и гуманитарной сферах» [411], – сообщает источник. «Сотрудничество Брюсселя и Ашгабада подкрепляется регулярными встречами в формате С5+1. ЕС выделил 18 млн евро на поддержку двустороннего сотрудничества с Туркменистаном в 2021-2027 гг.» [560], – сообщает другой источник. «Внешнеторговый оборот Туркменистана и Европейского Союза за 2025 год составил порядка 2,1 миллиарда долларов, а формат взаимодействия охватывает реализацию региональных программ, страновых проектов и целевых финансовых соглашений» [430], – сообщает туркменистанский источник. «В апреле 2025 г. в рамках Саммита ЕС – ЦА Евросоюз выразил готовность инвестировать в общей сложности 12 млрд евро в развитие Транскаспийского транспортного коридора» [205, С. 163], – отмечали в своей коллективной работе Котов А.В., Ведерников М.В. Иванова А.К. Транспортно-энергетический фактор в отношениях ЕС и Туркменистана.

«В условиях разрастающейся конфронтации Европейского Союза и России, Туркменистан рассматривается как новый транспортный коридор и альтернативный поставщик газа в Европу. Евросоюз заинтересован в ресурсах Туркменистана. Энергетическое сотрудничество ЕС с Туркменистаном основано на меморандуме 2008 г., который охватывает вопросы энергетической безопасности, развития инфраструктуры и

энергоэффективности. Создана двусторонняя рабочая группа для поддержания регулярного диалога в том числе по вопросам природного газа», отмечено в статье «ЕС видит в Туркменистане ключевого партнера в газовой диверсификации» (EU Sees Turkmenistan as Key Partner in Gas Diversification)» [526]. В статье «ЕС и Центральная Азия: Новые возможности для более крепкого партнерства» («The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership») отмечено, что «в 2019 г. открыто представительство ЕС в Ашхабаде. После обострения украинского конфликта у Евросоюза появились дополнительные интересы для расширения и углубления сотрудничества с Туркменистаном на фоне стремления снизить зависимость от российских углеводородов» [555].

В статье «Туркменистан подписывает свое первое в истории энергетическое соглашение с ЕС» («Turkmenistan Signs its First-Ever Energy Deal with the EU») отмечено, что «ЕС рассчитывает на поставки туркменского газа через Каспийское море, Азербайджан и Турцию. 20 августа 2023 г. в Будапеште Туркменистан подписал политическое соглашение о поставках природного газа в ЕС» [561]. «Инициатива имеет ограничения, связанные с существующей энергетической инфраструктурой, и возобновляет дискуссии о целесообразности строительства Транскаспийского трубопровода и об увеличении пропускной способности инфраструктуры в регионе Юго-Восточной Европы» [48], – считают аналитики Business.com. Авторы коллективной статьи «Транспортно-энергетический фактор в отношениях ЕС и Туркменистана» Котов А.В., Ведерников М.В. Иванова А.К., отметили, что «документ стал первым официальным шагом ЕС по поддержке планов Туркменистана по экспорту газа. Несмотря на то, что Венгрия не может в одностороннем порядке модернизировать энергетическую инфраструктуру, которая соединяет Туркменистан с западными прикаспийскими странами, растущие потребности в энергоносителях подтверждают значимость Транскаспийского трубопровода. Развитие газовой инфраструктуры потребует времени, но благодаря этому центральноазиатская страна займет значимую роль на европейском рынке энергоресурсов» [205, С. 162].

Сотрудничество между ЕС и Туркменистаном – это оформление диалога по прямым поставкам газа и долгосрочным контрактам в условиях перестройки мирового энергорынка. Экономическое взаимодействие сторон прагматичное и нацелено на набирающий обороты Транскаспийский маршрут. ЕС рассматривает Туркменистан не только как ресурсную базу по поставкам газа, но и как логистический хаб. Тем не менее отношения ЕС и Туркменистана трансформировались и приобрели форму прагматичного союза, где взаимная выгода в вопросах энергетики и транзита служит гарантом стабильности.

Турция является одним из крупнейших торговых партнеров Туркменистана. «В стране зарегистрировано свыше 600 турецких компаний, работающих в сфере торговли, инвестиций, строительстве, энергетики, транспорте, связи, текстильной и перерабатывающей промышленности» [43],

– отмечает интернет-ресурс Turkmenistan. «Турецкие компании реализовали в Туркменистане 1 тысячу 98 проектов общей стоимостью $56 млрд. За период присутствия на туркменском рынке турецкий бизнес участвовал в реализации крупных инфраструктурных проектов. В их числе – электростанции и линии электропередачи, автомагистрали, жилые комплексы и торговые центры, университеты и школы, общественные здания, гостиницы, промышленные объекты, музеи, парки и медицинские учреждения» [425], – отмечают аналитики интернет-источника Business. Интернет-ресурс Turkmenportal отмечает, что «турецкие строительные компании реализовали в Туркменистане проекты общей стоимостью 50,9 миллиарда долларов» [366].

По состоянию на середину 2025 года «объем крупных инвестиций из Турции в Туркменистан достиг $1,1 млрд. Среди приоритетных проектов названы линия электропередачи ТАП (Туркменистан-Афганистан-Пакистан) в Туркменистане, модернизация аэропортов в Алматы и Туркестане, а также крупные инициативы в текстильной и обрабатывающей промышленности» [99], – об этом сообщил Trend со ссылкой на Евразийский банк развития (ЕАБР). Новостной портал Asmannews сообщал, что «товарооборот между странами в 2025 году достиг 2,2 миллиарда долларов» [408].

«Турецкие компании построили множество важных инфраструктурных объектов – электростанции, ЛЭП, автомагистрали, жилье, торговые центры, университеты, школы, общественные здания, гостиницы, заводы, каналы, музеи, парки, больницы и морские порты» [434], – сообщает Centralasianlight. «На завершающем этапе находится строительство высоковольтной линии электропередачи (500 киловольт) Мары ГЭС-Атамурат, которое ведет турецкая компания Lotus Energy» [429], – сообщают источники.

К сожалению, торговые обороты и список товаров, которыми торгуют Туркменистан и Турция не доступен. Это действительно очень распространенная проблема при изучении закрытой экономики Туркменистана. Очень сложно также найти сведения в этом направлении и в турецких СМИ. Чем это обусловлено сложно сказать. По всей видимости сокрытие информации делается с целью сохранения национальной безопасности двух стран.

Иран один из крупнейших партнеров Туркменистана. «Между Туркменистаном и Ираном подписано более 170 межправительственных и межведомственных документов, обеспечивающих динамичное партнерство двух стран по всему спектру политических, экономических, гуманитарных взаимосвязей. В числе осуществленных крупных совместных туркмено-иранских проектов - железная дорога Теджен - Мешхед, 200-км газопровод Корпедже - Курт-Куи, линия электропередачи Балканабат - Али-Абад и другие» [405], – сообщает интернет-источник.

Что касается цифр по торговому обороту между странами, то они практически отсутствуют в открытых источниках. Недоступность таких сведений скорее всего обусловлена информационной закрытостью, либо есть обрывистые данные, из которых сложно выстроить траекторию

индикаторных показателей, например, «товарооборот между двумя государствами увеличился почти в 6 раз, составив в 2002 году 436,5 млн долл. В распределении внешнеторгового оборота Туркмении Иран стабильно занимает 3-е место» [405], – сообщает веб-источник. Однако этого недостаточно для выстраивания логического заключения, необходимого для полноценного исследования.

«Между странами задействована железная дорога Теджен-Серахс-Мешхед. За 10 лет по этой железной дороге в направлении Ирана было перевезено 14 млн. т транзитных грузов, а доход Туркменистана от этих перевозок составил 218 млн. долл. США. В номенклатуре транзитных грузов основное место занимают нефтепродукты, сжиженный газ, строительные материалы, химические удобрения, металлопрокат, текстиль и хлопок. Ранее сообщалось, что в ближайшие годы важность этой дороги ещё более вырастет, т.к. в настоящее время заканчивается строительство новой иранской транзитной железной дороги Керман-Бам-Захедан, которая через железнодорожный пограничный переход Мирджаве технически соединит железнодорожные системы Ирана и Пакистана» [418], – сообщает источник.

В совместной статье Дурдыева Д., Дурдыевой А., Гарачаевой А. «Магистральные газопроводы Туркменистана» отмечено, что «газопровод, который берет свое начало с газового месторождения «Корпедже» в Туркменистане, а длина газопровода до города Гуртгай в Иране составляет 197 километров, в том числе длина газопровода по территории Туркменистана – 132 километра. На основании контракта между Государственным концерном «Туркменгаз» и Газовой компанией Исламской Республики Иран о купле-продаже природного газа, этот газопровод предназначен для подачи до 8 миллиардов кубометров туркменского природного газа в населенные пункты, расположенные в Иране. к северу от Ирана. Протяженность другого газопровод «Долабат-Сарахс-Хангеран» составляет 30,5 километров до поселка Салыр-Яп, который находится на территории Ирана. Проектная мощность газопровода рассчитана на поставку до 12,5 миллиардов кубометров туркменского природного газа в год. По трубопроводам туркменского природного газа, направляемым в Исламскую Республику Иран, действующие в настоящее время газопроводы «Корпедже-Гуртгуй» и «Довлабат-Сарахс-Хангеран» совместно транспортируют до 14 миллиардов кубометров природного газа из Туркменистана в год, Проектная мощность газопроводов – до 20 миллиардов кубометров» [97, СС. 99-100]. Поставки газа из Туркменистана на север Ирана обусловлены тем, что основные запасы расположены у последнего на юге страны и поставлять газ в северные регионы дороже из-за сложного горного ландшафта, чем экспортировать.

«Положительный опыт совместной работы Туркменистана и Исламской Республики Иран в газовой сфере составляет прочную основу для наращивания возможностей двустороннего сотрудничества. В этой связи, в целях дальнейшего укрепления партнёрства в этой области и экспорта

дополнительных объёмов природного газа в Исламскую Республику Иран, на территории Туркменистана будут выполнены работы по прокладке нового газопровода протяжённостью 125 километров и строительству 3 газокомпрессорных станций. Это позволит увеличить текущие объёмы поставок «голубого топлива» в Иран по направлениям Довлетабат-Серахс-Хангеран и через газоизмерительную станцию «Çaloýuk» до 40 млрд кубических метров в год. Туркменской и иранской сторонами был подписан контракт купли-продажи природного газа в объёме до 10 миллиардов кубометров в год. Согласно документу, туркменский природный газ будет поставляться в Республику Ирак транзитом через территорию Исламской Республики Иран по схеме «SWAP» [431], – сообщает Turkmenistan.

Также «Туркменистан планирует строительство линии электропередачи (ЛЭП) напряжением 400 киловольт «Мары-Мешхед (Иран)» и «Балканабат-Алиабад (Иран)». Новые ЛЭП позволят выполнить перспективные планы по экспорту электроэнергии в Иран и Турцию (транзитом через иранскую энергосистему)» [427], – сообщает News.az.

Подводя к общему знаменателю двухстороннее сотрудничество заявленных стран следует отметить, что в основном взаимоотношения выстраиваются в энергетическом и транспортном направлениях. Страны взаимно заинтересованы в том, чтобы выстроить совместную энергетическую взаимодополняемую систему, которая обеспечит национальной энергетической безопасностью. Второе направление это выстраивание транзитных торговых магистралей способных улучшить взаимодействие соседствующих стран и улучшить торгово-экономические показатели по экспорту и импорту товаров со странами, получающими доступ к этим торговым магистралям. Транспортные коридоры – это перспективное направление, которое может диверсифицировать традиционные торговые маршруты с пользой для Туркменистана и Ирана.

Источник Newscentralasia сообщает, что «в Туркменистане зарегистрировано 44 проекта с участием японских компаний по стоимости, превышающие 11 миллиардов долларов США. Также реализуются проекты на сумму около 256 миллионов евро и почти 190 миллиардов иен. Дополнительный вклад в развитие туркменской экономики вносят такие корпорации, как «Itochu Corporation», «Kawasaki Heavy Industries», «Mitsubishi Corporation», «Sojitz Corporation», «Toyo Engineering», «Mitsui», «Sumitomo Corporation». В последние годы при участии японских компаний в Туркменистане были созданы крупные промышленные объекты. В их числе – газохимический комплекс по производству аммиака и карбамида в Гарабогазе, завод полимеров в Киянлы, завод по производству бензина из природного газа в Овадандепе и газотурбинная электростанция в Чарджевском трапе» [438].

«В настоящий момент Туркменистан может рассматриваться Японией как наиболее подходящая страна для продвижения своей политики по нескольким причинам. Во-первых, он не только обладает так необходимым

Японии газом, но и старается не участвовать в различных российских интеграционных инициативах (даже в СНГ Туркменистан имеет статус ассоциированного, а не действительного члена организации). Во-вторых, вероятно, у туркменского руководства могут зародиться сомнения относительно выгодности бурного сотрудничества с Китаем. Так, при строительстве газопровода Туркменистан – Китай был применен механизм совместного раздела прибыли: в 2018 г. экспорт газа в Китай составил 34 млрд куб. м, но по соглашению СРП около 50% добытого и экспортированного газа принадлежит китайской стороне, а доля туркменского оператора «Туркменгаз» составила 3,3 млрд долл. при условии погашения китайских инвестиций в проект более 4 млрд долл. до поступления денег в бюджет, что фактически лишило Туркменистан всех доходов от проекта. Стоит еще раз подчеркнуть само наличие механизма совместного раздела прибыли в данном проекте, так как оно не позволяет туркменской стороне извлечь прибыль, даже несмотря на повышение цены кубометра газа на мировом рынке» [441], – сообщает источник Russiancouncil.

Добринская О.А. в статье «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» отмечает, что «будучи заинтересованной в туркменских топливных ресурсах, японская сторона активно вкладывается в нефтегазовый комплекс и химическую промышленность Туркменистана. Так, благодаря японским технологиям в 2018 г. в Ахалском велаяте был открыт первый в мире завод по выпуску бензина из природного газа по технологии GTG (gas to gasoline), который может перерабатывать 1 млрд 785 млн кубометров «голубого топлива» в 600 тыс. т бензина, 12 тыс. т дизельного топлива и 115 тыс. т сжиженного газа. Кроме того, благодаря японским инвестициям в Овадандепе был возведен завод по производству экологически чистого синтетического бензина из природного газа, который был построен по заказу государственного концерна «Туркменгаз» японской компанией Kawasaki Heavy Industries и турецкой компанией Rönesans (стоимость проекта составила 1,7 млрд долл.). Любопытно, что японские компании также активно содействовали модернизации нефтеперерабатывающих заводов в городах Сейди и Туркменбаши, причем в последнем случае был создан крупный промышленный комплекс с законченным производственным циклом» [89, СС. 250-254].

«Вместе с этим японские компании возвели заводы по производству карбамида в городах Мары и Карабогаз, цех по производству серной кислоты в городе Туркменабат, а также способствовали становлению в стране производства полипропилена и полиэтилена в городе Киянлы, что серьезно интенсифицировало экономический диалог между двумя странами» [441], – сообщает russiancouncil.

Кроме того, «японские инвестиции, поступившие по линии Азиатского банка развития, были направлены на строительство крупного участка транспортного коридора «Север - Юг» протяженностью 900 км, идущего из

Казахстана через Туркменистан в Иран» писала Добринская О.А. в статье «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» [89, СС. 250-254].

Япония, заинтересованная в газовых ресурсах Туркменистана, стремится к выстраиванию взаимоотношений с центральноазиатской страной, имеющей исторические связи с Россией и Китаем, вложившего немалые инвестиции в страну. Газовая инфраструктура и добываемые объемы газа Туркменистана на сегодняшний день могут удовлетворить потребности только на внутреннем рынке и Китаю. Япония проявляет интерес к Туркменистану и инвестирует в его экономику с прагматичными планами. Прежде всего заполучить необходимые объемы углеводородов. Кроме того, необходимо учесть факт того, что Токио очень близкий партнер США, поэтому можно предположить, что кроме торгово-экономических связей будут также выстраиваться и политико-экономические взаимоотношения с перспективой снижения влияния России и Китая.

Туркменистан является крупным деловым партнером Кореи. За последнее десятилетие корейские компании реализовали в Туркменистане проекты по строительству заводов «с общей стоимостью 4,99 миллиарда долларов (6,87 триллиона вон). Туркменистан возглавляет пятерку ведущих торговых и ведущих партнеров Короны в Центральной Азии. В сентябре 2023 года Корейская ассоциация морского оборудования и Balkan Shipyard подписали контракт на сумму 42 миллиона долларов США на строительство двух многоцелевых судов водоизмещением 6100 тонн, которые в настоящее время строятся на туркменской судоверфи. Обе стороны также заключают договоры об укреплении связей в области занятости, энергетики и ряда других сфер бизнеса, таких как «умные города» и судостроение, чтобы развивать более ориентированные на будущее и всесторонние деловые партнерства, сообщает ТПП Кореи» [437], – сообщает Newscentralasia.

«Касаясь экономической сферы, стороны договорились усилить сотрудничество в газовой и химической отраслях, судостроении, текстильной промышленности, транспорте, СМИ и защите окружающей среды. Было решено укреплять сотрудничество на основе Меморандума о взаимопонимании (MOU) в области энергетической инфраструктуры и развития новых городов, а также развивать сотрудничество в таких областях, как нефтехимия, экологически чистые заводы и установки по десульфурации» [202], – сообщает Russian.korea.

«В сентябре 2023 года Корейская ассоциация морского оборудования и Balkan Shipyard подписали контракт на сумму 42 миллиона долларов США на строительство двух многоцелевых судов водоизмещением 6100 тонн, которые в настоящее время строятся на туркменской судоверфи» [437], – сообщают источники.

«Налажено тесное партнерство туркменской стороны с ассоциацией «Центральная Азия-Корея». В 2009 году в Ашхабаде состоялись Дни культуры Республики Корея в Туркменистане, а в Сеуле прошли Дни

культуры Туркменистана в Южной Корее. Также в Туркменистане состоялись гастроли с участием творческих коллективов Республики Корея, в свою очередь, туркменские мастера искусства совершили творческий визит в Республику Корея. В образовательной сфере важным событием стало открытие в 2008 году отделения корейского языка в Туркменском национальном институте мировых языков имени Довлетмаммеда Азади. Расширяются двусторонние связи в сфере здравоохранения и медицинской промышленности, высоких технологий, природоохранной области. Стороны придают большое значение сотрудничеству в вопросах физкультуры и спорта» [435], – сообщает официальный сайт правительства Туркменистана.

Высокие технологии Южной Кореи в Туркменистане не задействованы как в Узбекистане, однако, стороны проявляют интерес друг другу в торгово-экономических аспектах. Объемы инвестиций и южнокорейские проекты в Туркменистане их наличие и широта, говорят о выстраивании отношений и поиске точек соприкосновения. Явно то, что Южная Корея заинтересована углеводородных ресурсах Туркменистана и перспективы центральноазиатской страны стать одной из важных торговых сухопутных магистралей имеющей выходы в Прикаспийский регион, Средний и Ближний Восток.

Подводя итог внешнеэкономическим связям отдельных центральноазиатских республик с Россией, Китаем, США, Евросоюзом, Турцией, Ираном, Японией и Южной Кореей следует отметить, что они имеют стремление выстраивания новых связей способных повлиять не только на качество внешнеэкономических взаимоотношений, но и принести практический опыт, влияющий на экономическое развитие сторон.

Внешнеэкономическое сотрудничество Кыргызстана характеризуется стремлением к балансированию между традиционными историческими связями и поиском новых партнеров, предоставляющих инвестиции и технологии для улучшения экономического развития. В отношениях с Россией сохраняется глубокая интеграционная связь на основе исторических традиций. Прежде всего основой двусторонних связей выступают общее таможенное пространство (ЕАЭС), военно-политический союз (ОДКБ), трудовой миграцией, поставками энергетических ресурсов и других материалов (лес, металл и др). Кроме того, партнерство осуществляется в рамках ООН, ШОС, РАТЦ. В условиях российско-украинских отношений, Кыргызстан стал страной, поставляющей в Россию санкционные товары. Получая в обмен энергетическую и политическую безопасность. Россия выстраивая связи с Кыргызстаном стремиться сохранить экономическое и политическое влияние на официальный Бишкек, с целью наличия плацдарма в регионе Центральной Азии

Китай в отличие от России осуществляет в Кыргызстане свой экономический проект – «Один пояс, Один путь». Пекин инвестирует в топливно-энергетический сектор Кыргызстана, транспортную инфраструктуру. Примером выступают НПЗ «Джунда», ЛЭП «Датка-Кемин»,

модернизация ТЭЦ Бишкека, солнечная электростанция на Иссыккуле и другие проекты. Рассматриваются вопросы по строительству и модернизации крупных гидроэлектростанций и малых ГЭС. На китайские кредиты строятся дороги, связывающие страну с Юга на Сервер, с Востока на Запад. Китай стал крупнейшим инвестором в экономику Кыргызстана. Страны имеют общие границы, поэтому могут создать качественные торгово-экономические связи. Посредством экономического влияния Китай выстраивает свою внешнюю политику в отношении Кыргызстана с целью создания беспрепятственной транзитной зоны для китайских товаров через автомобильные магистрали и строящуюся железную дорогу Китай-Кыргызстан-Узбекистан с выходом на Прикаспийский регион, Иран, Кавказ, Европу по суше.

Сотрудничество Кыргызстана и США, а также Европы в основном направлено на развитие демократическим институтов, гражданского общества. Инвестиции США в экономику Кыргызстан незначительные в сравнении с китайскими и традиционными российско-кыргызскими взаимоотношениями. Однако присутствие в свое время американской авиабазы в кыргызстанском гражданском аэропорту «Манас» на некоторое время углубило сотрудничество стран. Кыргызстан получал финансовую прибыль за локацию и действие американской базы. Но с выводом базы кыргызско-американские отношения охладели. Многие фонды, например, «Сорос-Кыргызстан», и международные организации под патронажем США – USAID и другие были закрыты в Кыргызстане.

Что касается сотрудничества Кыргызстана и Евросоюза, то необходимо отметить неподдельный интерес Брюсселя к выстраиваемой в Кыргызстане дорожной инфраструктуре, которая может стать альтернативной сухопутной торговой магистралью по поставкам китайской продукции в Европу. Европейский Союз выделяет гранты кредиты через ЕБРР в образование Кыргызстана и оказывают финансовую поддержку бюджету Кыргызстана, периодически. В условиях российско-украинского конфликта территория может стать сухопутной торговой магистралью в обход России, в том числе в обход Казахстана. Эта транспортная артерия в перспективе может стать важным отрезком на пути продвижения товаров, технологий с Востока на Запад.

В кыргызско-турецких торгово-экономических связях преобладает преимущественно инвестирование турецкого малого и среднего бизнеса, а также гуманитарных и образовательных инициатив. За счет турецких денег в стране отстраиваются современные отели, торговые центры. Открыты университеты «Манас» и «Ала-Тоо», школы «Себат», в последствии переданные турецкому Фонду «Маариф». Осуществляется также военно-политическое сотрудничество в рамках Организации тюркских государств. Турция поставила беспилотники в Кыргызстан, что значительно повлияло на качество вооруженных сил Кыргызстана. Турция стремиться получить через Кыргызстан плацдарм в Центральной Азии. При этом нельзя забывать, что

Турецкая Республика является членом НАТО. Это может прогнозировать стремление Анкары снизить влияние традиционных партнеров Кыргызстана – Россия и Китай.

Взаимоотношения Бишкека и Тегерана в основном выстраиваются с основной целью – логистика и выход Кыргызстана к мировому океану через порты Ирана. Сотрудничество также осуществляется товарообменом и культурно-гуманитарными связями. В университетах Кыргызстан, например, Бишкекский государственный университет, Кыргызский национальный университет, Кыргызско-Российский славянский университет, открыты центры иранистики, где продвигается язык и культура Ирана.

В сотрудничестве Кыргызстана с Японией и Кыргызстана основные взаимоотношения выстраиваются в сторону цифровизации и подготовки квалифицированных специалистов. Японию и Южную Корею также интересует Кыргызстан в связи с тем, что территория страны является участком торговой сухопутной магистрали, связывающей Восток и Запад.

Казахстан, имеющий общие границы с Россией, придерживается традиционных торгово-экономических и политико-экономических связей. Товарооборот между странами стабильный. Однако, в последнее время Астана диверсифицирует внешнеэкономическую модель сотрудничества с Москвой привлекая все больше капитала и инвестиций с Запада и Востока. Инвестиции США и Евросоюза в топливно-энергетический сектор Казахстана на сегодняшний день занимают лидирующие позиции. В основном они направлены на нефтегазовую отрасль (разведка, разработка, добыча). В это время Китай, как и Россия выступает стратегическими партнерами. Пекин укрепляет в Казахстане позиции покупателя сырья и инвестора в новые производственные мощности. Турция и Южная Корея активно инвестируют в сборочное производство. Япония поддерживает высокотехнологичные проекты Казахстана. Иран рассматривается Казахстаном как важный транзитный узел для выхода казахстанской продукции в зону Персидского залива.

Узбекистан в последние годы совершил экономический прорыв, связанный с активизацией точечных контактов по всем экономическим направлениям. Традиционный исторический партнер Россия ведет конкуренцию с Китаем за модернизацию узбекской промышленности и энергетической системы. Отношения с западными партнерами – США и Евросоюз перешли на новый уровень в вопросах реформирования финансового сектора. Турция занимает в Узбекистане особое место благодаря языковой и культурной близости что способствует участию малого и среднего бизнеса в центральноазиатской республике. Япония и Южная Корея выступают поставщиками высоких технологий в автомобилестроении, электронике, а Иран перспективным партнером в логистике и диверсификации транспортных маршрутов с выходом в морские порты Ирана и зону персидского залива.

В вопросах обеспечения безопасности и социально-экономической стабильности Таджикистан опирается на сотрудничество с Россией. Это подтверждается денежными переводами мигрантов и льготными поставками энергоресурсов. Китай является лидером в инвестиции экономики Таджикистана особенно в горнорудную отрасль и дорожную инфраструктуру. США и Европейский Союз концентрируют усилия на укреплении границ и социально-гуманитарных проектах, в то время как Япония и Южная Корея содействуют в модернизации систем здравоохранения и аграрного комплекса. Турция активно присутствует в легкой промышленности и образовательном секторе. Взаимодействие Таджикистана и Ирана имеют исторические, культурные и языковые корни. Через Иран Таджикистан стремится выйти из географической замкнутости. Иран инвестирует в гидроэнергетический сектор и дорожную инфраструктуру центральноазиатской республики.

Туркменистан придерживается политики нейтралитета именно поэтому внешнеэкономическое сотрудничество носит избирательный характер. Связи с Россией носят больше декларативный характер. В свою очередь Китай в последнее время после Ирана и России стал основным покупателем туркменского газа. Турция инвестирует и отстраивает морской порт Туркменбаши на берегу Каспийского моря и архитектуру страны. Анкара заинтересована в углеводородных ресурсах Ашгабада. Центральноазиатская страна имея большие запасы газа может стать альтернативным поставщиком ресурса через Кавказ, Турцию в Европу. США и Евросоюз ведут диалог с Туркменистаном о поставках газа в Европу, в то время как Япония и Южная Корея инвестируют в строительство химических и газоперерабатывающих заводов. Иран остается партнером в выстраивании бартерных сделок и транзита грузов.

3.3 Повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики

Актуальность темы повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики продиктована тем, что в системе международных экономических отношений происходят масштабные трансформации. Геополитическая турбулентность переход к многополярному мироустройству требуют глубокого переосмысления. Для государств центральноазиатского региона экономическая дипломатия одновременно выступает инструментом внешней политики, в тоже время ресурсом обеспечения национальной безопасности и устойчивого экономического развития. В этом смысле многое зависит от того насколько государства Центральной Азии продвигают национальные экономические интересы в международной системе, преодолевая конкуренцию и фрагментации глобального рынка.

Интерес к теме параграфа обусловлен тем, что в нем изучаются эффективность и перспективы моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики. Особое внимание уделяется изучению транспортно-логистических аспектов и центральноазиатской инфраструктуры способной трансформировать географический тупик в транзитное преимущество с формированием новых производственных площадей, цифровых транспортных коридоров.

Особую значимость тема параграфа имеет в контексте изучения механизмов политики многовекторности через прагматичное экономическое сотрудничество, позволяющее балансировать интересы глобальных акторов, сохраняя суверенитет и устойчивость.

За последнее время интеграция стран ЦА обретает некоторые формы, тем не менее вряд ли можно сказать, что они успешны. «Реализация центральноазиатских проектов и задач в регионе упирается во множество факторов, не позволяющих претворять и/или довести до конца данные начинания. В их числе неотрегулированные механизмы реализации принятых договоров и соглашений между странами, нет координации таможенной, кредитной, налоговой и бюджетной политики. Отсутствует единая (только в рамках ЦА) законодательная база. Формат объединенной Центральной Азии не сумел получить должного оформления по целому ряду факторов – как

внутренних, так и внешних. В качестве внешних причин следует отметить возросший интерес к региону со стороны США, России, Турции, Китая и других стран, намерения которых направлены на включение Центральной Азии в сферу своего влияния. На фоне имеющейся внутренней почвы для дезинтеграции и из-за ожидаемых внешних угроз страны Центральной Азии в ускоренные сроки перешли из стадии внутренней интеграции к интеграции с мировыми центрами силы» [463, СС. 182-186], – отметил Усенов А.М. в своей статье «Интеграция государств Центральной Азии: проблемы и перспективы».

Традиционно Кыргызстан находится в поле экономического и политического влияния России. В параграфах выше мы указывали на плотность взаимоотношений Москвы и Бишкека. Зависимость от российских ресурсов нефть, нефтепродукты, газ, лес, металл и многое другое ставит сложную задачу перед Кыргызстаном – сохранить доступ к российским ресурсам, без которых горной республике будет очень сложно развиваться и сохранять стабильность и развивать отношения с другими акторами системы международных отношений в лице коллективного Запада, Китая, Японии, Турции, Ирана и других стран. Перед Кыргызской Республикой стоит вопрос балансирования как минимум в треугольнике ЕАЭС-Китай-Запад. В современных условиях санкционной политики задача становится еще сложнее. В этой связи Кыргызстан в рамках ЕАЭС должен предпринять максимальные усилия сохранения качественных взаимоотношений с союзниками в ЕАЭС и ОДКБ, с целью создания глубокой интеграции и единого рынка.

Кроме того, Бишкеку необходимо дальше продолжать привлекать инвестиции в энергетику, логистику и инфраструктуру за счет китайских грантов. Не нужно бояться долговой зависимости. Зависимости не будет, если инвестиции будут использованы по назначению и от вложенных инвестиций будет доход, который будет покрывать долг.

Особе внимание следует обратить на экономическую дипломатию с США, Евросоюзом и их союзниками в лице Японии и Южной Кореи. Эти страны могут дать доступ к высоким «зеленым» технологиям, которые будут необходимы для того, чтобы решать масштабные задачи, стоящие перед Кыргызстаном в результате входа в пространство важных интересующих государств, способных предоставить доступ к транзиту товаров и т.п.

Важно сконцентрировать на том, что экономическая дипломатия должна приносить не только сохранение и выживание страны, а главным образом должна дать возможность для технологического рывка. Тем более, что предпосылки для экономического роста есть.

Кыргызстан после того, как будет введена в эксплуатацию железнодорожная магистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан перешагнет порог исторических изменений и превратится из тупиковой страны в важный сухопутный торговый мост. Это означает, что Кыргызстану предстоит пройти путь формирования экономической дипломатии, сосредоточенной на

разработку новых моделей управления транзитом, таможенной слаженности с приграничными партнерами и не только с ними, в связке с защитой национальных интересов в рамках мегапроектов. Это будет вызвано тем, что традиционные старые методы будут неактуальными неработоспособными перед масштабными задачами.

Сергиенко Е.Е. в статье «Транспортный коридор Китай-Кыргызстан-Узбекистан: перспективы и значение» отмечал, что «в перспективе с вводом железнодорожной магистрали Кыргызстан ждут благоприятные факторы - транзитный потенциал, экономический эффект, снижение транспортных расходов, развитие регионов, геополитическое значение и интеграция. Предполагается, что по железной дороге будут ежегодно перевозиться порядка 15 млн тонн грузов и около 300 тыс. пассажиров. На всей линии планируется оборудовать 18 станций, 81 мост и 41 тоннель. До завершения строительства будут действовать железнодорожный маршрут, предполагающий смену колесных платформ (вследствие разной ширины колеи в КНР и странах ЦА) и мультимодальный маршрут, обеспечивающие транспортировку грузов из Китая в страны ЦА. Контейнеры, прибывающие по железной дороге из центральных и западных провинций Китая на КПП Кашгар (Каши, СУАР), где заканчивается действующая железнодорожная магистраль, связывающая КПП с центральным и западным регионами Китая, будут перемещаться на большегрузные автомобили, после чего автомобильным транспортом доставляться на КПП Иркештам (Кыргызстан). Затем контейнеры будут транспортироваться до города Ош, южной столицы Кыргызстана, связанного действующей веткой с железнодорожной сетью Узбекистана. Ош может превратиться в важный хаб, через который в будущем будет проходить большой объем грузов, причем в перспективе грузы могут доставляться также до афганского города Мазари-Шариф» [348, С. 389].

Китайские интернет-источники, например, Chinadaily сообщают, что «в перспективе магистраль через территорию Туркменистана и государства кавказского региона протянется до Турции и стран Европы, Южной Азии (Пакистана и Афганистана), Ирана и стран Ближнего Востока» [520]. Китайские специалисты подсчитали, что «объем ежегодного грузооборота магистрали может составить порядка 13 млн тонн, из которых 80% будут составлять транзитные грузы в пределах территории Кыргызстана, что означает рост доходов этой страны от транзитных перевозок до 200 млн долл. в год», отмечал китайский эксперт Ли Сюаньмин» [541]. О перспективности железнодорожной магистрали говорит и Chinadaily, китайский источник сообщает, что «после завершения строительства магистраль будет способствовать превращению Кыргызстана и Узбекистана в крупные региональные логистические центры» [520].

Китайский интернет-источник Globaltimes, продолжая мнение перспективности железнодорожной магистрали сообщает, что «железная дорога с проектной скоростью движения 120 км/ч станет кратчайшим

грузовым маршрутом из Китая в страны Европы и Ближнего Востока, что позволит сократить расстояние перевозки на 900 км, а время доставки на 7-8 дней» [521]. Сергиенко Е.Е. в статье «Транспортный коридор Китай-Кыргызстан-Узбекистан: перспективы и значение» считает, что «ввод железной дороги в эксплуатацию не только сократит время транспортировки, но и освободит грузы от многочисленных операций по перегрузке. Это упростит и удешевит транспортировку скоропортящихся товаров, таких как сельскохозяйственные продукты» [348, С. 389]. Информационное агентство Кыргызстана Kabar.kg отметило, что «заметно расширится экспортный потенциал Кыргызстана. Кроме того, она создаст сухопутный транзитный маршрут Азия - Европа, который значительно сократит расстояния для перевозки экспортно-импортных грузов и усилит культурный и экономический обмен между странами» [317].

Перспективность железнодорожной транспортно-логистической магистрали очевидна. Кроме тех плюсов, о которых говорилось выше, Сергиенко Е.Е. в своей статье «Транспортный коридор Китай-Кыргызстан-Узбекистан: перспективы и значение» считает, что «новая магистраль посодействует и значительному увеличению объема внешней торговли между тремя странами, обеспечит рост доходов бюджета стран ЦА за счет транзитных сборов. Кроме того, строительство магистрали произведет мультипликативный эффект в сопредельных отраслях промышленности стран ЦА (производство строительной техники для прокладки магистрали, развитие сталелитейной промышленности для производства рельсов, развитие отрасли производства бетона и т. п.). Кыргызстан и Узбекистан (как и другие страны ЦА) не имеют выхода к морю и это значительно сокращает возможности их экспорта. Строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан позволит двум странам ЦА, используя железнодорожную сеть КНР, перевозить товары в направлении морских портов восточного побережья Китая, а затем морским путем поставлять их в страны АТР, Африки и Латинской Америки. Поскольку расстояние от стран ЦА до морских портов Китая и Европы практически одинаково, то у Кыргызстана и Узбекистана появляется возможность выбора маршрута экспорта своих товаров – либо по сухопутному маршруту в Европу, либо по мультимодальному маршруту через территорию Китая в другие страны» [348, С. 389].

Учитывая вышеперечисленные плюсы железнодорожной магистрали, считаем нужным отметить, что перспективы Кыргызстана с вводом в эксплуатацию железной дороги, связывающей Восток и Запад – это старт процесса политики многовекторности для экономического рывка. Значимость и влиятельность страны с каждым годом будет только увеличиваться. Для стабильного развития такого успеха кыргызстанское сообщество и власти должны стремиться к внутриполитической стабильности, поддерживая взаимопонимание и доверие на постоянной основе.

Гидроэнергетический потенциал, добыча золота, угля, ценных металлов, привлечение инвестиций, доступ к энергетическим, другим ресурсам и товарам России, китайские инвестиции в энергетику, транспорт и логистику, западные технологии, выход через Иран, Китай в мировой океан, доступ к прикаспийскому региону и портам Каспийского моря, образцовая центральноазиатская интеграция, сохранение культурных и экономических связей с Турцией – основные направления, куда экономическая дипломатия Кыргызстана должна бросить все силы, применяя филигранную, ювелирную экономическую дипломатию. В этом случае страна сможет произвести мощный экономический рывок, который даст спрос, авторитет и должное внимание со стороны заинтересованных партнеров.

Республика Казахстан самая большая страна в центральноазиатском регионе и имеет большой потенциал в силу наличия углеводородов, металлов, минералов, угля, зерна и т.д. Страна имеет крупнейшую экономику в регионе и важным оператором трансграничных потоков. Критически важными аспектами для Казахстана в контексте экономической дипломатии выступают: реализация проекта «Срединного коридора», переход от модели простого экспортера сырья к модели привлечения инвестиций в глубокую переработку, лидерство в привлечении прямых иностранных инвестиций и региональный хаб, энергетический переход и «Водородная дипломатия».

Учитывая стремительное изменение международной обстановки и введением коллективного Запада санкций в отношении России, традиционные маршруты Казахстана переживают трансформацию в связи с переориентированием на развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута. Кудьярова Ж. Т. в своей статье «Транскаспийский международный транспортный маршрут и его влияние на международную логистику» отмечает, что «перед официальной Астаной стоит сложная задача выстраивания сложной дипломатической архитектуры, которая свяжет Китай, Азербайджан, Турцию, Грузию и страны Европы. Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) – международный транспортный коридор Китай - Турция - Европа. Призван обеспечить транспортную связь между Китаем и Европой в обход России, через Казахстан, Азербайджан, Грузию и Турцию» [208, С. 72].

Также эксперт считает, что «этот проект очень перспективный, однако есть препятствия. Главной проблемой остается слабая востребованность маршрута китайскими поставщиками. Основной грузопоток из КНР в ЕС традиционно идет морским транспортом. Меньшая часть грузов перевозится по суше. Контейнерные железнодорожные перевозки китайских товаров в Европу осуществляются двумя путями: свыше 1,5 млн. т. следуют через Сибирь (по Транссибу), еще около 200 тыс. т – через Казахстан и европейскую часть России. Теоретически ТМТМ мог бы оттянуть на себя как раз часть грузов с казахстанско-российского транзита. Но возможность использовать транскавказский коридор была у перевозчиков и раньше, и они не проявляли в нем заинтересованности. Кроме того, использование

паромных переправ требует особых решений по увеличению частоты функционирования паромов, скорости расформирования железнодорожного состава и перегрузки контейнеров» [208, С. 72].

В свою очередь эксперт Зеленина А. в своей статье «Битва за Шёлковый путь: Казахстан переформатирует карту логистики Евразии» отмечала, что «ТМТМ в перспективе может превратиться в существенное направление международного масштаба, который также будет связывать Кавказ и Центральную Азию, особенно если для этого появятся объективные предпосылки в форме устойчивого экономического роста в Азербайджане и Казахстане. Поэтому для формирования на базе ТМТМ единого международного транспортного коридора нужна его полная загрузка и большие инвестиции в прикаспийскую инфраструктуру – это все может быть гарантировано в большей степени только Китаем. Формально Пекин примкнул к проекту, однако в логистические объекты в области Каспийского моря пока не инвестировал средства. В дальнейшем, как представляется, именно инвестиции китайской стороны в порты Каспия станут тем индикатором, который будет подтверждать о готовности КНР основательно развивать ТМТМ» [133].

Транспортный коридор как было отмечено выше имеет большие перспективы. С учетом развития экономики Казахстана этот маршрут может способствовать росту экономики страны. При этом в СМИ существует мнение, что сильным и слабым звеном казахстанской экономической модели является сырье, что делает экономику зависимой от мировых цен на сырье, особенно цен на нефть. Сырьевая направленность экономической модели обусловлена тем, что Казахстан очень богат природными ресурсами, в основном энергетическими и минеральными» [319]. Казахстанский источник Yandex.kz, анализируя экономику Казахстана отмечает, что «природные богатства Казахстана (нефть, газ, уголь, золото, железная руда, уран, медь, свинец, минералы и др.) привлекают в экономику страны поток инвестиций, который приносит доход, помогает открывать новые предприятия и создавать рабочие места» [170]. Развивающаяся экономика Казахстана, во многом обязана привлеченным инвестициям. В последнее время богатая ресурсами страна предпринимает диверсификацию экономики.

Об этом пишут и казахстанские источники, например, Primeminister.kz отмечает, что «Казахстан последовательно отходит от «пассивной» модели, основанной на сырьевой зависимости, к проактивному подходу с единой координацией всех этапов инвестиционного процесса – от таргетирования и привлечения инвесторов до их «приземления» и постинвестиционного сопровождения. Государство делает ставку на развитие кластеров глубокой переработки и несырьевого экспорта, обеспечивая устойчивый и долгосрочный рост экономики. В рамках нового подхода определены приоритетные отраслевые направления, расширяется сеть зарубежных представительств с НК «KAZAKH INVEST», внедряются

специализированные рабочие группы task force и цифровые инструменты мониторинга инвестиционных проектов» [162].

Казахстанские эксперты Аубакирова Г.М. и Исатаева Ф.М. в совместной статье «Новые подходы к построению диверсифицированной экономики: опыт Казахстана» считают, что «общая структура экспорта страны, отражая перспективы экономического благополучия на ближайшие годы с учетом влияние мировых цен на нефть, еще раз подтверждает низкую эффективность государственных программ по диверсификации экономики. В средне- и долгосрочном периоде Казахстан столкнется с необходимостью диверсификации структуры национального экспорта, что потребует активизировать государственные меры, направленные на рост макроэкономической устойчивости и экономической безопасности, формирование диверсифицированной структуры ВВП» [20, С. 171].

Продолжая тему диверсификации экономики, казахстанские СМИ отмечают, что «в связи с чем, Казахстан стремится не только экспортировать сырье, но и заниматься переработкой редких и редкоземельных металлов. Казахстан намерен перейти от сырьевой модели экономики к глубокой переработке углеводородов и довести объем нефтепереработки до 39-40 млн тонн в год. Это будет достигаться за счет максимального использования потенциала расширения действующих заводов, а также строительства нового нефтеперерабатывающего комплекса. Реализация этих планов позволит снизить зависимость экономики от экспорта сырья, развить нефтехимию и увеличить выпуск конкурентоспособной продукции внутри страны» [160].

В этом контексте следует отметить, что «кроме того, будут созданы все условия для размещения новых производств, особое место среди которых займут заводы по выпуску сплавов, компонентов для аккумуляторов, элементов микроэлектроники и других. Поддержка оказывается как в виде налоговых преференций и упрощенных регламентов для инвесторов, так и через программы технологического партнерства. Приоритет отдается формуле «инвестиции и технологии в обмен на сырье», которая уже заинтересовала ряд международных компаний и правительств, ищущих устойчивых поставщиков критически важных материалов» [381], – отмечают источники.

Повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики во многом зависит от внутренней экономической политики. Именно этим обоснованно то, что в этом параграфе отмечаются некоторые аспекты предпринимаемых попыток диверсификации экономики Казахстана. Продолжая направление изучения внутренних экономических процессов следует отметить, что страна подходит к предстоящей трансформации практических во всех отраслях экономики государства.

Углехимия Казахстана тоже одно из направлений, которые обсуждаются в интернет-пространстве. Источники указывают на то, что один из крупнейших секторов экономики страны – угольная промышленность, может

перейти к современных технологическим изменениям. «При правильной переработке угля можно получить до 400 различных продуктов: синтез-газ, химические соединения, вещества с высоким добавленным значением. Самое главное, это позволяет уйти от модели экспорта сырья и перейти к модели добавленной стоимости (производство, технологии, химия). Кроме того, с технологической точки зрения появляются возможности газификации, пиролиза, гидрогенизации, производства продуктов для сельского хозяйства, науки, техники. Таким образом, развитие углехимии может стать вторым дыханием для угольной отрасли и экономики в целом» [104], – отмечают источники.

Казахстанский аналитик Кожахмет Олжас в своей статье «Аграрная траектория РК: от вывоза сырья до зрелого бизнеса» отмечает «Концепцию развития агропромышленного комплекса на 2021-2030 годы, где прямо обозначены цели по развитию переработки, импортозамещению, росту добавленной стоимости и укреплению экспортных позиций по более сложной продукции». Он считает, что «наиболее заметные изменения пришлись на те сегменты, где Казахстан начал получать экспортную выручку уже после переработки сырья внутри страны. В первую очередь это касается масложировой отрасли. За последние годы масличные культуры превратились из важного, но все же вспомогательного направления в один из главных источников роста в растениеводстве» [190].

«Рост обрабатывающей промышленности, экспорта готовой продукции и эффект господдержки формируют новый этап индустриализации. Мультипликативный эффект превращает каждый тенге инвестиций в несколько тенге экономической активности, а макроцифры – в конкретные улучшения качества жизни граждан. Инвестиции в энергетику и ЖКХ по принципу «Тариф в обмен на инвестиции» создают спрос на кабели, трубы, арматуру и стройматериалы. Сектор машиностроения сегодня выступает одним из главных бенефициаров диверсификации. Сегодня этот сектор становится локомотивом индустриализации. Автосборочные предприятия, заводы сельхозтехники в Восточном Казахстане, новые мощности по выпуску электротоваров – это не просто крупные проекты, каждый из них создаёт сотни рабочих мест внутри завода и тысячи во всей цепочке поставок: металлурги, кабельные заводы, электронные комплектующие, логистика, сервис», отмечает Мустафин А. в статье «Смена парадигмы: Казахстан выходит за пределы сырьевой модели» [248].

Переход на экспорт готовой переработанной продукции – это новая экономическая дипломатия Казахстана. Страна отходит от контрактов простого недропользования инвесторами. Допуск иностранных компаний в соответствии с новой стратегией экономической дипломатии теперь обусловлен строительством заводов, фабрик внутри страны. Это делается в первую очередь для индустриализации республики. Дипломатические усилия направлены на чтобы западные технологии работали в Казахстане в обмен на стабильные поставки сырья, необходимого для их «зеленой» экономики.

Казахстанский эксперт Жандос Карашаш в своей статье «Казахстан в 2025 году стал крупнейшим получателем инвестиций в Центральной Азии» отмечает, что «Казахстан по итогам 2025 года стал крупнейшим получателем инвестиций в новые (greenfield) проекты в регионе Северной и Центральной Азии, привлекшим около 19 млрд долларов США. Страна привлекла ряд крупнейших инвестиционных проектов в регионе, включая масштабные инициативы в сфере обрабатывающей промышленности, металлургии нового поколения, возобновляемой энергетики и зеленых технологий. Отдельно отмечается растущий интерес инвесторов к таким направлениям, как: зеленая энергетика и водородная экономика; развитие промышленной переработки; проекты, ориентированные на экспорт и международные цепочки добавленной стоимости» [109].

Казахстанский аналитик Султанбекова А. в своей статье «Казахстан – ключевой инвестиционный хаб региона» также отмечает, что «Казахстан, находящийся в центре Евразии, обладает стратегически важным положением, способствующим его превращению в ключевой инвестиционный хаб региона. Казахстан активно сотрудничает с международными финансовыми институтами, такими как Всемирный банк, Азиатский банк развития, ЕБРР и Исламский банк развития. К примеру, портфель Европейского банка реконструкции и развития насчитывает 125 активных проектов общей стоимостью 2,95 млрд долларов, а объём инвестиций Евразийского банка развития составляет 1 млрд долларов. Особое внимание уделяется созданию специальных экономических зон с налоговыми льготами и упрощёнными процедурами регистрации. Дополнительно сотрудничество с Арабской координационной группой открыло возможности для финансирования 30 инфраструктурных проектов на сумму более 7 млрд долларов» [377], – отмечала эксперт.

Кроме того, на форуме Digital Qazaqstan 2026 состоялась панельная сессия «Цифровая связность Евразии: телеком-сети и инфраструктура данных», в рамках которой обсуждались важнейшие вопросы развития телекоммуникационной инфраструктуры как основы для цифровой экономики и транзитного потенциала Казахстана. «С развитием технологий и повышением потребности в передаче данных, Казахстан становится важным цифровым хабом, соединяющим Европу и Азию. Одним из значимых факторов является использование Каспийского моря как важного маршрута для транзита данных между Европой и Азией» [159], – сообщают источники.

«Мир переживает энергетическую трансформацию. Европа пытается снизить зависимость от традиционных источников, ускоряя переход к «зеленой» энергии. Казахстан – один из ключевых партнеров, который может одновременно предложить и ресурсы, и пространство для новых проектов» [37], – отмечают казахстанские источники.

Важно отметить, что «Казахстан давно ищет баланс между сохранением роли крупного экспортёра углеводородов и необходимостью двигаться в сторону низкоуглеродного будущего. Водородная инициатива

H2G открывает возможность соединить эти два измерения: использовать накопленный промышленный потенциал и одновременно продемонстрировать готовность к инновациям. Водород здесь выступает не только как топливо, но и как политический сигнал – о готовности к сотрудничеству, о доверии к международным институтам, о стремлении к устойчивому росту» [58], – сообщают источники. «Казахстанские ученые создали и ввели в эксплуатацию первую интегрированную станцию по производству «зеленого водорода», основанную на собственных патентах и инженерных разработках. Это значительный шаг к практической реализации водородных технологий в Казахстане» [294], – отмечают источники.

«Сегодня водородная энергетика рассматривается как стратегическое направление. Казахстан видит в «зеленом» водороде возможность для энергетического перехода, диверсификации экономики и сокращения выбросов. Казахстан стремится сбалансировать использование водорода внутри страны и его экспорт, поскольку в будущем он может заменить ископаемое топливо и поддерживать экономический рост» [464], – сообщают источники.

В современных условиях Казахстан выстраивает дипломатическую архитектуру, превращая географическое положение в геополитический актив, где территория страны может стать транзитной магистралью способной сократить сроки доставки товаров и технологий с Востока на Запад и обратно. При этом Казахстан ведет свою экономику к инновационной модели ресурсно-технологического обмена. Основным индикатором здесь выступает то, что страна экономическая дипломатия измеряется не сырьем и их объемами, а глубинной переработкой их в стране, что критически важно для усложнения структуры экономики и ухода от сырьевой зависимости. Пересмотр стратегии развития экономики страны влечет за собой привлечение иностранных инвестиций. Тому пример лидерство в этом направлении Казахстана в Центральной Азии. Энергетическая трансформация, разработка и внедрение водородной энергии стала проактивной и экологически ориентированной. Республика стремится занять нишу поставщика экологичной энергии в страны Европы, что открывает новые дипломатические горизонты. Казахстанская модель экономической дипломатии в современных мировых условиях демонстрирует прагматизм и адаптивность. Это указывает на то, что республика стремится использовать региональные и глобальные вызовы для качественного обновления политики экономического развития, в связи с чем экономическая дипломатия Казахстана сталкивается с новыми вызовами, которые в ближайшей перспективе нужно решать.

«Повышение эффективности моделей экономической дипломатии Узбекистана в современных условиях мировой экономики в первую очередь обусловлены переходом страны от «самоизоляции» к «региональному лидерству и глобальной открытости. Главной целью экономической

дипломатии Республики Узбекистан является - укрепление экономической независимости и экономического суверенитета государства, отстаивание национальных экономических интересов, обеспечение экономической безопасности страны и экономической стабильности в регионе, формирование благоприятных внешнеэкономических условий для устойчивого развития экономики Узбекистана, ее экономической и технологической модернизации, перевода на инновационный путь развития, повышения уровня и качества жизни населения» [228, С. 260], отмечал Мавланов И.Р. в своей статье «Стратегия внешнеэкономической политики нового Узбекистана – Трансформация! Рецепт экономической дипломатии».

В этом контексте очень интересно развитие мысли Мавланова И.Р., который также отмечал, что «для реализации главной цели и основных направлений задачами экономической дипломатии в Стратегии развития Нового Узбекистана являются: развитие экспорта, привлечение иностранных инвестиций, передовых технологий и знаний, а также расширение туристического потока в Узбекистан. Дальнейшее повышение экспортного потенциала республики и доведение объемов экспорта республики в 2026 году до 30 миллиардов долларов США; дальнейшее улучшение и повышение привлекательности инвестиционного климата в стране, принятие мер по привлечению в последующие пять лет инвестиций в объеме 120 миллиардов долларов США, в том числе 70 миллиардов долларов иностранных инвестиций; увеличение числа зарубежных туристов, пребывающих в республику, до 9 миллионов в рамках реализации программы «Путешествуйте по Узбекистану». Реализация этих задач позволит продвижению развития и завоевания авторитетных позиций в современной системе мировой экономики, в наибольшей мере отвечающих интересам Республики Узбекистан» [228, С. 260].

Учитывая вышесказанное особое внимание необходимо уделить важным документам, одним из которых является Указ Президента Узбекистана «О мерах по коренному совершенствованию системы МИД Республики Узбекистан …» [460], который направлен на «кардинальный пересмотр кадровой политики в Министерстве иностранных дел и заграничных учреждениях Республики Узбекистан путем внедрения передовых и прозрачных организационно-правовых механизмов подбора, подготовки, переподготовки и повышения квалификации, ротации и формирования перспективного резерва дипломатических кадров» [228, СС. 260-261], – считает И.Р. Мавланов.

Отдельное внимание заслуживает мнение Шриваства Ч. (Shrivastva Ch.), который отмечал в своей статье «Железнодорожная дипломатия: Китай против Индии. Внутренняя политика, голоса Южной Азии» (Railway Diplomacy: China Versus India. Domestic Politics, South Asian voices), что «страна может осуществить международное сотрудничество в сфере транспорта, в том числе, и посредством инструментов транспортной дипломатии. В современную эпоху международных отношений многие

страны начали использовать нетрадиционные виды дипломатии для улучшения своих отношений с другими странами, формирования доброй воли, получения экономического доступа и для других целей. Интересной версией этой нетрадиционной дипломатии является железнодорожная дипломатия» [553], или «страна, налаживающая отношения с другой страной путем создания обширной сети железных дорог, в процессе стимулируя взаимную экономическую выгоду и добиваясь расположения принимающей страны», отмечал узбекский аналитик Абдуллаев А.К. в своей статье «Роль транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан» [1, С. 317].

Продолжая свою мысль, Абдуллаев А.К. считает, что «в результате активной транспортной дипломатии Узбекистана за последние годы растет значение Узбекистана как евразийского транспортного узла. С этой целью запуск мультимодального маршрута Китай-Кыргызстан-Узбекистан-Афганистан и завершение пробного проекта контейнерных перевозок по международному мультимодальному маршруту Китай-Кыргызстан-Узбекистан-Туркменистан-Азербайджан-Грузия-Турция-Европа являются важными достижениями» [1, С. 317].

Другой аналитик Шарифи Ю (Sharifli Yu) отметил, что «правительством Узбекистана ведется активная работа над возможностью развития транспортного коридора «Узбекистан-Туркменистан-Иран-Индия». Усилия, связанные с запуском нового транспортного коридора Узбекистан-Туркменистан-Иран-Индия, с использованием иранского порта Чабахар, еще раз подчеркивает, заинтересованность Узбекистана не только в улучшении региональных связей для выхода на рынки Китая и Европы, но и в развитии своих связей с Индией для обеспечения своей способности выходить на рынки Южной Азии. Данный новый маршрут необходим Узбекистану для обслуживания растущего объема торговли с Индией» [551].

Узбекский аналитик Абдуллаев А. К., продолжая мнение Шарифи Ю отметил, что «Трансафганская железная дорога, в строительстве которого Узбекистан решил принять участие, сократит время прибытия товаров из Узбекистана в Пакистан с 35 дней до 15-10 дней. Надин Р. и др. также считают, что строительство железной дороги Термез- Мазари-Шариф - Кабул-Пешавар, оцениваемое в 5 млрд долларов, откроет пакистанские морские порты в Персидском заливе для Узбекистана. В соответствии с оценками, от проекта выиграет не только Узбекистан, но и все страны Центральной Азии. Новая железная дорога сократит не только время транспортировки из Узбекистана и других стран Центральной Азии в Пакистан» [1, С. 320].

Учитывая приведенные выше мнения, считаем необходимым отметить, что активная транспортная дипломатия Узбекистана создает фундамент для государства, чтобы трансформироваться и выйти из географической замкнутости и превратиться в важный транспортный узел Центральной Азии. Это позволит стране наращивать свой потенциал для дальнейшего развития

региональных связей. Новая транспортная и экономическая дипломатия Узбекистана при успешном осуществлении запланированных проектов выдвинет страну на передовые позиции и важную роль в центральноазиатском регионе.

Более того, узбекистанский эксперт Мавланов И.Р. считает, что планируемые проекты «также позволят создать в Узбекистане мощную и развитую Школу экономической дипломатии, что явилось бы своего рода хорошим и новым брендом республики. А это, в свою очередь, положительно для имиджа Республики Узбекистан» [228, СС. 260-261], – считает эксперт.

С приходом к власти Ш. Мирзиёева ситуация во внешней политике Узбекистана по отношению к странам ЦА кардинально изменилась. В частности, «было облегчено транспортное сообщение между странами, упрощен пограничный режим, почти полностью решились вопросы по описанию границ. Разработаны новые логистические пути, которые позволят увеличить транзитный потенциал не только Узбекистана, но и всей Центральной Азии» [301], – сообщают источники.

Изучение и анализ современного состояния внешнеэкономической стратегии Узбекистана позволяет сделать вывод о формировании новой трансформированной модели экономической дипломатии. Основным направлением этой модели стал переход от пассивного участия в международных процессах к активному формированию центральноазиатской повестки. Страна активно внедряет инструменты «прагматичного нейтралитета», что позволяет Узбекистану эффективно маневрировать между интересами глобальных экономических центров. При этом страна извлекает технологические и инвестиционные выгоды. Важнейшим фактором успеха является диверсификация транспортных коридоров.

«Для Республики Таджикистан экономическая дипломатия стала неотъемлемым элементом внешнеполитической стратегии, трансформировавшись в системный и стратегически важный механизм, направленный на интеграцию страны в глобальное экономическое пространство, привлечение иностранных инвестиций, расширение экспортных возможностей и укрепление внешнеэкономических связей» [495].

Повышение эффективности моделей экономической дипломатии Таджикистана в современных условиях мировой экономики позиционируется так, что «экономическая дипломатия Республики Таджикистан направлена на установление взаимовыгодных экономических отношений со странами мира и их использование в целях устойчивого развития экономики с учетом природно-ресурсных, демографических, трудовых и других условий страны. Важнейшими направлениями экономической дипломатии, рассматриваемыми, являются: - водная экономическая дипломатия, направленная на мирное регулирование водных вопросов между странами на основе рационального использования воды как в качестве пресной и орошаемой, так и для выработки электроэнергии для нужд экономики и

устойчивого развития» [15, СС. 9-15], – отмечает таджикский источник Narodnaya.

Одним из важнейших направлений экономической дипломатии является водная экономическая дипломатия. Таджикистан обладает гидроэнергетическими ресурсами промышленных масштабов. Река Амударья является важным источником водоснабжения региона Центральной Азии. Учитывая горный ландшафт и гидроэнергетический потенциал Таджикистан стремится развивать гидроэнергетический сектор. При этом следует брать во внимание, что вопросы, касающиеся водных ресурсов, могут вызывать споры и конфликтные ситуации, что требует осмотрительной дипломатической стратегии. В связи с чем, Душанбе укрепляет сотрудничество с соседними странами чтобы решать вопросы водопользования и повышения устойчивости к изменению климата.

Таджикистанский аналитик Курбонов М.М. в своей статье «Таджикистан на пути зеленой дипломатии: внешнеполитические стратегии и международное сотрудничество» отмечает, что «дипломатия страны направлена на чтобы принимать активное участие в международных инициативах по спасению окружающей среды и эффективному природопользованию. Успешная реализация зеленой дипломатии требует укрепления международного сотрудничества, привлечения инвестиций, развития инноваций и повышения экологической грамотности на местном и международном уровне. Республика Таджикистан пытается сохранять дипломатическое сотрудничество со всеми странами Центральной Азии, в том числе укреплять отношения в сфере энергетики. Таким образом это создает новые возможности для социального и экономического развития и устойчивого будущего страны» [211, С. 294].

Следует отметить, что информация об экономических показателях и экономическом развитии Таджикистана в целом труднодоступная, если говорить о таджикских интернет-ресурсах. Некоторые ссылки научных статей таджикистанских ученных, экспертов, журналистов не открываются. Но нам удалось найти некоторые материалы, которые в какой-то степени помогли нам сформулировать и изложить этот параграф, а также помогли решить поставленную задачу.

К одним из таких малочисленных источников можно отнести статью «Экономическая дипломатия – направление внешней политики Таджикистана в 2026 году». В этой статье сообщаются сведения о том, что «в 2026 году экономическая дипломатия продолжает оставаться одним из ключевых направлений внешней политики Таджикистана, обеспечивая устойчивое развитие двусторонних и многосторонних отношений. С начала года министерство иностранных дел сосредоточилось на расширении сотрудничества в сферах экономики, торговли, инвестиций, промышленности, сельского хозяйства, гидроэнергетики и туризма, что способствует укреплению позиций страны на международной арене. В этом контексте особое значение имеет недавно проведенное заседание коллегии

министерства иностранных дел, на котором были подведены итоги работы внешнеполитического ведомства и определены ключевые задачи на 2026 год. В ходе встречи обсуждались меры по развитию экономического сотрудничества с зарубежными партнерами, укреплению торговых связей и привлечению инвестиций. Принятые на заседании решения направлены на создание условий для реализации совместных проектов, модернизации инфраструктуры и внедрения инновационных технологий в стратегических отраслях. Ярким примером такой практической работы стало инициирование совместных проектов с зарубежными партнерами в энергетическом и агропромышленном секторах. Так, в 2025 году Таджикистан привлек более $146 млн инвестиций из Казахстана, а двусторонняя торговля с этой страной достигла $1,3 млрд (+7,4% к 2024 году)» [494].

В этом контексте важная информация официальной страницы МИДа РТ, где говорится о том, что «привлеченные инвестиции предназначены согласно стратегии экономической дипломатии для энергетической независимости, выхода из коммуникационного тупика, продовольственной безопасности и ускоренной индустриализации страны» [372].

Шевченко Б.И. в статье «Экономическая дипломатия в современной системе международных отношений» отметил, что «в современной системе международных отношений главные задачи, решаемые экономической дипломатией: достижение стратегических целей страны на международной арене; обеспечение, как минимум, равноправных и недискриминационных условий интеграции в мировое хозяйство, а как максимум выгод и привилегий в международном торгово-экономическом сотрудничестве; защита и лоббирование интересов отечественного бизнеса на глобальном рынке; содействие привлечению эффективных внешних ресурсов в национальную экономику» [487, С. 30].

В этой связи интересно отметить, что в рамках усиления экономической дипломатии считают необходимым таджикские авторы Саидов Х.С. и Наимов И.Н. в своей совместной статье «Некоторые вопросы совершенствования концепции внешней политики Республики Таджикистан в контексте современных вызовов и угроз» считают, что «в первую очередь, Республике Таджикистан развивать сотрудничество с относительно средними и маленькими государствами, такие страны как Сингапур, Малайзия, Бруней и др. Во-вторых, имеется хороший потенциал в развитии афро-таджикских отношений. Имеется в виду отношения с такими странами, как ЮАР (страна, которая имеет очень серьезный авторитет на африканском континенте Таджикистан по состоянию на февраль 2020 года установил дипломатические отношения с 38 африканскими государствами. Справедливости ради нужно отметить, что в Республике Таджикистан действует 6 посольств африканских стран с резиденцией в других странах (Алжир, Ангола, Египет, Эфиопия, Гана и ЮАР). Также Республика Таджикистан имеет посольств с резиденцией в другой стране в Эфиопии, ЮАР, Алжире и Марокко» [251, С. 233]. В-третьих, самым незаметным

остается состояние взаимоотношений между РТ и ОИС. В связи с этим, можно подумать о включении нового приоритетного направления сотрудничества Республики Таджикистан с ОИС. И при участии рабочей группы определить новые горизонты сотрудничества. Назрело время внести новые инициативы по Афганистану» [344, С. 216], – отмечали таджикские эксперты.

Таким образом, экономическая дипломатия Таджикистана в современных условиях направлена на привлечение инвестиций в гидроэнергетический сектор, в транспортные коридоры, чтобы задействовать гидроэнергетический потенциал и преодолеть географическую изоляцию. Страна выстраивает дипломатию таким образом, чтобы перейти от политики «выживания» к активному продвижению республики, как энергетического и транзитного узла Центральной Азии. Экономическая дипломатия страны трансформировалась на современном этапе. Страна перешла от политики привлечения разовой помощи к формированию устойчивых инвестиционных партнерств. Приоритеты дипломатии сместились в сторону обеспечения энергетического и транспортного суверенитета. Душанбе стремится выйти из тупикового звена в значимый транзитный хаб и экспортера электроэнергии.

Как известно Туркменистан страна нейтральная и ее закрытость затрудняет исследования экономического развития. Цифры и данные большей частью недоступные. Однако, открытые источники позволили нам провести исследование и прийти заключению. «В последние годы Туркменистан инициирует развитие таких актуальных направлений дипломатии, как экономическая, транспортная, энергетическая, экологическая, водная, научная и медицинская, а также культурная и спортивная. Дипломатия в её различных формах и видах играет ключевую роль в поддержании международного мира, безопасности и сотрудничества» [187], – отмечается на официальном правительственном сайте Туркменистана.

«Транспортная стратегия и дипломатия Туркменистана основана на максимальном использовании географических преимуществ, логических возможностей и инфраструктуры, а также принципов позитивного нейтралитета и «открытых дверей»» отметили Имамкулиева Т.М., Мухамметдурдыев А.Т. в своей совместной статье «Транспортная дипломатия Туркменистана» [142].

Туркменские эксперты также отмечали, что «совместно с зарубежными партнёрами осуществляются масштабные проекты по созданию комбинированной региональной и межрегиональной логистической системы, формированию межгосударственных транзитных коридоров, связывающих Центральную Азию и Европу, Каспийский, Черноморский и Балтийский регионы, Средний и Ближний Восток, Южную и Юго-Восточную Азию. В 2014 году введена в эксплуатацию железнодорожная транснациональная магистраль Казахстан-Туркменистан-Иран, которая является важным звеном международных транспортных коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад». Новая дорога обеспечивает кратчайший выход из северо-западных районов

Европы в район Персидского залива. Также совместно с Узбекистаном активизируются действия для реализации в ближайшее время проекта транспортного коридора Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман. инфраструктурная взаимосвязанность является новой точкой отсчёта в отношениях всестороннего стратегического партнёрства между Туркменистаном и Китаем. В этом контексте указана необходимость содействовать сотрудничеству между двумя странами в сфере соединения дорог и трансграничного транспорта, увеличить количество рейсов и объём железнодорожных контейнерных перевозок по маршруту Китай-Кыргызстан-Туркменистан-Иран и мультимодальных перевозок в направлении Китай-Кыргызстан-Узбекистан-Туркменистан. Частью Азиатского международного транспортного коридора стала железная дорога Керки-Ымамназар-Акина-Андхой, строительство которой было завершено в 2021 году. Страна является участницей 12 международных конвенций по транспорту, инициатором проведения Первой Глобальной конференции по устойчивому развитию» [142].

В статье Джумаев А.Д. «Миротворческая дипломатия Туркменистана: путь к стабильности и международному сотрудничеству» автор отмечает, что «экономическая дипломатия Туркменистана использует свои ресурсы, включая энергетические, для укрепления экономического сотрудничества с другими странами региона. Экономическая интеграция способствует снижению напряженности и созданию благоприятной среды для мирного сосуществования. Проект строительства газопровода, соединяющего Туркменистан, Афганистан и Пакистан, не только способствует экономическому развитию региона, но и укрепляет доверие между этими странами, что в свою очередь способствует стабильности в регионе» [86, СС. 201-202].

В статье Байсалбек О. «Газовая дипломатия Туркменистана: зависимость от Китая, диверсификация экспорта и геополитические возможности» отмечается, что «на сегодняшний день наиболее важным экспортным направлением для Туркменистана является Китай. Через систему газопровода «Центральная Азия - Китай» туркменский газ стабильно поставляется на китайский рынок, а данная инфраструктура стала одним из основных источников валютных поступлений для экономики страны. Ориентация на единственный рынок ослабляет переговорные позиции страны и формирует внешнюю зависимость в вопросах ценообразования. С целью снижения данной зависимости Туркменистан на протяжении ряда лет сохраняет стратегию диверсификации экспортных маршрутов. Наиболее обсуждаемым проектом в этом направлении является газопровод TAPI (Туркменистан - Афганистан - Пакистан - Индия). Теоретически данный проект способен обеспечить Туркменистану выход на растущий энергетический рынок Южной Азии и рассматривается как альтернатива китайскому направлению. Кроме того, проект TAPI может превратить Туркменистан в транзитный энергетический мост, соединяющий

Центральную Азию с Южной Азией, тем самым усиливая его геополитическую значимость. Однако главным слабым звеном данного проекта остаётся проблема безопасности. Инфраструктура, проходящая через территорию Афганистана, относится к числу проектов с крайне высоким уровнем риска в условиях нестабильности. Слабость конкретных гарантий безопасности, неопределённость для инвесторов и политическая нестабильность в регионе на протяжении длительного времени препятствуют практической реализации проекта TAPI. Поэтому, несмотря на то что данный проект сохраняется как стратегически значимый план, его полноценный запуск в настоящее время остаётся неопределённым» [26], – отметил эксперт.

Также он считает, что «ещё одним потенциальным направлением диверсификации экспорта является выход на европейский рынок через Каспий, то есть идея Транскаспийского газопровода. Если поставки туркменского газа через дно Каспийского моря в Азербайджан и далее по Южному газовому коридору в Европу будут реализованы, это станет одним из наиболее эффективных способов диверсификации экспорта для Туркменистана. Такой маршрут усилил бы вес Туркменистана на международном энергетическом рынке и расширил бы его возможности внешнеполитического маневрирования. Тем не менее существуют значительные препятствия на пути реализации данного направления. Во-первых, проект Транскаспийского газопровода является технически и экологически сложным; во-вторых, вопрос финансирования остаётся не полностью решённым; в-третьих, геополитическая оппозиция со стороны таких акторов, как Россия и Иран, продолжает оставаться ключевым сдерживающим фактором. По этой причине Транскаспийский маршрут для Туркменистана в текущий период является скорее долгосрочной стратегической возможностью, чем реально функционирующим экспортным направлением» [26].

«В целом газовая дипломатия Туркменистана в настоящее время остаётся одним из ключевых факторов обеспечения экономической стабильности и геополитических позиций страны. Однако долгосрочная успешность данной стратегии напрямую зависит от диверсификации экспортных маршрутов, управления внешними зависимостями и направления энергетических доходов на экономическую трансформацию. Наиболее эффективным путём для Туркменистана является сохранение стабильного экспорта в Китай при параллельном поэтапном развитии альтернативных маршрутов и укреплении национальной экономической устойчивости через адаптацию к глобальным энергетическим изменениям. Такая политика, основанная на балансе, способна усилить стратегическую значимость Туркменистана на региональном и международном уровнях, а также расширить его внутреннюю устойчивость и внешнеполитические возможности маневрирования» [26], отметил О. Байсалбек.

Казахстанский источник Inform.kz отметил, что «Туркменистан остается приверженным своим фундаментальным принципам и

международно-правовым обязательствам: невмешательство во внешние конфликты, неучастие в многосторонних военных, политических и других структурах, имеющих наднациональный характер, приверженность мирному, политико-дипломатическому решению межгосударственных противоречий, уважение суверенитета и территориальной целостности государств, миролюбие и добрососедство» [88], – сообщает источник.

Таким образом подводя под общий знаменатель повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики следует отметить, что несмотря на наличие множества сближающих факторов, странам региона пока не удалось создать полноценное интеграционное объединение. Но государства не стояли на месте и вели самостоятельную внешнюю политику, создавая национальные векторы экономического развития в связи со складывающимися обстоятельствами не только в регионе, но и в мире. В целом современные модели экономической дипломатии государств Центральной Азии характеризуются переходом от слабовыраженного участия в международных процессах, к активному формированию центральноазиатской повестки.

Экономическая дипломатия Кыргызстана напрямую связана с реализацией масштабных транспортно-инфраструктурных проектов таких как железнодорожная магистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан, что превращает горную республику в транзитный стратегический сухопутный торговый мост. Особое внимание также уделяется привлечению инвестиций в гидроэнергетический комплекс страны, который в перспективе может обеспечить энергетическую безопасность и определенные объемы электричества на экспорт в рамках проекта CASA-1000.

Северный сосед Кыргызстана – Казахстан выстраивает дипломатическую модель в контексте инвестиционно-технологического прагматизма. Страна стремится отказаться от экспорта сырья и довести промышленный комплекс до уровня переработки сырья, что соответственно будет приносить мультипликативным эффектом больше дохода в казну государства. Республика Казахстан переходит к принципу «ресурсы в обмен на технологии», что обеспечивает локализацию высокотехнологичных производств и укрепляет позиции республики как лидера в привлечении прямых иностранных инвестиций в несырьевые сектора. Важным и ключевым также для дипломатии лидера привлечения инвестиций в Центральной Азии выступает развитие транспортных коридора – Транскаспийского международного транспортного маршрута. Не менее интересен факт того, что казахские ученые научились разрабатывать водород как энергетический ресурс с возможностью его использования в промышленности (нефтепереработка, производство удобрений и химикатов, металлургия и пищевая промышленность).

Узбекистан в сравнении с другими странами центральноазиатского региона демонстрирует институциональную открытость с целью вступления

в ВТО и либерализацию внешнеторгового режима. Экономическая дипломатия Узбекистана стремится к созданию промышленного сектора с участием иностранного капитала. Разрабатываются новые транспортно-логистические маршруты. Начато строительство железнодорожной торговой магистрали Китай-Кыргызстан-Узбекистан, что далее позволит Узбекистану выйти на Прикаспийский рынок и мировой океан через порты Ирана и Китая. Страна продолжает искать и привлекать инвестиции в высокие технологии.

Экономическая дипломатия Таджикистана традиционно настроена на развитие гидроэнергетического комплекса страны и на продвижение ресурсно-инфраструктурных проектов. Главной задачей Таджикистана является завершение строительства Рогунской ГЭС, чтобы достичь максимальных объемов выработки электричества для удовлетворения внутренних потребностей и экспорта по линии CASA-1000. Страна также стремится к выходу из коммуникационной изоляции через развитие мультимодальных коридоров в сторону иранских портов. Транспортная связка с Афганистаном и Пакистаном в перспективе также могут дать стране выход к морским портам. Кроме того, экономическая дипломатия Душанбе прорабатывает совместно с Узбекистаном вопросы водопользования водной артерии Центральной Азии реки Амударьи.

Туркменистан придерживается экономической дипломатии, которая основывается на диверсификации газопроводных маршрутов с выходом на Европу. Страна может стать основным поставщиком газа в страны Европейского Союза и не только. Транспортно-логистическое направление также является одним из важных направлений выстраивания международных связей. Страна может стать транспортным узлом на перекрестке коридоров «Север-Юг» и «Запад-Восток». Страна также ищет выход на морские порты Ирана. Выстраивание прагматичной дипломатии в прикаспийском регионе немаловажное направление для МИДа Туркменистана.

Обобщая модели экономической дипломатии государств Центральной Азии следует отметить, что появляются фрагментарные предпосылки по развитию и формированию единой субрегиональной субъектности. Центральноазиатский регион приобрел формат стратегического проектирования. Страны преодолевают барьер географической замкнутости, трансформируя свое географическое положение в статус главного сухопутного моста евразийского пространства. Центральная Азия сегодня это непросто сумма экономик пяти государств, а формирующийся новый интегрирующийся рынок, технологический и транспортно-логистический хаб.

Обобщая выводы по всем странам следует отметить, что центральноазиатские государства в своей экономической дипломатии основными моделями развития ставят привлечение инвестиций, их продуктивное использование в секторах экономики и выход с географического тупика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования особенностей экономической дипломатии стран Центральной Азии необходимо отметить, что в современных условиях они представляют собой уникальный механизм противостояния и адаптации к вызовам глобализации и геополитических изменений. Центральноазиатский регион, расположенный в центре евразийского континента, за последние годы превратился из периферийного региона в стратегический, в котором пересекаются интересы крупнейших мировых держав и транснациональных корпораций. В таком контексте экономическая дипломатия государств центральноазиатских государств выступает как инструмент внешней политики и основа национальных стратегий развития страны, направленной на преодоление географической замкнутости и выстраивание внешнеэкономических связей. Особенности центральноазиатского феномена во внешнеэкономических стратегиях обусловлены постоянным лавированием между глобальными акторами и стремлением сохранить суверенитет в условиях необходимости получения инвестиций и новых современных технологий. Каждое государство центральноазиатского региона придерживаясь политики многовекторности вне зависимости от форм государственного управления выработало собственные методы привлечения иностранных инвестиций и защиты национальных интересов. Общей чертой все стран остается переход к прагматизму. Страны заметно стремятся созданию новых коридоров, обеспечению энергетической безопасности и интеграции в мировое сообщество.

Концептуальные подходы к определению экономической дипломатии в международных отношениях государств Центральной Азии показали, что принципы исследования опираются на достаточно широкую изученную и проанализированную научную базу. Использование достоверных источников и документов, дают возможность сформулировать и утверждать о наличии принципа объективности. Используемые в диссертации системный подход в контексте индуктивного, дедуктивного, логического, причинно-следственного методов анализа и синтеза, с учетом присутствия авторского суждения, позволили исследовать внешнеэкономические связи в контексте экономической дипломатии связанных единой целью и задачами. Используя события, явления и действия участников (государства Центральной Азии) экономической дипломатии в сотрудничестве с партнерами работа представлена в едином взаимосвязанном комплексе. При этом следует

отметить, что исследование было сосредоточено на выявлении, изучении и анализе сложных политико-экономических взаимодействий государств центральноазиатского региона с внешним миром.

Совокупность использованных методов исследования позволило автору обосновать положения, выносимые на защиту, просмотреть возможные пути достижения цели и решить задачи, установленные в диссертации. Исследование особенностей экономической дипломатии стран Центральной Азии включает в себя оценку современного состояния, основных проблем и перспектив заявленной темы. Внимание сосредоточено на межгосударственном взаимодействии и на сотрудничестве с негосударственными акторами. Обширный предмет исследования обусловил использование междисциплинарного подхода (политико-экономический).

Методологическими основами исследования особенностей экономической дипломатии в странах Центральной Азии являются понятия, категории, научные подходы, принципы, методы исследования, оценка экономической дипломатии в контексте внешней политики государств ЦА в современных условиях международной ситуации. Такое авторское видение методологических основ позволило исследовать национальные интересы, состояние проблемы и перспективы экономической дипломатии стран центральноазиатского региона.

Внешнеэкономические стратегии государств Центральной Азии в постсоветский период в процессе формирования и некоторых изменений в постсоветский период показали, что Кыргызстан во внешнеэкономической стратегии использовал модели реэкспорта, затем, энергетический и горнодобывающий, в последние годы внимание сконцентрировано на цифровизации экономики и использовании транзитного потенциала. Эти модели в годы независимости следовали друг за другом. Однако говорить о том, что первые две предыдущие модели изжили себя не приходится. Все модели в настоящее время используются во внешнеэкономической стратегии с акцентом на цифровизацию экономики и использование транзитного потенциала.

Главной особенностью кыргызстанской модели остается адаптивность к внешним вызовам, опора на малый и средний бизнес. Страна продолжает привлекать инвестиции для развития энергетического сектора и на инфраструктурные проекты. Кыргызская Республика также стремится в своей внешнеполитической стратегии расширять торговлю, развивать транспортно-логистические связи и продвигать национальные экономические интересы. Республика зависит от внешнего финансирования и у нее стремление стать транзитным узлом. Развитие гидроэнергетики – это долгосрочный проект роста.

Кыргызстан во внешнеэкономической стратегии стремится придерживаться многовекторности. Можно отметить, что страна реализовывает политику открытости. Она также предпринимает усилия по укреплению позиций в организациях, таких как ООН, ШОС, ВТО, ЕАЭС,

ОДКБ и получает дополнительные бонусы для развития от участия в них. Республика в условиях высокой конкуренции в системе международных отношений старается выстраивать такие отношения с внешним миром, которые помогают укрепить государственность, экономику и региональную стабильность. Внешняя политика страны ориентирована не только на политические задачи, но в том числе и на решение социально-экономических вопросов государства.

Что касается Казахстана, то стратегии внешнеполитического курса в Казахстана можно разделить на 4 основных этапа. В период становления независимости республика устанавливала дипломатические связи с внешним миром, стремясь прорабатывать аспекты защиты суверенитета, международное признание, Казахстан участвует в глобальной дипломатии. Для этого этапа знаменательно то, что страна получает первые иностранные инвестиции, выстраивая энергетическую безопасность. Второй этап – 2000-е годы – это закрепление многовекторности во внешней политике. Страна сконцентрирована на продвижении международного имиджа. Кроме этого, привлечение инвестиций в нефтегазовую отрасль и перерабатывающую отрасль увеличивается. Третий этап – 2010-е годы – экономизация внешней политики и активизация дипломатии, страна планирует войти в топ-50 развитых стран, выстраивая национальную дипломатию для глобальной интеграции. Отметить необходимо то, что страна предусматривает многовекторность во внешней политике, региональное сотрудничество, развитие экономики и национальной безопасности. В результате такой внешнеэкономической политики в нефтегазовую отрасль инвестиции растут. Страна также стремится перейти от сырьевого экспорта к экспортированию переработанной продукции с добавленной стоимостью. Четвертый этап - 2020 -е годы – усиление регионального лидерства и транспортно-логистической стратегии. В этот период страна осуществляет региональную интеграцию и торговое сотрудничество в рамках содружества ЕАЭС. Страна программирует сотрудничество с государствами ЦА, развивая транспортно-логистическую систему. Государство также стремится к безопасности и привлечению большего количества иностранных инвестиций. На этом этапе Казахстан сконцентрирован на балансирование между коллективным Западом, Россией и Китаем, развивая транспортные коридоры. Присутствие в экономике иностранных партнеров в этот период вывел страну в самого крупного получателя инвестиций.

При всем вышеперечисленном именно многовекторность остается главной внешнеполитической стратегией Казахстана с первых лет независимости. Внешнеполитическая стратегия Казахстана эволюционировала от этапа международного признания и институционального становления в 1990-е годы к устойчивой модели многовекторной дипломатии в 2000-е и 2010-е годы. На современном этапе ключевое внимание уделяется укреплению регионального лидерства,

развитию транспортно-логистического потенциала и сохранению стратегического баланса между ведущими мировыми центрами силы.

Развитие внешнеэкономических стратегий Узбекистана за годы независимости показало, что целью страны в первые годы независимости было выживание и сохранение стабильности, страна основывалась на «пути реформ», где в приоритете была защита внутреннего рынка и сохранение валютного контроля. Создание в Узбекистане завершенных производственных циклов позволило стране сохранить и развивать промышленный потенциал. Такой подход ограничивал приток внешних инвестиций из-за высоких административных барьеров в первые годы независимости.

Позже либерализация валютного рынка и реформирование нормативно-правовой базы стали сигналом о смене приоритетов, где в экономической дипломатии ключевым стало не просто экспортирование сырья, а активное встраивание в международные транспортные коридоры. При этом следует отметить, что нынешний вектор экономического развития характеризуется как многовекторный. Узбекистану удается балансирование между крупными акторами системы международных отношений. Страна, сохраняя статус наблюдателя в ЕАЭС одновременно работает над процессом вступления в ВТО. Это говорит о том, что стремление направлено на получение преференций в ЕАЭС, при том, что не закрываются возможности для технологического сотрудничества с государствами Запада и Юго-Восточной Азии.

Таким образом можно отметить, что внешнеэкономическая стратегия Узбекистана трансформировалась из закрытой экономики в экономику с динамичными механизмами развития. Двигаясь в таком направлении, страна может достичь больших успехов, если ей удастся конвертировать демографический и транзитный потенциал в реальную конкурентоспособность готовой продукции на мировом рынке, закрепив за собой имидж ключевого связующего звена в центре континента.

В свою очередь, внешнеэкономическая стратегия Таджикистана шла по пути усиления государственного прагматизма. Главным вектором развития страны стало то, что она после завершения строительства Рогунской ГЭС получила перспективу участия в проекте CASA-1000, который превращает Душанбе в экспортера «зеленой» электроэнергии в Южную Азию. В стране сохраняется модель, при которой переводы трудовых мигрантов в Таджикистан остаются важными факторами для экономики ее финансовой стабильности. Центральноазиатская республика пытается найти баланс между крупными международными акторами системы международных отношений. Стратегическое партнерство с Китаем позволило модернизировать транспортную инфраструктуру, вступление в ВТО указывает на готовность страны работать по международным стандартам. Несмотря на то, что у Таджикистана высокая долговая нагрузка, страна сосредоточена на создании свободных экономических зон и постепенном

переходе к индустриально-аграрной модели, которая должна снизить зависимость страны от внешних потрясений. Таким образом, внешнеэкономическая политика Таджикистана в настоящее время стремится к конвертации природных ресурсов и географического положения в платформу для индустриального развития.

Внешнеэкономическая стратегия Туркменистана в годы независимости страна выстроила модель «энергетического суверенитета», которая основывается на государственном контроле и политике нейтралитета. Страна стремится избежать участия в наднациональных союзах и интеграционных объединениях, что позволило сохранить за собой исключительное право самостоятельно распоряжаться углеводородными ресурсами. Туркменистан диверсифицировал маршруты экспорта газа, что привело к установлению стратегического и финансового партнёрства с Китаем.

Современный внешнеэкономический подход страны характеризуется стремлением перейти от сырьевой модели к созданию высокотехнологичной газохимической индустрии и мощной транзитной инфраструктуры. Туркменистан инвестирует в строительство инфраструктурных объектов, транспортных коридоров, чтобы превратить территорию страны в логистический узел между Каспийским регионом и рынками Южной Азии. Закрытая модель внешнеэкономической деятельности Туркменистана пока стабильная, но на наш взгляд, она будет зависеть от способности сбалансировать национальный изоляционизм с необходимостью более глубокого выстраивания в мирохозяйственные связи.

Изучение моделей сотрудничества в контексте экономической дипломатии стран Центральной Азии показало, что государства сосредоточены не только на двусторонних связях или внутрирегиональных, но и на многовекторности, на активном участии в многосторонних форматах, позволяющих развивать взаимоотношения и транспортно-логистический потенциал.

За более чем тридцать лет независимости центральноазиатские государства достигли существующего уровня развития экономики благодаря совместной работе в рамках внутрирегиональных двусторонних и многосторонних соглашений, а также в результате выстраивания партнерских связей с влиятельными акторами системы международных отношений. При этом у каждой отдельной республики региона своя история и контекст взаимоотношений с внешними партнерами.

Что касается Туркменистана, то внешней экономической политике страны характерна политическая автономия и закрытость. Страна участвует в некоторых моделях внешнеэкономического сотрудничества, однако говорить об открытости и готовности сотрудничать с привлечением больших инвестиций и предоставлением доли собственности зарубежным партнерам пока говорить не приходится.

Изложенные выше материалы указывают на то, что внешнеэкономические связи государств региона настроены на отказ от

изолированности и продвижение в пользу синергии многосторонних векторов. Такой подход способствует укреплению внутренних связей, капитализации транзитного потенциала и активного встраивания в глобальные проекты. Это минимизирует внешнюю зависимость и создает устойчивую благоприятную платформу для экономического роста. Главный итог того, что многовекторность внешнеэкономических связей в рамках внутрирегиональных договоров, соглашений, внешних региональных отношений в виде СНГ, ЕАЭС, ШОС, «Один, пояс, Один путь», ТюркПА, ССТГ, ОТГ, «С5+1» (ЦА + США, ЕС, Япония, Южная Корея) на сегодняшний день не просто политический лозунг, а практический инструмент экономической выгоды. Именно эти проекты и организации выступают основными моделями сотрудничества в контексте внешнеэкономической деятельности. При этом транспортно-логистическая система и связуемость ее, а также природные ресурсы выступают платформой для продвижения других направлений сотрудничества. Более детально эти модели будут изучены и проанализированы на примере инвестиций и энергетической дипломатии, как инструменты обеспечения национальных интересов государств центральноазиатского региона по каждой стране отдельно в следующем параграфе.

В результате решения задачи по определению роли инвестиционной и энергетической дипломатии в обеспечении национальных интересов государств региона выявлено, что Кыргызстан находится в процессе энергетической мобилизации и регионального партнерства. Инвестиции, привлекаемые в страну направлены активное строительство генерирующих мощностей в гидроэнергетике. Республика акцентирует внимание на сотрудничестве с соседними государствами в регионе и крупными игроками в лице Китая. Официальный Бишкек стремится на укрепление энергетической независимости и выстраивании отношений, которые позволят выйти из географической замкнутости к берегам моря и международной торговле не только по суше.

Энергетическая дипломатия Казахстана выстраивается в призме привлечения капиталов для добычи углеводородов. Причем страна, привлекая огромные инвестиции не страшится пускать в совместное управление самих инвесторов. Своими силами государство не способно активно заниматься разведкой, разработкой месторождений углеводородов, в условиях того, что основная прибыль от экспорта нефти и газа, Астана вынуждена в целях сохранения социальной стабильности привлекать инвесторов извне. Казахстан выстраивает взаимоотношения не только с соседними государствами, но и привлекает, всемирные международные организации, банки. Складывается ощущение, что сумма внешнего долга – это платформа, на которой выстраивается благосостояние экономики страны, без факторов риска, способствующее внедрению новых технологий.

Узбекистан и его дипломатия характеризуется открытостью и открытым поиском новых партнеров. Страна выстраивает новые

технологические цепочки и модернизирует энергетический сектор с целью удовлетворения внутреннего спроса. Заметно, что страна, привлекая инвестиции стремится использовать их целенаправленно с высокой отдачей. Официальный Ташкент, используя внешние финансовые вливания поступательными шагами идет к статусу экономического лидера в Центральной Азии, показывая стабильный устойчивый рост экономики страны. Как и все страны региона, республика пытается в сотрудничестве с соседними странами региона проложить маршрут от Китая в Европу, что в случае осуществления дает возможность усилить свое положение и авторитет в системе международных отношений.

Для Таджикистана инвестиционная и энергетическая дипломатия являются главными механизмами обеспечения национальных интересов. Ключевое место здесь занимает развитие гидроэнергетического сектора, который в перспективе может дать энергетическую независимость и доходы от экспорта экологически чистой электроэнергии. Как и перед соседними странами региона, перед Таджикистаном также стоит задача выйти из географического тупика. Посредством экспорта электроэнергии в Пакистан, Афганистан экономика страны может получить отличный импульс для развития экономики и решения внутриэкономических проблем.

Туркменистанской внешней экономической политике характерна черта энергетической автономии и закрытости, стремящейся выгодно продать газ. Газовые ресурсы – это основной доход в казну государства, поэтому Ашгабат стремится улучшить состояние сектора, увеличить объемы добычи и заниматься стабильным экспортом по интересующей их цене. Дипломатия страны направлена на расширение экспортных газовых магистралей при сохранении минимального уровня внешнего долга. В основном инвестиции привлекаются в газовый сектор – обеспечение стабильной добычи транспортировка сырья. Такой подход энергетической дипломатии сохраняет закрытость системы при стабильном валютном доходе.

В целом Центральная Азия становится регионом, где государства занимаются не только политикой, но и дипломатией способствующей развитию экономики. Посредством привлечения внешних инвестиций государства стремятся к экономической стабильности и поступательному ее росту, с целью выстраивания энергетической безопасности и финансовой устойчивости.

Таким образом, транспортно-логистическая дипломатия и внешнеэкономическое сотрудничество государств Центральной Азии реализуется в трех основных направлениях – локальный (центральноазиатская интеграционная модель), функциональный (транспортные коридоры ТРАСЕКА, «Север – Юг») и глобальный (ЕАЭС, «Один пояс, один путь»). Все эти направления дополняют друг друга. Развитие транспортных коридоров ТРАСЕКА, «Север – Юг» превращает географическую замкнутость региона в конкурентное преимущество. Регион может стать ключевым транспортно-логистическим маршрутом на

евразийском пространстве, что позволит балансировать влияние мировых акторов США, ЕС, Китай, Россия, Южная Корея, Япония, Иран, Турция, сохраняя при национальные интересы. Современная экономическая дипломатия центральноазиатского региона включает двусторонние связи и многосторонние форматы, посредством чего имеется перспектива решения вопросов экологии, водных ресурсов, водопользования в трансграничной торговле.

Выстраивая новую транспортно-логистическую систему государства Центральной Азии поступательными шагами, идет к тому, чтобы на евразийском пространстве занять позиции альтернативных торговых магистралей, сокращающих сроки доставки грузов. Статус центральноазиатских государств – «landlocked» (не имеющие выхода к морю) в ближайшей перспективе может замениться на статус «Access to the sea» (доступ к морю).

Следует отметить, что в транспортной логистике через государства Центральной Азии заинтересованы Китай, страны ЕС, Турция, Иран, Афганистан и сами центральноазиатские страны. Успешность этого проекта во многом зависит от внутриполитической стабильности заявленных стран региона, в том числе Афганистана, Пакистана, Ирана. Выстраивание новой системы транспортной логистики через Центральную Азию с севера на юг и с запада на восток способствуют выстраиванию новых международных договоров, которые будут влиять на стабильность в регионе. Страны центральноазиатского региона в плане экспортно-импортированных направлений станут гораздо активнее, что мультипликативным эффектом отразится на экономическом росте и социальном благосостоянии. Евразийская сухопутная торговля активизируется и будет хорошей альтернативой для морской торговли. Великий Шелковый путь будет реанимирован.

Следует отдельно отметить, что российско-украинский конфликт, азербайджано-армянский конфликт и ситуация на Ближнем Востоке – война Ирана с США и Израилем – процессы, которые повлияли на интеграционные процессы в центральноазиатском регионе. Конфликт за Нагорный Карабах показал, что ОДКБ, где главным влиянием пользуется Россия, на сегодняшний день реагирует только в интересах или по настроению России, что конечно же отразилось на авторитете организации. Санкции, введенные в отношении России, также повлияли на состояние внутренних политико-экономических связей государств Центральной Азии. Влияние Европейского Союза и США в контексте введение вторичных санкций в странах ЦА насторожила властные элиты центральноазиатского региона. Это прежде всего обусловлено тем, что взгляды России, США, ЕС и Китая стали пристальнее в отношении Бишкека, Астаны, Ташкента, Ашгабада и Душанбе.

В ШОСе, где большая часть стран Центральной Азии являются членами организации, также наблюдаемая политико-экономическая конкуренция между Москвой и Пекином. Экономическое влияние Китая

более актуальна, чем политический акцент России для стран ЦА, однако говорить о том, что страны ЦА в открытую не готовы заявлять о своих национальных интересах, занимая российскую или китайскую сторону. Это также ведет к скрытной политике государств ЦА.

Несмотря на многочисленные попытки государств Центральной Азии сблизиться, тем не менее, региональная интеграция сталкивается с барьерами. Причинами выступают как внешние, так и внутренние факторы. Уровень политико-экономических изменений их темпы, а также отличия национальных законодательств, различия в приоритетах, национальных интересах, разновекторность внешнеполитической ориентации и другие факторы являются барьерами в интеграции региона. Слабое интеграционное состояние приводит к отсутствию согласованной внутрирегиональной политики. В результате потенциал совместных проектов в вопросах региональной интеграции в уязвимом положении.

Неготовность к полноценному сотрудничеству государств Центральной Азии обусловлена тем, что между ними конкуренция и отсутствие понимания экономических, политических дивидендов от кооперации и интеграции. Реальные механизмы, которые сближают и создают единый торгово-экономический, и политическо-экономический союз отсутствуют. Государства региона находятся в фазе поиска механизмов кооперации и интеграции. Прагматичность и ревность основные критерии, которые препятствуют сближению. Несмотря на совместные работы, проекты остаются проблемы в едином планировании процесса интеграции.

Противоречия в гидроэнергетических вопросах остаются нерешенными. Слабость интеграционных процессов проявляется также и в отсутствии единых правовых и цифровых стандартов, что создает так называемые цифровые разрывы. Внезапные запреты на экспорт товаров подрывает взаимное доверие и интерес инвесторов к региону как к единому рынку.

Государства центральноазиатского региона одновременно и сотрудничают, и конкурируют. Конкуренция прослеживается за транзитные потоки, инвестиции и рынки сбыта, что сдерживает формирование единой региональной позиции. Слабая согласованность нормативно-правовых систем, различия в таможенных процедурах снижают эффективность дипломатических инициатив. Отсутствие выхода к морю у большинства республик региона усиливает зависимость от транзитных государств и выводит на ведущие позиции транспортную дипломатию, которая в последнее время стала ключевой и одновременно уязвимой сферой. Особого внимания заслуживает влияние внешних акторов (Китай, Россия и США), интересы которых не всегда совпадают. В связи с чем республикам ЦА приходится балансировать. Разная степень участия в союзах (ЕАЭС, ОДКБ), создает асимметрии и усложняет выработку общей экономической стратегии региона. Экономическая дипломатия Центральной Азии развивается в условиях «фрагментированной интеграции», где внутренние противоречия и

внешние влияния одновременно стимулируют сотрудничество и ограничивают его глубину.

Противоречия и барьеры в реализации экономической дипломатии государств центральноазиатского региона комплексные. Кроме внутренних факторов, наблюдается и внешний факторы. Страны предпринимали неоднократные попытки интеграции, однако эти попытки нельзя назвать успешными до тех пор, пока между странами не будут выстроены образцовые добрососедские взаимоотношения, которые будут определять роль и место региона в системе международных отношений. В следующем параграфе, посвященном внешнеэкономическому сотрудничеству стран Центральной Азии с ведущими глобальными внешнеэкономическими акторами и международными организациями выполняется детальное изучение, которое даст более подробную информацию, подтверждающая специфичность и прагматичность государств Центральной Азии.

Подводя итог внешнеэкономическим связям отдельных центральноазиатских республик с Россией, Китаем, США, Евросоюзом, Турцией, Ираном, Японией и Южной Кореей следует отметить, что они имеют стремление выстраивания новых связей способных повлиять не только на качество внешнеэкономических взаимоотношений, но и принести практический опыт, влияющий на экономическое развитие сторон.

Внешнеэкономическое сотрудничество Кыргызстана характеризуется стремлением к балансированию между традиционными историческими связями и поиском новых партнеров, предоставляющих инвестиции и технологии для улучшения экономического развития. В отношениях с Россией сохраняется глубокая интеграционная связь на основе исторических традиций. Прежде всего основой двусторонних связей выступают общее таможенное пространство (ЕАЭС), военно-политический союз (ОДКБ), трудовой миграцией, поставками энергетических ресурсов и других материалов (лес, металл и др). Кроме того, партнерство осуществляется в рамках ООН, ШОС, РАТЦ. В условиях российско-украинских отношений, Кыргызстан стал страной, поставляющей в Россию санкционные товары. Получая в обмен энергетическую и политическую безопасность. Россия выстраивая связи с Кыргызстаном стремиться сохранить экономическое и политическое влияние на официальный Бишкек, с целью наличия плацдарма в регионе Центральной Азии

Китай в отличие от России осуществляет в Кыргызстане свой экономический проект – «Один пояс, Один путь». Пекин инвестирует в топливно-энергетический сектор Кыргызстана, транспортную инфраструктуру. Примером выступают НПЗ «Джунда», ЛЭП «Датка-Кемин», модернизация ТЭЦ Бишкека, солнечная электростанция на Иссыккуле и другие проекты. Рассматриваются вопросы по строительству и модернизации крупных гидроэлектростанций и малых ГЭС. На китайские кредиты строятся дороги, связывающие страну с Юга на Сервер, с Востока на Запад. Китай стал крупнейшим инвестором в экономику Кыргызстана. Страны имеют

общие границы, поэтому могут создать качественные торгово-экономические связи. Посредством экономического влияния Китай выстраивает свою внешнюю политику в отношении Кыргызстана с целью создания беспрепятственной транзитной зоны для китайских товаров через автомобильные магистрали и строящуюся железную дорогу Китай-Кыргызстан-Узбекистан с выходом на Прикаспийский регион, Иран, Кавказ, Европу по суше.

Сотрудничество Кыргызстана и США, а также Европы в основном направлено на развитие демократическим институтов, гражданского общества. Инвестиции США в экономику Кыргызстан незначительные в сравнении с китайскими и традиционными российско-кыргызскими взаимоотношениями. Однако присутствие в свое время американской авиабазы в кыргызстанском гражданском аэропорту «Манас» на некоторое время углубило сотрудничество стран. Кыргызстан получал финансовую прибыль за локацию и действие американской базы. Но с выводом базы кыргызско-американские отношения охладели. Многие фонды, например, «Сорос-Кыргызстан», и международные организации под патронажем США – USAID и другие были закрыты в Кыргызстане.

Что касается сотрудничества Кыргызстана и Евросоюза, то необходимо отметить неподдельный интерес Брюсселя к выстраиваемой в Кыргызстане дорожной инфраструктуре, которая может стать альтернативной сухопутной торговой магистралью по поставкам китайской продукции в Европу. Европейский Союз выделяет гранты кредиты через ЕБРР в образование Кыргызстана и оказывают финансовую поддержку бюджету Кыргызстана, периодически. В условиях российско-украинского конфликта территория может стать сухопутной торговой магистралью в обход России, в том числе в обход Казахстана. Эта транспортная артерия в перспективе может стать важным отрезком на пути продвижения товаров, технологий с Востока на Запад.

В кыргызско-турецких торгово-экономических связях преобладает преимущественно инвестирование турецкого малого и среднего бизнеса, а также гуманитарных и образовательных инициатив. За счет турецких денег в стране отстраиваются современные отели, торговые центры. Открыты университеты «Манас» и «Ала-Тоо», школы «Себат», в последствии переданные турецкому Фонду «Маариф». Осуществляется также военно-политическое сотрудничество в рамках Организации тюркских государств. Турция поставила беспилотники в Кыргызстан, что значительно повлияло на качество вооруженных сил Кыргызстана. Турция стремиться получить через Кыргызстан плацдарм в Центральной Азии. При этом нельзя забывать, что Турецкая Республика является членом НАТО. Это может прогнозировать стремление Анкары снизить влияние традиционных партнеров Кыргызстана – Россия и Китай.

Взаимоотношения Бишкека и Тегерана в основном выстраиваются с основной целью – логистика и выход Кыргызстана к мировому океану через

порты Ирана. Сотрудничество также осуществляется товарообменом и культурно-гуманитарными связями. В университетах Кыргызстан, например, Бишкекский государственный университет, Кыргызский национальный университет, Кыргызско-Российский славянский университет, открыты центры иранистики, где продвигается язык и культура Ирана.

В сотрудничестве Кыргызстана с Японией и Кыргызстана основные взаимоотношения выстраиваются в сторону цифровизации и подготовки квалифицированных специалистов. Японию и Южную Корею также интересует Кыргызстан в связи с тем, что территория страны является участком торговой сухопутной магистрали, связывающей Восток и Запад.

Казахстан, имеющий общие границы с Россией, придерживается традиционных торгово-экономических и политико-экономических связей. Товарооборот между странами стабильный. Однако, в последнее время Астана диверсифицирует внешнеэкономическую модель сотрудничества с Москвой привлекая все больше капитала и инвестиций с Запада и Востока. Инвестиции США и Евросоюза в топливно-энергетический сектор Казахстана на сегодняшний день занимают лидирующие позиции. В основном они направлены на нефтегазовую отрасль (разведка, разработка, добыча). В это время Китай, как и Россия выступает стратегическими партнерами. Пекин укрепляет в Казахстане позиции покупателя сырья и инвестора в новые производственные мощности. Турция и Южная Корея активно инвестируют в сборочное производство. Япония поддерживает высокотехнологичные проекты Казахстана. Иран рассматривается Казахстаном как важный транзитный узел для выхода казахстанской продукции в зону Персидского залива.

Узбекистан в последние годы совершил экономический прорыв, связанный с активизацией точечных контактов по всем экономическим направлениям. Традиционный исторический партнер Россия ведет конкуренцию с Китаем за модернизацию узбекской промышленности и энергетической системы. Отношения с западными партнерами – США и Евросоюз перешли на новый уровень в вопросах реформирования финансового сектора. Турция занимает в Узбекистане особое место благодаря языковой и культурной близости что способствует участию малого и среднего бизнеса в центральноазиатской республике. Япония и Южная Корея выступают поставщиками высоких технологий в автомобилестроении, электронике, а Иран перспективным партнером в логистике и диверсификации транспортных маршрутов с выходом в морские порты Ирана и зону персидского залива.

В вопросах обеспечения безопасности и социально-экономической стабильности Таджикистан опирается на сотрудничество с Россией. Это подтверждается денежными переводами мигрантов и льготными поставками энергоресурсов. Китай является лидером в инвестиции экономики Таджикистана особенно в горнорудную отрасль и дорожную инфраструктуру. США и Европейский Союз концентрируют усилия на укреплении границ и

социально-гуманитарных проектах, в то время как Япония и Южная Корея содействуют в модернизации систем здравоохранения и аграрного комплекса. Турция активно присутствует в легкой промышленности и образовательном секторе. Взаимодействие Таджикистана и Ирана имеют исторические, культурные и языковые корни. Через Иран Таджикистан стремится выйти из географической замкнутости. Иран инвестирует в гидроэнергетический сектор и дорожную инфраструктуру центральноазиатской республики.

Туркменистан придерживается политики нейтралитета именно поэтому внешнеэкономическое сотрудничество носит избирательный характер. Связи с Россией носят больше декларативный характер. В свою очередь Китай в последнее время после Ирана и России стал основным покупателем туркменского газа. Турция инвестирует и отстраивает морской порт Туркменбаши на берегу Каспийского моря и архитектуру страны. Анкара заинтересована в углеводородных ресурсах Ашгабада. Центральноазиатская страна имея большие запасы газа может стать альтернативным поставщиком ресурса через Кавказ, Турцию в Европу. США и Евросоюз ведут диалог с Туркменистаном о поставках газа в Европу, в то время как Япония и Южная Корея инвестируют в строительство химических и газоперерабатывающих заводов. Иран остается партнером в выстраивании бартерных сделок и транзита грузов.

Подводя под общий знаменатель повышение эффективности моделей экономической дипломатии стран региона в современных условиях мировой экономики следует отметить, что несмотря на наличие множества сближающих факторов, странам региона пока не удалось создать полноценное интеграционное объединение. Но государства не стояли на месте и вели самостоятельную внешнюю политику, создавая национальные векторы экономического развития в связи со складывающимися обстоятельствами не только в регионе, но и в мире. В целом современные модели экономической дипломатии государств Центральной Азии характеризуются переходом от слабовыраженного участия в международных процессах, к активному формированию центральноазиатской повестки.

Экономическая дипломатия Кыргызстана напрямую связана с реализацией масштабных транспортно-инфраструктурных проектов таких как железнодорожная магистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан, что превращает горную республику в транзитный стратегический сухопутный торговый мост. Особое внимание также уделяется привлечению инвестиций в гидроэнергетический комплекс страны, который в перспективе может обеспечить энергетическую безопасность и определенные объемы электричества на экспорт в рамках проекта CASA-1000.

Северный сосед Кыргызстана – Казахстан выстраивает дипломатическую модель в контексте инвестиционно-технологического прагматизма. Страна стремится отказаться от экспорта сырья и довести промышленный комплекс до уровня переработки сырья, что соответственно будет приносить мультипликативным эффектом больше дохода в казну

государства. Республика Казахстан переходит к принципу «ресурсы в обмен на технологии», что обеспечивает локализацию высокотехнологичных производств и укрепляет позиции республики как лидера в привлечении прямых иностранных инвестиций в несырьевые сектора. Важным и ключевым также для дипломатии лидера привлечения инвестиций в Центральной Азии выступает развитие транспортных коридора – Транскаспийского международного транспортного маршрута. Не менее интересен факт того, что казахские ученые научились разрабатывать водород как энергетический ресурс с возможностью его использования в промышленности (нефтепереработка, производство удобрений и химикатов, металлургия и пищевая промышленность).

Узбекистан в сравнении с другими странами центральноазиатского региона демонстрирует институциональную открытость с целью вступления в ВТО и либерализацию внешнеторгового режима. Экономическая дипломатия Узбекистана стремится к созданию промышленного сектора с участием иностранного капитала. Разрабатываются новые транспортно-логистические маршруты. Начато строительство железнодорожной торговой магистрали Китай-Кыргызстан-Узбекистан, что далее позволит Узбекистану выйти на Прикаспийский рынок и мировой океан через порты Ирана и Китая. Страна продолжает искать и привлекать инвестиции в высокие технологии.

Экономическая дипломатия Таджикистана традиционно настроена на развитие гидроэнергетического комплекса страны и на продвижение ресурсно-инфраструктурных проектов. Главной задачей Таджикистана является завершение строительства Рогунской ГЭС, чтобы достичь максимальных объемов выработки электричества для удовлетворения внутренних потребностей и экспорта по линии CASA-1000. Страна также стремится к выходу из коммуникационной изоляции через развитие мультимодальных коридоров в сторону иранских портов. Транспортная связка с Афганистаном и Пакистаном в перспективе также могут дать стране выход к морским портам. Кроме того, экономическая дипломатия Душанбе прорабатывает совместно с Узбекистаном вопросы водопользования водной артерии Центральной Азии реки Амударьи.

Туркменистан придерживается экономической дипломатии, которая основывается на диверсификации газопроводных маршрутов с выходом на Европу. Страна может стать основным поставщиком газа в страны Европейского Союза и не только. Транспортно-логистическое направление также является одним из важных направлений выстраивания международных связей. Страна может стать транспортным узлом на перекрестке коридоров «Север-Юг» и «Запад-Восток». Страна также ищет выход на морские порты Ирана. Выстраивание прагматичной дипломатии в прикаспийском регионе немаловажное направление для МИДа Туркменистана.

Обобщая модели экономической дипломатии государств Центральной Азии следует отметить, что появляются фрагментарные предпосылки по развитию и формированию единой субрегиональной субъектности.

Центральноазиатский регион приобрел формат стратегического проектирования. Страны преодолевают барьер географической замкнутости, трансформируя свое географическое положение в статус главного сухопутного моста евразийского пространства. Центральная Азия сегодня это непросто сумма экономик пяти государств, а формирующийся новый интегрирующийся рынок, технологический и транспортно-логистический хаб.

Обобщая выводы по всем странам следует отметить, что центральноазиатские государства в своей экономической дипломатии основными моделями развития ставят привлечение инвестиций, их продуктивное использование в секторах экономики и выход с географического тупика.

Особенности центральноазиатской экономической дипломатии указывают на то, что страны региона переходят от простого участия в международных процессах к формированию региональной повестки. Экономическая дипломатия исследуемого региона в целом основывается на многовекторной политике, которая проявляется участием в таких проектах как «Один пояс – Один путь», ЕАЭС, с развитием двустороннего партнерства с США, ЕС и странами Среднего и Ближнего Востока, а также Японией, Южной Кореей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллаев А.К. Роль транспортной дипломатии в развитии внешнеторговых маршрутов Республики Узбекистан. Постсоветские исследования. Т.6. № 3 (2023). С. 318. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-transportnoy-diplomatii-v-razvitii-vneshnetorgovyh-marshrutov-respubliki-uzbekistan. Дата обращения: 11.03.2026.
2. Абдурашидова М.С., Ибрагимова К.С. Особенности инвестиционной политики в Республике Узбекистан. С. 244. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-investitsionnoy-politiki-v-respublike-uzbekistan/viewer. Дата обращения: 03.05.2025.
3. Авиационное сотрудничество Казахстана и США развивается в рамках стратегического партнёрства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ans.kz/ru/news/article/79266. Дата обращения: 10.04.2026.
4. Азимова Х.Э. Приоритетные направления привлечения иностранных инвестиций в экономику Узбекистана. С. 457, [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-privlecheniya-inostrannyh-investitsiy-v-ekonomiku-uzbekistana/viewer
5. Акунова Г.Ч. Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения. Проблемы постсоветского пространства. 2020;7(3). С. 300-311, С. 306 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/257/241. Дата обращения: 23.10.2025.
6. Алексеенкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 29–41. // Russia and the Moslem World. 2018. № 3 (301). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/2018-03-008-elena-alekseenkova-comparative-analysis-of-the-activities-of-5-1-formats-created-in-central-asia-withthe-u-s-korea-japan-and-the-eu. Дата обращения: 23.10.2025.
7. Алимбаева А.К., Тусибаева Г.С. Прямые иностранные инвестиции как фактор повышения конкурентоспособности экономики Казахстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/prya. Дата обращения: 12.01.2026.
8. Алимов Б.Х., Ризоев Б.М. Стратегическое партнерство Республики Таджикистан и Российской Федерации в начале XXI века. С. 249. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/. Дата обращения: 11.06.2025.
9. Алимов Б.Х., Рахимов К.Х., Скулков К.И. Энергетическое сотрудничество России со странами Центральной Азии (на примере Таджикистана и Узбекистана). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-sotrudnichestvo-rossii-so-stranami-tsentralnoy-azii-na-primere-tadzhikistana-i-uzbekistana/viewer. Дата обращения: 11.01.2026.

10. Алимов Р. Шанхайская организация сотрудничества. – Москва: Изд-во «ВЕСЬ МИР». [Текст]. 2017. С. 16. – 336 с.

11. Алклычев А., Зоидов К. Приоритеты развития транспортных систем России и стран Центральной Азии // Экономист. [Текст]. - 2011. - № 7. С. 71

12. Алшанов Р. А., 2010. Экономика Казахстана и России: пути интеграции и развитие конкуренции // [Текст]. Актуальные проблемы торгово-экономического и финансового сотрудничества Казахстана и России в условиях глобального кризиса: Материалы V Казахстан.-рос. науч.-практ. конф. (Алм-Ата, 21 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Б. К. Султанов. Алма-Ата: КИСИ при Президенте РК. С. 29.

13. Американо-узбекские отношения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://2021-2025.state.gov/u-s-uzbekistan-relations/#:~:text=Si. Дата обращения: 11.03.2026.

14. Американские санкции скажутся на Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2018-04-23/11_7217_sanctions.html. Дата обращения: 16.04.2025.

15. Аминов Х.И., Исмадов О.А. Некоторые направления дипломатии Республики Таджикистан. Вестник Таджикского Национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. №3, 2018, С. 9-15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=35467739. Дата обращения: 16.04.2025.

16. Аналитики назвали новейшие и ключевые проекты Китая в Кыргызстане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/538167_analitiki_nazvali_noveyshie_i_kluchevye_proekty_kitaia_v_kyrgyzstane.html. Дата обращения: 16.04.2025.

17. Андреюк В.Ю. Экономическое сотрудничество России и Ирана в рамках международного транспортного коридора «Север - Юг» на современном этапе // [Текст]. Развитие предпринимательства как фактор роста экономики: сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства. М. Московский государственный областной педагогический университет, 2023. СС. 47-53.

18. Астахов Е. М. Дипломатическое сопровождение национального бизнеса. [Текст]. М.: МГИМО-Университет, 2010. 228 с.

19. Атамали К.Е. Турция и Таджикистан: эволюция двусторонних отношений // [Текст]. Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2025. № 3 (337).

20. Аубакирова Г.М., Исатаева Ф.М. Новые подходы к построению диверсифицированной экономики: опыт Казахстана. С. 171. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-

postroeniyu-diversifitsirovannoy-ekonomiki-opyt-kazahstana. Дата обращения: 14.05.2025.

21. Ацакзай М.Н., Коропенко Д.А., Одинаева Д.С., Ранджбар Д.М., Проект ТАПИ в новом мировом порядке: SWOT-анализ. Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 6. С. 695. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-tapi-v-novom-mirovom-poryadke-swot-analiz. Дата обращения: 16.09.2025.

22. Аюпов А. Гидроэнергетический потенциал Центральной Азии в контексте евразийской интеграции / А. Аюпов // [Текст]. Россия и новые государства Евразии. – 2016. – № 3. – С. 89-98. С. 95

23. Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2016. – С. 125–176; Тараканова Т.С. Экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики со странами Шанхайской организации сотрудничества // [Текст]. Управленческое консультирование. – СПб., 2017. – № 3. – С. 161

24. Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI вв. [Текст]. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2016. – С. 125–126.

25. Базылева С.П., Черненко Е.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-uzbekistana-i-rossii-kak-stabiliziruyuschiy-faktor-na-evraziyskom-prostranstve. Дата обращения: 28.02.2025

26. Байсалбек О. Газовая дипломатия Туркменистана: зависимость от Китая, диверсификация экспорта и геополитические возможности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://qra-centre.kz/ru/mnenie/gazovaya-diplomatiya-turkmenistana-zavisimost-ot-kitaya-diversifikaciya-eksporta-i-geopoliticheskie-vozmozhnosti. Дата обращения: 16.04.2025.

27. Балиярли А. Иран и Узбекистан ищут новые форматы сотрудничества - к форуму в Ташкенте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.trend.az/business/4131245.html. Дата обращения: 15.09.2025.

28. Баскакова И. А. Проблемы и перспективы Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-evraziyskogoekonomicheskogo-soyuza. Дата обращения: 16.04.2025.

29. Бейсебаев Р.С. Инвестиции стран Запада и Востока в топливно-энергетический сектор Кыргызстана. Вестник Калмыцкого университета. 2017 г. №35(3). С. 29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-stran-zapada-i-vostoka-v-toplivno-energeticheskiy-sektor-kyrgyzstana. Дата обращения: 18.05.2025.

30. Бейсебаев Р.С. Кыргызстан-Иран: политико-экономические отношения (1991-2016). Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 4 (46). 2018. С. 59. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://elibrary.ru/download/elibrary_44612580_79578835.pdf. Дата обращения: 16.04.2026.

31. Бейсебаев Р.С. Проблемы топливно-энергетического сотрудничества Кыргызстана и Казахстана на евразийском пространстве. С. 55-56. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-toplivno-energeticheskogo-sotrudnichestva-kyrgyzstana-i-kazahstana-na-evraziyskom-prostranstve/viewer. Дата обращения: 16.03.2026.

32. Бейсебаев Р.С. Развитие угольной промышленности Кыргызстана: исторический опыт, современное состояние и пути выхода из кризиса. С. 103. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie. Дата обращения: 16.01.2025.

33. Бейсебаев Р.С. Сотрудничество Кыргызстана и России в топливно-энергетическом секторе: состояние, проблемы и перспективы. С. 78-79. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/.

34. Бейсебаев Р.С. Топливно-энергетическое сотрудничество Кыргызстана и России. // Вестн. БГУ. 2011. № 3(20). С. 9.

35. Белов В. Б. Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть первая // [Текст]. Современная Европа. 2019. № 6. С. 105-116; Белов В. Б. Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть вторая // [Текст]. Современная Европа. 2020. № 1. С. 146-157.

36. Битва за воду в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fundeh.org/publications/articles/48/. Дата обращения: 25.10.2025.

37. Большая энергия: Казахстан и ЕС запускают новые проекты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dknews.kz/ru/ekonomika/

38. Бородавкин А. Н. Россия и Казахстан – союзники и интеграционные партнеры. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusevr.asia/rossiya-i-kazaxstan-soyuzniki-i-integracionnye-partnery. Дата обращения: 20.01.2025

39. Буранбаев А. Китайские инвестиции: все ли так безоблачно? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://berlek-nkp.com/analitics/1440-a-buranbaev-kitayskie-investicii-vseli-tak-bezoblachno.html._ Дата обращения: 16.04.2025.

40. Бутырина Н. Иран и Казахстан ускорят развитие коридора «Север-Юг». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://casp-geo.ru/iran-i-kazahstan-uskoryat-razvitie-koridora-sever-yug/. Дата обращения: 16.04.2025.

41. Бытовую технику Samsung начали производить в Казахстане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kz/ru/news/social/725197-

bytovuyu-tekhniku-samsung-nachali-proizvodit-v-kazakhstane. Дата обращения: 16.04.2025.

42. В Астане прошла первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии // Офиц. сайт Исполнительного комитета СНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eccis.org/news/8979/v-astane-prosla-pervaa-konsultativnaa-vstreca-glav-gosudarstv-centralnoj-azii. Дата обращения: 17.05.2025.

43. В Ашхабаде открылась выставка экспортных турецких товаров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.turkmenistan.ru/ru/

44. В Белом доме США состоялась встреча президентов Узбекистана и США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.archive.kabar.kg/news/kompanii-uzbekistana-i-ssha-podpisali-dogovora-na-4-8-mlrd/. Дата обращения: 28.02.2025

45. В Туркменистане введен в эксплуатацию первый участок высокоскоростной автомагистрали, которая пересечет всю страну. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2021/11/01/v-turkmenistane-vveden-v-stroy-perviy-ushatok-avtobana-ashgabat-turkmenabad/. Дата обращения: 01.10.2025.

46. В 2025 г. рост инвестиций Китая в Таджикистан составил 13%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.finmarket.ru/database. Дата обращения: 03.04.2025.

47. «Ведомости»: Взаимодействие России и Узбекистана переживает качественную трансформацию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-03-23--vedomosti-vzaimodejstvie-rossii-i-uzbekistana-perezhivaet-kachestvennuju-transformaciju. Дата обращения: 03.04.2025.

48. Венгрия и Туркменистан достигли договоренности о поставках газа. Бизнес Туркменистан. 21.08.2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/10656/vengriya-i-turkmenistan-dostigli-dogovorennostio-postavkah-gaza. Дата обращения: 22.10.2025.

49. Ветров А. В. Международная практика дипломатического сопровождения торгово-инвестиционных проектов и сделок. [Текст]. М.: Высшая школа, 2003. 94 с.

50. Визит Президента Узбекистана в США завершился. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.uzairways.com/ru/press-center/news/vizit-prezidenta-uzbekistana-v-ssha-zavershilsya. Дата обращения: 16.10.2025

51. Винокуров Е., Ахунбаев А., Шашкенов М., Забоев А. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: создание транспортного каркаса Евразии. [Текст]. Алматы: Евразийский банк развития. 2021. 100 с.

52. Внешний долг Туркменистана по итогам 2024 года составил 4,1% к ВВП. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenportal.com/ru/news/. Дата обращения: 16.04.2025.

53. Внешний долг Узбекистана превысил $75 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2026/01/16/debt/#:~:text=%D0. Дата обращения: 16.04.2025.

54. Внешняя торговля России. Товарооборот России с Казахстаном в первом полугодии 2021 г. Внешняя Торговля России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kazahstanom-v-1-polugodii-2021-g/. Дата обращения: 19.01.2025.

55. Во внешней торговле Узбекистана растет доля Китая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%D0. Дата обращения: 16.09.2025.

56. Вовк И.В., Иванов П.О. Республика Казахстан: поиск решения проблемы правового статуса Каспийского моря в последнее десятилетие XX века. С. 34. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-kazahstan-poisk-resheniya-problemy-pravovogo-statusa-kaspiyskogo-morya-v-poslednee-desyatiletie-hh-veka/viewer. Дата обращения: 16.09.2025.

57. Водные проблемы Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/zentralasien/50115. Дата обращения: 26.10.2025.

58. Водород как новая энергия доверия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eenergy.media/news/33045. Дата обращения: 16.08.2025.

59. Волкова Н.В. Влияние иностранных инвестиций на устойчивое развитие экономики Казахстана // Вестник КазНУ. Серия экономическая. 2018. Т. 122, № 3.

60. Воробьев П. Блокирующие факторы и перспективы интеграции стран Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.isap.center/analytics/116. Дата обращения: 12.08.2025.

61. Временный запрет на импорт саженцев плодовых культур ввели в Кыргызстане. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://24.kg/ekonomika/362310_vremennyiy_zapret_naimport_sajentsev_plodovyih_kultur_vveli_vkyirgyizstane/. Дата обращения: 16.07.2025.

62. Всемирный банк (2025), ВВП (в текущих долларах США) – Туркменистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.C. Дата обращения: 16.04.2025.

63. Всемирный банк (2020). Узбекистан. Строительные блоки для комплексного развития транспорта и логистики. Программный документ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34160/Uzbekistan-Building-Blocks-for-Integrated-Transport-and-Logistics-Development-Policy-Paper.pdf?sequence=4&isAllowed=y. Дата обращения: 22.07.2025.

64. Всемирный банк (2018), Всемирный банк в Туркменистане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/country/turkmenistan/overview. Дата обращения: 16.04.2025.

65. Газовая промышленность. https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/. Дата обращения: 15.08.2025.

66. Газовая промышленность Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/a. Дата обращения: 08.07.2025.

67. Газотранспортная система Казахстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://s3-prod.exia.kz/articles/251229_Article_30_Natural. Дата обращения: 01.09.2025.

68. Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы Ирана» в Кыргызстане. RUDN Journal of Political Science. 2020. 22 (1). – С. 26. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-myagkoy-sily-irana-v-kyrgyzstane. Дата обращения: 16.04.2026.

69. Гарбузарова Е.Г. Россия в Туркменистане: политика укрепления сотрудничества. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.postsovietarea.com/jour/article. Дата обращения: 03.01.2025.

70. Гарбузарова Е.Г. Транспортно-коммуникационный потенциал Центральной Азии в фокусе интересов глобальных актеров. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transportno-kommunikatsionnyy-potentsial-tsentralnoy-azii-v-fokuse-interesov-globalnyh-aktorov. Дата обращения: 12.06.2025.

71. Глухова М.Н., Шохин А.Н. Специальный инвестиционный контракт: взгляд бизнеса // [Текст]. Власть. 2017. Т. 25. № 7. С. 7-12.

72. Горная энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mining-enc.ru/k/kirgizskaya-sovetskaya-socialisticheskaya-respublika

73. Госдолг Таджикистана ($3,67 млрд) перевалил за 50 процентов ВВП страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://centrasia.org/newsA.php?st=1520310960#gsc.tab=0. Дата обращения: 12.06.2025.

74. Градобитова Л.Д. Экономическая дипломатия Скандинавских стран: учеб. пособие. [Текст]. М.: МГИМО МИД СССР, 1982. 98 с.; Градобитова Л. Д., Пискулов Ю. В. Экономика и дипломатия (История и современность). [Текст]. М.: Наука, 1985. 160 с.

75. Грибанич В.М. Влияние санкций на международные инвестиции // [Текст]. Международные экономические отношения в контексте санкционных ограничений национальных интересов и глобальной неопределенности: материалы научнопрактической конференции в двух частях. Ч. 2. М.: 2018. № 2. С. 74-82; Грибанич В. М. Проблемы создания в России международного финансового центра // [Текст]. Вестник экономической интеграции. 2012. № 2. С. 18-24.

76. Гришина О.А., Евсюков С.Г., Устюжанина Е.В., Проблемы и перспективы евразийской интеграции (на примере ЕАЭС). Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016, № 1 (85). С. 156-157 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-evraziyskoy-integratsii-na-primere-eaes. Дата обращения: 12.06.2025.

77. Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможность их использования. С. 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vodno-energeticheskie-problemy-tsentralnoy-azii-i-vozmozhnye-puti-ih-razresheniya. Дата обращения: 11.06.2025.

78. Гусев Л.Ю., Интеграционные процессы в Центральной Азии. С.3[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mgimo.ru/files/183997/gusev.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. Дата обращения: 11.06.2025.

79. Давыденко Е.В. Трудовая миграция в Евразийском экономическом союзе: проблемы, вызовы и решения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://1economic.ru/lib/122449. Дата обращения: 11.06.2025.

80. Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В. Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции. Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва. С. 55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-rossii-i-kazahstana-kak-vektor-evraziyskoy-integratsii/viewer. Дата обращения: 11.06.2025.

81. Данельян А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. … д-ра юрид. наук. [Текст]. М., 2016. 367 с.

82. Двусторонние отношения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://invest.gov.kg/ru/pochemu-kyrgyzskaya-respublika/dvustoronnie-otnosheniya/#:~ Дата обращения: 12.03.2025.

83. Двусторонние отношения Республики Таджикистан с Японией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/29/otnosheniya-tadzhikistana-s-yaponiei. Дата обращения: 27.02.2025.

84. Дегтерев Д. А. Экономическая дипломатия зарубежных государств в Западной Африке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2008. С. 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://freereferats.ru/product_info.php?products_id=79157. Дата обращения: 23.05.2025

85. Дегтерев Д. А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. [Текст]. М.: Навона, 2010. 176 с.

86. Джумаев А.Д. Миротворческая дипломатия Туркменистана: путь к стабильности и международному сотрудничеству. С.201-202. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-diplomatiya-turkmenistana-put-k-stabilnosti-i-mezhdunarodnomu-sotrudnichestvu. Дата обращения: 27.02.2025.

87. Дипломатия и экономическое развитие. [Текст]. // под ред. профессора Э. П. Плетнева. М.: Международные отношения, 1965. 264 с.; Плетнев Э. П. Всемирное хозяйство как арена борьбы двух систем. М.: Знание, 1981. 63 с.

88. Дипломатия Туркменистана: стратегия мира, добрососедства и развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/diplomatiya-turkmenistana-strategiya-mira-dobrososedstva-i-razvitiya_a3499648

89. Добринская О.А. Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение. [Текст]. // Отв. Ред. Д. В. Стрельцов; Ин-т востоковедения РАН. - М.: ИВ РАН, 2020. С. 250-254.

90. Добринская О.А. Особенности отношений Японии и Таджикистана на современном этапе. Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 8. С. 858. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otnosheniy-yaponii-i-tadzhikistana-na-sovremennom-etape. Дата обращения: 27.02.2025.

91. Додонов В. Ю. Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги // [Текст]. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 23

92. Доклад об итогах Заседания высокопоставленных официальных лиц для Министров ЦАРЭС. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.carecprogram.org/uploads/events/2016. Дата обращения: 27.02.2025.

93. Дорога к Персидскому заливу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.zakon.kz/finansy/6511286-neft-vyshe-100-dollarov-kak-konflikt-vokrug-irana-mozhet-povliyat-na-kazakhstan.html#:~:text. Дата обращения: 27.02.2025.

94. Досова Б.А. Казахстан и Китай: вехи двусторонних отношений: монография. [Текст]. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2019. СС. 46-47.

95. Дурдыева А.А. Дилемма интеграций на Евразийском пространстве в контексте украинских событий. С. 136. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/dilemma-integratsiy-na-evraziyskom-prostranst. Дата обращения: 27.05.2025.

96. Дурдыева А.А. Проблемы дипломатии в процессе евразийской интеграции. Международные отношения. С. 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-diplomatii-v-protsesse-evraziyskoy-integratsii. Дата обращения: 21.05.2025.

97. Дурдыев Д., Дурдыева А., Гарачаева А. Магистральные газопроводы Туркменистана. Международный научный журнал «Инновационная наука» № 10-1 / 2024. С. 99-100. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/magistralnye-gazoprovody-turkmenistana-1. Дата обращения: 27.01.2025.

98. Егоров О.И., Чигаркина О.А. Региональные проблемы нефтегазового комплекса Казахстана: использование сырьевого потенциала, перспективы межстранового развития. С. 40. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-problemy-neftegazovogo-kompleksa-kazahstana-ispolzovanie-syrievogo-potentsiala-perspektivy-mezhstranovogo-razvitiya/viewer. Дата обращения: 27.01.2025.

99. ЕАБР: Объем крупных турецкий инвестиций в Туркменистан превысил $1,1 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/15107/eabr-obem-krupnyh-tureckii-investicii-v-turkmenistan-prevysil-11-mlrd. Дата обращения: 27.03.2025.

100. ЕАЭС - ЭПШП: экономическая прагматика и вызовы геополитики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eurasian-movement.ru/archives/18540. Дата обращения: 05.04.2025.

101. Евстафьева Ю.В. Инструменты реализации государственного стратегического планирования. Специальный инвестиционный контракт // [Текст]. Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. – С. 104-122; Евстафьева Ю.В. Опыт применения и совершенствования специального инвестиционного контракта // [Текст]. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 152-167.

102. ЕС рассматривает введение вторичных санкций против Кыргызстана – Bloomberg. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2026/02/02/kyrgyzstan/. Дата обращения: 17.05.2025.

103. Есдаулетова А.М., Демеуов Н.Б. Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста. С. 741. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-politika-kazahstana-osnovnye-napravleniya-i-perspektivy-rosta/viewer. Дата обращения: 17.05.2025.

104. Еще раз об углехимии Казахстана. Когда ждать конкретных шагов? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://np.kz/news/ekonomi.

105. ЕЭК объяснила причины очередей на границе Кыргызстана и Казахстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/ekonomika/360408_eek_obyyasnila_prichinyi_ocheredey_nanbspgranitse_kyirgyizstana_inbspkazahstana/. Дата обращения: 27.05.2025.

106. Жаксылыков Т. В перспективе Евразийский экономический союз может стать транзитным мостом между Востоком и Западом евразийского континента. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-11-2017-2.aspx. Дата обращения: 16.04.2025

107. Жакыпов А. Новый транспортный коридор свяжет Казахстан и Китай. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ulysmedia.kz/news/69808-novyi-transportnyi-koridor-sviazhet-kazakhstan-i-kitai/. Дата обращения: 27.05.2025.

108. Жакыпов А. Россия вновь закрывается от Казахстана: на границе образовались огромные пробки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ulysmedia.kz/news/68768-rossiia-vnov-zakryvaetsia-ot-kazakhstana-na-granitse-obrazovalis-ogromnye-probki/. Дата обращения: 27.05.2025. Дата обращения: 27.05.2025. Дата обращения: 27.08.2025.

109. Жандос Карашаш. Казахстан в 2025 году стал крупнейшим получателем инвестиций в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://forbes.kz/articles/kazahstan-v-2025-godu-stal-krupneyshim-poluchatelem-investitsiy-v-tsentralnoy-azii-b2fbef#:~:text=%. Дата обращения: 27.08.2025.

110. Ж/д Китай - Кыргызстан - Узбекистан может быть построена на два года раньше. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/ekonomika/350834_j_d_kitay_kyirgyizstan_uzbekistan_mojet_byit_postroena_nadva_goda_ranshe_/ Дата обращения: 27.08.2025.

111. Жильцов С. С., Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы. Геоэкономика энергетики. 2021. № 4 (16). – С. 95-108. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_95. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-eaes-na-sovremennom-etape-itogi-i-novye vyzovy/viewer. Дата обращения: 26.08.2025.

112. Закиров М.А. История кыргызско-американских отношений в 1991-2005 гг. (политический и культурно-гуманитарный аспект). [Текст]. Монография. Инст. истории НАН КР. [Текст]. – Б. Олимп, 2007. – С. 17-19. Дата обращения: 26.08.2025.

113. Закон Кыргызской Республики «О Ратификации Протокола о присоединении Кыргызской Республики к Маракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/153/edition/282031/ru. Дата обращения: 12.06.2025

114. Закон Кыргызской Республики от 11 августа 2021 года № 98 «О государственно-частном партнерстве». (В редакции Закона КР от 31 июля 2025 года № 183) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112275/edition/1077389/ru. Дата обращения: 20.12.2025.

115. Закон Республик Кыргызстан «Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан» от 7 мая 1993 года №1221-XII [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/4-844/edition/283731/ru?editionCode=exact. Дата обращения: 22.06.2025

116. Закон Республики Кыргызстан от 28 июня 1991 года N 536-XII «Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/4-844/edition/283730/ru. Дата обращения: 22.06.2025

117. Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» от 27 декабря 1993 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2287. Дата обращения: 27.04.2025

118. Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» от 28 февраля 2004 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj111031.pdf#:~:text=%. Дата обращения: 27.04.2025.

119. Закон РТ «О внешнеэкономической деятельности РТ» от 30 июля 2007 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj111031.pdf#:~:text. Дата обращения: 27.04.2025

120. Закон РТ №1215 «О внешнеэкономической деятельности РТ» от 08 августа 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://andoz.tj/docs/zakoni/%. Дата обращения: 27.04.2025.

121. Закон РТ №1870 «О внешнеэкономической деятельности РТ» от 18 марта 2022 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ncz.tj/system/files/Legislation/846_ru.pdf. Дата обращения: 27.04.2025.

122. Закон РТ №2200 «О внешнеэкономической деятельности РТ» от 01 октября 2025 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ncz.tj/system/files/Legislation/846_ru.pdf. Дата обращения: 27.04.2025.

123. Закон РТ «Об инвестициях» от 12 мая 2007 года №260. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.tj/uploads/moscow/2022/02/Zakon-RT-ob-investicii.pdf. Дата обращения: 27.04.2025.

124. Закон РТ «Об инвестициях» от 15 марта 2016 года, №1299. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.andoz.tj/docs/zakoni/l_%E2%84%9620_investment-RT_ru.pdf. Дата обращения: 27.04.2025.

125. Закон РТ «Об инвестициях» от 03 августа 2018 года, № 1547. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ncz.tj/content/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD. Дата обращения: 27.04.2025.

126. Закон РТ «Об инвестициях» от 14 мая 2025 года, №2173. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36679058 Дата обращения: 27.04.2025.

127. Закон Туркменистана об иностранных инвестициях № 698-XII от 19 мая1992 года. «Об инвестиционной деятельности в Туркменистане» (с изменениями, внесёнными Законом 274-V от 18 июля 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16188. Дата обращения: 23.09.2025.

128. Закон Туркменистана «Об углеводородных ресурсах». (С изменениями и дополнениями внесенными Законами Туркменистана от 12 марта 2010 года, № 96-IV; от 04 августа 2011 года, № 217-IV; 01 октября 2011 года, № 238-IV; 04 мая 2012 года, № 302-IV 22 декабря 2012 года, № 368-IV; 12 сентября 2016 года, № 436-V; 04 октября 2017 года, № 636-V; от 09 июня 2018 года, № 41-VI; от 14 марта 2020 года, № 238-VI и от 05 июня 2021 г. № 389-VI). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://faolex.fao.org/docs/pdf/tuk106001.pdf. Дата обращения: 14.08.2025.

129. Закон Туркменистана от 19 мая 1992 года № 698-XII «Об инвестиционной деятельности». Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31341504#pos=0;0. Дата обращения. 11.09.2025

130. Закон Республики Узбекистан от 14.12.2019 № 598 «Об инвестициях и инвестиционной деятельности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azizovpartners.uz/en/2020/07/21/the-law-of-republic-of-uzbekistan-of-14-12-2019-no-598-on-investments-and-investment-activity/#:~:text=14.1. Дата обращения: 28.02.2025

131. Закон Республики Узбекистан «Об иностранных инвестициях в Республике Узбекистан» от 5 мая 1994 года №1053-XII. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lex.uz/ru/docs/139101. Дата обращения: 12.07.2025

132. Заявления для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета // Президент России. 29.05.2014. Астана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/transcripts/45790. Дата обращения: 27.08.2025.

133. Зеленина А. Битва за Шёлковый путь: Казахстан переформатирует карту логистики Евразии. [Электронный ресурс]: REGNUM Информационное агентство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://regnum.ru/news/economy/2006996.html. Дата обращения: 07.11.2025.

134. Зиядуллаев Н.С. Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 15 (300). 2015. – С. 15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prioritety-i-perspektivy-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-usloviyah-integratsii-i-globalnoy-nestabilnosti. Дата обращения: 24.01.2025.

135. Зиядуллаев Н.С., Иванова Д.А. Создание Международного финансового центра в Москве как важнейшая составляющая экономической безопасности России // [Текст]. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 33. СС. 2-15.

136. Значение свободных экономических зон для экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ybcase.com/company-services/companies/registracia-kompanii-v-svobodnyh-ekonomiceskih-zonah-v-tadzikistane#:~:text. Дата обращения: 24.09.2025

137. Зонова Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы. [Текст]. М.: Аспект Пресс, 2013. 348 с.

138. Иванов И.Д. Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. [Текст]. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с.

139. Иванова А.А. Роль Российской Федерации в ЕАЭС [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/226/52969/. Дата обращения: 16.04.2025.

140. Изабаев К. Кыргызстан занимает четвертое место в СНГ по запасам угля // Vzglyad. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vzglyad.kg/society/524. Дата обращения: 08.08.2025.

141. Имамкулиева Т.М. Транспортная дипломатия Туркменистана: формирование международных транзитных коридоров. Международный научный журнал «Инновационная наука» № 11-1-1 / 2024. С. 29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-diplomatiya-turkmenistana-formirovanie-mezhdunarodnyh-tranzitnyh-koridorov. Дата обращения: 07.04.2025.

142. Имамкулиева Т.М., Мухамметдурдыев А.Т. Транспортная дипломатия Туркменистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.xn----8sbempclcwd3bmt.xn--p1ai/article/8156. Дата обращения: 12.03.2025.

143. Импорт из Таджикистана в Россию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://agapas.ru/import/Tajikistan/#:~: Дата обращения: 27.08.2025.

144. Инвестиционные возможности в энергетическом секторе Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://energy.carecprogram.org/wp-content/uploads/2023/11/9. Дата обращения: 10.05.2025.

145. Информационное агентство Азия Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.facebook.com/asiaplustj/posts/%. Дата обращения: 14.05.2025.

146. Иран и Казахстан намерены расширить сотрудничество в энергетической отрасли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://newshub.kz/post/iran-i-kazaxstan-namereny-rassirit-sotrudnicestvo-v-energeticeskoi-otrasli-1653282765. Дата обращения: 01.09.2025.

147. Исаченко Т.М. Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса. Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2015. Вып. 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/iblock/c2b/file_7fddac693bbed3979c0d7332055cede0.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. Дата обращения: 27.03.2025

148. Исполняется 32 года установления дипломатических отношений между Турцией и Узбекистаном. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%. Дата обращения: 12.11.2025.

149. Казахстан запретил ввоз отдельных продуктов из Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akchabar.kg/news/kazakhstan-zapretil-vvoz-otdelnikh-produktov-iz-kirgizstana-qspdglkikhfdiidg. Дата обращения: 11.10.2025.

150. Казахстан привлек рекордный объем прямых иностранных инвестиций // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-privlek-rekordnyy-obem-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-23663. Дата обращения: 23.05. 25

151. Казахстан и Китай запустили новый железнодорожный маршрут в Европу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%. Дата обращения: 11.12.2025.

152. Казахстан и Китай открыли новый железнодорожный маршрут в Европу в обход России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://economist.kg/transport/2025/03/04/kazakhstan-i-kitai-otkryli-novyi-zhielieznodorozhnyi-marshrut-v-ievropu-v-obkhod-rossii/. Дата обращения: 11.03.2026.

153. Казахстан и США наращивают сотрудничество в инвестициях и технологиях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://finratings.kz/news/11934-kazakhstan-i-ssha-narashchivaiut-sotrudnichestvo-v-investitsiiakh-i-tekhnologiiakh/. Дата обращения: 12.03.2025.

154. Казахстан и США усиливают сотрудничество в сфере науки и образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kazatu.edu.kz/ru/news/kazahstan-i-ssa-usilivaut-sotrudnicestvo-v-sfere-nauki-i-obrazovania. Дата обращения: 12.03.2025.

155. Казахстан и Турция укрепляют сотрудничество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kz/ru/news/policy/752239-kazakhstan-i-turtsiya-ukreplyayut-sotrudnichestvo. Дата обращения: 11.03.2024.

156. Казахстан и Япония: новый уровень стратегического партнерства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/kazahstan-i-yaponiya-noviy-uroven-strategicheskogo-partnerstva-3b2aa4#:~:text. Дата обращения: 11.03.2024.

157. Казахстан и Япония расширяют сотрудничество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kz/ru/news/policy/745751-kazakhstan-i-yaponiya-rasshiryayut-sotrudnichestvo. Дата обращения: 11.03.2024.

158. Казахстан и Япония: стратегическое партнерство и новые возможности взаимодействия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eri.kz/ru/Novosti_instituta/id=7902#:~:text. Дата обращения: 11.03.2024.

159. Казахстан как цифровой хаб между Европой и Азией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dknews.kz/ru/dk-it/389052-kazahstan-kak-cifrovoy-hab-mezhdu-evropoy-i-aziey. Дата обращения: 11.03.2024.

160. Казахстан намерен перейти от сырьевой модели экономики к глубокой переработке углеводородов и довести объем нефтепереработки до 39–40 млн тонн в год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azh.kz/ru/news/view/122953. Дата обращения: 01.02.2026.

161. Казахстан начал строить новую железную дорогу в Китай: грузооборот увеличится еще на 20 млн тонн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/abay/press/news/details/674768?lang=ru. Дата обращения: 01.02.2026.

162. Казахстан переходит к проактивной модели привлечения инвестиций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://primeminister.kz/ru/news/kazaxstan-perexodit-k-proaktivnoi-modeli-privleceniia-investicii-31018#:~:text=%. Дата обращения: 01.02.2026.

163. Казахстан поставлял в Корею не только сырую нефть, но и картины и костный порошок, передает LS. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lsm.kz/tovarooborot-s-yuzhnoj-koreej. Дата обращения: 01.03.2026.

164. Казахстан укрепляет деловые связи с Кореей: МФЦА приглашает инвесторов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aifc.kz/ru/novosti/kazahstan-ukreplyaet-delovye-svyazi-s-koreej-mfcza-priglashaet-investorov/. Дата обращения: 01.03.2026.

165. Как Казахстан продвигает свой уран в Иран Администратор 9 лет назад (16 мая 2017) 9 мин на чтение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://metalmininginfo.kz/archives/4719#:~:text. Дата обращения: 01.03.2026.

166. Казахстанский прорыв: роль Нурсултана Назарбаева в истории страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/kazahstanskiy-proryv-rol-nursultana-nazarbaeva-v-istorii-strany_a3669771. Дата обращения: 12.09.2026

167. Как изменилась торговля Кыргызстана со странами ЕАЭС в 2025 году? Инфографика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/532642_kak_izmenilas_torgovlia_kyrgyzstana_so_stranami_eaes_v_2025_gody_infografika.html. Дата обращения: 02.05.2025.

168. Как партнерство между Китаем и Туркменистаном формирует будущее

[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.eureporter.co/world/china-2/2026/03/22/how-the-china-turkmenistan-partnership-shapes-the-future/. Дата обращения: 02.04.2026.

169. Как рос внешний госдолг КР и сколько ушло на его погашение — справка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.sputnik.kg/20220428/kyrgyzstan-vneshnij-dolg-fakty-dinamika-1064005810.html. Дата обращения: 02.04.2026.

170. Какие природные ресурсы есть в Казахстане и как они влияют на экономику страны? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.kz/yanswers/c/ekonomika-jane-qarjy/q/kakie-prirodnye-recurcy-ect-v-kazahctane-i-kak-oni-vliyayut-2903449424. Дата обращения: 02.05.2025.

171. Какие сделки лидеры Центральной Азии заключили с Трампом в Белом доме. В Вашингтоне прошел саммит «Центральная Азия - США». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/07/11/2025/690e15669a79472af8f882dd?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. Дата обращения: 02.05.2025.

172. Капушенко А. Модернизация ТЭЦ Бишкека: как тратили $386 млн кредита, и что сейчас известно. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://kloop.kg/blog/2018/03/19/modernizatsiya-tets-bishkeka-kak-tratili-386-mln-kredita-i-chto-sejchas-izvestno/. Дата обращения: 02.05.2025.

173. Кари К. Встреча несогласных. Как прошел саммит лидеров стран Центральной Азии? (24 июля 2022) // ИА «Азаттык». URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rus.azattyq.org/a/31957511.html. Дата обращения: 02.05.2025.

174. Карпович О. Г., Вильчинский А.С. «Зеленая сделка» Европейского Союза: риски и возможности для России // [Текст]. Дипломатическая служба. 2021. № 5 (97). С. 410-425; Карпович О. Г., Литвинов В. О. Перспективы торгового противостояния КНР и США //[Текст]. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4(26). С. 95-109; Заемский В. Ф., Карпович О.Г. Цифровая дипломатия – дипломатия будущего // [Текст]. Дипломатическая служба. 2021. № 3 (95). С. 264-276; Суглобов А. Е., Карпович О.Г. Вопросы обеспечения экономической безопасности России в период пандемии Covid-19 //[Текст]. Russian Journal of Management. 2021. Том 9, № 2. С. 96100; Борисов А.В., Гаврилова С.М., Данельян А. А., Жильцов С.С., Карпович О. Г., Неймарк М. А., Рябинина О.К., Сидорова Л.Н., Тимакова О.А., Травкина Н.М., Троянский М.Г. Кризисная геополитика и Россия М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2024. 384 с.

175. Каррон де ла Каррьер Г. Экономическая дипломатия: Дипломат и рынок. [Текст]. М.: РОССПЭН, 2003. 292 с

176. Качелин А.С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной гибкости. С. 122. Вестник Института экономики Российской академии наук №5. 2022. С. 122. С. 119-130. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-rossiyskoy-federatsii-i-turkmenistana-v-usloviyah-globalnoy-nestabilnosti. Дата обращения: 02.05.2025.

177. Киргизия денонсирует договор с США по бывшей авиабазе «Манас» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://webground.su/topic/2013/05/21/t31. Дата обращения: 02.05.2025.

178. Китай, банки и внутренний рынок: кому и сколько должен Кыргызстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://economist.kg/ekonomika/2026/01/26/kitai-banki-i-vnutrienniі-rynok-komu-i-skolko-dolzhien-kyrghyzstan. Дата обращения: 02.05.2025.

179. Китай вложил более $5 миллиардов в экономику Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vecherka.tj/archives/69555#:~:text=%. Дата обращения: 02.05.2025.

180. Китай вложил в Казахстан $27 млрд – и это только начало. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ratel.kz/outlook/kitaj_vlozhil_v_kazahstan_27_mlrd_i_eto_tolko_nachalo. Дата обращения: 02.05.2025.

181. Китай инвестирует в зеленую энергетику Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.trtrussian.com/article/3e65c2a1b176. Дата обращения: 02.05.2025.
182. Китай построит 700 км газопровода «Мир» из Ирана в Пакистан. // Интерфакс. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.interfax.ru/business/435167. Дата обращения: 02.05.2025.
183. Китай потеснил Россию в экономике Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.trtrussian.com/article/84b2139b0ef2. Дата обращения: 02.05.2025.
184. Китай, Россия, Турция: кто больше инвестирует в Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.zakon.kz/finansy/6440373-kitay-rossiya-turtsiya-kto-bolshe-investiruet-v-kazakhstan.html#:~:text=%. Дата обращения: 02.05.2025.
185. Китай стал крупнейшим инвестором в экономику Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru. Дата обращения: 08.05.2025.
186. Китайские предприятия инвестировали $4,18 млрд в проекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: Туркменистана. https://business.com.tm/ru/post/12537/kitaiskie-predpriyatiya-investirovali-418-mlrd-v-proekty-turkmenistana. Дата обращения: 02.05.2025.
187. Ключевая роль дипломатии нейтрального Туркменистана – укрепление мира, безопасности и сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/92133/klyuchevaya-rol-diplomatii-nejtralnogo-turkmenistana-ukreplenie-mira-bezopasnosti-i-sotrudnichestva#:~:text=%. Дата обращения: 02.05.2025.
188. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // [Текст]. Вопросы экономики. 2015. № 3. – С. 87-108.
189. Кодирзода Ф.А. Роль иностранных инвестиций в обеспечении экономического роста Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-inostrannyh-investitsiy-v-obespechenii-ekonomicheskogo-rosta-respubliki-tadzhikistan. Дата обращения: 02.05.2025.
190. Кожахмет Олжас. Аграрная траектория РК: от вывоза сырья до зрелого бизнеса. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://check-[Электронный ресурс]. Режим доступа: point.kz/publication?id=9012. Дата обращения: 02.05.2025.
191. Кожокин Е.М. Транспортный коридор Север – Юг в условиях новой реальности // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 20. № 4. С. 36–55. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_36https://azertag.az/ru/xeber/cherez_perehod_dostyk___alashankou_za_35_let_perevezeno_bolee_425_mln_tonn_gruzov-3982707. Дата обращения: 02.05.2025.

192. Козак М. Конверсия угля в жидкие углеводороды. Energy Charter Secretariat, 2007 Boulevard de la Woluwe, 56 B-1200 Brussels, Belgium. – С. 7, 14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/CTL_in_Poland_2008_ru.pdf. Дата обращения: 02.05.2025.

193. Койчуманов Т. Д., Абдыгулова Айгерим Аскарбековна. Проблемы и возможности интеграции стран Центральной Азии. – С. 221. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dspace.tsu.ge/server/api/core/bitstreams/08db1e98-4b5f-4e62-9b37-a13966cb232e/content. Дата обращения: 02.05.2025.

194. Компании США реализуют в Туркменистане 180 проектов на $3,3 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/11121/kompanii-ssha-realizuyut-v-turkmenistane-180-proektov-na-33-mlrd#:~:text. Дата обращения: 02.05.2025.

195. Компания CNPC инвестировала в Туркменистан более $9,4 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/10160/kompaniya-cnpc-investirovala-v-turkmenistan-bolee-94-mlrd#:~:text. Дата обращения: 02.05.2025.

196. Конституционный Закон от 16 декабря 1991 года «О государственной независимости РК». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://new.hrlib.kz/document/374657. Дата обращения% 25.05.2025

197. Концепция развития отраслей топливно-энергетического комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015 годов. [Текст]. Утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 августа 2002 года № 318.

198. Концепция внешней политики Кыргызской Республики от 10 января 2007 года № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/5-2164/edition/949059/ru. Дата обращения: 20.12.2025.

199. Концепция внешней политики Кыргызской Республики от 11 марта 2019 года УП № 37). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru. Дата обращения: 20.12.2025.

200. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.google.com/search?q=%D0%9A%D. Дата обращения: 10.10.2025

201. Корейское агентство международного сотрудничества (KOICA). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.donors.kg/ru/agentstva/11942-koica-2. Дата обращения: 01.02.2025.

202. Корея и Туркменистан укрепят экономическое сотрудничество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=252992. Дата обращения: 01.02.2025.

203. Корея предоставит Кыргызстану кредит в $500 миллионов для инвестпроектов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/obschestvo/322269_koreya_predostavit_kyirgyizstanu_kredit_v500_millionov_dlya_investproektov/. Дата обращения: 01.02.2025.

204. Королев А., Миленький В. Перевозки грузов в направлении «Азия-Европа-Азия» // Наука и инновации. - 2016. - № 9 (163). с. 42

205. Котов А.В., Ведерников М.В. Иванова А.К. Транспортно-энергетический фактор в отношениях ЕС и Туркменистана. Современная Европа, 2025, № 7. С. 164. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transportno-energeticheskiy-faktor-v-otnosheniyah-es-i-turkmenistana. Дата обращения: 15.01.26.

206. Кривошеев К., Константинов А. Кто о чем, а эти о турках // Коммерсант. 17.11.22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5669854. Дата обращения: 01.02.2025.

207. Кудрявцева Т. Третью фазу проекта реабилитации Токтогульской ГЭС может профинансировать Евразийский банк развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://m.24kg.org/ekonomika/29865_tretyu_. Дата обращения: 15.01.26.

208. Кудьярова Ж.Т. Транскаспийский международный транспортный маршрут и его влияние на международную логистику. С. 72, [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transkaspiyskiy-mezhdunarodnyy-transportnyy-marshrut-i-ego-vliyanie-na-mezhdunarodnuyu-logistiku. Дата обращения: 12.01.26.

209. Кузьмина Е. Туркменистан на современном этапе: проблемы и возможности развития. [Текст]. Россия и мусульманский мир. N 9, 2012. С. с.75-91.

210. Кулуева Ч. Р., Суранчыев Б. Т. Кыргызстандын аймактарындагы жаштар эмгек ресурстарынын көйгөйлөрү жана келечеги. Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2020. № 4. С. 165-171. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://doi.org/10.26104/NNTIK.2019.45.557. Дата обращения: 12.01.26.

211. Курбонов М.М. Таджикистан на пути зеленой дипломатии: внешнеполитические стратегии и международное сотрудничество. Постсоветские исследования. 2025, Т. 8, №3, С.294. СС. 288-296. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tadzhikistan-na-puti-zelenoy-diplomatii-vneshnepoliticheskie-strategii-i-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo. Дата обращения: 12.01.26.

212. Куршат Дегер. Сотрудничество Турции и Кыргызстана. [Текст]. Международный научный журнал «Символ науки». №3/2016.

213. Кутовой В. М. Оценка места и роли внешнеэкономических связей и деятельности в национальной экономике // [Текст]. Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-2 (975). – С. 92-95; Ахмедов Ш. Б., Кутовой В. М. Анализ и перспективы реализации режима либерализации

инвестиционной сферы в мировой экономике // [Текст]. Вестник РГГУ. Серия. Экономика. Управление. Право. 2021. № 1. – С. 99-109; Кутовой В. М. Трансформация внешнеторговой политики на фоне пандемии COVID-19 //[Текст]. Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 3. – С. 74-82.

214. Кыргызстан - Германия: Основа сотрудничества – парламентская демократия Итоги официального визита Президента в Германию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovo.kg/?p=15456. Дата обращения 03.03.2025.

215. Кыргызстан закупил у Турции боевые дроны Bayraktar. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fergana.agency/news/123494/. Дата обращения: 12.01.26.

216. Кыргызстан и Иран подписали меморандум о создании совместного инвесткомитета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/ekonomika/327578_kyirgyizstan_iiran_podpisali_memorandum_osozdanii_sovmestnogo_investkomiteta/. Дата обращения: 12.01.26.

217. Кыргызстан и Китай нарастили объем двусторонней торговли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/obschestvo/366576_kyirgyizstan_ikitay_narastili_obyem_dvustoronney_torgovli/. Дата обращения: 12.01.26.

218. Кыргызстан и Южная Корея продолжают наращивать торговлю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/525879_kyrgyzstan_i_ujnaia_koreia_prodoljaut_narashivat_torgovlu.html. Дата обращения: 12.01.26.

219. Кыргызстан и Южная Корея создали компанию по обработке безналичных платежей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/508085_kyrgyzstan_i_ujnaia_koreia_sozdali_kompaniu_po_obrabotke_beznalichnyh_platejey_foto.html. Дата обращения: 12.01.25.

220. Кыргызстан может первым попасть под санкции ЕС в связи с реэкспортом в Россию товаров двойного назначения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-sanktsii-es-reeksport-rossiya-tovary-dvoynogo-naznacheniya/33673129.html. Дата обращения: 12.01.25.

221. Кыргызстан получил $68.8 млн прямых корейских инвестиций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akchabar.kg/news/kirgizstan-poluchil-688-mln-pryamikh-korejskikh-investitsij-gyptaemgjspofnlr. Дата обращения: 12.01.25.

222. Лавров Сергей: ШОС отвечает реалиям и потребностям XXI века. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2014/09/10/lavrov.html. Дата обращения: 12.01.25.

223. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. С. 38. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktory-sovremennoy-mirovoy-politiki-trendy-razvitiya/viewer. Дата обращения 17.12.2025

224. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. С. 38. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktory-sovremennoy-mirovoy-politiki-trendy-razvitiya/viewer. Дата обращения 17.12.2025 // Non-State Actors in World Politics / Ed. by Josselin D., Wallace W. – N.Y.: Palgrave, 2001; Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. – L., a.o.: Sage, 2002. – P. 255-274; The Ashgate Research Companion to Non-State Actors // Ed. by B. Renalda. - Burlington: Ashgate, 2011

225. Линке Н. Москва и Ташкент договорились о военном партнерстве на 5 лет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dw.com/ru/rossia-i-uzbekistan-dogovorilis-o-voennom-partnerstve-do-2030-goda/a-72501914#:~:text. Дата обращения: 12.01.25.

226. Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. … д-ра экон. наук. [Текст]. М., 2006. 436 с. См. также монографию: Лихачев А. Е. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. М.: Экономика, 2006. 461с.

227. Лунев С., Юртаев В. Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном // [Текст]. Международные процессы. 2021. Т. 19, № 2 (65). С. 121-137. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.3.

228. Мавланов И.Р. Стратегия внешнеэкономической политики нового Узбекистана – Трансформация! Рецепт экономической дипломатии. Постсоветские исследования. Т.6. № 3 (2023). С. 260-261. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-vneshneekonomicheskoy-politiki-novogo-uzbekistana-transformatsiya-ekonomicheskoy-diplomatii#:~:text. Дата обращения: 12.01.25.

229. Майтдинова Г.М. Таджикистан во внешнеполитическом процессе России и Китая в условиях становлении нового мироустройства // [Текст]. Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 7. С. 710 С. 703-714. Дата обращения: 12.01.25.

230. Макулбеков М. Постановление Президента Республики Казахстан от 15 июля 1992 г. N 853. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/strategiya-stanovleniya-i-razvitiya-kazahstana-kak-suverennogo-gosudarstva-vernyy-kurs-zadannyy-prezidentom-n-nazarbaevym_a2299544. Дата обращения: 25.05.2025

231. Маликов Д.З., Ровина С.Н. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как форма межгосударственного объединения суверенных государств. С. 229. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/shanhayskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-shos-kak-forma-mezhgosudarstvennogo-obedineniya-suverennyh-gosudarstv. Дата обращения: 12.01.25.

232. Малышев Д.В. Политика нейтралитета на постсоветском пространстве. На примере Туркменистана и Молдавии. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://cyberleninka.ru/article/n/politika-neytraliteta-na-

postsovetskom-prostranstve-na-primere-turkmenistana-i-moldavii. Дата обращения: 12.01.25.

233. Малышев М.И. Развитие международного мультимодального коридора «Север-Юг» и меры интеграции региональной транспортной инфраструктуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhdunarodnogo-multimodalnogo-koridora-sever-yug-i-mery-integratsii-regionalnoy-transportnoy-infrastruktury. Дата обращения: 12.01.25.

234. Мамышев Ж. Казахстан и США заключили крупную сделку на $1,1 млрд по критически важным минералам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kz.kursiv.media/2026-02-13/zhnb-kazahstan-zaklyuchil-dogovor-s-kompaniei-ssha-po-razrabotke-kriticheskih-mineralov/. Дата обращения: 12.01.25.

235. Матусевич А.П. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности в России в период европеизации страны // [Текст]. Экономика и предпринимательство. 2019. № 2 (103). С. 63. // Шайдуллина В. К. Формы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации. С. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-gosudarstvennogo-regulirovaniyavneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii/viewer Дата обращения: 22.03.2026

236. Международный университет «Ала-Тоо» (МУА). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://alatoo.edu.kg/about-the-university. Дата обращения: 12.01.26.

237. Мехдиев Э.Т., Содиков Ш.Д., О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (ТАПИ, ТУТАП, Иран – Пакистан, CASA-1000). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-mezhregionalnyh-energeticheskih-proektah-s-uchastiem-stran-tsentralnoy-azii-tapi-tutap-iran-pakistan-casa-1000. Дата обращения: 12.01.26.

238. Мигранян А. Внешнеэкономическая политика Туркмении: итоги десятилетия. Геоэкономика энергетики. № 1 (13). – С. 44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshneekonomicheskaya-politika-turkmenii-itogi-desyatiletiya . Дата обращения. 11.09.2025

239. МИД Казахстана: стратегическое партнерство с Турцией динамично развивается. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D. Дата обращения: 12.01.26.

240. МИД РТ. Пятая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. https://mfa.tj/ru/main/view/13362/pyataya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoi-azii#:~:text=

241. МИД РТ. Стратегические цели: обеспечение энергетической независимости, выход из коммуникационного тупика, продовольственная безопасность и ускоренная индустриализация страны. Режим доступа:

https://mfa.tj/ru/main/view/202/strategicheskie-tseli#:~:text. Дата обращения. 29.04.2025

242. Минеев В.И., Почекаев Д.А. Перезагрузка международного транспортного коридора «Север-Юг» // [Текст]. Научные проблемы водного транспорта. 2023. № 74. С. 105–116. DOI: 10.37890/jwt.vi74.350

243. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенными Штатами Америки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/. Дата обращения: 12.01.26.

244. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Сотрудничество Республики Казахстан с Японией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/485?lang. Дата обращения: 12.01.26.

245. Министр экономического развития и торговли Республики Таджикистан встретился с новым Директором Агентства международного сотрудничества Кореи KOICA в Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://medt.tj/ru/news/novosti-ministerstva-ekonomiki/3229-vaziri-rushdi-i-tisod-va-savdoi-um-urii-to-ikiston-bo-direktori-navta-ini-agentii-amkorii-bajnalmilalii-koreya-koica-dar-to-ikiston-vokh-r-namud. Дата обращения: 12.01.26.

246. Мировая энергетика никак не избавится от угля // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/06/29/774209-energetika-ne-izbavitsya-ot-uglya. Дата обращения: 12.01.26.

247. Миронова И. В. Международные договоры в области инвестиционных отношений с участием Российской Федерации // [Текст]. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 3. С. 131-139.

248. Мустафин А. Смена парадигмы: Казахстан выходит за пределы сырьевой модели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kz.kursiv.media/2025-10-09/anmu-smena-paradigmy-kazahstan-vyhodit-za-predely-syrevoi-modeli/. Дата обращения: 12.01.26.

249. Мухамедов Р. (2021). Туркменистан - Россия: прорывы и пределы сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cabar.asia/ru/turkmenistan-rossiya-proryvy-i-predely-sotrudnichestva. Дата обращения: 03.01.2026.

250. Мухамметдурдыев А.Т. Транспортная дипломатия Туркменистана. Международный научный журнал «Вестник науки» № 5 (62) Т.2., Май 2023 г. С. 470. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-diplomatiya-turkmenistana. Дата обращения: 14.03.26.

251. Наимов И.Н. Особенности африканского направления во внешней политике Республики Таджикистан // [Текст]. Внешняя политика

Республики Таджикистан в контексте современных глобальных угроз и вызовов. Сборник материалов научно-практической конференции. Душанбе: РТСУ, 2020. – С. 231-245. С. 233

252. Назарбаев Н. А. Казахстанский путь. [Текст]. Караганда, 2006. – С.12. 372 с.

253. Наматбекова Н.М. Кыргызско-американские политические отношения. International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol.1. Политология. СС. 22-23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kyrgyzsko-amerikanskie-politicheskie-otnosheniya. Дата обращения: 14.03.25.

254. Нахимов С. 201-я гвардейская Гатчинская ордена Жукова дважды Краснознамённая военная база. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://amalantra.ru/201-voyennaya-baza/#:~:text=201%. Дата обращения: 14.03.25.

255. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года. (В редакции Указа Президента КР от 30 июля 2024 года УП № 210). [Электронный ресурс]. Режим доступа: Дата обращения: https://cbd.minjust.gov.kg/430700/edition/13462/ru. Дата обращения: 20.12.2025.

256. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. (утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 октября 2016 г., № 392).

257. Национальный банк Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbt.tj/ru/old_news/?ELEMENT_ID=6565#:~:text. Дата обращения. 29.04.2025.

258. НБРК. Внешний долг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nationalbank.kz/ru/news/vneshniy-dolg

259. Незаметная мягкая сила по-турецки: Турецкое агентство по сотрудничеству и координации в Таджикистане // РСМД. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/ blogs/anahita-dodihudo/nezametnaya-myagkaya-sila-poturetski-turetskoeagentstvo-po-sotrudnich/. Дата обращения: 05.07.2025.

260. Нефть в Таджикистане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldometers.info/ru/%. Дата обращения: 18.04.25.

261. Новая эра сотрудничества Центральной Азии и Китая: пример железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/the-new-era-of-central-asia-china-cooperation-the-case-of-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/?lang=ru. Дата обращения: 14.03.25.

262. Новикова Е.С., Максимов А.А. Будущее транспортных коридоров Россия-Азия: проблемы и перспективы международного транспортного коридора «Север – Юг». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-transportnyh-koridorov-rossiya-aziya-

problemy-i-perspektivy-mezhdunarodnogo-transportnogo-koridora-sever-yug. Дата обращения: 14.03.25.

263. Новый завод Kia: вектор роста казахстанского автопрома. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lsm.kz/novyj-avtozavod-kia-v-kazahstane

264. Новый правовой статус «Алашанькоу»: как главные западные ворота Китая переходят на режим ускоренного развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://silunews.kg/?p=32551. Дата обращения: 26.08.25.

265. Новый этап сотрудничества между Таджикистаном и Ираном. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/a-new-phase-in-cooperation-between-tajikistan-and-iran/?lang=ru. Дата обращения: 26.08.25.

266. Нуримбетов Р.И. Транспортная дипломатия Узбекистана в рамках ШОС // [Текст]. Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 5. С. С. 488-493.

267. О результатах встречи лидеров центральноазиатских стран в контексте усиления сотрудничества, повышения субъектности региона, решения накопившихся проблем – в статье Еркина Байдарова, ведущего научного сотрудника Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова комитета наук МОН РК, доцента Казахского университета мировых отношений и мировых языков им. Абылай хана, кандидата философских наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cacds.org.ua/%D0. Дата обращения: 26.08.25.

268. О сотрудничестве в топливно-энергетической сфере между РК и РФ рассказал Токаев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.zakon.kz/politika/6458012-o-sotrudnichestve-v-toplivnoenergeticheskoy-sfere-mezhdu-rk-i-rf-rasskazal-tokaev.html. Дата обращения: 26.08.25.

269. О Стратегии индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003-2015 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U030001096. Дата обращения: 06.06.2025

270. О торгово-экономическом сотрудничестве Казахстана и Турции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/522782. Дата обращения: 26.08.25.

271. Обминский Э.Е. Развивающиеся страны: теория и практика многосторонней экономической дипломатии. М.: Международные отношения, 1986. 268 с.

272. Оболенский В.П. Мировые цены: влияние на внешнюю торговлю России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 130; Оболенский В. П. Турбулентность в международной торговле: реакция России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 3. С. 60–77; 173. Оболенский В. П. Интеграционные проекты России

и ЕАЭС: шанс для наращивания экспорта? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 3. С. 156-175.

273. Обсерватория экономической сложности (2025). Что экспортирует Туркменистан? (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022) , https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/tkm/all/sh. Дата обращения: 29.03.26.

274. Общий внешний долг Туркменистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/turkmenistan/external-debt. Дата обращения: 29.03.25.

275. Объем инвестиций Китая в Кыргызстан достиг 2,1 млрд долларов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caliber.az/post/obem-investicij-kitaya-v-kyrgyzstan-dostig-2-1-mlrd-dollarov. Дата обращения: 29.03.26.

276. Организация Договора о коллективной безопасности. Режим доступа: https://odkb-csto.org/30-let-odkb/istoriya/#:~:text=7%. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 23.05.2025

277. Орнатский И. А. Экономическая дипломатия. М.: Международные отношения, 1980. 272 с.

278. Отношения ЕС-Кыргызская Республика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites. Дата обращения: 29.03.26.

279. Отношения Казахстана и Китая выходят на новый уровень. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kapital.kz/economic/69671/otnosheniya-kazakhstana-ikitaya-vykhodyat-na-novyy-uroven.html. Дата обращения: 14.06.25.

280. Отношения между Республикой Таджикистан и Республикой Корея. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mfa.tj/ru/main/view/34/otnosheniya-tadzhikistana-s-respublikoi-koreya#:~:text. Дата обращения: 05.03.25.

281. Отношения между Республикой Таджикистан с Российской Федерацией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/142/otnosheniya-tadzhikistana-s-rossiei#:~:text. Дата обращения: 29.03.25.

282. Отношения Таджикистана с Европейским Союзом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/view/160/otnoshenie-tadzhikistana-s-evropeiskim-soyuzom. Дата обращения: 29.03.25.

283. Отношения Таджикистана с Турцией. https://mfa.tj/ru/main/view/25/otnosheniya-tadzhikistana-s-tu. Дата обращения: 29.03.25.

284. Отчет Всемирной торговой организации о мировой торговле 2023 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://customs-academy.net/?p=19634#:~:text=%D0%92%D1%. Дата обращения: 23.05.2025

285. Отчет о проделанной работе. Справочный документ для 1-й сессии Заседания высокопоставленных официальных лиц. ЦАРЭС. 2016.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.carecprogram.org/uploads. Дата обращения: 29.03.25.

286. Отчет о проделанной работе. Справочный документ для 3-й сессии Заседания высокопоставленных официальных лиц [Электронный ресурс] // ЦАРЭС. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.carecprogram.org/uploads/events/2015/013-SOMJun/Key-Documents/02%20CAREC%20Energy%20Sector%20Progress%20Report-ru.pdf. Дата обращения: 29.03.25.

287. Отчет о реализации Основных ориентиров макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024 - 2025 годы. СС. 85-86. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/663/1u8jk4vskew5ti83d3wisx8rbk6ivn14/Otchyet-o-realizatsii-OOMP-2024_2025.pdf. Дата обращения: 18.04.2025

288. Пазилов Ю.К. Киргизия в евразийском экономическом союзе: предпосылки, первые результаты и перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kirgiziya-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-predposylki-pervye-rezultaty-i-perspektivy. Дата обращения: 20.12.2025.

289. Панфилова В. (2018). Россия возобновит закупку туркменского газа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2018-10-10/6_7329_turkmenia.html. Дата обращения: 03.01.2022.

290. Парамонов В., Строков А. Основные проблемы на пути сотрудничества в Центральной Азии: прогноз внешней политики стран региона. Центральная Азия и Кавказ, Т. 18, Выпуск 1 2015. С. 77. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-na-puti-sotrudnichestva-v-tsentralnoy-azii-prognoz-vneshney-politiki-stran-regiona. 18.05.2026.

291. Партнерство для будущих поколений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gk-usbekistan.de/ru/2025/12/22/%D0. 18.05.2026.

292. Парубочная Е.Ф. Корейская публичная дипломатия в Центральной Азии. Корееведение в России: направление и развитие. 2024. Т. 5, № 2. С. 104. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskaya-publichnaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii. 15.01.2026.

293. Парфёнов М.О., Сурник А.П. Проблемы и перспективы Евразийского экономического союза. Секция «Проблемы и перспективы международной интеграции в современном бизнесе». Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2019. Том 3. С. 464. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-razvitiya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza. 18.04.2026.

294. Первую установку по производству «зеленого водорода» запустили в Казахстане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eenergy.media/news/32701. 18.02.2026.

295. Передача школ «Сапат» фонду «Маариф». Родители и учителя в режиме ожидания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/obschestvo/318180_peredacha_shkol_sapat_fondu_maarif_roditeli_iuchitelya_vrejime_ojidaniya/#:~:text=*%20USD%2087.45.%20*%20EUR%2010 0.17.%20*%20RUB%201.0. 16.02.2026.

296. Перезапуск партнерства: Иран и Таджикистан нацелены на рост торговли и развитие инфраструктуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkic.world/ru/articles/other_states/398307. 16.02.2026.

297. Петченко И. Почти $9 млрд: Минфин раскрыл структуру госдолга КР — кому и сколько должны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://economist.kg/ekonomika/2026/02/20/pochti-9-mlrd-minfin-raskryl-strukturu-ghosdolgha-kr-komu-i-skolko-dolzhny/. 19.02.2026.

298. Пискулов Ю.В. Международная торговля и экономический рост // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 96-102.

299. Подписано окончательное соглашение по проекту CASA-1000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.tj/ru/news/podpisano-okonchatelnoe-soglashenie-po-proektucasa-1000. 16.03.2026.

300. Подписано соглашение о финансировании строительства железной дороги «Китай - Кыргызстан - Узбекистан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kg/ru/post/s/25876-kytai-kyrgyzstan-ozbekstan-temir-zolun-kuruu-dolboorun-karzyloo-ucun-makuldasuuga-kol-koyuldu. 18.02.2026.

301. Подписано соглашение по железной дороге Китай – Кыргызстан – Узбекистан // ИА 24.kg. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/vlast/244992_podpisano_soglashenie_p. 18.02.2026.

302. Полаева Г.Б., Жанабаев Азамат Айдос угли. Современное состояние и перспективы развития нефтегазового комплекса Республики Узбекистан. С. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/. Дата обращения: 18.02.2026.

303. Попов Д. С. Двусторонние отношения США и Таджикистана на современном этапе // проблемы национальной стратегии, М., 2018, № 5 (50), С. 87-106. С. 41. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/2019-01-007-popov-d-s-dvustoronnie-otnosheniya-ssha-i-tadzhikistana-na-sovremennom-etape-problemy-natsionalnoy-strategii-m-2018-5-50-s-87-106. Дата обращения: 10.05.2025.

304. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.prezident.tj/ru/node/. Дата обращения: 10.05.2025.

305. Посольство Республики Казахстан в Японии. Экономическое сотрудничество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-tokyo/activities/. Дата обращения: 10.05.2025.

306. Посольство Российской Федерации в Туркменистане. Торгово-экономические связи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenistan.mid.ru/ru/countries/bilateralrelations/torgovo_ekonomicheskie_svyazi/. Дата обращения: 17.05.2025.

307. Посольство США в Таджикистане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tj.usembassy.gov/ru/dushanbe-ru/#:~:text. Дата обращения: 11.05.2025.

308. Посольство США в Туркменистане. Политика и история. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tm.usembassy.gov/ru/policy-history/#:~:text. Дата обращения: 12.05.2025.

309. Постановление Кабинета министров РУз от 10 июля 2001 года №294 «О мерах по организации функционирования внебиржевого валютного рынка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1126#:~:text=%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%. Дата обращения: 12.07.2025

310. Постановление Президента Туркменистана от 22 декабря 1997 года № 3462 «Об утверждении Положения о Государственном концерне «Туркменнефть». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31339504&pos=2;-18. Дата обращения. 11.09.2025

311. Постоянный нейтралитет Туркменистана: резолюция / принята Генеральной Ассамблеей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/284240. Дата обращения: 14.08.2025.

312. Почти 90% выплат по внешним обязательствам в прошлом году направили на погашение тела кредитов, остальное ушло на проценты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tj.sputniknews.ru/20260214/gosdolg-tajikistan-20-vvp-1075268808.html. Дата обращения: 10.05.2025.

313. Правительство Японии рассматривает возможность импорта нефти из Казахстана в условиях обострения ситуации на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azh.kz/ru/news/view/126102#. Дата обращения: 10.05.2025.

314. Празднование Дня национального единства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.tj/ru/moscow/view/17215/prazdnovanie-dnya-natsionalnogo-edinstva. Дата обращения: 27.04.2025.

315. Президент Кыргызстана официально открыл ЛЭП «Датка-Кемин», построенную на средства Китая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian.news.cn/2015-08/29/c_134567589.htm. Дата обращения: 10.09.2025.

316. Президент России Владимир Путин в ходе встречи с кыргызстанским коллегой Садыром Жапаровым в Бишкеке сообщил, что объем российских инвестиций в экономику Кыргызстана достиг почти $2 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://economist.kg/vlast/2025/11/26/rossiiskiie-inviestitsii-v-ekonomiku-kyrghyzstana-dostighli-pochti-2-mlrd-putin/. Дата обращения: 11.02.2026.

317. Преимущества железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан для Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.kabar.kg/news/preimushestva-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-dlya-kyrgyzstana/#:~:text. Дата обращения: 12.03.2026.

318. Приоритеты и акценты в таджикско-турецких отношениях // CABAR. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-prioritety-i-aktsenty-v-tadzhiksko-turetskihotnosheniyah-2. Дата обращения: 11.07.2025.

319. Проблемы казахстанской экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eflakorea.org/post/%. Дата обращения: 12.03.2026.

320. Проблемы нефтегазового сектора Казахстана: вызовы и пути решения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://365info.kz/2025/01/problemy-neftegazovogo-sektora-kazahstana-vyzovy-i-puti-resheniya. Дата обращения: 10.03.2026.

321. Продолжается падение объема внешнеторгового оборота Таджикистана // ASIA-Plus. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20160915/230864. Дата обращения: 07.07.2025.

322. Программа обмена по культуре и в сфере искусства между Министерством культуры, информации и туризма Кыргызской Республики и Министерством культуры и исламской ориентации Исламской Республики Иран на 2017-2020 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35125451#pos=0;20. Дата обращения: 11.10.2025

323. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start1/lisb-agr.txt. Дата обращения:12.09.2025

324. Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52–62. С. 52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/turetskaya-strategiya-v-otnoshenii-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape-silnye-storony-i-ogranichiteli. Дата обращения: 10.03.2026.

325. Путин Владимир: «Мы защищаем свою самостоятельность, свой суверенитет и право на существование». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/12310. Дата обращения: 10.03.2026.

326. Пядухов Г.А. Межгосударственный Совет центральноазиатских республик: тенденции развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/mezhgosudarstvennyy-sovet-tsentralnoaziatskih-respublik-tendentsii-razvitiya. Дата обращения: 10.03.2026.

327. Ранджбар Д., Мукан С.М., Ниязгулова А.А. Газопровод «Центральная Азия-Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии // [Текст]. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2. – С. 216-226.

328. Райнхардт Р. О. Экономическая дипломатия Франции на современном этапе. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров [Текст]. / отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. М.: Институт Европы РАН, 2017. – С. 76-84; Райнхардт Р. О. Итальянская экономическая дипломатия: с 1920-х гг. до наших дней. [Текст]. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы / отв. ред. Е.А. Маслова. М.: Институт Европы РАН, 2018. – С. 48-54; Райнхардт Р.О. Сравнительный анализ систем экономической дипломатии в странах Европейского союза: дис. … канд. экон. наук. [Текст]. М., 2015. 212 с.

329. Рахимов Б.А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2020. № 2. – С. 80. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnyh-transportnyh-proektov-v-kyrgyzstane-perspektiva-stroitelstva-zheleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan/viewer. Дата обращения: 18.03.2026.

330. Ризоён. Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан. [Текст]. Душанбе: Дониш, 2020. 320 с.

331. Ризоён Ш.Ш. Тематическое досье: Таджикистан в мировой политике и международных отношениях (Ч. 2). [Текст]. Вызовы и возможности транспортной дипломатии Таджикистана. Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 8. –С. 846-847

332. Розыбаев Б.Дж. Приток инвестиций и рост ВВП в Туркменистане: современные тенденции и перспективы. Международный научный журнал «Инновационная наука» № 6-2 / 2025. – С. 118 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pritok-investitsiy-i-rost-vvp-v-turkmenistane-sovremennye-tendentsii-i-perspektivy/viewer. Дата обращения: 10.03.2026.

333. Россия вложила свыше $1,6 млрд в экономику Таджикистана. https://asia24.media/news/rossiya-vlozhila-svyshe-1-6-mlrd-v-ekonomiku-tadzhikistana/. Дата обращения: 14.04.2026.

334. Россия в мировой угольной промышленности // Горная Промышленность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mining-media.ru/ru/article/ekonomic/942-rossiya-vmirovoj-ugolnoj-promyshlennosti. Дата обращения: 10.03.2026.

335. Российские инвестиции в экономику Таджикистана превысили отметку в 1,6 миллиарда долларов, средства освоены в ключевых секторах

республики, сообщил торговый представитель РФ в Душанбе Александр Рыбас в интервью ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asia24.media/news/rossiya-vlozhila-svyshe-1-6-mlrd-v-ekonomiku-tadzhikistana/#:~:text. Дата обращения: 10.03.2026.

336. Россия входит в число ведущих инвесторов Казахстана, заявил Путин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20251112/rossija-2054538453.html. Дата обращения: 16.08.2025.

337. Рустами С. Центральная Азия – несложившаяся интеграция? (11.06.2020) // ИАЦ МГУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ia-centr.ru/publications/tsentralnaya-aziya-neslozhivshayasya-integratsiya/. Дата обращения: 10.01.2025.

338. Рустамов З.Т. Роль иностранных инвестиций в экономике Узбекистана. International Journal of European research output Vol.4 No.7 July (2025) ISSN: 2053-3578 I.F. 12.34. – СС.125-126. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zenodo.org/records/16344828. Дата обращения: 15.07.2025.

339. С 1 января граждане США смогут въезжать в Узбекистан без визы на 30 дней. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kun.uz/ru/22835733#:~:text=%D0%A3. Дата обращения: 30.08.2025.

340. Сарсембек Г. Современное состояние нефтегазовой промышленности Казахстана. С. 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-neftegazovoy-promyshlennosti-kazahstana/viewer. Дата обращения: 16.08.2025.

341. Сабахаттин Гунай. Формирования культурных отношений Турецкой Республики с Республикой Таджикистан // [Текст]. Вестник Педагогического университета. 2014. № 3-2 (58). – С. 329–332.

342. Садык Сафаев - о том, что пошло не так в Узбекистане после 1996 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/04/turning-point/. Дата обращения: 12.07.2025

343. Саидмуродов Л.Х. Основные направления улучшения инвестиционного климата в Республике Таджикистан/ Л.Х. Саидмуродов // [Текст]. Экономика Таджикистана. 2019. №1. – С. 12. Дата обращения: 14.08.2025.

344. Саидов Х.С., Наимов И.Н. Некоторые вопросы совершенствования концепции внешней политики Республики Таджикистан в контексте современных вызовов и угроз. С. 216. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sovershenstvovaniya-kontseptsii-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan-v-kontekste-sovremennyh-vyzovov-i-ugroz. Дата обращения: 10.08.2025.

345. Сапарова Г., Чарыева К. Независимость Туркменистана, путь к суверенитету и международному признанию. Международный научный журнал «Символ науки» №9-1-1 / 2024. С. 86 [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-turkmenistana-put-k-suverenitetu-i-mezhdunarodnomu-priznaniyu. Дата обращения: 10.08.2025.

346. Сатыбалдиев М.М. Развитие кыргызско-российских отношений: перспективы и возможности стратегического партнерства и сотрудничества. Вестник института мировых цивилизаций. Том 13 № 2(35) 2022. С. 49 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kyrgyzsko-rossiyskih-otnosheniy-perspektivy-i-vozmozhnosti-strategicheskogo-partnerstva-i-sotrudnichestva. Дата обращения: 10.08.2025.

347. Сатывалдиева Б. А., Проблемы регионального развития Кыргызстана в условиях новых вызовов. ВЕСТНИК кемеровского государственного университета. политические, социологические и экономические науки. 2024, 9(1): 142–152. С. 146. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-regionalnogo-razvitiya-kyrgyzstana-v-usloviyah-novyh-vyzovov. Дата обращения: 10.08.2025.

348. Сергиенко Е.Е. Транспортный коридор Китай-Кыргызстан-Узбекистан: перспективы и значение // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Вып. 30. № 30. – С. 389. – С. 383-395. DOI: 10.48647/ICCA.2025.54.42.025. Дата обращения: 21.03.2025.

349. Сереков Б.А. Китайский проект «Один пояс – Один путь»: проблемы и перспективы реализации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-problemy-i-perspektivy-realizatsii. Дата обращения: 21.08.2025.

350. Сеул поможет Душанбе построить железную дорогу в Афганистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2024-08-05/1_9064_railway.html. Дата обращения: 23.08.2025.

351. Сидоренко Н. В. Применение инструментов мягкой силы во внешней политике Японии в государствах Центральной Азии. Московский институт международных отношений. № 11 2025 [СГЗ]. – С. 476. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-instrumentov-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-yaponii-v-gosudarstvah-tsentralnoy-azii. Дата обращения: 23.06.2025.

352. Сидоров А.А. Доступ на внешние рынки в контексте конъюнктурных исследований // [Текст]. Вестник Института экономики Российской академии наук № 1. 2024. – С. 138-153.

353. Симеонидис, Д. (2024), «Время для «зеленой» добычи полезных ископаемых в Центральной Азии? Как Туркменистан может стать следующей державой по производству критически важных сырьевых материалов». Геополитический отчет, Т. 40/8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.specialeurasia.com/2024/03/21/turkmenistan-green-energy /. Дата обращения: 21.08.2025.

354. Синчук Ю.В., Власов Б.Е., Огурцов А. Е. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики. – С. 59. [Электронный ресурс] Режим

доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-kak-instrument-vneshney-politiki. Дата обращения: 18.04.2025

355. Сколько в Казахстане запасов природного газа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ratel.kz/kaz/skolko_v_kazahstane_. Дата обращения: 21.08.2025.

356. Смагулова Д. К. Интеграционные процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция». 2012. № 4 (17), ноябрь. – С. 115. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-protsessy-v-tsentralnoy-azii-problemy-i-perspektivy. Дата обращения: 21.08.2025.

357. Смирнов С. (2019). «Пузырь» газового счастья в Туркменистане. Режим доступа: https://www.ritmeurasia.org/news–2019-03-21–puzyr-gazovogo-schastja-turkmenii-41705. Дата обращения: 03.01.2025.

358. СНГ – Содружество Независимых Государств: как появилось, какие страны входят, как сотрудничают. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bigasia.ru/publication/sng-sodruzhestvo-nezavisimyh-gosudarstv-kak-poyavilos-kakie-strany-vhodyat-kak-sotrudnichayut/. Дата обращения: 21.04.2025.

359. Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/sovmestnoe-zayavlenie-po-itogam-konsultativnoy-vstrechi-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-672511. Дата обращения: 23.04.2026.

360. Солиходжаева С.А. О поездке Таджикистана по низким ценам в Союзе. С. 169. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotrudnichestve-tadzhikistana-s-evropeyskim-soyuzom. Дата обращения: 20.04.2026.

361. Сотрудничество Казахстана и США – пример устойчивого партнерства в эпоху глобальных перемен. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dknews.kz/ru/ekonomika/373591-sotrudnichestvo-kazahstana-i-ssha-primer-ustoychivogo. Дата обращения: 21.04.2025.

362. Сотрудничество Казахстана и Японии вышло на новый уровень – KazAID. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kt.kz/rus/politics/sotrudnichestvo_kazahstana_i_yaponii_vyshlo_na_novyy. Дата обращения: 17.03.2026.

363. Сотрудничество между ЕС и Узбекистаном способствует росту агробизнеса и увеличению торговли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/delegations/uzbekist. Дата обращения: 28.02.2025

364. Сотрудничество Узбекистана и США в сфере туризма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uzconsulate-aktau.kz/2025/%D1 Дата обращения: 28.02.2025

365. Сотрудничество Узбекистана и США гарантирует стабильность в Центральной. (Из интервью Ш.Кудратходжаева с бывшим советником президента США по вопросам национальной безопасности З.Бжезинским). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

file:///D:/%D0%94%D0%B8%D/sotrudnichestvo-uzbekistana-i-ssha-garantiruet-stabilnost-v-tsentralnoy-azii-iz-intervyu-sh-kudrathodzhaeva-.pdf. Дата обращения: 28.02.2025

366. Стала известна сумма проектов, реализованных турецкими подрядчиками в Туркменистане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenportal.com/ru/news/64176-turk-kompaniyalary-turkmenistanda-509-milliard-dollarlyk-gurlushyk-taslamalaryny-amala-ashyrdylar. Дата обращения: 21.04.2026.

367. Стало известно, какие страны больше всего инвестируют в Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://upl.uz/economy/49095-news.html. Дата обращения: 20.05.2025.

368. Статистика иностранных инвестиций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://investcom.tj/ru/invest/investicionnajadejatelnost/print:page,1,1

369. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050. Дата обращения: 10.10.2025

370. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. Новая книга Н. Назарбаева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://centrasia.org/newsA.php?st=1221770700#gsc.tab=0. Дата обращения. 11.10.2025.

371. Стратегия «Узбекистан – 2030. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lex.uz/ru/docs/6600404. Дата обращения: 28.02.2025

372. Стратегические цели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.tj/ru/main/vneshnyaya-politika/strategicheskie-tseli#:~:text. Дата обращения: 21.04.2026.

373. Строительство ж/д «Бахты-Аягоз» обойдется почти в $1,2 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://logistan.info/2970-stroitelstvo-zh-d-bahty-ayagoz-obojdetsya-pochti-v-12-mlrd/. Дата обращения: 21.04.2026.

374. Строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан стартует 27 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2024/12/21/uzb-kg-china/#:~:text . Дата обращения: 21.04.2026.

375. Строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Экономические выгоды для Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelstvo-zheleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan-uzbekistan-ekonomicheskie-vygody-dlya-kyrgyzstana. Дата обращения: 21.04.2026.

376. Строительство Камбар-Атинской ГЭС-1. Что известно о проекте на сегодня (обновлено). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/525076_stroitelstvo_kambar_atinskoy_ges_1._chto_izvestno_o_proekte_na_segodnia_obnovleno.html. Дата обращения: 21.04.2026.

377. Султанбекова А. Казахстан – ключевой инвестиционный хаб региона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kisi.kz/ru/kazahstan-kljuchevoj-investichionnyj-hab-regiona/. Дата обращения: 21.04.2026.

378. Султанов Б. К., 2014. Концепция внешней политики Казахстана и евразийская экономическая интеграция // [Текст]. Евразийский экономический союз: от идеи к реализации (к 20-летию выступления Президента РК Н. А. Назарбаева в МГУ им. М. В. Ломоносова): Материалы междунар. конф. (Алма-Ата, 18 марта 2014 г.). Алма Ата: КИСИ при Президенте РК. – С. 81.

379. США и Узбекистан подтверждают приверженность безопасности в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unipath-magazine.com/ru. Дата обращения: 28.04.2026.

380. Сыргакова З.А. Исторические аспекты развития инвестиций в Кыргызстане. Таврический научный обозреватель. 2016 № 2 (7). – С. 93. Режим доступа: file:///D:/%D0%94%D0 %81%D0%B5%D1%80%D1%82%/istoricheskie-aspekty-i-razvitie-investitsiy-v-kyrgyzstane.pdf. Дата обращения: 12.06.2025

381. Сырье в обмен на технологии. Как не отстать от прогресса. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://check-point.kz/publication?id=6678. Дата обращения: 28.04.2026.

382. Сюй Цзюнь. Формат сотрудничества С5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия. [Текст]. Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. – С 129.

383. Таджикистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eurasinvest.org/tadzhikistan/#:~:text. Дата обращения: 28.04.2026.

384. Таджикистан-Турция: цель в 1 миллиард долларов в год // Agroinform Asia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://agroinform.asia/2017/02/17/tadzhikistan-turtsiya-tsel-v-1-milliarddollarov-v-god/. Дата обращения: 19.07.2025.

385. Таджикистан и Иран подписали пять экономических соглашений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/%D0%. Дата обращения: 28.04.2026.

386. Таджикистан и Турция приняли дорожную карту по увеличению товарооборота до $1 млрд // МК Турция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mk-turkey.ru/economics/2022/11/11/ttadzhikistan-i-turciya-prinyali-dorozhnuyu-kartu-po-uvelicheniyu-tovarooborotado-1-mlrd.html. Дата обращения: 12.07.2025.

387. Таджикистан и Шанхайская организация сотрудничества. https://mfa.tj/ru/main/view/116/tadzhikistan-i-shankhaiskaya-organizatsiya-sotrudnichestva. Дата обращения: 28.04.2026.

388. Таджикистан и Южная Корея начали совместную реализацию транспортных проектов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pressa.tj/tadzhikistan-i-yuzhnaya-koreya-nachali-sovmestnuyu-realizacziyu-transportnyh-proektov/. Дата обращения: 28.04.2026.

389. Таджикистан начинает скрывать данные о переводах мигрантов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vesti.kg/v-mire/item/22061-tadzhikistan-nachinaet-skryivat-dannyie-o-perevodah-migrantov.html. Дата обращения: 28.04.2026.

390. Таджикистан: строительство Рогунской ГЭС не несет угрозы странам–соседям? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ferghana.ru/article.php?id=6062. Дата обращения: 29.10.2025.

391. Талига Х. Инициатива «Один пояс – Один путь» в Центральной Азии. Кабинетное исследование. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ituccsi.org/IMG/pdf/belt_and_road_initiative_in_central_asia_ru. Дата обращения: 28.04.2026.

392. ТАЛКО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://talco.com.tj/ru/about. Дата обращения: 27.04.2025.

393. Таможенные посты на границе Китая с Казахстаном: какой выбрать российскому импортеру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zen.ati.su/article/2024/12/09/tamozhennye-posty-na-granitse-kitaja-s-kazahstanom-kakoj-vybrat-rossijskomu-importeru-426548 Дата обращения: 28.03.2026.

394. Ташыбаева А.К., Кыдырмышева Б.Т. Законодательство и государственные инициативы в сфере противодействия торговле людьми в Кыргызской Республике. Modern Science. 2021. № 4-1. – С. 339-345. [Tashybaeva A. K., Kydyrmysheva B. T. Legislation and state initiatives in the field of combating human trafficking in the Kyrgyz Republic. Modern Science, 2021. (4-1). – СС. 339-345. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/aqpuxt. Дата обращения: 28.03.2026.

395. Тен А. Китайские инвестиции в Узбекистан превысили $10 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uz.kursiv.media/2025-01-20/kitajskie-investiczii-v-uzbekistan-prevysili-10-mlrd/#:~:text. Дата обращения: 28.03.2026.

396. Тен А. С 2016 года инвестиции Китая в Узбекистан выросли в 40 раз. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uz.kursiv.media/2025-12-25/s-2016-goda-investiczii-kitaya-v-uzbekistan-vyrosli-v-40-raz/#:~:text. Дата обращения: 28.03.2026.

397. Тен А. Узбекистан и Южная Корея укрепят взаимодействие в IT-сфере и энергетике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uz.kursiv.media/2024-03-26/uzbekistan-i-yuzhnaya-koreya-ukrepyat-vzaimodejstvie-v-it-sfere-i-energetike/. Дата обращения: 28.03.2026.

398. Тешабаев М. В Узбекистане обнаружили колоссальные запасы газа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://upl.uz/economy/55977-news.html. Дата обращения: 28.03.2026.

399. ТИФ 2024: Нереализованный экспортный потенциал России в Туркменистане составляет 200 млн. долл США – заместитель министра экономического развития РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.newscentralasia.net/2024/09/10/tif-2024-nerealizovannyy-eksportnyy-potentsial-rossii-v-turkmenistan-sostavlyayet-200-mln-doll-ssha-zamestitel-ministra-ekonomicheskogo-razvitiya-rf/. Дата обращения: 28.03.2026.

400. Товарооборот Казахстана с Китаем достиг $34,1 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kapital.kz/economic/146148/tovarooborot-kazahstana-s-kitaem-dostig-dollar341-mlrd.html. Дата обращения: 28.03.2026.

401. Товарооборот Китая с Казахстаном в январе-ноябре 2025 г. вырос на 9,3 проц. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian.news.cn/20251218/9c3ac1da06824fa6825e6e8127dcd766/c.html. Дата обращения: 28.03.2026.

402. Товарооборот Китая с Узбекистаном в январе-октябре 2025 г. вырос на 17,2 проц. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/a/202511/20/WS692556bda310d6866eb2b4c2.html#:~:text=China%. Дата обращения: 28.03.2026.

403. Товарооборот между двумя странами в прошлом году достиг полумиллиона долларов, что почти на 30% больше, чем в 2024-м. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tj.sputniknews.ru/20260222/predpriyatiy-tajikistan-iran-kapital-1075473841.html. Дата обращения: 28.03.2026.

404. Товарооборот между Казахстаном и Турцией достиг $5 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kz/ru/news/economyc/722039-tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-i-turtsiej-dostig-usd5-mlrd. Дата обращения: 28.03.2026.

405. Товарооборот между Туркменией и Ираном увеличился почти в 6 раз, составив в 2002 году 436,5 млн долл. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iran.ru/news/economics/10631/Tovarooborot_mezhdu_Turkmeniey_i_Iranom_uvelichilsya_pochti_v_6_raz_sostaviv_v_2002_godu_436_5_mln_doll. Дата обращения: 28.03.2026.

406. Товарооборот между Туркменистаном и Россией за 2022 год достиг $1,6 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asia24.media/news/tovarooborot-mezhdu-turkmenistanom-i-rossiey-za-2022-god-dostig-1-6-mlrd/#:~:text. Дата обращения: 28.03.2026.

407. Товарооборот между Туркменистаном и Россией превысил $1,6 миллиарда в год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/13768/tovarooborot-mezhdu-turkmenistanom-i-rossiei-prevysil-16-milliarda-v-god. Дата обращения: 28.03.2026.

408. Товарооборот между Туркменистаном и Турцией составил 2,2 миллиарда долларов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asmannews.ru/news/13270/tovarooborot-mezhdu-turkmenistanom-i-turciei-sostavil-22-milliarda-dollarov#:~:text. Дата обращения: 28.03.2026.

409. Товарооборот России и Узбекистана вырос на 12,4% в 2025 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://axillc.ru/news/novinki/tovarooborot-rossii-i-uzbekistana-vyros-na-12-4-v-2025-godu/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. Дата обращения: 28.03.2026.

410. Товарооборот Туркмении и России за семь месяцев вырос на 58%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/22271529.

411. Товарооборот Туркменистана со странами ЕС в 2025 году составил около 2,1 млрд долларов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenportal.com/ru/news/99872-tovarooborot-turkmenistana-so-stranami-es-v-2025-godu-sostavil-okolo-21-mlrd-dollarov-. Дата обращения: 28.03.2026.

412. Токаев Т. Внешнеполитические приоритеты Республики Казахстан. – М.: Восток – Запад, 2011. – 448 с. С. 34

413. Токаев: инвестиции РФ в Казахстан составляют $27 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/25605167. Дата обращения: 28.03.2026.

414. Тонконог О. Внешний долг Казахстана вырос на $7 млрд за девять месяцев 2025 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://forbes.kz/articles/vneshniy-dolg-kazahstana-vyros-na7mlrd-zadevyat-mesyatsev-2025-goda. Дата обращения: 28.03.2026.

415. Топ-10 товаров, которые Кыргызстан экспортирует в Россию, Казахстан, Беларусь и Армению [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/489618_top_10_tovarov_kotorye_kyrgyzstan_eksportiruet_v_rossiu_kazahstan_belarys_i_armeniu.html. Дата обращения: 28.03.2026.

416. Топливная промышленность // Информационный портал OPEN.KG. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/kyrgyzeconomy/industry/1463-toplivnaya-promyshlennost.html. Дата обращения: 28.08.2025.

417. Трамп: Узбекистан инвестирует в экономику США $135 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uz.kursiv.media/2025-11-07/tramp-uzbekistan-investiruet-v-ekonomiku-ssha-135-. Дата обращения: 28.03.2025.

418. Транзитная железная дорога Теджен - Серахс - Мешхед стала важным источником валютных доходов для Туркменистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.iran.ru/news/economics/39888/Tranzitnaya_. Дата обращения: 28.03.2025.

419. Транснациональный газопровод Туркменистан-Китай – успешная реализация международного энергетического партнерства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2010/01/1157081. Дата обращения: 01.10.2025.

420. Транспортная стратегия Узбекистана: текущее развитие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/

421. Транспортно-транзитный потенциал РТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.unescap.org/sites/default/files/Session%204.6%20Country%20Intervention%20-%20Tajikistan_1.pdf#:~:text. Дата обращения: 27.04.2025.

422. Трофимов А.В., Татарников Е.В.Ф, Баранчугова И.Г., Ботенёв А.В. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности. – С. 77. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti/viewer. Дата обращения: 29.03.2026

423. Трудовым мигрантам из Таджикистана изменят правила въезда в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/trudovym-migrantam-iz-tadzhikistana-izmenyat-pravila-vezda-v-rossiyu.html. Дата обращения: 29.03.2025.

424. Туляков Е., Хакимов Ф. Дружественное сотрудничество со странами Центральной Азии – приоритетное направление внешнеполитической деятельности Узбекистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/druzhestvennoe-sotrudnichestvo-so-stranami-tsentralnoy-azii-prioritetnoe-napravlenie-vneshnepoliticheskoy-deyatelnosti-uzbekistana. Дата обращения: 28.02.2025

425. Турецкий бизнес реализовал в Туркменистане 1098 проектов на $56 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/15078/tureckii-biznes-realizoval-v-turkmenistane-1098-proektov-na-56-mlrd#:~:text. Дата обращения: 27.04.2025.

426. Туркменистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ustr.gov/countries-regions/south-central-. Дата обращения: 27.04.2025.

427. Туркменистан будет закупать у Ирана больше электроэнергии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.day.az/iran/529832.html. Дата обращения: 28.03.2025.

428. Туркменистан. Доклад об экономике Туркменистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsemirnyjbank.org/. Дата обращения: 28.03.2025.

429. Туркменистан значительно увеличит экспорт электроэнергии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.e-cis.info/news.php?id=12724. Дата обращения: 28.03.2025.

430. Туркменистан и Европейский Союз вступают в новый этап стратегического партнёрства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/104554/turkmenistan-i-evropejskij-soyuz-vstupayut-v-novyj-etap-strategicheskogo-partnyorstva. Дата обращения: 28.03.2025.

431. Туркменистан и Иран активизируют сотрудничество в газовой сфере. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/85307/turkmenistan-i-iran-razvivayut-vzaimovygodnye-otnosheniya-v-gazovoj-otrasli#:~:text-. Дата обращения: 28.03.2025.

432. Туркменистан и Китай вместе смотрят в будущее и возрождают Великий Шелковый путь [Электронный ресурс] // ИА Белинформ. – 2017. – 3 апреля. – Режим доступа: http://belinform.org/ru/news/pr/09067.html Туркменистан и Китай: Партнерство в Движении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2026/03/23/turkmenistan-i-kitay-partnerstvo-v-dvizhenii/. Дата обращения: 28.03.2025.

433. Туркменистан наметил шаги по развитию внешнеэкономической политики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2025/02/24/turkmenistan-nametil-shagi-po-razvitiyu-vneshneekonomicheskoy-politiki/. Дата обращения: 11.12.2025.

434. Туркменистан наторговал с Турцией на $2,5 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://centralasianlight.org/ru/news/turkmenistan-natorgoval-s-turtciei-na-2-5-mlrd/. Дата обращения: 28.03.2025.

435. Туркменистан - Республика Корея: два десятилетия партнерства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenistan.gov.tm/index.php/ru/post/16433/turkmenistan--respublika-koreya:-dva-desyatiletiya-partnerstva. Дата обращения: 29.08.2025.

436. Туркменистан и Южная Корея намерены развивать сотрудничество в строительстве промобъектов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/13442/turkmenistan-i-yuzhnaya-koreya-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-stroitelstve-promobektov#:~:text. Дата обращения: 29.08.2025.

437. Туркменистан и Южная Корея продолжают углубление экономического партнерства – За десятилетие корейские компании реализовали в Туркменистане проекты почти на 5 миллиардов долларов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2024/06/12/. Дата обращения: 29.08.2025.

438. Туркменистан и Япония скрепили экономическое партнерство 15 документами – объем японских инвестиций в мире Туркменистана составил 11 млрд. долл. США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2025/04/16/turkmenistan-i-yaponiya-skrepili-ehkonomicheskoe-partnerstvo-15-dokumentami-obem-yaponskikh-investicij-v-ehkonomiku-turkmenistana-prevyshaet-11-mlrd-doll-ssha/. Дата обращения: 29.08.2025.

439. Туркменистан планирует привлечь $11 млрд для развития экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vestiabad.ru/news/10473. Дата обращения: 29.08.2025.

440. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Туркмения выделит $45 млн на первый этап строительства газопровода ТАПИ. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/economy/20160604/1442757036.html. Дата обращения: 29.08.2025.

441. Туркмено-японские экономические отношения на современном этапе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/turkmeno-

yaponskie-ekonomicheskie-otnosheniya-na-sovremennom-etape/#:~:text=%D0%9. Дата обращения: 29.08.2025.

442. Турсунов Т. Х., Новиков С.В. Российско-таджикское сотрудничество как фактор стабильности в Центральной Азии (1992-2022 гг.). Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». Т. 7, № 4, 2022. С. 26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rossi. Дата обращения: 10.08.2025.

443. Турция вошла в тройку крупнейших инвесторов Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/ekonomika/359186_turtsiya_voshla_vtroyku_krupneyshih_investorov_kyirgyizstana/. Дата обращения: 25.06.2025.

444. Турция и Узбекистан отмечают 34-ю годовщину установления дипломатических отношений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/% . Дата обращения: 10.08.2025

445. Турция перевооружает Казахстан и готовит почву для продвижения НАТО в Центральную Азию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://region.kg/article/turcziya_perevooruzhaet_kazaxstan_i_gotovit_pochvu. Дата обращения: 10.08.2025

446. У кого брали в долг Сооронбай Жээнбеков и другие президенты Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/423920_y_kogo_brali_v_dolg_sooronbay_jeenbekov_i_drygie_prezidenty_kyrgyzstana.html. Дата обращения: 10.08.2025.

447. Узбекистан богат запасами нефти, но добыча сталкивается с вызовами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wedoany.com/shortnews/20497.html. Дата обращения: 10.09.2025.

448. Узбекистан в 2025 году поставил в Россию 189,1 тыс. телевизоров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://postnews.ru/n/59606. Дата обращения: 10.09.2025.

449. Узбекистан запретил ввозить картофель из Кыргызстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/obschestvo/93729_uzbekistan_/. Дата обращения: 10.09.2025.

450. Узбекистан запускает строительство первой АЭС в партнерстве с Россией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-zapuskaet-stroitelstvo-pervoi-aes-v-partnerstve-s-rossiei/. Дата обращения: 10.07.2025.

451. Узбекистан-Иран: сотрудничество в сырьевой и инвестиционной области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sverenins.uz/news/uzbekistan-iran-sotrudnichestvo-v-syirevoy-i-investitsionnoy-oblasti.html/. Дата обращения: 10.07.2025.

452. Узбекистан и Китай отложили постройку участка газопровода [Электронный ресурс] // Sputnik. – 2017. – 2 марта. – Режим доступа: http://ru.sputniknewsuz.com/economy/20170302/4903616/uzbekistan-i-kitai-otlojili-stroikugazoprovoda.html. Дата обращения: 10.07.2025.

453. Узбекистан и Организация тюркских государств: новая архитектура экономического сотрудничества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2025/10/07/uzbekistan-i-organizatsiya-tyurkskikh-gosudarstv-novaya-arkhitektura-ekonomicheskogo-sotrudnichestva. Дата обращения: 10.07.2025.

454. Узбекистан-Республика Корея: приверженность многовековым связям и укреплению особого стратегического партнерства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uzembassy.uk/news/1176?language=ru. Дата обращения: 10.07.2025.

455. Узбекистан и США намерены сотрудничать в обеспечении региональной безопасности в контексте ситуации в Афганистане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.archive.kabar.kg/news/uzbekistan-i-ssha-namereny-sotrudnichat-v-obespechenii-regional-noi-bezopasnosti-v-kontekste-situatcii-v-afganistane/#:~:text. Дата обращения: 10.07.2025.

456. Узбекистан и США создали инвестиционную платформу и подписали ряд документов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2026/02/19/usa/. Дата обращения: 10.08.2025.

457. Узбекистан и Турция подписали в Анкаре 20 документов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2024/06/06/documents/#:~. Дата обращения: 10.08.2025.

458. Узбекистан открывает конвертацию. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/uzbekistan_otkryvaet_konvertaciyu. Дата обращения: 23.08.2025

459. Указ Президента Кыргызской Республики от 21 января 2013 года № 11. Национальный совет по устойчивому развитию Кыргызской Республики. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/61542/edition/473771/ru. Дата обращения: 20.12.2025.

460. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности» от 5 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mfa.uz/ru/press/library/2018/04/14421. Дата обращения: 28.02.2025

461. Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по либерализации валютной политики». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lex.uz/docs/3326423. Дата обращения: 23.08.2025

462. Уразаева Ф.П. Историко-культурные перспективы развития сотрудничества Узбекистана и Японии. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnye-perspektivy-razvitiya-sotrudnichestva-uzbekistana-i-yaponii. Дата обращения: 28.02.2025

463. Усенов А.М. Интеграция государств Центральной Азии: проблемы и перспективы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. № 11. – С. 182-186.

464. Усилия Казахстана по продвижению «зеленой» трансформации высоко оценили на Берлинском диалоге по энергетическому переходу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/961609?lang=ru#:~:text=%. Дата обращения: 10.08.2025.

465. Утверждена Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014 – 2020 годы от 21 января 2014 года № 741. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eccis.org/news/2696/utverzdena-koncepcia-vnesnej-politiki-respubliki-kazahstan-na-2014---2020-gody. Дата обращения: 10.10.2025

466. Утверждена Программа Возрождение новой эпохи могущественного государства: Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана в 2022 – 2052 годах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/60781/utverzhdena-programma-vozrozhdenie-novoj-epohi-mogushchestvennogo-gosudarstva-nacionalnaya-programma-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-turkmenistana-v-2022-2052-godah. Дата обращения: 01.10.2025.

467. Утверждена Программа развития внешнеэкономической деятельности на 2020-2025 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://turkmenistan.gov.tm/index.php/ru/post/34895/utverzhdena-programma-razvitiya-vneshneekonomicheskoi-deyatelnosti-na-2020-2025-gody. Дата обращения: 01.10.2025.

468. Утверждена Программа развития транспортной дипломатии Президента Туркменистана на 2022-2025 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tdh.gov.tm/ru/post/29929/utverzhdena-programma-razvitiya-transportnoj-diplomatii-prezidenta-turkmenistana-na-2022-2025-gody. Дата обращения: 01.10.2025.

469. Формирование движения по возвращению в Ислам в Кыргызстане // Международное агентство новостей Коран (ИКНА). Режим доступа: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iqnanews.ru. Дата обращения: 11.10.2025.

470. Халмуратов С.Э. Развитие многофункциональных отношений Республики Узбекистан с Европейским Союзом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mnogofunktsionalnyh-otnosheniy-respubliki-uzbekistan-s-evropeyskim-soyuzom. Дата обращения: 28.02.2025

471. Халова Г.О. Экономический, энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии как фактор геополитического противостояния в условиях меняющегося миропорядка. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-energeticheskiy-i-prirodno-resursnyy-potentsial-tsentralnoy-azii-kak-faktor-geopoliticheskogo-protivostoyaniya-v. Дата обращения: 10.08.2025.

472. Харри Талига. Инициатива «Один пояс - один путь» в Центральной Азии Кабинетное исследование. Данное исследование осуществлялось в сотрудничестве между МКП и Фондом им. Ф. Эберта (FES) при финансовой поддержке FES. – С. 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/belt_and_road_init. Дата обращения: 10.08.2025.

473. Хашимова У. Транспортный коридор Китай-Кыргызстан-Узбекистан простирается дальше в Китай. Доступно по адресу: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://thediplomat.com/2020/06/the-china-kygerystan-uzbekistan-transport-corridor-stretches-f Further-into-china/. Дата обращения: 20.07.2025.

474. Хашимова У. Узбекистан добивается строительства Трансафганской железной дороги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://thediplomat.com/2021/04/uzbekistan-pushing-to-realize-the-trans-afghan-railroad/. Дата обращения: 20.07.2025

475. Ходжамаммедова Д.С. Нефтегазовая политика Туркменистана: стратегия развития и международные энергетические форумы. Научный журнал «Наука и мировоззрение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neftegazovaya-politika-turkmenistana-strategiya-razvitiya-i-mezhdunarodnye-energeticheskie-forumy-1. Дата обращения: 15.08.2025.

476. Холдоров О.Н. Место и роль нетрадиционных акторов в мировой политике под авторством. Bulletin of the Volga region Institute of Administration, 2017. Vol. 17. № 1. – С. 39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-netraditsionnyh-aktorov-v-mirovoy-politike/viewer. Дата обращения: 12.02.2026.

477. Хомидов М.М. Отношения Республики Корея и Республики Таджикистан. Кореeведение в России: направление и развитие. 2024. Т. 5, №2. – С. 145. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-respubliki-koreya-i-respubliki-tadzhikistan. Дата обращения: 10.08.2025.

478. Цзюй Ин. Международные транспортные коридоры ЕАЭС – КНР: формирование, развитие и вызовы. НАУКА И ИННОВАЦИИ, №11 (213), Ноябрь 2020. – С. 50. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-eaes-knr-formirovanie-razvitie-i-vyzovy. Дата обращения: 10.08.2025.

479. ЦИК закупила у корейской компании автоматические считывающие урны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vb.kg/doc/345762_cik_zakypila_y_koreyskoy_kompanii_avtomaticheskie_schityvaushie_yrny.html. Дата обращения: 10.08.2025.

480. Цифра дня. $497 миллионов нужно на модернизацию трех ТЭЦ в Бишкеке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kg/ekonomika/291272_tsifra_dnya_497_millionov_nujno_nanbspmodernizatsiyu_treh_tets_vnbspbishkeke/. Дата обращения: 10.08.2025.

481. Чем Иран и Казахстан торгуют друг с другом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://forbes.kz/articles/chem-iran-i-kazahstan-torguyut-drug-s-drugom-f13d2a. Дата обращения: 10.08.2025.

482. Черевык К.А. Стратегическое сотрудничество Республики Казахстана и КНР: торгово-экономический аспект. С. 563. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-sotrudnichestvo-respubliki-kazahstan-i-knr-torgovo-ekonomicheskiy-aspekt. Дата обращения: 10.08.2025.

483. Через переход Достык - Алашанькоу за 35 лет перевезено более 425 млн тонн грузов. Объем двусторонних экспортно-импортных поставок между КНР и Европой составляет 4860 млрд юань в 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shanghaibiz.sh-itc.net/article. Дата обращения: 10.08.2025.

484. Чон Де Ван. Экономическое сотрудничество между Кореей и Узбекистаном: тенденции и перспективы. Иктисод ва молия / Экономика и финансы. № 10, 2011. – С. 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-mezhdu-koreey-i-uzbekistanom-tendentsii-i-perspektivy. Дата обращения: 10.08.2025.

485. Шавкат Мирзиеев рассказал о пользе железной дороги Китай – Кыргызстан-Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://logistan.info/4145-shavkat-mirzieev-rasskazal-o-polze-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan/. Дата обращения: 10.08.2025.

486. Шарапов О.М. Военно-техническое сотрудничество России и Таджикистана по формированию и развитию объединенной системы противовоздушной обороны. Постсоветские исследования. Центральная Азия/CENTRAL ASIA. 2024. Т. 7. №3 229. – С. 232. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-tadzhikistana-po-formirovaniyu-i-razvitiyu-obedinennoy-sistemy-protivovozdushnoy. Дата обращения: 10.08.2025.

487. Шевченко Б.И. Экономическая дипломатия в современной системе международных отношений. – С. 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-diplomatiya-v-sovremennoy-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy#:~:text. Дата обращения: 10.08.2025.

488. «Шёлковый путь» в обход России // Euronews. 2017. 30 октября. URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.euronews.com/2017/10/30/. Дата обращения: 12.10.2025. Дата обращения: 10.08.2025.

489. Шлямин В. А. Приграничные экономические связи (на примере российско-финляндского взаимодействия) // [Текст]. Российский

внешнеэкономический вестник. № 9. 2011. – С. 49-58; Шлямин В. А., Нарышкин А. А. Международное государственно-частное партнерство на примере российско-финляндских отношений // [Текст]. Международная экономика. № 10. 2012. – С. 51-58; Шлямин В. А. Россия и Финляндия: перезагрузка экономических отношений? // [Текст]. Международная торговля и торговая политика. 2017. № 2. – С. 32-42; Шлямин В. А. Записки экономического дипломата. Размышления о пережитом. [Текст]. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. 247 с.

490. Шуйский В. П. Совершенствование системы поддержки экспорта в России // [Текст]. Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 9. – С. 35-47.

491. Щетинин В.Д. Экономическая дипломатия: учеб. пособие для вузов. [Текст]. М.: Международные отношения, 2001. 280 с.

492. Экономическая дипломатия в условиях глобализации / под ред Л.М. Капицы. [Текст]. М.: МГИМО, 2010. - 623 с.

493. Экономика на чемоданах: почему возвращение мигрантов не решает проблем Таджикистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knews.kg/2025/12/17/ekonomika-na-chemodanah-pochemu-vozvrashhenie-migrantov-ne-reshaet-problem-tadzhikistana/. Дата обращения: 12.04.2025.

494. Экономическая дипломатия – направление внешней политики Таджикистана в 2026 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ankasam.org/ekonomik-diplomasi-2026-yilinda-tacikistanin-dis-politikasinin-yonu/?lang=ru#:~:text=%. Дата обращения: 10.08.2025.

495. Экономическая дипломатия Республики Таджикистан: стратегическая роль Лидера нации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://narodnaya.tj/2025/10/16/jekonomicheskaja-diplomatija-respubliki-tadzhikistan-strategicheskaja-rol-lidera-nacii/. Дата обращения: 10.08.2025.

496. Экономическое сотрудничество Таджикистана с Ираном: факты и цифры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pressa.tj/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-tadzhikistana-s-iranom-fakty-i-czifry/. Дата обращения: 10.08.2025.

497. Экономическое сотрудничество между Узбекистаном и Китаем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-uzbekistan-and-china/?lang=ru. Дата обращения: 10.08.2025.

498. Эксклюзив: Проект железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан открывает новые перспективы для развития транспорта и логистики в регионе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian.news.cn/. Дата обращения: 10.08.2025.

499. Эмомали Рахмон запустил работу регионального Центра транспортной дипломатии в Душанбе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20241029/v-dushanbe-otkrit-tsentr-tsifrovizatsii-transporta-i-mezhduna rodnoi-transportnoi-diplomatii. Дата обращения: 20.11.2024.

500. Энергетика, логистика, туризм: Узбекистан и Иран обсуждают новые проекты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uz.sputniknews.ru/20251111/energetika-logistika-turizm-uzbekistan-iran-obsujdayut-novye-proekty-53380834.html. Дата обращения: 10.02.2025.

501. Энергетическое сотрудничество Туркменистана и России в контексте торговли природным газом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/turkmenistan-russia-energy-cooperation-in-the-context-of-natural-gas-trading/?lang=ru#:~:text=%. Дата обращения: 10.02.2026.

502. Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1: Центральная Азия и Кавказ // [Текст]. Общ. ред. Малашенко А. и др. – Москва «Весь мир»,1997. – С. 137.

503. Южная Корея и Таджикистан углубляют экономическое взаимодействие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru. Дата обращения: 10.02.2026.

504. Юсупалиева Д.К. Сотрудничество между Китаем и Узбекистаном. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-mezhdu-kitaem-i-uzbekistanom/viewer. Дата обращения: 10.02.2025.

505. Язханова Д., Мурадова А. Источники инвестиций в Туркменистане. Научный журнал «CETERIS PARIBUS» ISSN (p) 2411-717X / ISSN (e) 2712-9470 №2 / 2025. – СС. 90-91. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-investitsiy-v-turkmenistane. Дата обращения: 10.03.2025.

506. Япония вложила в Казахстан более $8,5 млрд 19.12.2025, 08:44 1074. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://24.kz/ru/news/economyc/745637-yaponiya-vlozhila-v-kazakhstan-bolee-usd8-5-mlrd. Дата обращения: 10.02.2024.

507. Япония вступает в борьбу за влияние в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mn.ru/smart/yaponiya-vstupaet-v-borbu-za-vliyanie-v-czentralnoj-azii. Дата обращения: 10.02.2024.

508. Японский бизнес в Кыргызстане: Владельцы 40 кыргызско-японских компаний. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tazabek.kg/news:1607324#:~:text. Дата обращения: 10.02.2024.

509. 3,9 миллиарда долларов составил с начала года товарооборот Казахстана и Турции // Total.kz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://total.kz/ru/news/biznes/39_milliarda_dollarov_sostavil_s_nachala_goda_tovarooborot_kazahstana. Дата обращения: 10.02.2024.

510. 110 корейских компаний в Кыргызстане (список и контакты). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tazabek.kg/news:2080035. Дата обращения: 10.03.2024.

511. CASA-1000: Расширяя доступность к чистой энергии в Центральной Азии и Южной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.casa-1000.org/ru/home-ru/. Дата обращения: 29.04.2025.

512. 2025: Товарооборот между Туркменистаном и Китаем превысил $10,4 млрд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://business.com.tm/ru/post/14964/2025-tovarooborot-mezhdu-turkmenistanom-i-kitaem-prevysil-104-mlrd. Дата обращения: 10.02.2025.

513. Agnew, J. Geopolitics / J. Agnew. – N.Y., 1998. P. 18

514. Ampleman L. Transport Geopolitics Decoding and Understanding Transport as a Source of Conflicts, ISBN 978-981-16-4966-0 ISBN 978-981-16-4967-7 (eBook), 2021. [Electronic resource]. Access mode: https://content.e-bookshelf.de/media/reading/L-16903716-3a30909573.pdf. Accessed: 01.03.2026.

515. Baier S. L., Bergstrand J. H. Economic Determinants of Free Trade Agreements // Journal of International Economics. – 2004. – Vol. 64. – N 1. – P. 29-63.

516. Bayaliyev A. The Turkish Council: Will the Turks Finally Unite? // Central Asia – Caucasus Analyst. 2014. [Electronic resource]. Access mode: https://www.cacianalyst.org/pub. Accessed: 01.03.2026.

517. Butyrina E. Effective development of the petrochemical industry in Kazakhstan is possible only if the real support of the state // Panorama. 2014. No. 22. P. 12

518. Büthe T., Milner H. The Interaction of International and Domestic Institutions: Preferential Trade Agreements, Democracy, and Foreign Direct Investment. 2012. 50 p. [Electronic resource]. Access mode: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/hvmilner/files/buthemilner_interaction_2012.pdf. Accessed: 01.03.2026.

519. Central Asia and Human Development. UNDP 2005. P. 30.

520. China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway set to enhance regional connectivity. [Electronic resource]. Access mode: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/14/ Accessed: 03.02.2025.

521. Chinese investors growing more interested in companies connected to Central Asian countries. [Electronic resource]. Access mode: https://www.globaltimes.cn/page. Accessed: 15.12.2025.

522. Comprehensive Institution Building in the framework of the Eastern Partnership // European Commission. Development and cooperation. EUROPEAID. [Electronic resource]. Access mode: http://ec.europa. eu/europeaid/where/n. Accessed: 10.11.2025.

523. Desai M. A., Moel A. Czech Mate: Expropriation and Investor Protection in a Converging World // Review of Finance. 2007. № 12(1). P. 221-251.

524. Dirk van der Kley. Chinese Companies' Central Asian Survival Strategy. [Electronic resource]. Access mode: https://thediplomat.com/2018/06/chinese-companies-central-asian-survival-strategy/. Accessed: 23.05.2025.

525. Economist Intelligence Unit (2024), Отчет в один клик: Туркменистан. [Electronic resource]. Access mode: https://viewpoint.eiu.com/analysis/geography/. Accessed: 14.12.2025.

526. EU Sees Turkmenistan as Key Partner in Gas Diversification. Business Turkmenistan. 08.08.2025. [Electronic resource]. Access mode: https://business.com.tm/post/14100/eu-sees-turkmenistan-as-key-partner-in-gas-diversification. Accessed: 04.10.2025.

527. European Council. (2022) Joint press communiqué by Heads of State of Central Asia and the President of the European Council. [Online] Available from: [Electronic resource]. Access mode: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/27/joint-press-communique-heads-of-state-of-central-asia-and-the-presidentof-the-european-council/. Accessed: 06.10.2025.

528. Forging Ahead on the New Journey toward a Community with a Shared Future for Mankind // Ministry of Foreign Affairs of The Peoples Republic of China. 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202303/t20230329_11051025.html Accessed: 23.10.2025).

529. Gazprom.ru (2003). «Газпром» подписал долгосрочный контракт на закупку туркменского газа. [Electronic resource]. Access mode: https://www.gazprom.ru/press/news/2003/april/article54360/. Accessed: 13.10.2025.

530. Gu Wei. Fragmentation and complexity. China Daily. 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/01/WS6477db33a3107584c 3ac33f2.html Accessed: 15.10.2025.

531. Hans J. Morgentau. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. N.Y., 1961 [Electronic resource]. Access mode: https://grachev62.narod.ru/tmo/chapt04.html. Accessed: 03.01.2025

532. History and Future of Turkey-Tajikistan Relations from Independence to This Day // Business Diplomacy. [Electronic resource]. Access mode: https://businessdiplomacy.net/history-and-future-of-turkeytajikistan-relations-from-independence-to-this-day/. Accessed: 16.07.2025.

533. Islamic State claims responsibility for Kabul attack, 80 dead [Electronic resource] // Reuters. 2016. July 24. [Electronic resource]. Access mode: http://www.reuters.com/article/usafghanistan-protests-idUSKCN1030GB. Accessed: 15.03.2026.

534. Sattarov F. The Emerging Potential of the Middle Corridor. Horizons. 2022. Issue No 21. P. 199.

535. Kazakh Invest. Annual report on the investment climate in Kazakhstan. - 2020. [Electronic resource]. Access mode: https://invest.gov.kz. Accessed: 28.08.2025

536. Kazakhstan. [Electronic resource]. Access mode: https://crudeaccountability.org/what-we-do/chinese-investments/kazakhstan/. Accessed: 22.01.2026.

537. Ker M. China's High-Speed Rail Diplomacy. Staff Research Report, US-China Economic and Security Review Commission. February 21, 2017. P. 4.

538. Keohane, O. Power and interdependence / O. Keohane Robert, S. Joseph Nye. - N.Y. – London, 2001. - 334 p. [Electronic resource]. Access mode: http://slantchev.ucsd.edu/courses/ps240/05%20Cooperation%20with%20States%20as%20Unitary%20Actors/Keohane%20&%20Nye%20-%20Power%20and%20interdependence%20%5BCh%201-3%5D.pdf

539. Kerner A. Why Should I Believe You? The Costs and Consequences of Bilateral Investment Treaties // International Studies Quarterly. 2009. № 53(1). P. 73-102.

540. Koshim A., Sakiev K. Oil industry as a technogenic factor in the development of modern geomorphogenesis. 2011. No. 4(67). PP. 22-25

541. Li Xuanmin. China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway to open 'southern Eurasia corridor,' facilitates BRI cooperation with Central Asia: analysts. Highly anticipated project facilitates BRI cooperation with Central Asia, spurs Xinjiang's growth: analysts. [Electronic resource]. Access mode: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275365.shtml. Accessed: 01.11.2025.

542. Made in Turkey: Кофе, сладости, изделия из кожи, ковры или какие турецкие товары завозят в КР? [Electronic resource]. Access mode: https://www.tazabek.kg/news:1592241#:~:text=%D0. Accessed: 29.03.25.

543. Mohammed Alrmizan. Turkish Foreign Policy in Central Asia in the Era of Erdoğan: The Convergence of Pan-Turkism, Pragmatism, and Islamism // HAL Open Science. [Electronic resource]. Access mode: https://hal.science/hal-03696308/document. Accessed:17.07.2025.

544. Nelson, H. (2023) First-Ever C5+1 Presidential Gathering: An "Historic Moment" for the United States and Central Asia. [Electronic resource]. Access mode: https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/first-ever-c51-presidential-gathering-an-historic-moment-for-the-unitedstates-and-central-asia. Accessed: 23.10.2025.

545. OECD. Enhancing the investment climate in Kazakhstan. 2017. [Electronic resource]. Access mode: https://w.oecd.org. Accessed: 28.08.2025.

546. Otorbaev D. Do Russia and China Have Coordinated Strategies Towards Central Asia? // Valdai Discussion Club. 2021. Jan. 12. [Electronic resource]. Access mode: https://valdaiclub.com/a/highlights/do-russia-and-china-have-coordinated-strategies/. Accessed: 23.10.2025.

547. Parkhomchik, L. (2022) New Format of Dialogue between the U.S. and Central Asian States: C5+1 Initiative. [Electronic resource]. Access mode: https://www.eurasian-research.org/publication/new-format-of-dialogue-between-the-u-s-and-central-asian-states-c51-initiative/. Accessed: 15.12.2025.

548. Problemy upravlenija jekologicheskoj situaciej na gornyh territorijah. Problems of management of an ecological situation in mountain territories. [Electronic resource]. Access mode: http://www.ref.by/refs/97/37413/1.html. Accessed 06.11.2025

549. Proposed Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan (TAP) Power Interconnection Project [Electronic resource]. CAREC. 2016. September 20. [Electronic resource]. Access mode:

http://www.carecprogram.org/uploads/events/2016/17-NFP-MeetingSEP/Presentations/2016-nfpmtg-sep-pres3.pdf. Accessed: 11.01.2026.

550. Putz C. US focuses attention on Central Asia with new economic initiative // The Diplomat. [Electronic resource]. 2022. Access mode: https://thediplomat.com/2022/11/us-focusesattention-on-central-asia-with-new-economic-initiative/. Accessed: 15.10.2025.

551. Sharifli Yu. Uzbekistan: An Aspiring Transport Hub for Central Asia. Publication: Eurasia Daily Monitor. [Electronic resource]. Volume 19. Issue 159. Access mode: https://jamestown.org/program/uzbekistan-an-aspiringtransport-hub-for-central-asia/. Accessed: 17.01.2026.

552. Shermatova, S. «Ekonomicheskii poias Novogo shelkovogo puti: vozmozhnosti dlia Tsentral'noi Azii,» Tsentral'no-Aziatskii ekspertnyi klub «Evraziiskoe razvitie». [Electronic resource]. 2015. Access mode: http://eurazvitiye.org/publication/20151219. Accessed: 18.03.2025

553. Shrivastva Ch. Railway Diplomacy: China Versus India. Domestic Politics, South Asian voices. [Electronic resource]. February 9. 2018. Access mode: https://southasianvoices.org/railwaydiplomacy-china-versus-india/. Accessed: 23.05.2025

554. Statement by foreign ministers of the Central Asian states and the Russian Federation on strategic areas of cooperation // The Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. [Electronic resource]. 2020. Access mode: https://archive.mid.ru/en/foreign_polic/. Accessed: 23.10.2025

555. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. JOIN 9 finals. [Electronic resource]. 2019. Access mode: https://clck.ru/3QTTBW. Accessed: 26.09.2025

556. Turkey Exports to Tajikistan // Trading Economics. [Electronic resource]. Access mode: https://tradingeconomics.com/turkey/exports/tajikistan. Accessed: 09.07.2025.

557. Turkey's plastics exports to Tajikistan sees rapid growth // Global Import Export Data Provider. [Electronic resource]. Access mode: https://globalimportexportdataprovider.blogspot.com/ 2023/06/turkeys-plastics-exports-to-tajikistan.html. Accessed: 09.07.2025.

558. Turkic Council and Cooperation in Eurasia in the Light of Developments Across the Region // Center for Eurasian Studies. 2015. No. 14. PP. 27-30.

559. Turkish Airlines готова увеличить количество рейсов в аэропорт «Манас». [Electronic resource]. Access mode: https://24.kg/obschestvo/355095_Turkish_Airlines_gotova_. Accessed: 12.05.2025

560. Turkmenistan. International partnerships EU. 08.03.2022. Access mode: https://internationalpartnerships.ec.europa.eu/countries/turkmenistan_en. [Electronic resource]. Accessed: 04.10.2025.

561. Turkmenistan Signs its First-Ever Energy Deal with the EU. CPC. 24.08.2023. [Electronic resource]. Access mode: https://clck.ru/3QTTBw Accessed: 04.10.2025.

562. Valeeva R.A. Development of cooperation between Kyrgyzstan and the European Union at the present stage. Post-Soviet Issues. 2019. 6(3). PP. 288-296. DOI: P. 292. [Electronic resource]. Access mode: https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/208/200. Accessed: 12.05.2025

563. Vandevelde K. The First Bilateral Investment Treaties: U.S. Postwar Friendship, Commerce, and Navigation Treaties. Oxford: Oxford university press, 2017. 223 p.

564. Wood C. What Happened at the First-Ever Central Asia-US Leaders' Summit? // The Diplomat. 2023. [Electronic resource]. Access mode: Access mode: https://thediplomat.com/2023/09/whathappened-at-the-first-ever-central-asia-us-leaders-summit/. Accessed: 23.10.2025.

565. Yakop M., Bergeijk van P. Economic Diplomacy, trade and developing countries // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2011. Vol. 4. Issue 2. P. 253-267.

566. Yesevi, Çağla Gül, Examining the Organization of Turkic States: A Teacher and Norm-Creator // Perceptions. 2022. Vol. 27, No. 1. P. 2-25.

567. Zakharov A.I. The International North-South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India. MGIMO Review of International Relations. 2023;2(16). PP. 216-234. [Electronic resource]. Access mode: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234. Accessed: 12.05.2025.